Анри Труайя

Пётр Первый

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Мифы о Петре Первом, гениальном реформаторе, спасшем русское государство от неизбежной гибели и в то же время «отступнике, сорвавшем Россию с ее круговой орбиты, чтобы кометой зашвырнуть в пространство», чуть ли не антихристе, низвергнувшем все нравственные устои и вековые традиции, продолжают будоражить умы и вызывать споры и сегодня.

Почему в людской памяти Иван Грозный – «безумный изверг», а Петр Первый, в своей жестокости превзошедший его, остается «беспорочным гением»? Над всем этим размышляет знаменитый французский историк Анри Труайя и предлагает читателям свою версию истории жизни и правления Петра.

- Анри Труайя
  - Глава I
  - Глава II
  - Глава III
  - Глава IV
  - Глава V
  - Глава VI
  - Глава VII
  - Глава VIII
  - Глава IX
  - Глава X
  - Глава XI
  - Глава XII
  - Глава XIII
  - Глава XIV
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13

- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57

- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89

Анри Труайя
Петр Первый

Глава I
Насилие в Кремле

После кончины супруги, Марии Милославской, 14 марта 1669 года, царь Алексей Михайлович впал в такое уныние, от которого, по мнению его близких, ему так и не удалось до конца избавиться. Впрочем, кто смог бы заменить красавицу-царицу, о которой молва говорила, что она умела колдовать, а вместо изящной ножки у нее было раздвоенное копыто? За двадцать один год супружеской жизни она подарила мужу пятерых сыновей и шестеро дочерей. Трое из ее сыновей умерли друг за другом в младенчестве, а двое оставшихся, Федор и Иван, не отличались крепким здоровьем.[1] Федор был вовсе не глуп, но казался таким тщедушным, что царская мантия тяжким непомерным грузом легла бы на его слабые плечи. О том, чтобы оставить российский трон Ивану, дегенеративному юноше, страдающему эпилепсией, с отвисшей нижней губой и гноящимися глазами, отец не мог и помыслить без содрогания. Из всех дочерей лишь одна Софья заслуживала внимания. Она была хитра, энергична и дородна. Но царь не допускал даже мысли о том, что его наследником может стать особа женского пола. Ему нужны были еще сыновья, с широкой костью и ясным умом… Пустая супружеская постель приводила царя в отчаяние. Оплакивая покойную, он не знал, о чем больше скорбел – о желанной супруге или о заботливой матери для своих детей. В конце концов, он пока не так стар – всего сорок! – и еще достаточно сильный мужчина. Будучи очень набожным, нерешительным и сдержанным, он долго не сознавался в своих желаниях, а затем внезапно, после двух лет вдовства и молитв, решил жениться. В интересах процветания России он должен был вступить в брак еще раз. На портрете той эпохи царь изображен нерешительным, робким человеком в парчовом одеянии, усыпанном рубинами, изумрудами и жемчугом, в островерхой шапке, отороченной соболем и увенчанной крестом. В правой руке скипетр, в левой – держава. Коренастый бородач, под свисающими усами которого проглядывают розовые уста, с большим носом и напряженным взглядом.

Как только он объявил о своем намерении, двором овладела суета. По сложившимся вековым традициям царь должен был выбрать себе невесту из самых достойных и красивых девушек, которых приглашали с этой целью в Московский Кремль. Протоколом была зафиксирована дата – 14 сентября 1670 года.

На этот день были назначены «смотрины» – претендентки из средней и высшей знати съезжались в сопровождении родителей в Кремль. Высоких и низеньких, блондинок и брюнеток, очень красивых и просто пригожих, юных и не очень, богато разряженных и скромно одетых объединяли невинность, красивое телосложение, скромность и горячее желание быть избранной. По прибытии во дворец их препровождали в терем – апартаменты, где женщины Древней Руси жили практически взаперти. Там специальные «смотрительницы» подробно расспрашивали, раздевали и ощупывали, чтобы выяснить, достойны ли они царской милости. Не избегали осмотра даже самые интимные места. Девушки, признанные недостойными, немедленно отсылались назад. Остальные щебечущей толпой отправлялись в палаты. Там они в волнении ожидали прихода монарха, который решит их судьбу. Шептались, молились, дрожали, и вот – распахнулась дверь: это он, царь-бородач, всемогущий вдовец Алексей Михайлович. Каждая мечтала его утешить. Он проходит между рядами в сопровождении царского лекаря. Взгляд замирает перед некоей Натальей Нарышкиной, он протягивает ей платок, расшитый золотом и жемчугом. Наталья опускает глаза. Она станет царицей.

На самом деле царь уже давно знал эту девушку. Он встречал ее у своего друга Артамона Матвеева, главы посольского приказа, [2] человека известного своей библиотекой, химическим кабинетом и самой большой диковинкой – супругой-шотландкой. Симпатизировавший Западу, этот новатор не хотел, чтобы его очаровательная воспитанница Наталья Кирилловна Нарышкина, дочь бедного и безвестного провинциального дворянина, жила взаперти за дверями терема. Допущенная своим опекуном к столу даже в присутствии гостей, она с первого взгляда пленила Алексея Михайловича. Высокая, с матовой кожей и черными глазами, опушенными длинными ресницами, обладающая скромными манерами, Наталья была олицетворением набожности и порядочности, мягкости и покорности. Она была на двадцать лет моложе царя, но разница в возрасте не беспокоила высокого гостя. Напротив, он рассчитывал, что ее свежесть сможет воскресить его угасшие чувства. Бремя усталости и болезней давило на него, и царь считал, что присутствие рядом молодой супруги его излечит. Пригласив всех боярских дочерей в Кремль на смотрины, он отдал дань традиции, хотя заранее знал имя той, которая разделит с ним ложе.

Свадьба была сыграна 22 января 1671 года. На следующий же день многочисленный и взыскательный клан Милославских, бывший в фаворе в Кремле во времена покойной царицы Марии,

уступил место не менее многочисленному и не менее требовательному клану Нарышкиных, пришедшему с новой царицей Натальей Кирилловной. Несмотря на надменность вновь прибывших и тихую ненависть сдающих свои позиции, многие отметили очарование царицы. Патриарх Никон, имевший репутацию честолюбивого раскольника, ценителя женской красоты, привязался к ней и ни на шаг не отходил от новой царицы. Другим «воздыхателем» красавицы Натальи Кирилловны стал скромный придворный Тихон Стрешнев. Говорят, что царь закрывал глаза на ухаживания разных «молодцов», вьющихся вокруг его супруги.

30 мая 1672 года, по принятому в то время в России календарю, царица явила миру сына.[3] Ребенок был крещен с именем. Никто и представить пока не мог, что его будут величать Петром Великим, хотя астрологи и предсказали ему великое будущее. День его рождения был отмечен тем, что вблизи планеты Марс внезапно появилась звезда, а также и тем, что армия Людовика XIV под предводительством Конде и Туренна готовилась перейти Рейн. По мнению специалистов, эти военные события предсказывали, что перед новорожденным откроется увенчанная славой военная дорога.

Царь в знак благодарности Всевышнему помиловал нескольких узников, простил долги государственным должникам, а потом выкатил бочки с водкой и устроил пир, накрыв стол на 400 персон. Было подано 120 блюд, а в завершение трапезы вынесли десерты: огромный леденец в форме орла, утку, канарейку и попугая из сахара; сделанный из сладкого теста и раскрашенный в соответствующие цвета Кремль со стенами, башнями, пушками, пешими и конными воинами. Пока объевшиеся гости делали над собой усилия, чтобы проглотить еще какое-нибудь лакомство, акробаты, танцовщики и музыканты изо всех сил старались отвлечь гостей от содержимого тарелок. На следующий день, следуя европейским традициям, боярин Артамон Матвеев, чья воспитанница стала царицей, устроил спектакли в своем доме и во дворце. Большая часть пьес была сыграна на немецком языке, немецкими актерами, набранными в поселениях иностранных ремесленников в столице. А ученый монах Симеон Полоцкий, воспитатель царских детей, написал специально по этому случаю две пьесы по-русски: «Чудесный мальчик» и «Навуходоносор».

Больше всего Алексея Михайловича радовало то, что впервые его наследник родился крепышом. Все его предыдущие дети с колыбели отличались некрасивой внешностью с явными признаками дегенерации. Этот мальчик был сильным, красивым и

резвым. Разница была настолько очевидна, что злые языки оспаривали происхождение Петра. Некоторые намекали, что царь, ослабевший с годами и истощенный болезнью, на склоне лет никак не мог стать отцом такого пышущего здоровьем младенца. Называли даже имена возможных отцов: патриарх Никон, исполин, сильный от природы, человек горячий и гениальный; или субтильный и энергичный Тихон Стрешнев, который был близок государю и Наталье Кирилловне. Даже спустя много лет Петр, терзаемый сомнениями относительно своего происхождения, во время одного из банкетов громко воскликнет, обращаясь к графу Ивану Мусину-Пушкину: «Этот, по крайней мере, знает, что он сын моего отца! А я так и не знаю точно, чей же я сын!»[4] И, подлетев к Тихону Стрешневу, продолжит пьяным голосом: «Скажи правду, ты мой отец? Не смей ослушаться! Говори, ничего не бойся, или я тебя удушу!» – «Государь, – отвечал Стрешнев, – я не знаю, что вам сказать: я был не единственным…» Петр закрыл лицо руками и, пошатываясь, вышел из зала.[5] Вопрос о происхождении Петра так и остался тайной. Однако когда он вырос, то ростом стал выше двух метров, как и патриарх Никон, умом и волей походил на Стрешнева и ни физически, ни моральным обликом не напоминал царя Алексея Михайловича. По свидетельствам современников, у царицы было много любовников. Но этот факт не проливал света на вопрос отцовства. И, кроме того, Петр был не первым и не единственным гениальным человеком, произошедшим от самого обыкновенного родителя. Подозрения, которые терзали его на протяжении всей жизни, вовсе не трогали лишь того, кто считался его отцом.

Вскоре Наталья Кирилловна родила царю с разницей в один год еще двоих детей: крепких и красивых дочерей.[6] Она создавала вокруг Алексея Михайловича атмосферу веселья и легкости, которая помогала ему, несмотря на усталость и отвращение, исполнять обязанности государя. Впечатлительный, нерешительный и слабовольный, он страдал каждый раз, когда надо было кому-то навязать свою волю. Во время царствования он часто вынужден был бороться: с расколом Церкви, с казаками, восставшими под предводительством Стеньки Разина, с турками, поляками и шведами, с боярами, которые не всегда разделяли его желание следовать западным образцам. В мечтах царь был реформатором и поддавался традиционалистам до тех пор, пока они не стали обвинять его в желании разрушить священные традиции русских обычаев. В сорок семь лет у него уже не было сил управлять этой страной, которую он терпеливо собирал по кусочкам. Сраженный цингой и водянкой, Алексей Михайлович умер в ночь с 29 на 30 января 1676 года, успев изможденным

голосом дать последнее указание, чтобы после смерти царский венец перешел к его сыну Федору, которому едва исполнилось пятнадцать лет.

Вскоре был созван Земский собор – ассамблея, состоящая из Боярской думы, Освященного собора высшего духовенства и нескольких функционеров из основных приказов – который, подчинившись воле покойного, избрал своим царем Федора, брата Софьи и Ивана и сводного брата Петра. 21 июня 1676 года голландский посол Ван Келлер, бывший свидетелем церемонии восшествия на престол, так описывает это событие:

«Все вельможи и придворные были одеты в роскошные наряды из тканей, расшитых золотом и серебром, и в высокие шапки, украшенные богатой вышивкой и несметным количеством жемчуга. Князь Михаил Долгорукий бросал в народ горстями золотые и серебряные монеты. Собралась толпа людей всякого рода. Одни кричали, желали царевичу всяческого процветания и богатства, в то время как другие, ринувшись подбирать деньги, толкались и топтали им ноги».

Как только колокола возвестили о восшествии на престол Федора III, все замолкли. Едва медовуха высохла на усах бояр, приглашенных на пир по случаю коронования, началось большое обсуждение. Матерью нового царя была Мария Милославская, первая жена Алексея Михайловича, и вместе с ним весь род Милославских снова начал обретать силу во дворце. Они вытесняли клан Нарышкиных, к которому принадлежала вдова почившего царя и его младший сын Петр. Сначала победители обвинили Артамона Матвеева, неподкупного министра и опекуна царицы Натальи Кирилловны, в том, что он с помощью черной магии погубил царя Алексея Первого. Вспомнили, что у обвиняемого была химическая лаборатория и алгебраические книги. Разве этого не достаточно, чтобы его схватить, пытать и сослать в Сибирь? Что до Натальи Кирилловны, то она, едва избежав ссылки в монастырь, была отправлена вместе с сыном Петром в Преображенское, небольшую деревушку в окрестностях Москвы.

Царевич, тщательно оберегаемый матерью, был еще мальчишкой, с кудрявыми темно-русыми волосами, большими черными глазами и пухлыми розовыми щечками. Хорошо сложенный, быстрый в движениях и мыслях, он был открыт всему, его все интересовало. Отменное здоровье и задор мальчика вызывали восхищение у всех окружающих. Какой контраст с его сводным братом, царем Федором III! Этот совсем юный государь был очень мягким, задумчивым и образованным; он знал польский и латынь, пописывал стишки. Но казалось, бремя забот,

присущих государю, превышает физические силы организма этого золотушного и тщедушного юноши. Он доверил управление государственными делами любовнику своей сестры Софьи, любящему роскошь князю Василию Голицыну. Последний, очень ценимый царевной Софьей за свою соблазнительность, обладал также качествами государственного мужа, чем очень нравился царю. Однако Федор после двух женитьб, следовавших одна за другой,[7] все чаще испытывал чувство тревоги и отчаивался, что не имел наследника мужского пола. Его единственный сын, которого ему подарила первая жена, умер во младенчестве, за несколько дней до нее. Дочь, которая родилась у второй жены, тоже умерла. Его кровь заражена. Кто останется после него? Брат Иван, которому уже исполнилось шестнадцать, но у него помутненный рассудок, а чтобы разглядеть окружающие его вещи, он оттягивает веки пальцем? Или его сводный брат Петр, живой, пылкий, умный, но ему ведь нет еще и десяти лет? Нужно ли руководствоваться правом первородства или отдать предпочтение здоровью и уму? Федор сомневался, однако все больше склонялся в сторону Петра. Взоры обитателей всей Москвы были устремлены на Кремль, где, окутанное большой тайной, воображалось будущее страны.

Кремль – крепость с зубчатыми стенами, построенная московскими князьями в центре столицы, чтобы защититься от вражеских армий и народных восстаний. Здесь обитали царь и патриарх; здесь билось сердце нации. В великие исторические моменты в этом священном месте собирались толпы людей, чтобы кричать от радости или голосить о печалях, выражать свой гнев. В мирное время Кремль был открыт для всех, а во время войны он превращался в крепость. С первыми лучами солнца тьма разношерстных посетителей входила в ворота, снимая шапки перед ликами святых, которые были изображены над входом. Боярские кареты с трудом прокладывали себе путь через шумные толпы простого люда. Там были и крестьяне, пришедшие с жалобами, и искалеченные нищие, и монахи, стремящиеся увидеть патриарха, подьячие, бегущие из одного приказа в другой, самодовольные стрелки, продавцы пирожков, карманные воришки, любопытные, государственные писаки, готовые тут же сформулировать любое прошение или любовное письмо. Эта пестрая и бурлящая толпа будто омывала, как острова, каменные и деревянные постройки, в ней невероятным образом смешивались святость и невежественность. Все стили собрались внутри этих стен: готический, византийский и итальянский ренессанс. Конструкции были как будто вставлены одна в другую, как в детской игрушке. На Соборной площади, среди десятка

часовен и маленьких церквушек, возвышались Успенский, Архангельский и Благовещенский соборы. Даже дворцы были похожи на церкви, с крышами в форме куполов, с цветной черепицей и богатыми орнаментами на фасадах. Рядом находились дома, предназначенные для Государственной казны, Оружейной палаты и для бесконечного множества царских служб: кухни, каретные мастерские, прачечные, булочные, конюшни, рассчитанные более чем на сорок тысяч лошадей, среди которых были и представители самой дорогой чистокровной арабской породы.

Внутри дворцов царили сумерки и тишина. Низкие сводчатые потолки комнат закопчены, стены расписаны фресками или обтянуты кожей и шелком. Опоры украшены причудливыми переплетениями золотой и ярко-красной краски. И в этой душной атмосфере близкие Федора III с тревогой ждали звуков из комнаты больного. Собирались группами, которые формировались соответственно честолюбивым замыслам. Заговорщики перешептывались за загородкой, ставили то на Ивана, то на Петра, трепетали, надеялись, так как восшествие на трон одного или другого означало взлет или падение его сторонников. Иван, сын Марии Милославской, за которым стоял весь клан Милославских, и Петр, сын Натальи Нарышкиной, а за ним – весь род Нарышкиных. Во главе клана Милославских действовала царевна Софья. После того как Федор слег, она не покидала места у его изголовья. Софья удалила от него молодую жену и под предлогом ухода за ним нашептывала ему на ухо выгодные для себя решения. Она внушала Федору, что так как он Милославский, то назначить преемником должен другого Милославского, то есть их брата Ивана. Если же, заблуждаясь, он укажет на сводного брата, Петра, то в этом случае мать царевича, Наталья Кирилловна, из ненавистных Нарышкиных, получит регентство до совершеннолетия сына. Нельзя таким образом предавать потомство. В случае надобности Софья сможет помочь советами Ивану, так некстати страдающему слабоумием, или защитить его своей властью. Неужели она будет худшей регентшей, чем Наталья Кирилловна?

Вне всякого сомнения, Софья имела дар внушения. Очень образованная, проворная, хитрая и острая на язык, она вовсе не хотела довольствоваться незаметной ролью, которая обычно отводилась русским женщинам в теремах. Областью ее интересов было все царство, а в перспективе – весь мир. Говорили, что, несмотря на некрасивую внешность, она вовсе не была скромницей, ее вдохновляла власть. Она была настоящая живая гора, платья ее трещали по швам. Франко-польский дипломат Ла

Невиль писал, что у нее было «безобразное тело чудовищного размера, большая, как котел, голова, волосы на лице и язвы на ногах». И добавляет: «Насколько ее фигура была широкой и толстой, настолько тонким и проницательным был ее политичный ум, и, никогда не читая Макиавелли и не учась, она обладала всей мудростью этого философа и политика». В двадцать шесть лет ей можно было дать сорок. В этой мужеподобной женщине жила поистине необузданная чувственность. Безумно влюбленная в Василия Голицына, который был ее постоянным любовником, она позволяла себе случайные связи даже со стрельцами. В первые весенние дни 1682 года силы Федора III стремительно слабели. И 27 апреля того же года в четыре часа утра он скончался. Говорили, что незадолго до этого он захотел съесть пирог с тутовыми ягодами. Не мог ли он быть отравлен? Некоторые обвиняли Софью в том, что она ускорила конец своего горячо любимого брата, потакая его чревоугодию. Во всяком случае, царь почил после шести лет царствования, так и не оставив преемника.

Под похоронный звон колоколов патриарх Иоахим в замешательстве вышел из зала, где служили отходную, и собрал импровизированный Земский собор в одном из залов дворца. Наспех позванные бояре, высшие должностные и духовные лица, военные чины – все требовали немедленного ответа на вопрос прелата: так как царь умер, не оставив наследника, кто же из двоих – Иван или Петр – должен вступить на российский престол? Патриарх добавил: «Пусть тех из вас, кто будет руководствоваться своими страстями, постигнет участь Иуды!» Большинством голосов Ассамблея единодушно избрала Петра. В это время народ, прибежавший на удары погребальных колоколов, столпился снаружи перед «красным крыльцом», монументальной лестницей, заканчивавшейся широкими дверями. Призывая бояр из Земского собора следовать за собой, Иоахим показался на вершине лестницы, огласил результат совета и спросил толпу, согласна ли она с этим выбором. Радостные возгласы ему отвечали: «Пусть Петр Алексеевич будет нашим царем!» После чего толпа растворилась, чтобы разнести хорошую новость и напиться водки.

Иоахим вернулся во дворец благословить маленького Петра Первого, которому было всего десять лет, и наблюдать за водворением удивленного мальчика на еще слишком большой для него трон. Все присутствующие люди предстали перед юным монархом, чтобы присягнуть ему и поцеловать его руку. Софья, укротив свое бешенство, должна была, как и другие, склониться перед мальчишкой, который изо всех сил старался держать голову

прямо. Он не смущаясь смотрел на эту медленную процессию из почтенных лиц. У всех них сегодня был необыкновенно торжественный вид. Они надели свои самые лучшие одежды. Узкие кафтаны из золотой и серебряной парчи, по которым были широко разложены бороды, подпоясанные персидскими кушаками, подчеркивающими их большие животы, настоящий предмет мужской гордости, и красные кожаные сапоги с вздернутыми мысками. И ни одной женщины, не считая цариц и царевен в парадных платьях. Они склонили головы, и, как и полагалось, слезы застыли у них в глазах. Наталья Кирилловна не смела поверить в свое счастье. Она регентша! В этом смешении славы и ненависти, страха и надежды она выглядела очень скромной и невинной. Сама она ничего не предпринимала, а терпела и молилась, чтобы все распри вокруг ее сына Петра наконец улеглись. Позади нее весь род Нарышкиных, состоящий из людей алчных и легкомысленных, торжествовал победу. Им теперь достанутся и должности, и теплые местечки!

Но жестокая Софья еще не сказала своего последнего слова. Вкусив рядом с братом Федором, за которым она ухаживала, прелести жизни свободной женщины, она даже думать отказывалась о возвращении в терем, этот гинекей новой эпохи, где царские сестры и дочери влачили жалкое существование, обреченные на вечное целомудрие, праздность, пересуды, молитвы, посты и толкования снов, не видя других мужчин, кроме патриарха и ближайших родственников. Лекарь мог быть допущен к их изголовью только в самых крайних случаях. Он заходил в темную комнату и даже пульс больной мерил через ширму. В церкви, куда они ходили по потайным коридорам, царевны, как и царицы, были спрятаны от глаз посторонних за занавес из красной тафты. Так как по статусу им запрещено было выходить замуж за царских подданных, а можно было только за равных себе по положению, и запрещалось обращаться в другую религию, выходя замуж за иноверцев царской крови, царевны должны были большую часть времени довольствоваться одиночеством и молитвами. Но Софья хотела жить, любить и царствовать. И к тому же рядом с ней сейчас был человек, который ее удовлетворял и физически, и по своим интеллектуальным качествам, – Василий Голицын. С ним вместе она вынашивала планы мести. Любовники втянули в свою затею дядю царевны, Ивана Милославского по прозвищу Жестокий, братьев Ивана и Петра Толстых, ученого монаха Сильвестра Медведева, тщеславного и дерзкого князя Хованского. Именно на него и рассчитывала Софья, надеясь перетянуть на свою сторону грозное и опасное войско стрельцов.

Созданное Иваном Грозным стрелецкое войско состояло из двадцати полков по тысяче человек в каждом, большая часть которых была расквартирована в Москве. Когда-то они были участниками удачных военных кампаний, но уже в течение длительного времени пользовались своим привилегированным положением без какого-то ни было риска для жизни на пользу Отечества. Свободные от своих прямых обязанностей солдаты, расквартированные и получающие жалованье из государственной казны, из поколения в поколение были стрельцами и ревниво защищали свои привилегии, находясь в оппозиции к регулярным войскам и казакам, чье жалованье было гораздо меньше. У стрельцов была своя администрация и предводитель из знатных бояр. Размещенные с семьями в специально предназначенных для них кварталах, они также получали право вести торговлю и заниматься ремеслами, не платя ни пошлин, ни налогов. За эти привилегии они проводили патрулирование улиц, обеспечивали почетное сопровождение государю и занимались еще и тушением пожаров. Это была армия бесцеремонных и алчных вояк, особенно гордившихся своей униформой: кафтаны ярких расцветок (красные, голубые, фиолетовые или зеленые, в зависимости от полка), красные пояса, высокие бархатные шапки, опушенные соболями, желтые сапожки из мягкой кожи. Из оружия у них были пищали, сабли и алебарды. От отсутствия реального дела дисциплина в рядах стрельцов начала разлагаться. Они стали превращаться в банды солдафонов, которые считали, что им все дозволено перед лицом слабеющего государства. Так называемые защитники порядка, они охотно действовали заодно с подстрекателями беспорядков. И сильнее других, имеющих на то основание, кричали и протестовали против бремени налогов и сговора бояр. При правлении апатичного Федора III у них уже были ассамблеи, где публично обсуждали политические и религиозные вопросы, критиковали трон и церковь, обвиняли своих непосредственных начальников во взяточничестве.

Как только Петр I взошел на престол, эти бунтари в униформе стали угрожать восстанием, если не будут наказаны их полковники, которые, как они заявляли, их обкрадывают и заставляют работать по воскресным дням. В полной растерянности Наталья Кирилловна вызвала из изгнания Артамона Матвеева, который проявил себя мудрым министром во время правления ее мужа. Но Артамон Матвеев не спешил возвращаться, а время шло. Чтобы усмирить стрельцов, регентша, воспользовавшись неудачным советом боярской Думы, решилась выдать начальников без малейшего расследования. Перед собравшимся войском обвиняемых полковников секли розгами по

икрам до тех пор, пока они не возвращали деньги, которые жалующиеся настойчиво просили. Наказание продолжалось в течение нескольких дней и длилось каждый раз по два часа. «Было поломано большое количество розог при избиении несчастных, – писал свидетель того времени. – Стрельцы собрались на площади и вели себя как настоящие судьи. Наказание не прекращалось до тех пор, пока они не кричали: „Довольно!“ Некоторых начальников, которых они особенно ненавидели, наказывали по два раза в день».[8] Наконец избитые начальники подчинялись и отдавали свои сбережения под злорадные выкрики стрельцов. Нарышкины и Наталья Кирилловна посчитали, что они устранили опасность. В действительности же, воодушевленные своей дерзостью, стрельцы готовились к восстанию.

Софья и ее сообщники следили за развивающимися событиями с особым вниманием. По ночам они собирались у Ивана Милославского и после долгих споров наметили тех из Нарышкиных и их друзей, кого необходимо будет устранить, чтобы добраться до трона. С этой целью они нашли наемных шпионов, которым объяснили их миссию. Эти шпионы, в числе которых была наперсница Софьи – Феодора Родимица, – проникали в стрелецкие кварталы, подговаривая недовольных, убеждая их, что Нарышкины отравили Федора III, что они истязают царевича Ивана и угрожают убить его, что один из них даже хочет завладеть короной и что Петр I вовсе не сын Алексея Михайловича, а рожден от Стрешнева или от патриарха Никона. Кто-то из заговорщиков, переодевшись подобно тому, как одевались Нарышкины, преследовал жену одного из стрельцов, напугал ее, а потом скрылся, что обострило гнев ополченцев. Другие агенты Софьи раздавали деньги, покупая совесть тех, кто не спрашивал, за что получает жалованье. Вот-вот должно было случиться кровопролитие, все было почти готово, но Иван Милославский ждал приезда в Москву своего злейшего врага Артамона Матвеева, которого он поклялся погубить и имя которого было во главе списка будущих жертв.

Наконец Артамон Матвеев, вернувшись из ссылки, добрался до Москвы. Едва ступив в Кремль, он почувствовал назревшую драму. Но выправлять ситуацию было уже слишком поздно. 15 мая 1682 года Иван Милославский начал наступление. Его шпионы проникли в стрелецкие кварталы и распустили слухи о том, что Нарышкины после убийства царя Федора III собираются расправиться с царевичем Иваном. Вскоре девятнадцать стрелецких полков с оружием в руках кричали: «Смерть изменникам!» Они ударили в набат и, напившись для храбрости

водки, сняли свои разноцветные кафтаны, оставшись в красных рубахах с засученными по локоть рукавами. Размахивая пиками, алебардами и саблями и толкая пушки, беснующаяся толпа обрушилась на Кремль. Поступил приказ закрыть крепостные ворота, но караульные посты были уже сметены. Первый натиск стрельцов пришелся на стены Грановитой палаты. Внутри началась паника. Чтобы образумить и убедить бунтовщиков, что их обманули, еле живая от страха Наталья Кирилловна появилась на красном крыльце с маленьким царем Петром I и царевичем Иваном. За ней возвышались патриарх Иоахим, Артамон Матвеев, Михаил Долгорукий и другие бояре, члены Думы.

«Вот царь Петр Алексеевич и царевич Иван Алексеевич, – сказала она, напрягая голос. – Слава богу, они здоровы и в их доме нет изменников». Пока мать обращалась к толпе, маленький Петр очень испугался. Почему у всех этих людей, столпившихся внизу, лица перекошены от ненависти? Как сделать, чтобы они ушли? Увидев царских детей, сбитые с толку стрельцы умолкли, засомневались и стали опускать оружие. Некоторые, дерзнув подняться на первые ступеньки лестницы, спросили Ивана:

– Ты и вправду царевич?

– Да, – прошептал Иван.

– Тебя кто-нибудь обижает?

– Никто.

Догадавшись, что ветер переменился, Артамон Матвеев спустился с крыльца и обратился со словами примирения к стрельцам. Он им напомнил их прошлые победы и призвал хранить верность царю Петру I, которого честно избрали. В свою очередь, патриарх Иоахим взял слово, чтобы умолить солдат, во имя Всевышнего, разойтись по домам, удостоверившись, что царевич Иван цел и невредим. Отрезвленная толпа колебалась и шепталась, пристыженная своим бунтовщическим порывом. Казалось, что эта партия выиграна, старый князь Михаил Долгорукий, предводитель стрельцов, решил использовать преимущество и сильной рукой усмирить бунтовщиков, которые осмелились бросить вызов власти. Повысив голос, он их оскорблял и приказывал разойтись по домам под угрозой страшного наказания за неповиновение. Это неумелое вмешательство послужило искрой, из которой разгорелось пламя. После недолгого оцепенения разъяренные стрельцы бросились на Михаила Долгорукого и сбросили его вниз по ступеням. Грузное тело тяжело скатилось на пики, которые его пронзили. Его добивали ударами алебард на земле, разрывая тело на части. Вид крови, брызнувшей из открывшихся ран, вызвал приступ ярости у нападавших. И теперь они принялись за Артамона Матвеева,

которого Наталья Кирилловна тщетно пыталась защитить, вцепившись в него обеими руками. Вырванный из объятий регентши, он, в свою очередь, был сброшен на пики, пронзен и порублен на части под пронзительные ликующие крики. «Любо! Любо! Это по нам! Так его!» – повторяли мучители. Они бросились во дворец на поиски Ивана Нарышкина и всех остальных «изменников» из числа сорока шести, которые были внесены в список, составленный Софьей и Иваном Милославским. Гнев бунтовщиков не пощадил ни царские апартаменты, ни алтари домашних церквей. Они выбивали двери, рылись в сундуках, вспарывали матрасы, разрывали и пачкали обивки своими обагренными кровью руками. Снаружи бил набат, двести барабанщиков без устали стучали в барабаны, а пьяные голоса вопили о новых расправах.

В ужасе Наталья Кирилловна прижимала к себе маленького Петра. Что почувствует он, увидев это побоище? По мнению некоторых свидетелей, он был сильно напуган, по мнению других, проявил железную выдержку, не свойственную своему возрасту. На самом деле среди этой резни он испытывал смешанное чувство отвращения и нездорового влечения. Вид человеческих страданий и человеческого безумства развил в нем непреодолимое влечение, которое он до конца своих дней так и не смог побороть. Ужас насилия постепенно развил в нем склонность к насилию. Покоренный и окаменевший от ужаса, он тем не менее увел за собой мать, которая в надежде укрыться от бойни спряталась в одной из зал Грановитой палаты.

Между тем стрельцы узнали в Атанасе Нарышкином, который прятался в церкви Воскресения Христова, одного из братьев царицы. Его вытянули за воротник из-за алтаря и перерезали горло на ступенях храма. Затем наступила очередь невиновного молодого человека Федора Салтыкова, которого разбушевавшиеся громилы, приняв за Нарышкина, порубили на куски. Однако их главный враг, Иван Нарышкин, остался невредимым. Он вместе с несколькими боярами спрятался в углу в комнате младшей сестры Петра Натальи, которой было всего восемь лет. Не зная, за кого бы еще взяться, ожесточенные стрельцы принесли изуродованный труп Михаила Долгорукого его восьмидесятилетнему отцу, чтобы насладиться тем, что они натворили. Старик встретил их лежа в постели – он был наполовину парализован, – распорядился поднести им пива и отправил обратно. После их ухода он сказал жене, захлебывающейся в рыданиях: «Не плачь. Они проглотили щуку, но щучьи зубы остались целы», что означало: «Мы найдем силы отомстить за себя». Кто-то из прислуги побежал и донес эти слова

до бунтовщиков, которые тут же вернулись, выволокли несчастного из-под одеяла, отрубили ему руки и ноги, прикончили ударом алебарды и бросили его тело на кучу навоза во дворе.

Наступил вечер. Стрельцы, уставшие от убийств, рассеялись, оставив часовых на всех стратегически важных точках. Но в городе продолжался погром. Отдельные группы еще нападали на самые богатые дома, грабили, пытали и истязали людей. Однако простолюдины не участвовали в этом мятеже. Для них эти страшные события были дворцовой интригой, которая их не касалась. Почему обитатели низов не вмешивались в то, что происходило в высших кругах? Стрельцы напрасно распахнули тюрьмы, узники остались в камерах, потому что считали, что наказаны по царскому указу и освободить их может только царский указ. Что касается крепостных, то, вместо того чтобы восстать против своих господ, они увещевали бунтовщиков: «Ваши головы будут сложены здесь. Чего вы добиваетесь своим мятежом? Земля русская огромна, вы не подчините ее себе».[9]

На следующий день, 16 мая, с рассвета по зову набата стрельцы снова собрались в Кремле по приказу Ивана Милославского. Как и накануне, они требовали выдачи Ивана Нарышкина, старшего брата Натальи Кирилловны, который, по их мнению, стоял во главе клана. Говорили, что он, бравируя, примерял священный царский венец. Но Иван Нарышкин, спрятанный в стенном шкафу под грудой матрасов, на этот раз ускользнул от бунтовщиков. Стрельцы несколько раз проносились с криками мимо того места, где в глухом углу, съежившись и затаив дыхание, слушая удары своего сердца, сидел Нарышкин. Чтобы отомстить за постигшие их неудачи, разъяренные стрельцы пронзали насквозь, били, резали и бросали в огонь всех подозрительных, которых приводили их товарищи. Врач-немец Стефан Гаден был также подвергнут пыткам, потому что у него нашли сушеных змей. Но это не могло успокоить разбушевавшихся стрельцов. Им нужен был Иван Нарышкин собственной персоной. Если его не выдадут, они грозились убить всех бояр. Их грозные крики доносились до слуха Натальи Кирилловны: «Пусть нам отдадут Ивана Нарышкина. Без него мы не уйдем!» Спокойная и вероломная Софья сказала своей молодой мачехе: «Твоему брату не уйти от стрельцов. Мы все должны погибнуть, чтобы его спасти?» Наталья поняла, что, сохраняя жизнь брату, она рискует принести в жертву жизни многих невинных, и, может быть, даже своего сына, которого она обожала. Действительно, если бунтовщики не получат свое, они могут попытаться взяться за Петра и остальных. Бояре, которые

окружали молодую женщину, умоляли ее на коленях. Она должна выбрать, кто ей дороже. Наконец, уступив мольбам приближенных, она предупредила Ивана, чтобы он отправлялся в Свято-Спасский собор, где они вместе с Софьей будут его ждать. Может быть, в этом святом месте она сможет растрогать стрельцов своими просьбами и мольбами?

Иван Нарышкин, жизнерадостный юноша, который всегда жил беззаботно, понял, какой жертвы от него ждут, и пошел на нее с мужеством и спокойствием. Добравшись незамеченным до собора, он исповедался, причастился и объявил своей безутешной сестре: «Мое единственное желание – пусть моя кровь будет последней, пролитой здесь». Бояре, которые все больше опасались за свою жизнь, поспешили показать его на ступенях. Его подталкивали за плечи наружу из храма. Нарышкин вышел твердо шагая, с иконой Царицы Небесной у груди. Наталья Кирилловна еще надеялась, что этот святой лик остановит руку палачей. Но едва Иван появился перед толпой, как на него накинулись. Схватив за волосы, его бросили на землю, оплевали и начали пытать. Затем, когда он отказался признать себя виновным в преступлениях, в которых его обвиняли, тело юноши искололи пиками. Он был еще жив, когда обезумевшие от крови мучители рубили его тело на куски. Голову, руки и ноги насадили на колы. Однако никто не посмел грубо обращаться с Натальей Кирилловной. Напротив, в ее адрес слышались выкрики: «В монастырь! В монастырь!» Казалось, последняя казнь удовлетворила аппетит толпы. С гулом и ухмылками она начала рассеиваться, оставив оцепеневших от страха бояр, отчаявшуюся царицу и глубоко удовлетворенную Софью.

За следующие дни было совершено еще несколько казней, продолжились грабежи, но это были последние отголоски бури. Уже позволили семьям погибших разобрать сваленные в кучу трупы. Большинство тел было настолько изуродовано, что их с трудом можно было опознать. Первым отважился воспользоваться этим разрешением слуга Артамона Матвеева. Он завернул бесформенные останки своего господина в сукно и отнес их домой.

Чтобы отблагодарить убийц, Софья раздала им ценные вещи жертв, заплатила каждому по 10 рублей, повысила жалованье, отослала бояр, которые не нравились стрельцам. Привлекая их таким образом, она вызвала бунтовщиков через своих эмиссаров вновь, чтобы закончить операцию. 23 мая стрельцы опять появились перед Кремлем. Делегация стрельцов во главе с князем Хованским потребовала, чтобы впредь власть была поделена между двумя царями: Иваном и Петром. «Если кто-то не согласен

с этим решением, – сказали стрельцы, – мы вновь возьмем в руки оружие, и новый бунт будет еще страшней!» Наталья Кирилловна и Софья созвали Думу, и напуганные бояре быстро согласились с неслыханным по дерзости требованием.

Чтобы оправдать свое трусливое решение, они вспомнили исторические примеры Иосифа и фараона, Аркадия и Гонория, Василия и Константина. А если вдруг начнется война, то один из царей возглавит армию, а другой сможет остаться в Москве. Однако Софья не могла остановиться на этих полумерах. Она хотела, чтобы ее слабоумный брат имел главенствующее право. Через два дня стрельцы вернулись с алебардами, и бояре собрались вновь, чтобы провозгласить Ивана первым, а Петра вторым царем. Наконец, 29 мая, опять же стрельцы во всеуслышание заявили, что из-за плохого здоровья Ивана его сестра, царевна Софья, должна стать регентшей. Покорная боярская Дума подчинилась еще раз воле стрелецкого войска. Прежняя регентша Наталья Кирилловна стала всего лишь сокрушенной печалью женщиной, которая трепетала от страха, опасаясь за будущее своего сына.

Доведя это дело до конца, Софья устроила для стрельцов пир и сама поила их. Чтобы оградить их от возможных последующих преследований, 6 июня она выдала им благодарственную грамоту, которая одобряла их действия «во имя Пресвятой Девы». На Красной площади был сооружен каменный постамент с выгравированными именами жертв и упоминанием их мнимых преступлений. 25 июня 1682 года в Успенском соборе в присутствии патриарха, восьми митрополитов, четырех архиепископов, двух епископов и восьми архимандритов состоялось странное коронование на российский престол двух царей, один из которых был слабоумным, а второй – затравленным ребенком. Они сидели рядом, на двух одинаковых тронах золоченого дерева, украшенных драгоценными камнями, сделанных на заказ в Голландии. Хотя царевичи были одеты в одинаковые кафтаны, вышитые золотом и украшенные мехом и кружевом, различие в их лицах шокировало публику. Взгляд царя Петра, слишком большого для своих лет, был напряженным и печальным. Иногда голова его вздрагивала от нервного тика. Говорили, что эта болезнь обострилась в кровавые майские дни. Близкие свидетельствовали, что он не мог забыть сцены пыток, невольным свидетелем которых стал, и, просыпаясь иногда среди ночи, вскрикивал. Рядом с ним Иван с мутным взглядом, полуоткрытым ртом, казалось, продолжает витать в своих снах. Им торжественно пел хор, к ним были прикованы взгляды, они воплощали будущее России. Но Софья уже знала, что истинным

правителем страны будет она. Никогда еще за всю историю России женщина не имела подобной власти. На самом деле патриарх короновал вовсе не Ивана и не Петра, а ее. Она не имела никаких прав, но хитро и решительно убрала с дороги царевен, теток, старших сестер, чтобы дерзко и жестоко продвинуться вперед.

Глава II
Регентство

Что легче: захватить власть или удержать? Софья в тревоге начала задавать себе этот вопрос на следующий же день после победы. Еще не успели похоронить погибших, как она со своим любовником Василием Голицыным смело выступила против раскольников, которые стали представлять серьезную угрозу для страны. Вера глубоко религиозного русского народа была до самых корней расшатана реформами патриарха Никона, осмелившегося во время царствования царя Алексея Михайловича исправить ошибки, сделанные переписчиками богослужебных книг. Много оказалось и тех, кто не захотел отказаться от заблуждений предков, закрепленных традицией. Целые поселения раскольников-староверцев возникали в разных местах по всей территории России. Раскольники не соглашались отступать от веры, основанной на старых текстах, несмотря на неточности перевода, допущенные когда-то переводчиками с греческого на русский, и признавали только старые обряды, выступая против новой церкви. Отстаивая свои каноны, они произносили «Исус», как их прежде учили священники, в то время как в новых богослужебных имя Господа писалось как «Иисус». Они считали, что «аллилуйя» должно повторяться два раза в молитвах, а не три; обрекали на божественный гнев тех, кто крестился на современный манер тремя пальцами, вместо того чтобы совершать крестное знамение двумя перстами; с ужасом отказывались посещать «новые» церкви; называли попов боровами, предсказывали, что, если христианство пойдет по этому пути, небесная кара обрушится на всех. Другие раскольнические братства создавались по всей стране, связанные между собой общей целью – оспаривать авторитет официальной Церкви. Одни фанатики спали в гробах, другие наказывали друг друга розгами, третьи обрекали себя на вечный затвор и подвиг молчальничества, кастрировали и истребляли друг друга или запирались с семьями в домах, обкладывали дома соломой и поджигали, погибая в огне и распевая молитвы в уверенности, что попадут в рай. Взращенные фанатичными родителями, дети говорили: «Мы взойдем на костер, и там, в другой жизни, у нас будут красивые красные сапожки, расшитые золотом рубахи, по воле Всевышнего у нас будут на столе орехи и яблоки; мы не склонимся перед Антихристом».[10] Отправляли солдат, чтобы помешать этому массовому сожжению на костре. Но их появление

только подогревало восторженных безумцев, которые сотнями бросались в «очистительный» огонь. Наиболее здравомыслящие из раскольников нашли убежище в лесах, организовывали общины и жили автономно, исключительно своим трудом, отказываясь от принятия Святых Христовых Тайн и не признавая священников, исповедуя между собой веру предков. Впрочем, даже верные сторонники официальной Церкви были приверженцами церковных канонов. Их вера была связана с внешними догмами и обрядами Церкви. Число поклонов, крестные знамения, молитвенное правило, посты, паломничества, поклонение мощам, долгое стояние перед иконами казались более важными, нежели чувство, которое они внушали. Почти автоматическое исполнение многих обрядов поддерживало духовный порыв, а подчас его заменяло. Суеверие смешивалось с набожностью и добавляло ей загадочный языческий оттенок. Не употребляли в пищу голубей потому, что Святой Дух ассоциировался с голубкой, верили в сглаз, верили в домовых, в духов воды и леса, находили объяснение каждому сну, каждому предзнаменованию, советовались с колдунами и знахарями, боготворили деревенских юродивых, которые свободно общались с Богом. Живя в атмосфере волшебства, ясновидения и примитивного идолопоклонства, исповедующие «новую веру» были готовы понять «староверцев» и простить им их странные привычки. Раскол масляным пятном расползался на народ и воинство. Раскольники были и среди стрельцов. Чтобы добиться их расположения, Софья поставила начальником над стрельцами князя Ивана Хованского. Очень быстро она поняла свою оплошность. Иван Хованский, авторитарный и тщеславный старец, снискавший в народе прозвище Тараруй, был обожаем своими людьми и вдохновлял их на открытые выступления в Москве в поддержку старой веры и против новой. Спустя совсем немного времени после восшествия на престол двух царей одержимые стрельцы под предводительством расстриженного священника Никиты Пустосвята проникли в Кремль и подошли к Архангельскому собору, потрясая иконами, богослужебными книгами и алебардами около Красного крыльца. Взобравшись на дощатый помост, Никита оскорблял духовенство, кричал, что церкви превратились в конюшни и хлев, призывал русский народ требовать восстановления литургии по старому чину.

Напуганный воспоминанием о майских беспорядках, патриарх Иоаким послал одного из священников приструнить стрельцов. Его встретили тумаками. Несколько камней пролетело над головами. Иван Хованский убедил Софью в необходимости вызвать патриарха на Соборную площадь, чтобы успокоить толпу.

Но она согласилась принять представителей стрельцов в присутствии высшего духовенства в большой зале Грановитой палаты. Едва Иван Хованский передал приглашение своим людям, как началась давка. Все хотели принять участие в собрании. С криками и смехом толпа устремилась по узким проходам, поколотив по дороге несколько попов и монахов, чтобы размяться. Оба юных царя отсутствовали. Но регентша была там вместе с царицей Натальей и Василием Голицыным. Взоры царевны Софьи, патриарха Иоакима и главных бояр были обращены только на стрельцов. Едва склонившись перед двойным троном, они гордо проигнорировали высоких церковных сановников и по приказу Никиты открыли свои книги, разложили иконы, зажгли восковые свечи, чтобы освятить это осквернённое место. Пока патриарх Иоаким пытался им терпеливо внушить необходимость изменений, внесенных различными церковными соборами в священные тексты и чин литургии, они клали поклоны, пели и осеняли себя крестным знамением на свой манер. Без смущения обращаясь к главе Церкви, Никита прокричал: «Мы пришли бить челом, чтобы отныне, как и во времена царя Алексея Михайловича, служба Божия была по старым книгам… Мы требуем, чтобы велели патриарху служить на семи, а не на пяти просфорах, чтобы крестное знамение двумя пальцами, а не тремя делать, почитать восьмиконечное распятие, на котором умер Спаситель, а не четырехконечное, которому поклоняются еретики…» – «Занимайтесь своими делами, – отвечал патриарх Иоаким. – Простолюдинам не подобает судить о делах церковных, этим займутся архиереи».[11] После этих слов Никита с пеной у рта начал оскорблять церковнослужителей, важно стоящих в богатых одеждах и растерянно хлопающих глазами. Началась драка. С разных сторон посыпались удары. Из толпы послышались крики, адресованные уже не патриарху, а царевне Софье: «А тебе давно пора бы в монастырь! Полно мир в стране мутить!» Палата разделилась на два противоположных лагеря. С одной стороны все пространство заняла шумящая толпа староверцев, с другой оказались сторонники власти, осознающие свое бессилие. Глубокое волнение охватило всех. Пламя восковых свечей тускло мерцало в душной зале. С наступлением вечера Софья посчитала разумным объявить о перерыве в собрании и о том, что решение будет принято в самые ближайшие дни. Сказав это, она закрыла собрание и удалилась в сопровождении патриарха и главных бояр. После ее ухода раскольники высыпали на Соборную площадь с победными криками, размахивая книгами и иконами святых и крестясь двумя перстами.

Не теряя времени, Софья собрала выборных от всех

стрелецких полков и со слезами объяснила им, какую опасность для Церкви и государства представляют их товарищи, введенные в заблуждение. И просила поддержать ее в борьбе против еретиков. Стрельцы отвечали ей: «Мы не стоим за старую веру. Это дело не наше, это дело патриарха и всего Освященного Собора». Ободренная Софья напоила их водкой и дала денег, чем подняла их дух. Они были нужны ей и готовы на полицейские действия в собственных рядах. Спустя несколько дней они схватили Никиту и еще нескольких вожаков. Никите отрубили голову на Красной площади, а его единомышленники были сосланы или отправлены в тюрьмы.

Эта крайняя мера не спровоцировала восстание, чего опасалась Софья, но и не привела раскольников в рядах стрельцов к раскаянию. Имеющий большое влияние на солдат, старый князь Хованский открыто призывал их к неповиновению. Для них он был настоящим хозяином Руси. Его называли отцом-батюшкой и были счастливы, когда он обращался к стрельцам «дети мои». «Дети мои, – говорил он им, – бояре мне грозят за вас. Мне стало делать больше нечего. Как хотите, так и делайте!» Так он готовил идею нового бунта.

2 сентября 1682 года Софья получила анонимное письмо с доносом о том, что Иван Хованский готовится убить ее и обоих царей с царицей Натальей руками преданных делу стрельцов. Возможно, письмо это было сотворено Иваном Милославским, открытым противником старого князя, и вовсе не соответствовало правде. Но Софья, обрадовавшись этому предлогу, притворилась, что поверила в настоящий заговор, предупредила бояр об опасности, которая всем угрожала, и спешно покинула Москву вместе с обоими царями, Василием Голицыным и двором. Вскоре, приехав в село Воздвиженское, она адресует Ивану Хованскому послание, написанное в очень дружественном тоне, приглашая его присоединиться к ней, чтобы вместе обсудить государственные дела. Не ожидая подвоха, самолюбивый Иван Хованский собирается в дорогу вместе с сыном Андреем и охраной из тридцати шести стрельцов. Когда они решили разбить лагерь в двадцати пяти верстах от Москвы, большой отряд солдат по приказу Софьи окружил сторонников Хованского, разоружил стрельцов и привел на главную площадь деревни, где уже возвышался эшафот. Без следствия, дебатов и суда; приговор был вынесен уже давно, монотонным голосом его зачитал дьяк: «Князь Иван, ты всегда действовал по своему усмотрению, не считаясь с мнением царей, ты растратил Государственную казну на людей, которые этого не заслуживали; ты позволил стрельцам дерзко вторгнуться в царские палаты; твои недобрые намерения по

отношению к царствующим персонам раскрыты, твое предательство неопровержимо доказано, поэтому государи приговаривают тебя к смерти». То же наказание постигло и сына Ивана Хованского. Оба, отец и сын, несмотря на их протесты и уверения в невиновности, были тут же обезглавлены. Их тридцать шесть соратников постигла та же участь. В этот же день, 17 сентября, царевна получала поздравления по случаю своих именин.

В Москве, узнав о казни своего предводителя, «батюшки», Ивана Хованского, вооруженные стрельцы в ярости заняли Кремль, захватили патриарха Иоакима и, пропьянствовав всю ночь, стали решать, идти ли им против толпы бояр или ждать штурма на месте. Со всех сторон к ним слетались тревожные новости: шпионы Софьи подняли всю страну против виновников волнений, большая армия дворян вместе с их крепостными готовилась атаковать столицу. Письмо царевны патриарху, перехваченное восставшими, подтверждало эти слухи. Внезапно надменность стрельцов сменилась ужасом и слезами. Те, кто хотел господствовать на Руси, теперь могли надеяться только на великодушие регентши. Они направили ей представителей, чтобы уверить ее в их покорности, и молили патриарха Иоакима вступиться за них. Три тысячи стрельцов отправились в дорогу вместе со своими семьями в монастырь Троице-Сергиевой лавры, где Софья уже ждала их. Она приняла делегацию 27 сентября рано утром, в отсутствие царей, но в окружении бояр. Пока жены стрельцов голосили о разорении и рвали одежду у себя на груди, сами виновные упали на колени перед царевной. Митрополит, отправленный к ней патриархом Иоакимом по просьбе бунтовщиков, просил Софью проявлять благородство. Она вняла его совету не из милосердия, но из осторожности – нельзя приводить в отчаяние побежденных. Это даст ей возможность насладиться реваншем. Сидя на троне перед стрельцами, Софья объявила им, что она согласна больше не говорить об этом. Но она поставит одно условие: необходимо, чтобы стрельцы вернули оружие, похищенное из Арсенала, чтобы они отказались совершать аресты без личного приказа государей и чтобы дали клятву не поднимать никогда впредь мятежи против государственной и церковной власти. Почетный титул «надворной пехоты» будет у них отобран за безнравственное поведение. Позорный столб, сооруженный на Красной площади, будет разрушен, а наименее крепкие полки будут сосланы нести службу в приграничные города.

6 ноября 1682 года оба царя и регентша с боярами в сопровождении более десяти тысяч человек вступили в

умиротворенную Москву. Стрельцы получили приказ в этот день явиться без оружия, пасть на колени и бить челом во время прохождения царского кортежа. Порядок был восстановлен. Софья торжествовала. И маленький Петр, наблюдая согнутые спины по обе стороны улиц, оценил благоприятный эффект жесткости в подавлении народного вооруженного восстания. Подавить мятеж в крови и осыпать милостями оставшихся в живых, как только опасность минует. Этот урок юный царь будет вспоминать потом всю жизнь. С раннего детства его преследовали ужас, насилие и ложь. Среди враждебного окружения только его мать оставалась безучастной к дворцовым интригам. Но она жила в мечтах. А у Петра было неутолимое желание действовать, командовать, создавать, как и у его сводной сестры Софьи, которую он боялся и ненавидел. На самом деле, едва обосновавшись в Кремле, она приняла безапелляционное решение: Иван останется во дворце рядом с ней, а Петр уедет вместе с матерью в село Преображенское.

Избавившись таким образом от одного из двух царей, от большинства стрельцов и самых ярых староверцев, Софья готовилась управлять страной вместе с Василием Голицыным. Окружающие сравнивали Софью с Семирамисом Вавилонским или Елизаветой Английской. Софье же была ближе императрица Пульхерия Византийская. Не принимая во внимание две детские головки, увенчанные короной, которые находились в ее тени, она требовала, чтобы к ней обращались «Ваше Величество» или «Пресвятая Царевна», занимала место рядом с Иваном на официальных церемониях и заказала в Голландии выгравировать свой портрет, на котором была изображена в шапке Мономаха.

Однако, достигнув вершины власти, она не потеряла рассудок. Ее первые решения были тверды и мудры. 30 декабря 1682 года – семь недель спустя после ее возвращения в столицу – двенадцать из двадцати стрелецких полков были отправлены на дальние заставы. Когда-то гордые стрельцы потянулись по снежным дорогам в ссылку со своим скарбом, женами и детьми. Прощай, счастливая жизнь с привилегиями, гулянками и дерзкими выходками! Те, кто остались в Москве, были собраны в надежное и дисциплинированное войско. Неспособные и неблагонадежные командиры были смещены. Главой стрелецкого войска вместо обезглавленного интригана Ивана Хованского был назначен энергичный и жестокий думский дьяк Федор Шакловитый. Впредь Софья станет опираться на двух человек в управлении страной: Федора Шакловитого и Василия Голицына. Ее политическое вдохновение было то великодушно, то авторитарно. Она упорно преследовала раскольников, обрекая

самых строптивых на гибель своими приказами, и со всем почтением принимала гугенотов, бежавших из Франции после отмены Нантского указа. Мечтая с Василием Голицыным об улучшении условий для крепостных крестьян, издавала указ о возвращении хозяевам-помещикам беглых крепостных. Признавая практику иностранных духовных культов, предписывала своему народу единственную официальную религию. Каждый раз ее стремление к терпимости гасилось необходимостью сильной абсолютной власти. Однако, как и ее отца, Алексея Михайловича, Софью привлекал Запад. Она много читала, писала пьесы для театра, которые ставились при дворе; говорят, она сама играла в спектаклях, ввела некоторые нормы этикета «на польский манер» в аристократических кругах.

Но самым главным в ее жизни стала страстная любовь к Василию Голицыну. Высокий красавец Голицын никогда не отвергал за безобразную внешность эту бесформенную неряшливую женщину с властным взглядом. Он прислуживал ей с одинаковым рвением в постели и за рабочим столом. Это было образцовое поведение человека, сведущего в политике, умного, хитрого и способного. Все иностранные посетители, которые встречались с ним, были покорены элегантностью его манер и живостью ума. Он встречал их в своем дворце с резными потолками, приводил в восхищение своей картинной галереей, библиотекой, географическими картами, античным мрамором, венецианским стеклом и французской мебелью; вступал с ними в длинные дискуссии по-латыни или по-польски, которые восхищали гостей. По мнению дипломата Ле Невиля, князь Василий Голицын собирался «заселить пустыни, обогатить нищих, превратить дикарей в людей, трусов в героев, пастушьи лачуги в каменные дворцы». В его программу, кроме отмены крепостного права, были включены такие меры, как создание регулярной армии, открытие границ с западными странами, отправка молодых людей за границу, где они смогли бы завершить свое образование, объявление различных свобод, в том числе и свободы вероисповедания. Многое осталось лишь в мечтах. Софья, со своей стороны, также не была лишена этого. Ее связь с Василием Голицыным была известна и при дворе, и даже народу. Она афишировала ее как вызов стыдливому положению женщины в России. Но она так и не смогла, несмотря на это, поменять традицию изоляции женщин из социальной жизни своих современников. Повернувшись спиной к терему и его узницам, она удовлетворилась тем, что демонстрировала своим ежечасным поведением, что принятые для всех законы не могут быть применены в исключительных случаях. Тот факт, что у ее

фаворита есть жена и ребенок, ее абсолютно не трогал. В случае необходимости она отправит княжну Голицыну, урожденную графиню Гамильтон, в монастырь, чтобы Господь утешил ее, покинутую мужем. Выйти замуж за своего любовника после того, как церковь признает расторжение брака? Иногда она мечтала об этом. Но она понимала, что не сможет никогда добиться того, чтобы Голицын стал настоящим царем, потому что это будет уже смена династии. Тогда к чему все это?

Вдохновителем как внешней, так и внутренней политики Софьи был великодушный Василий Голицын. Следуя традициям своих предшественников, он ратовал за территориальную экспансию России на запад и на юг. Страна не сможет жить (все время одна и та же проблема), не приобретя выходы к морю. Однако было бы безрассудно покушаться на Польшу, которая была в зените могущества, или шведов, армия которых под предводительством Карла XI наводила страх на весь мир. Оставалась вялая и слабая Турция. Король Польши готовился к войне с турками и татарами и предлагал Софье присоединиться к польским, австрийским и венецианским войскам для окончательного разгрома Оттоманской империи. Прекрасный случай обеспечить себе выходы к Черному морю. Но чтобы согласиться на это, регентша и ее любовник решили заручиться гарантиями. По договору, подписанному в Москве 21 апреля 1686 года, Польша уступала России в обмен на поддержку город Киев, колыбель православной веры, большие территории, занятые запорожскими казаками, и прилежащие к Смоленску территории до Днепра. «Никогда еще наши предки не заключали столь блистательный и выгодный мир, – заявила Софья. – Слава России гремит во всех концах света». И в том же порыве энтузиазма она назначает командующим армией Василия Голицына. Несравненный любовник, опытный и умелый дипломат, он должен был стать блестящим военачальником. Голицын ссылался на свою некомпетентность в области военного мастерства, Софья же наложила свою резолюцию и назначила ему в помощники шведского генерала Патрика Гордона.

Как только они оказались на месте, Василий Голицын понял, что его опасения были не напрасны. Продвижению его армии вперед мешали тяжелые и ненужные обозы. Между Днепром и Перекопским перешейком татары подожгли степь. Пожар с гулом распространялся по земле и вскоре достиг ста пятидесяти верст в длину и более ста верст в глубь степи. Задыхаясь от дыма, люди и лошади застыли на месте. Василий Голицын смирился с необходимостью отступления, довольный тем, что враг также будет остановлен огнем и не станет преследовать его армию. 11

июля 1687 года русские полки, численностью более ста пятидесяти тысяч человек, отступая, пересекли границу. Чтобы успокоить всеобщее недовольство, казаки обвинили в предательстве своего гетмана Самойловича, который был тотчас же осужден и сослан в Сибирь. Вместо него запорожцы избрали своим предводителем Мазепу. Хотя они принимали участие только в одной битве, потери перевалили за сорок тысяч солдат, сгоревших, задохнувшихся в дыму или пропавших без вести во время бегства. Из гордости отказываясь признать поражение, Софья встречала своего фаворита как победителя.

Голицын приготовился услышать упреки, а вместо этого получил подарки, награды и полторы тысячи крестьян. Офицеры и солдаты также получили награды и компенсации в соответствии с чинами. Это всеобщее ликование не могло долго обманывать общественное мнение. Вернувшиеся из похода рассказывали шепотом о своих бесславных приключениях. При дворе, как и в городе, каждый уже знал, что за так называемой победой скрывается самое нелепое из поражений. Это национальное унижение усугубили новости о продвижении поляков в Подолье и Молдавии и успехах венецианского флота у полуострова Мореи.

В 1688 году крымский хан возобновляет наступательные действия, разоряет украинские земли и угрожает Киеву. Софья решилась объявить вторую военную кампанию. Но, ослепленная любовью, она отказывалась понимать, что армии нужен не ее дорогой Василий Голицын, а другой полководец. На этот раз она уверена, что Василий наконец проявит свой военный гений. Никто в Москве не разделял ее мнения. Перед отъездом на границу фаворит нашел перед дверью своего дворца гроб со следующей надписью: «Постарайся стать счастливее». На этот раз к весне 1689 года ему удалось дойти до укрепленных стен Перекопа. Вместо того чтобы отдать приказ о штурме, он вел переговоры с татарами, которые старались выиграть время. Довольствие вовремя не подошло в лагерь русских солдат, не хватало продовольствия, жара и болезни косили ряды солдат. Хотя Василий Голицын и был полностью деморализован, в своих письмах к регентше фаворит делал ставку на какие-то будущие подвиги, которые смогут принести окончательный успех этому делу. Для Софьи не надо было большего предлога для ликования. «Батюшка, – писала она ему, – свет мой, пусть Господь пошлет тебе долгих лет жизни. Я особенно счастлива в этот день, потому что Господь Бог прославил имя Свое и Матери Своей над тобой, свет мой. Никогда еще Божественная милость не выражалась так явственно, никогда раньше наши предки не получали такого

свидетельства Небесной благосклонности. Так же как Господь через Моисея выводил когда-то народ Израильский из египетских земель, так и через тебя он теперь вывел нас из пустыни… Что сделать мне, о любовь моя, чтобы достойно отплатить тебе за такие тяжелые труды? О радость моя, о свет очей моих! Могу ли я действительно верить, что скоро вновь увижу тебя, о душа моя, о мой свет?.. Если бы это было возможно, как бы хотела я увидеть тебя рядом хоть на мгновение… Все твои письма я получила, слава Господу. Сводки из-под Перекопа пришли ко мне 11… Как благодарить мне Господа и Пресвятую Богородицу и преподобного Сергия-чудотворца?.. Медали не готовы пока, но не беспокойся об этом; как только будут готовы, я вам их пошлю… Как сам пишешь о ратных людях, так и решай все по-своему… Что мне сделать, чтобы вас отблагодарить за все, и в первую очередь тебя, мой свет, за все труды ваши? Если бы ты так не трудился, никто не сделал бы то, что ты сделал».

И она официально подтвердила свое удовлетворение в одном из посланий главнокомандующему, составленному от имени обоих царей: «Благодаря твоим действиям дикие варвары и давние враги святого креста и всего христианства безжалостно разгромлены, побеждены и навсегда изгнаны, они разрушили все свои непристойные жилища и сожгли все деревни и хутора Перекопа».

На самом деле татары вовсе и не собирались бежать, а преследовали отступающие русские армии. Степные всадники преследовали разбежавшиеся арьергарды. На месте были брошены повозки и пушки. Двадцать тысяч убитых и пятнадцать тысяч пленных – такова была цена этого разгрома. Но и на этот раз Софья отказывалась признать полное поражение. «Ты победишь, потому что я так хочу», – сказала она Василию Голицыну перед его отъездом. Она не могла отказаться от своего желания. И героев встречали триумфальные арки, залпы орудий и звон колоколов. Снова почести и награды посыпались на головы главнокомандующего, офицеров и солдат, которые ничего не понимали. Василий Голицын получил три тысячи рублей, золотой кубок, расшитый золотом кафтан, отделанный соболями, и густо населенные деревни. Вместе с этими подарками он узнал, что у Софьи теперь новый возлюбленный. За время его отсутствия царевна, которая отличалась неуемным темпераментом, отдала предпочтение Федору Шакловитому. Смещенный с поста любовника, Василий Голицын сохранил, однако, функции политического советника и главы посольского приказа. Народ его ненавидел, но ему не было до этого дела. Некоторые обвиняли Софью в том, что она была распутной девкой, что у нее были дети

от разных фаворитов, что она одурачивала народ, говоря о победах, в то время как русская армия была разгромлена, и что Василий Голицын был подкуплен татарами. Вскоре Василий Голицын стал виновником еще одного поражения, на этот раз на дипломатическом поприще, подписав с Китаем Нертчинский договор, по которому Россия уступала соседней державе оба берега Амура. Таким образом эта сибирская река с прекрасной навигацией, которой Россия пользовалась в течение уже более тридцати лет, переходила Китаю и формировала новую границу между двумя странами. Немногие в Кремле понимали стратегическую важность подобного отказа. Во всяком случае Софья, будучи в курсе переговоров, едва об этом заботилась. Вкусив наслаждение властью, она все больше и больше заботилась о том, чтобы навсегда ее сохранить за собой. Даже сосланный с матерью в село Преображенское, Петр представлял для нее угрозу. Однажды наступит тот день, когда он станет совершеннолетним и заявит о своих правах на престол. Она будет отстранена, и ей останется только довольствоваться обычным женским уделом. Терем или монастырь… Она никогда не смирится с потерей всех прав после такого могущества. Рожденная для власти, для государственной службы и для любви, она решительно будет защищать эти возможности и, если потребуется, даже прольет кровь. Иван, слабоумный дурачок, не будет препятствием. Но Петр? Каким образом навсегда убрать его с политической арены? Она могла бы незаметно его убить. Ее новый любовник Федор Шакловитый советовал ей это сделать. Но она колебалась. Смутные сомнения боролись в ее сознании с амбициозным желанием править в одиночку всей Россией. Петр был для нее сводным братом, полуребенком-полуцарем… Шли дни, но эта женщина, на счету которой уже было много отрубленных голов, так и не решалась отдать фатальный приказ.

Глава III
Петр или Софья?

Петр с матерью, изгнанные из Кремля регентшей, обосновались в скромном домике в селе Преображенском, недалеко от Москвы. «Это жилище, – напишет чуть позже Бергхольц, – напоминало дом норвежских пасторов. Я не дал бы и ста монет, чтобы быть в него приглашенным». Из окон ветхого домика, стоящего на высоком холме, открывались поля с ячменем и овсом, луга с высокими травами, густые перелески, купола церквей, чернеющие избы и блестящий изгиб Москвы-реки. Дворец с его интригами был далеко отсюда. Жили изгнанники очень просто, царевна Софья была скупа, и денег, которые она им посылала, едва хватало, чтобы как-то сводить концы с концами. Безропотная Наталья Кирилловна обращалась иногда за помощью, тайком, к архимандриту из Троице-Сергиевой лавры. Немногие придворные, окружавшие молодую женщину, все ходили со скорбными лицами. В темных комнатах с низкими потолками бесконечно пережевывались сплетни о регентше и ее плохих советчиках, сожалели о злом роке, молили Господа восстановить справедливость к Его истинным слугам. В самой гуще этой атмосферы сожалений, нытья и набожности Петр задыхался. Он искал развлечений в играх и учении.

Его обучение на самом деле не было систематическим. В юном возрасте его воспитателем был шотландец Менезиус, затем обучать царя грамоте поручили дьяку Никите Зотову. Узнав о своем назначении, Никита Зотов разразился рыданиями и объявил, что не достоин обучать «такое сокровище». Пьяница и лентяй от природы, он стал пить еще больше, чтобы набраться храбрости для воспитания столь высокопоставленного ученика. Кое-как Зотов научил Петра читать Библию, писать, не задумываясь об орфографии, и петь псалмы. По сохранившимся тетрадям Петра видно, что он выводил буквы нелегко, слова писал слитно, как слышал, не соблюдая правил, но, видно, делал это охотно. Чтобы дать ученику отдохнуть от трудов, Никита Зотов наполнял до краев стакан водки, рассказывал ему о войнах, которые вел отец царя, о победах, восхищаясь мужеством русской армии. Эти рассказы волновали мальчика не меньше, чем рассказчика водка. Он мечтал когда-нибудь тоже прославиться в боях. Среди его первых игрушек, сохранившихся в Оружейной палате, – знамена, барабаны, ножи, топорики и маленькие пушечки. Вместе со сверстниками, боярскими сыновьями и

слугами, он играл в войну: палил из пушки деревянными ядрами по стенам монастыря и брал штурмом маленькую крепость, которую построил с товарищами на островке реки Яузы.

В 1687 году князь Яков Долгорукий, возвращаясь с дипломатической миссией из Парижа, привез Петру по его просьбе астролябию – инструмент, «с помощью которого можно было измерять расстояния, не сходя с места». Восхищенный астролябией ребенок был страшно разочарован, что не умеет пользоваться инструментом. Все закончилось тем, что ему нашли молодого голландца по имени Тиммерман, который умел обращаться с этим предметом. Наталья Кирилловна наняла голландца, чтобы он вместе с Никитой Зотовым обучал мальчика наукам. Это новый учитель учил Петра, впрочем тоже бессистемно, элементарным математическим понятиям, геометрии, артиллерийской науке и строительству укреплений. Безусловно, знания, которые приобрел Петр, были разрозненными и неглубокими. Но его жажду знаний утолить было невозможно. Его тянуло знать все во всех областях. Позднее он освоит на практике четырнадцать специальностей. А пока его желание обладать астролябией было одним из проявлений его неугомонного характера. Найдя в сарае все с тем же Тиммерманом английский полусгнивший ботик, принадлежавший его дяде Никите Романову, Петр решает восстановить его под руководством голландского плотника Карстен-Брандта.

Старый дощатый каркас был кое-как починен, оснащен мачтой, парусом, рулевым колесом и с большими почестями спущен на реку Яузу. Затем, чтобы лучше маневрировать на нем, ботик перевезли на широкое Плещеево озеро. Этот кораблик стал «предком русского флота». На его борту Петр учился у Карстен-Брандта навигационной науке. С первых уроков он заразился любовью к воде. Привыкший к твердой почве под ногами, царь испытывал несказанное счастье, скользя по воде. Ловкое маневрирование судна, легкое поигрывание ветра, который дул куда хотел, паруса, подхватывавшие на лету эту игру ветра, поскрипывание корпуса, плеск волн, легкость скольжения по водной глади и этот пресный текучий запах, который окутывал судно, – все это заставляло Петра терять голову и влекло к новым, еще более широким просторам, к бесконечным горизонтам, к морю, которого он никогда не видел. Под руководством Карстен-Брандта Петр сконструировал два маленьких фрегата и три маленькие яхты. Будучи еще почти ребенком, он мечтал о большом морском флоте для страны, которая пока обладала одним лишь портом – Архангельском,

затерянным в ледяных туманах Белого моря. Может быть, кровь варяжских предков тянула его к морским приключениям?

Увлечение навигацией не мешало, однако, царю интересоваться и сухопутными маневрами. В шестнадцать лет ему уже было неинтересно командовать «потешным» потолком, метать камни и забираться на невысоких лошадок в полях Преображенского. Его товарищи по играм выросли вместе с ним. Они сформировали целый «потешный» полк. Петр набрал в него детей слуг, сокольничих, конюших, оставшихся не у дел после смерти царя Алексея Михайловича. К ним присоединились и молодые люди из знати: Бутурлин, Борис Голицын… Чтобы экипировать эти батальоны веселых ребят, Петру доставили из арсеналов Кремля военную форму, оружие, порох, свинец, барабаны, знамена. Он запросил лошадей в кавалерийском приказе и организовал командный состав войска: назначил офицеров и унтер-офицеров. Каждый день потешные солдаты в темно-зеленой униформе тренировались в лугах, играя в войну. Атака, контратака, наступление с флангов. Петр сам прошел все военные должности, начиная с барабанщика. Он хотел так же хорошо знать обязанности и тяготы солдата, как и офицера. С каждым месяцем эффективность «потешной» армии возрастала. Софье подобные чудачества не внушали опасений: пока Петр развлекается подобными игрушечными сражениями, он не будет думать о власти. Чем больше он будет заниматься своими иллюзорными боями, тем легче будет отстранить его от политической реальности. Петр, однако, очень серьезно относился к превращению этих «потешных» полков в действующие войска. Ему нужны были опытные офицеры, чтобы обучать военному искусству вновь прибывающих в войско рекрутов. Где их искать? Недолго думая, молодой царь отправляется в Немецкую слободу.[12]

Это поселение отстояло недалеко от столицы, на берегах реки Яузы, небольшой речушки, впадающей в Москву-реку, и представляло собой нечто вроде квартала, в котором жили только иностранцы, протестанты и католики, приехавшие искать в России лучшей доли. Вначале это была скромная деревня с деревянными домиками, но вскоре Немецкая слобода стала местом западной цивилизации. Кирпичные дома, цветочные клумбы, прямые аллеи, обсаженные деревьями, фонтаны – какой контраст с восточным беспорядком Москвы! Это был уголок чужой цивилизации прямо в сердце Руси. Там жили не только немцы, но и выходцы из Италии, Англии, Шотландии – жертвы преследований Кромвеля, голландцы, датчане, шведы и даже французы, гугеноты, которые предпочли ссылку обращению в

другую веру. Большинство этих эмигрантов были людьми честными и способными, обладающими живым духом предпринимательства. Некоторые были выходцами из знатных родов. Их набожность и чувство семейственности требовали гармоничных отношений между обитателями маленького космополитичного общества. Разные по рождению, языку и вероисповеданию, они тем не менее сплотились в единый лагерь. Число поселенцев непрерывно росло. Они были лучшими медиками, аптекарями, инженерами, архитекторами, художниками, учителями, торговцами, золотых и серебряных дел мастерами, астрономами, офицерами. Их дети ходили в школы, созданные здесь же. У лютеран и кальвинистов были свои храмы и священники. Их связь с родной страной не прерывалась никогда. Английские дамы заказывали книги и безделушки из Лондона. Голландский посол Ван Келлер – человек богатый и уважаемый – получал каждую неделю письма от Ла Гайе, который ему рассказывал о новостях из внешнего мира. Эмигранты, живущие в Немецкой слободе, подчас были лучше регентши осведомлены о событиях в Европе.

Впрочем, почти все члены дипломатического корпуса устраивали свои резиденции в этом привилегированном районе. И часто русские вельможи приезжали сюда вкусить западные настроения. Впрочем, они не гнушались приглашать эмигрантов к себе для обучения своих детей по польским, немецким, английским книгам или латыни. Но учителя должны были уносить эти книги с собой после уроков, потому что для бояр считалось непристойным хранить у себя дома произведения на иностранных языках. Это ограничение, впрочем, вскоре было забыто, и многие знатные семьи гордились своими библиотеками, в которых были собраны произведения, изданные за границей. Влияние Немецкой слободы сказалось и на обстановке русских жилищ. Еще недавно обреченные на деревянные скамьи, длинные столы из полированного дуба, резные сундуки, помещики стали приобретать штофные кресла, золоченые стулья, круглые столики на одной ножке, инкрустированные мозаикой, часы. Расписные стены, украшавшие раньше интерьеры, были вытеснены в домах богатых владельцев картинами и гравюрами на библейские темы. Наконец, отдавая дань европейской моде, русские начали покупать зеркала. Но пока еще, опасаясь порицаний за нарушение традиционных обычаев, закрывали зеркала занавесками. Кокетки открывали их для того, чтобы поправить прическу или накраситься. Потому что, как это ни покажется странным, сдержанные и воспитанные в строгости русские женщины злоупотребляли макияжем. Они толстым слоем белили лица,

румянили щеки и чернили брови. Самые зажиточные заказывали косметику за границей, остальные использовали выпаренный свекольный сок, чтобы красить щеки. Это не мешало русским женщинам вести жизнь затворниц, вдалеке от всех событий. Они даже и не думали завидовать своим сестрам из Немецкой слободы, которые славились небывалой свободой нравов.

В праздничные дни обитатели Немецкой слободы собирались своей компанией, женщины вместе с мужчинами организовывали балы-маскарады, смотрели спектакли, которые представляли странствующие актеры. Их любимым танцем было старое немецкое рондо, которое называлось «Grossvatertanz». При звуках музыки пары поворачивались, улыбались друг другу и начинали танцевать. Пили пиво, смеялись, вели себя, как если бы они были в Берлине, Лондоне или Амстердаме. Такая жизнь зачаровывала молодого Петра. С тех пор как он стал совершеннолетним, три вещи в мире притягивали его внимание: война, море и заграница. Чтобы познать жизнь, он искал вдохновения рядом с господами из Немецкой слободы. Именно здесь, как он думал, он сможет найти необходимых учителей для своего «потешного» полка. И не ошибся. По его приглашению иностранные офицеры, среди которых был балтийский барон Фон Менгден, стекались в Преображенское. Они обучали «потешных» бойцов военной службе, обращению с оружием и артиллерийской стрельбе. Постепенно деревня превратилась в маленький гарнизонный поселок. Два полка, обученные таким образом, стали носить имена тех мест, в которых были расквартированы: Преображенский и Семеновский. Большое братство объединяло молодых людей, едва вышедших из подросткового возраста. Поиграв в войну, они напивались так, что валились под столы. Ничто в их совместных акциях, будь то игры или попойки, не отличало царя от его товарищей. Петр ценил и одинаково относился к молодому князю Борису Голицыну и ловкому смельчаку Александру Меншикову, бывшему подмастерью булочника. Последний очень быстро стал его самым лучшим и верным другом.

Петра удручало, что каждый раз, чтобы выполнять возложенные на него обязанности – он же еще не был официальным царем! – он должен был покидать Преображенское и возвращаться в Кремль. Там, сидя на троне рядом с Иваном, в сковывавшем движения тяжелом парчовом платье, с короной на голове, которая сдавливала ему виски, принужденный этикетом сохранять неподвижность, подобно статуе, он принимал послов, возглавлял бесконечные банкеты, слушал с тоской многословные речи. Уже в 1683 году Кемфер, секретарь шведского посла, писал

в Стокгольм: «Два царя восседали на троне, младший, Петр, с лицом открытым и прелестным, пленял грациозностью движений и необыкновенной красотой. Каждый раз при словах, обращенных к нему, кровь играла на его лице, как будто перед нами находилась девица из простолюдинов, а не императорская особа, мы все просто влюбились в него. Настал момент, когда оба царя должны были встать, чтобы осведомиться о здоровье короля Швеции. Младший сделал это так проворно, что ведущий церемонийместер остановил его, чтобы дождаться того момента, когда его брат будет готов принять участие в беседе». Через пять лет голландский посол Ван Келлер сообщал Ла Гайе: «Перегнавший по росту всех придворных, молодой царь привлекал всеобщее внимание к своей персоне. Его умственные способности и познания в военной науке не отставали от физического развития… Абсолютно точно, что скоро он будет готов осуществлять управление державой. Если это произойдет, дела в стране примут совсем другой оборот».[13]

Едва освободившись от набивших оскомину дворцовых обязанностей, Петр с восторгом погружался в атмосферу Преображенского. Бояре, прибывшие из Москвы, с растерянностью наблюдали за этим атлетом, появлявшимся то тут, то там с растрепанными волосами и горящими глазами. Он, который бегал с трубкой во рту, перепрыгивал через рвы, выкрикивал приказы, держа в руках мушкет, шпагу или багор, среди таких же молодых людей, многие из которых были из низшего сословия. Для этих надменных наблюдателей из Москвы царь – византийское божество – должен был держаться в стороне от мира, жить во дворце и выходить к народу только по торжественным случаям. В этих почти солдатских условиях Петр, признавались они, опускался до уровня простых смертных и предавал свою историческую роль. В донесениях, которые они слали Софье, бояре убеждали ее (а она все больше успокаивалась), что ее сводный брат таким образом никогда не сможет царствовать.

Что касается Натальи Кирилловны, ее беспокоили увлечения сына и его непоседливость. Она хотела его вразумить, урезонить и заставить сидеть на месте, для чего, по совету клана Нарышкиных, решила его женить на молодой и красивой девушке из довольно знатной семьи, Евдокии Лопухиной. Евдокии было двадцать, а Петру семнадцать лет. Он женился по настоянию матери. К тому же тремя годами раньше его брат Иван также женился на Прасковье, дочери боярина Салтыкова. Царские свадьбы, по мнению Петра, были не чем иным, как утомительной, но необходимой формальностью. Свой первый любовный опыт он

получил с дворовыми девицами, и они его устраивали. И, ведя застенчивую Евдокию к алтарю 27 января 1689 года, он знал уже, что его не удержат рядом ни ее покорность, ни ласки. После двух медовых месяцев он не мог больше с ней оставаться и отправился на навигационный период на Плещеево озеро, а его молодая жена погрузилась в бесконечную тоску ожидания. 20 апреля 1689 года Петр пишет матери: «Вселюбезнейшей и дражайшей моей матушке, государыне-царице Наталье Кирилловне. Сынишка твой, в работе пребывающий, Петрушка, благословения прошу и о твоем здравии слышать желаю, а у нас молитвами твоими здорово все. А озеро все вскрылось сего 20 числа, и суда все, кроме большого корабля, в отделке; только за канатами станет: и о том прошу, чтоб те канаты по семисот сажень, из Пушкарского приказу, не мешкав, присланы были. А за сим дело станет и жизнь наша продолжится». И чуть позже, опять же своей матери: «Ей, о здравии слышать желаю и благословения прошу; а у нас все здорово, а о судах паки подтверждаю: зело хороши все. Твой недостойный Petrus». Евдокия тоже послала маленькую записку навигатору: «Государю моему, радости, царю Петру Алексеевичу. Здравствуй, свет мой, на множество лет. Просим милости: пожалуй к нам, государь, не замешкав. Женушка твоя челом бьет».

Но Петра не очень-то заботила его «женушка». Вернувшись к ней, он больше думал не о чувствах, а о политике. Слухи, которые доходили до него из Москвы, доказывали, что недоброжелательство Софьи по отношению к нему с годами только росло. Однако если он соглашался в детстве на опекунство своей сводной сестры, то теперь это его больше не устраивало. Один из советчиков царя, Борис Голицын, кузен Василия Голицына, убеждал Петра в том, что регентша решила его уничтожить.

8 июля 1689 Петр должен был присутствовать вместе с царем Иваном и всей своей семьей на торжественной службе в Успенском соборе, в Кремле. После богослужения Софья захотела принять участие в традиционном крестном ходе, в котором участвовали обычно только мужчины. Возмущенный Петр этому воспротивился. Она же, не считаясь с его мнением, вышла к толпе, неся икону как настоящий самодержец. В ярости Петр покинул процессию и возвратился в Преображенское. Несколько дней спустя, узнав, что, несмотря на позорное поражение во второй Крымской кампании, Софья встречала Василия Голицына и его «славных генералов» с восторгом и щедро их наградила, он категорически отказался принять «триумфаторов».

Любовь и достоинство Софьи были уязвлены. Она поняла, что

Петр вступил в открытую борьбу с ней. Донесения ее агентов гласили, что популярность молодого царя у москвичей возрастала. Это не радовало некоторых бояр. Регентшу начало волновать – хотя уже было поздно! – усиление «потешных» батальонов в Преображенском. Добровольные информаторы колесили между Москвой и селом, где Петр в тревоге ждал продолжения событий. Подстрекаемая своим новым любовником Шакловитым, Софья собрала предводителей стрельцов и раскрыла им свой план: они должны будут в ночь с 7 на 8 августа 1689 года взять в кольцо Преображенское и уничтожить солдат «потешной» армии Петра, его офицеров и советников, слуг, друзей из числа иностранцев, его мать и всю семью. Царя Петра следовало тоже убить или, по крайней мере, обезопасить, чтобы он не был в состоянии помешать этим планам. Ценой за преданность Софье для каждого стрельца будет награда в двадцать пять рублей. Предводители стрельцов пообещали регентше, что эта кровавая операция будет произведена точно и быстро.

Но в ночь с 7 на 8 августа двое из заговорщиков, охваченные сомнениями, понеслись галопом в Преображенское. Они прибыли туда около полуночи, разбудили Петра и предупредили его о замысле Софьи. С самых первых слов царя охватил страх. Воспоминания о резне мая 1682 года, совершенной теми же стрельцами, так глубоко врезались ему в память, что от одной мысли о том, чтобы смело выступить против этой банды мясников в красных рубахах, у него начался тик и от ярости он потерял рассудок. Вскочив с кровати, он даже не удосужился предупредить мать и жену о грозящей опасности и побежал босой, в одной рубашке, на конюшню. Там Петр оседлал лошадь и крикнул слугам, чтобы ему принесли одежду в ближайший лес, где он собирался спрятаться. Там, в убежище из листьев, они и нашли царя, одели его и все вместе понеслись во весь опор в укрепленную Троице-Сергиеву лавру.

За высокими зубчатыми крепостными стенами с девятью башенками возвышались золоченые купола тринадцати церквей. Там жили монахи, послушники и слуги. В прошлом монастырь много раз героически противостоял штурмам поляков. Это было серьезное убежище! Петр прибыл в Лавру в шесть часов утра, совершенно разбитый от усталости и с растерзанной душой. Его донесли до кровати. Но он слишком много пережил, чтобы спокойно заснуть. В глазах стояли слезы, лицо дергалось в конвульсиях, когда он рассказывал архимандриту Лавры о покушении, которое готовилось на него, и требовал, чтобы ему гарантировали защиту. К счастью, его ближайшие сподвижники

уже приехали ему на помощь, и, окруженный соратниками из Преображенского Петр вновь обрел надежду. В действительности, он обладал таким нервным темпераментом, был столь впечатлительным, что плохо сопротивлялся обрушившимся на него событиям. Необходимое ему мужество стоило царю колоссальных усилий воли. Он чрезмерно далеко заходил в своих решениях и действиях, чтобы победить врожденную робость. Под конец этого судьбоносного дня, 7 августа, он увидел появившихся мать и жену. Их присутствие не помогло ему. Зато с какой радостью он встретил солдат из «потешных» полков и одного стрелецкого полка, который уже давно привлек на свою сторону!

Пока Петр находился в Лавре, Софья, заблуждаясь, смеялась над постыдным бегством противника. Но она не решалась атаковать хорошо укрепленную Троице-Сергиеву лавру. Эффект неожиданности был упущен, интуиция подсказывала ей, что нужно прибегнуть к хитрости и выманить царя. Тогда она предложила ему вместе с ней поехать в Москву, где они в спокойной обстановке по-братски обсудят ситуацию. Он отказался и передал через нарочного всем стрельцам приказ, чтобы они ослушались царевну и перешли на его сторону. Каждый из них пытался подкупить как можно большее количество народу из полков. В этом настойчивом торге даже перемещения одного ружья было бы достаточно, чтобы нарушить баланс в сторону одной из сторон. Посыльные из Кремля и Троице-Сергиевой лавры сталкивались, проносясь по дорогам и доставляя просьбы, угрозы, предложения и приказания. Софья догадывалась о колебаниях в рядах стрельцов, которых она считала верными ей, и обратилась к ним с речью с красного крыльца, обещая им золото, если они и дальше будут ей служить, и грозя наказаниями, если они ее предадут. Несмотря на ее красноречие, казалось, что эти слова не тронули стрельцов, ставших недоверчивыми от стольких неудач. Поставленные перед выбором между молодым царем, избранным легитимно, который наравне с другими солдатами делил все тягости армейской жизни, и незаконной регентшей, которая уже во второй раз прощала своему любовнику два кровавых поражения от татар, стрельцы недоумевали, сомневались, тайно склонялись то к той, то к другой стороне. На следующий день несколько отрядов стрельцов тайно отправились из Москвы в Троице-Сергиеву лавру. Затем движение усилилось, военных частей в Москве становилось все меньше, в то время как вокруг Петра число сторонников увеличивалось. 4 сентября иностранные войска под командованием генерала Гордона и полковника Лефорта пробрались под покровом ночи к стенам столицы. Петр был

безумно рад. Теперь он уже не сомневался в том, что сумеет переломить ситуацию. С последней надеждой Софья отправила к Петру патриарха Иоакима, чтобы тот настроил царя на примирение. Но вместо того чтобы воззвать к молодому царю, патриарх признал его правоту. Тогда Софья решает сама отправиться в Троице-Сергиеву лавру, чтобы поговорить со своим сводным братом. За десять верст до монастыря она была остановлена вооруженным отрядом, который приказал ей повернуть обратно. Петр отказался ее видеть. Она вернулся в Москву ни с чем, и с 6 сентября наталкивалась на непреклонность последних стрельцов, на которых она считала, что еще может положиться. Они требовали, чтобы она выдала им своего любовника и советника Шакловитого, чтобы отвести его к царю. Стрельцы считали, что он, ответственный за все злодеяния, будет лучшей из всех искупительных жертв. Удовлетворенный, Петр, может быть, простит других виновников волнений. Так как Софья отказывалась пойти на эту сделку, стрельцы стали угрожать ей новым мятежом, еще более кровавым, чем предыдущие, и она уступила.

Покинутый регентшей, Шакловитый был доставлен на следующий день, 7 сентября, в Троице-Сергиеву лавру и подвергнут допросу. Под пытками он сознался в некоторых крамольных мыслях, отрицал все попытки сжить со света Петра. Однако эти оговорки не спасли ему жизнь. Он был приговорен к смерти и обезглавлен 11 сентября, так же как и другие главари. Василий Голицын, благодаря вмешательству своего двоюродного брата Бориса, был не казнен, а сослан в деревушку, затерянную на Севере, где на один рубль в день он должен был жить с семьей, состоящей из пяти человек. Настал час Софьи. Петр писал своему брату Ивану:

«Братец, государь царь Иоанн Алексеевич, с невестушкою, а с своею супругою, и с рождением своим в милости Божией, здравствуйте!..Милостию Божею вручен нам, двум особам, скипетр правления прародительского нашего Российского царствия, якоже о сем свидетельствует матери нашей восточной церкви соборное действо[14] в 7190 году (1682)… А о третьей особе, чтоб быть с нами в равенственном правлении, отнюдь не упоминалось. А как сестра наша царевна София Алексеевна государством нашим учила владеть своею волею, и в том владении, что явилось особам нашим противное, и на роду тягость, и наше терпение о том тебе, государь, известно. А ныне злодеи наши Федька Шакловитый с товарищами, не удовлетворялся милостию нашей, преступя обещание свое, умышляли с иными ворами об убивстве над нашим и матери

нашей здоровьем, и в том по розыску и с пытки винились. А теперь, государь братец, настоит время нашим обоим особам Богом врученное нам царствие править самим, понеже пришли есьми в меру возраста своего, а третьему зазорному лицу, сестре нашей (ц. С.А.) с нашими двумя мужескими особами в титлах и в расправе дела быти не изволяем… Срамно, государь, при нашем совершенном возрасте, тому зазорному лицу государством владеть мимо нас! Тебе же, государю брату, объявляю и прошу: позволь, государь, мне отеческим своим изволением, для лучшей пользы нашей и для народного успокоения, не отсылаясь к тебе, государь, учинить по приказам правдивых судей, а неприличных переменить, чтоб тем государство наше успокоить и обрадовать вскоре. И как, государь братец, случимся вместе и тогда поставим все на мере, а я тебя, государя брата, яко отца почитать готов… Писал в печалях брат ваш царь Петр, здравия нашего желаю и челом бью».

Обладая слишком слабым рассудком, чтобы ответить на это важное письмо, Иван важничал, хранил молчание и ждал, когда буря утихнет. Тогда Петр послал в Москву боярина Ивана Троекурова, своего компаньона по детским играм, с приказом объявить Софье, что она должна отправиться в Новодевичий монастырь, недавно выстроенный поблизости от столицы. Подавленная и униженная царевна поняла, что ее партия проиграна. Она, конечно же, сожалела о том, что не умертвила Петра, когда он был еще ребенком, а отправила его вместе с матерью в Преображенское. Снисходительность в политике редко бывает отплачена. Но Петр, в свою очередь, проявил милосердие. Он мог бы казнить Софью. Ее брат Иван не сделал ничего, чтобы защитить ее. И она следовала по дороге в монастырь, испытывая чувства горечи и облегчения одновременно. Ее имя отныне было исключено из всех официальных документов. Келья стала ее царством.

6 октября 1689 года Петр победоносно отправился в Москву, за ним следовали его двор, бояре, потешные и стрельцы. У въезда в город собрались жители, чтобы приветствовать его. Колокола звонили в честь его возвращения. Когда кортеж проезжал мимо, к нему со всех сторон склонялись головы. Петр, который трепетал, как осенний листок, в ночь с 6 на 7 августа, был опьянен реваншем. Брат Иван ждал его на ступенях Успенского собора, он сделал шаг навстречу, поддерживаемый двумя боярами, и упал в объятия Петра. Толпа кричала от радости и плакала от волнения. Сильный великан с загорелым лицом и в сияющем венце обнимал инвалида. Петру было семнадцать лет и четыре месяца.

Глава IV
Немецкая слобода

Когда Петр подвел итоги своих действий за последние месяцы 1689 года, он остался доволен результатами, которых добился. Софья в монастыре искупала вину за дерзкое желание завладеть троном, главные ее сторонники были обезглавлены или сосланы, стрелецкое войско вновь обрело дисциплину, народ успокоен, удовлетворен и опять доверяет власти. Жалкий царевич Иван, забытый в глубине кремлевских покоев, проводит все свое время с женой, которая его обманывает, и со своими дочерьми, которые, возможно, и не его вовсе.[15] Иностранные дипломаты считали, что Петр, у которого теперь были развязаны руки, должен взять бразды правления. Голландский посол Ван Келлер писал: «Как царь (Петр) был очень умным и проницательным, и в то же время он умел добиваться привязанности от каждого и показывал явное пристрастие к военным, от него ждали героических акций и предвещали день, когда татары обретут наконец хозяина».

Но Ван Келлер сильно ошибался. Отдав все силы борьбе за власть, Петр не испытывал никакого желания использовать свои преимущества. Говорили, что это нечеловеческое усилие опустошило его и он не чувствовал себя готовым нести то бремя ответственности, которое на него возлагали. Царя больше интересовали военные игры, пирушки и любовные игры со служанками, а не политика. Он не любил работу в кабинете. При первой же возможности он убегал из Кремля, из этой мрачной и торжественной золотой клетки, которая полнилась монахами и придворными, чтобы побегать по улицам, покомандовать своим войском или встать за штурвал ботика на Плещеевом озере. В деле управления государством он очень полагался на свою мать, слабую и невежественную Наталью Кирилловну. Она действовала с помощью трех бояр, патриарха Иоакима и Думы. Это общество было настроено воинственно и ретроградно. По настоянию патриарха иностранцы, столь любимые Петром, были обвинены в ереси, вновь начались религиозные споры вокруг Библии, из страны высылали иезуитов, на Красной площади был заживо сожжен немец Кульманн…

Петра раздражала эта нетерпимость, однако он не считал необходимым вмешиваться в события. Отвлекаясь от своих занятий, ему приходилось время от времени наносить визиты жене. Милая и заурядная Евдокия была образцовым продуктом

русского терема. Она умела читать и писать, краснела по каждому поводу, верила в сны и во всяческие суеверия и была скорее сентиментальной, нежели чувственной рядом со своим страстным супругом. Она называла его «моя радость», «мое сердце», «мой свет», «моя маленькая лапка» и покорно подчинялась всем его требованиям в надежде зачать ребенка. И хотя дни, когда Петр проводил в супружеской постели, были редки и приносили зачастую разочарование, Евдокия забеременела и благополучно родила на свет 19 февраля 1690 года сына, царевича Алексея.[16] Рождение первого сына было для Петра даром небес, уверенностью, что жизнь его рода будет продолжена, а не умрет вместе с ним. Царь кричал от счастья, хохотал во все горло, стискивал в порыве признательности запястья молодой роженицы, пил водку, приказал палить из пушек и вскоре, оставив измотанную мать и кричащего младенца, вернулся к своей холостяцкой жизни в гостеприимные дома Немецкой слободы, где его ждали другие женщины, более опытные и располагающие к себе. Однако он вернулся в Кремль на пиршества, которые, как и полагалось, были устроены в честь счастливого события. Весь город участвовал в этом ликовании. Люди одинаково радовались и во дворцах, и в избах. «После рождения царевича ничего не делали, а только устраивали пиры и гулянки настолько широко, насколько возможно, – писал голландский посол Ван Келлер. – Однако эти развлечения почти всегда сопровождались значительными повреждениями, беспорядками, драками и преступлениями… Для многих это плохо заканчивалось… Было бы лучше, если бы дни таких чествований Бахуса были отменены, потому что благовоспитанные люди не могли выйти из дома, чтобы не быть оскорбленными, несмотря на то что во многих местах в городе стояли военные посты, чтобы помешать пьяному насилию».[17]

Как только закончились празднества, посвященные рождению царевича, 27 марта 1690 года скончался патриарх Иоаким. В своем «завещании» он призывал царя отказаться от встреч с иноземцами, лишить их командных постов в армии, не давать строить кирхи в Немецкой слободе и ввести смертную казнь для тех, кто проповедует обращение в другую веру. Таким образом, патриарх озвучил отвращение русского народа к людям, приехавшим из других мест, которые говорили на непонятном языке, молились в сараях, не почитали Богородицу и – о ужас! – ели траву, называемую салатом, «совсем как скотина». Вовсе не думая слушаться указаний покойного, Петр предложил сделать его преемником просвещенного и либерально настроенного псковского митрополита Маркелла. Но царица Наталья

Кирилловна, которая не разделяла приверженности сына ко всему западному, следуя советам духовенства, оказывала предпочтение митрополиту Казанскому Адриану. Предлогов, чтобы отодвинуть Маркелла, оказалось достаточно: этот священник говорил на «варварских» языках (каковыми являлись латынь и французский) и к тому же его борода не была достаточной длины.

Раздраженный этим решением, Петр вновь испытал необходимость избавиться от опеки всемогущего духовенства. Русская Церковь образовала государство в государстве со своим огромным богатством, бесчисленными землями, не облагаемыми налогами, своим собственным правосудием, крепостными крестьянами и собственными укрепленными крепостями-монастырями. Патриарх, избранный церковным собором с одобрения царя, становился независимым от государя сановником, который не подчинялся никому. От него зависели митрополиты, архиепископы, епископы, монахи, попы. Монахи были холостыми и, как правило, хорошо образованными; попы – женаты, несчастны, необразованны. Они не имели доверия у народа, который видел в них не проводников Божьей воли, а простых служителей культа с красивыми голосами и торжественными жестами. Чтобы утвердить преимущество духовной власти над временной, царь по традиции принимал участие в церковной процессии, проходившей в Вербное воскресенье в Москве. Он должен был вести под уздцы осла, везущего патриарха. Петр отказался следовать этому обычаю. Его так и не увидели покаявшимся и идущим со склоненной головой рядом с ослом, на котором вальяжно устроился глава Церкви в своих самых дорогих одеждах. Царь продолжал дружеские отношения с обитателями Немецкой слободы. Ксенофобия Иоакима, Натальи Кирилловны и думского боярства становилась для него невыносимой, как и все, что ему напоминало о старой Руси. Петр хотел сбежать от этих обычаев предков, в которых ему было тесно, как в тяжелых одеждах с запахом ладана и плесени. Взбунтовавшись против традиций предков, он обедал у генерал-майора Патрика Гордона. В пятьдесят пять лет Гордон вступил в русскую армию, воевал в Швеции, Германии, Польше, участвовал в двух печально известных кампаниях Василия Голицына в Крыму, в нескольких коммерческих миссиях в Англии. Именно он дал Петру инструкторов для обучения его потешных полков. Во время государственного переворота именно он убедил иностранных офицеров выступить против регентши и присоединиться к царю в Троице-Сергиевой лавре. С того дня он стал другом и советчиком Петра, которому нравился рыцарский характер генерала, знание западных нравов и его суровая

мудрость с налетом педантичности.

Другим «другом и советчиком» молодого государя стал швед Франц Лефорт, который также примкнул к Петру в критический момент. Непоседливый искатель приключений, Франц Лефорт служил под разными знаменами, прежде чем высадился в Архангельске и завербовался в русскую армию. Ему было тридцать пять лет, ростом почти с Петра, он не блистал образованием, хоть и плохо, но говорил на русском, голландском, немецком, итальянском и английском языках. Лефорт бегло изъяснялся по-французски, объехал много стран, так часто попадая в различные ситуации, что у слушающих его рассказы создавалось впечатление, что имеешь дело с дюжиной разных людей. Эта жизнь в постоянном движении не изменила от природы веселого нрава Лефорта. Его задор, живость, смелость и пристрастие к роскоши и разврату притягивали царя. Он был неутомим в физических упражнениях. Прекрасно объезжал диких лошадей, стрелял из ружья и лука лучше, чем кто бы то ни было, много пил, не пьянея. В доме этого славного весельчака Петр чувствовал себя лучше, чем в других местах. Здесь он курил, пьянствовал, орал, дрался и с наслаждением спорил. Пиры продолжались обычно по трое суток. Из этих застолий Гордон выходил с тяжелой головой и больным желудком, а Лефорт и царь, бодрые и веселые, готовы были через час начать все заново. Петру настолько нравилось, как его принимали, что он брал с собой своих русских друзей, и дом становился слишком тесным для такой компании. Царь расширил и украсил его за свой счет. На следующий день после очередного праздника один из иностранных гостей написал: «Генерал Лефорт прекрасно принимал и угощал гостей в течение четырех дней, Его Величество, с главными вельможами страны, высокими иностранными гостями и дамами, всего было двести человек. Кроме пышности больших пиров, была еще прекрасная музыка, ежедневные балы, салют и каждый день по двадцать залпов из двенадцати пушечных орудий. Его Величество приказал сделать очень красивую спальню, обитую тканью, которая смогла вместить полторы тысячи человек и скорее походила на самую настоящую и очень красивую королевскую спальню. На стенах висели пятнадцать больших ковров из шелка, сотканных так искусно, что невозможно было отвести глаз. Дом генерала был великолепно обставлен. Серебряная посуда, оружие, картины, зеркала и ковры – все необычное и дорогое; кроме того, у генерала было множество слуг, два десятка породистых лошадей и личная гвардия из двадцати человек дежурила у его ворот».[18]

На этих пирах присутствовали и дамы – «шотландки с тонким

профилем, немки с мечтательным взглядом или дородные голландки»,[19] не имеющие ничего общего со скоромными затворницами московских теремов. Супруги и дочери ремесленников, торговцев, иностранных офицеров носили платья, подчеркивающие талию, свободно вступали в разговор, хохотали, пели свои песни и без ложной стыдливости бросались в объятия кавалеров, когда оркестр начинал играть танцевальную музыку. Некоторые из них не отличались строгостью нрава. Та, кто соблазнила Петра, была не кто иная, как бывшая любовница его друга Лефорта – Анна Монс, дочь переселенца из Вестфалии. Ее отец, Йоханн Монс, держал трактир в Немецкой слободе, где Анна вместе со своей сестрой угощали гостей. Там ее и приметил Лефорт. Анна Монс не получила никакого образования, собирала знахарские рецепты, была довольно алчной, демонстрировала свои вульгарные манеры, но при этом оставалась красивой, живой, непосредственной, смешливой и желанной. Какая противоположность благочестивой, скучающей и ноющей Евдокии! И Лефорт уступил молодую женщину царю, так сильно ее возжелавшему. Счастливая оттого, что взлетела так высоко, Анна Монс рассчитывала получать от царя роскошные подарки. Однако очень скоро она разочаровалась. Ее новый любовник был скуп на деньги, чего нельзя было сказать о ласках. Он овладевал ею грубо, эгоистично, как солдафон, а дарил лишь безделушки. По крайней мере, так было вначале. Постепенно количество и стоимость презентов начали расти. Она получила драгоценные украшения, земли с двумястами девяноста пятью крестьянскими домами… Царь не скрывал больше свою связь. Он гордился ею, представлял свою любовницу иностранным дипломатам.

Впрочем, это не мешало ему изменять Анне со случайными партнершами во время оргии или проводить ночь в одном из домов в Немецкой слободе, где его знали под именем «Герр Петер». Но он всегда возвращался к Анне Монс, как лучшему источнику удовольствия. На самом деле он любил использовать женщин для удовлетворения своих сексуальных потребностей, но не питал к ним никакого уважения и почтения, никакого сентиментального интереса. Он их презирал настолько же, насколько сильно их желал. Часто совместным ужинам в доме Лефорта он предпочитал откровенные отношения с мужчинами. Тогда гости, по примеру царя, теряли выдержку. Эти празднества назывались «битвы с Ивашкой Хмельницким» (от слова «хмель»). И часто застолья переходили в битвы, «такие потрясающие, писал Куракин, – что было немало смертельных исходов». Иногда царь, обезумев от вина, падал в объятия одного из своих собутыльников или выхватывал свою шпагу, чтобы его проткнуть. С большим

трудом удавалось его усмирить. В другой раз он удовлетворялся тем, что давал пощечину своим оппонентам или срывал с них парики. Но в остальное время, несмотря на огромные порции алкоголя, который он потреблял, Петр сохранял здравый рассудок. В то время как вокруг него суетились какие-то фигуры, гримасничали лица, развязывались языки, он обозревал окружающих острым взглядом и запоминал слова откровения своих подданных, произнесенные в пьяном бреду между приступами икоты. Это был один из его способов вызнать секреты своего окружения.

Пристрастие к пьяным сборищам сопровождалось у Петра страстью к иллюминации и фейерверкам. Его друг Гордон, знавший некоторые пиротехнические тонкости, преподал царю несколько уроков. В оправдание своей новой страсти Петр ссылался на необходимость приучить русский народ к шуму и запаху пороха. На самом же деле он радовался как ребенок, артистически комбинируя залпы и отдавая приказы артиллерийским орудиям. Он готов был по любому поводу пускать ракеты и составлять эмблематические фигуры в небе. Петр бегал от одного места к другому, размахивая зажженным фитилем, наслаждаясь и смеясь, с лицом, черным от пороха, и смотрел, как распускаются букеты искр в небе над Преображенским. Как всегда, царь веселился, не зная меры, а эти забавы оказались довольно опасными. Так, 26 февраля 1690 года Гордон извещал в своей «Газете» о смерти вельможи, убитого упавшей пятифунтовой ракетой. Такое же злоключение повторилось еще раз через несколько месяцев. На этот раз пострадал зять Тиммермана, которому обожгло лицо, а трое рабочих погибли на месте. Но это было детской шалостью по сравнению с опасностью, которой подвергались товарищи царя на маневрах, называемых Петром «потешными». Он приказал создать Пресбург, миниатюрный город на берегу Яузы. В нем были крепость, казарма, суд, административные кабинеты и маленький порт с лодочной флотилией на рейде. Все это предназначалось для военных развлечений государя. Войско было поделено на два лагеря. Офицерами были иностранцы, младший командный состав – русские. Хотя «хозяином» этой армии был Петр, сам он довольствовался местом простого сержанта в Преображенском полку.

Грохот пушечных орудий, разрывы гранат, выстрелы, раздающиеся со всех сторон, выступающая на переднем фланге пехота, развернутые знамена, звуки труб и барабанов. Возможно, эта имитация войны была для царя своего рода средством закалиться, укрепить свои больные нервы? 2 июня 1690 года

Петру, с обнаженной шпагой возглавившему штурм, обожгло лицо взрывом гранаты. Немногим позже та же участь постигла Гордона. Многие офицеры в рукопашном бою получили колотые раны. В октябре 1691 года во время одной из таких атак, которые Гордон называл «воинственным балетом», был убит князь Иван Долгорукий. Эта смерть огорчила Петра, но не заставила отказаться от его целей. По приказу царя две армии, по двадцать тысяч человек каждая, должны были сразиться в гигантском «потешном бою» в октябре 1694 года. Федор Ромодановский должен был командовать армией, защищавшей созданный для сражений город Пресбург, в то время как другое войско, под командованием Бутурлина, должно было атаковать его позиции. Эти маневры были названы «Кожуховской кампанией» от названия деревни Кожухово, где они проходили. Чтобы это зрелище стало еще интереснее, Петр решил присвоить Ромодановскому титул короля Пресбурга, а Бутурлин должен был изображать короля Польши. Ярость нападавших была не меньше решимости защитников. Участвовавший в операции Лефорт написал: «Бросали гранаты, нечто вроде горшков или кувшинов, в которых было по четыре фунта пороха… В атаке мне обожгло лицо и ухо, и стало страшно за свои глаза». Царь сказал Лефорту: «Я в ярости от твоего несчастья. Ты говорил, что скорее умрешь, чем покинешь свой пост. Мне нечем тебя вознаградить, но я это сделаю». Потери за время маневров составили двадцать четыре человека убитыми и восемьдесят ранеными. Побежденный «король Польши» был пленен и доставлен в лагерь «короля Пресбурга». Получив несчастного покоренного противника, «король Пресбурга» устроил пир для всех участников битвы. Петр был удовлетворен результатами этого великолепного зрелища. Оставалось дождаться настоящего сражения.

Однако необходима была сильная армия не только на суше, но и на воде. Царь не забывал о своих любимых кораблях. По его приказу известный голландский плотник Карстен-Брандт вместе с двадцатью своими компаньонами обосновался на берегу Переяславского озера для строительства флотилии. Около верфи были наспех сооружены церковь и деревянный домик, похожий на жилище мастерового. Окна были сделаны из слюды, а к двери прикреплен позолоченный деревянный двуглавый орел, увенчанный венцом. Именно сюда, к мастерам, приезжал время от времени, втайне от всех, царь. Одетый как простой рабочий, он умело обращался с топором, молотком, рубанком, так что стружки летели от него во все стороны. Ему нравилась работа с деревом и общение с этими суровыми людьми, которые хорошо знали свое дело и учили его без скидок на происхождение. К тому

же это красивое место всего в двух днях езды от Москвы. Иногда кто-нибудь из окружения царя приезжал сюда в сопровождении дам легкого поведения, привозя с собой повозки с вином, пивом и бочонки с водкой. И наступал перерыв. Но вскоре Петр опять принимался за дело. В феврале 1692 года мать просила его приехать в Москву для встречи с персидским шахом. Царь не счел нужным этого делать.

Вскоре озеро показалось Петру жалкой лужей, недостойной его большой мечты. Ему нужно было «настоящее море». Наталья Кирилловна, опасаясь неосторожности сына, умоляла его отказаться от планов на путешествие. Он пообещал ей не садиться на корабль и сказал, что будет наблюдать издалека за тем, как спускают на воду корабли.

В июле 1693 года царь отправляется в северные края, в Архангельск, единственный порт в своем государстве, где можно было дышать морским воздухом. Вместе с ним едет группа в сто человек, среди которых Лефорт, Ромодановский, Бутурлин, священник и двое придворных карликов. Приехав в Архангельск, Петр был так очарован бьющимися о берег серыми волнами, легким туманом, скрывающим линию горизонта, суетой моряков на причале, торговой сутолокой города, где собирались все купцы из Европы, что больше не мог сдерживаться и забыл об обещании, данном матери. И вот он, уже одетый в форму голландского матроса, на борту яхты «Святой Петр», вышел в открытое море. Резкий ветер бил ему в лицо, сильные волны ударяли о палубу под ногами. Стоя рядом с рулевым, царь мечтал о том дне, когда русский флаг станет развеваться над этими просторами, которые принимают пока только иностранные суда. По возвращении в Архангельск он решает создать военный флот. Первый корабль будет сооружен в России местными мастерами, другой он закажет в Голландии, бургомистру Амстердама, Витсену: это будет фрегат с сорока четырьмя пушками. Между тем, узнав, что ее бесстрашный сын отважился отправиться в море к границам Северного Ледовитого океана, Наталья Кирилловна умоляла его в письме вернуться в Москву. Она даже написала ему от имени своего трехлетнего внука Алексея: «Здравствуй и доброго здоровья тебе на долгие годы, мой дорогой батюшка, царь Петр Алексеевич. Возвращайся к нам скорее, ты наша радость, наш государь. Я прошу тебя об этой милости, потому что вижу печаль бабушки». Наконец, с большим сожалением, Петр собрался в обратный путь.

В Москве он нашел свою мать больной и обеспокоенной. Он испытывал к ней большую нежность, благоговейное почтение; она представлялась ему единственным существом в мире, чья любовь

не была запятнана никаким расчетом. Но, несмотря на все заботы придворных медиков, царица умерла 25 января 1694 года. Печаль Петра была похожа на летнюю грозу. Он выл, плакал, молился. Но на третий день после похорон Натальи Кирилловны уже ужинал у Лефорта в кругу веселых друзей. Вино, шум, улыбки Анны Монс были необходимы ему, чтобы противостоять обрушившемуся на него горю. Печаль, считал он, – это болезнь еще серьезнее той, от которой умерла его мать. Долг человека – насладиться всеми земными удовольствиями, а не смотреть упрямо в яму, которую выкопают когда-нибудь и для него. С 29 января 1694 года он возвращается к своей морской страсти и сообщает Апраксину: «Хотя я еще не оправился от своего горя, пишу тебе о делах живущих: отправляю тебе Никлауса и Яна для постройки маленького судна. Пусть им выдадут необходимые им дерево и железо; пусть сделают сто пятьдесят шапок из собачьих шкур и столько же пар обуви разных размеров…»

Весной он получил письмо от Витсена, сообщающего, что военный корабль, заказанный в Амстердаме, прибудет в Архангельск в июле месяце. Петр хотел быть на месте, чтобы лично встретить его. 8 мая царь и его свита покидают Переяславское озеро на двадцати двух больших лодках-плоскодонках и сплавляются по рекам к Северу. 17 мая флотилия, поднимаясь по Двине, прошла перед Холмогорами и вошла в Архангельск под приветственные залпы пушечных орудий. Что делать в ожидании голландского корабля? Петр не привык к бездействию рядом с морем, движение и брызги волн которого его всегда притягивали. Он поднялся вместе с несколькими друзьями и священником на яхту «Святой Петр» и решил отправиться в монастырь, построенный на Соловецких островах. Когда корабль отошел уже на сто двадцать верст от Архангельска, над Белым морем поднялась сильная буря. В спешке матросы стали собирать паруса. Подхваченная огромной волной яхта начала трещать по всем швам. На борту царило отчаяние. Предвидя кораблекрушение, самые опытные моряки отказались от борьбы и доверили свою душу Господу. Близкие царя рыдали и становились на колени перед священником, который их благословлял. Царь исповедался, причастился и взял в руки штурвал. На этот раз он хорошо владел собой. Говорили даже, что отчаяние спутников его вдохновляло. Решимость Петра приободрила экипаж. По совету рулевого он направил яхту к Унскому заливу, чтобы там переждать ураган. Маневр удался. И люди поверили в чудо. Едва ступив на твердую землю, Петр собственноручно смастерил из дерева крест высотой в полторы сажени[20] и сделал на нем запись по-голландски, чтобы доказать,

что он хорошо владеет языком навигаторов: «Сей крест сделал шкипер Петр в лето 1694». Затем, водрузив крест на могучие плечи, он его перенес на то место, где высадился на берег, и там установил. Вернувшись в Архангельск, царь устроил пир и отпраздновал с песнями и фейерверками Божью милость, которая сохранила ему жизнь. Его видели с пивной кружкой в руке то рядом с друзьями, то вместе с портовыми моряками. «Он находил большее удовольствие и удовлетворение, разговаривая с нашими земляками и созерцая наши корабли, чем со своими», – отмечал голландский посол Ван Келлер. Наконец 21 июля 1694 года вдали показались поднятые паруса фрегата «Святое Пророчество» (Saint Prophete). В городе загремели пушки, зазвонили колокола, Петр ликовал, как если бы ему было не двадцать два года, а двенадцать лет. Никогда еще он не получал лучшего подарка. Поднявшись на борт, он восхищался этим чудом: все ему нравилось, верхняя палуба и каюты, матросы и снасти, пушки и бочки с французским вином. Тотчас же он продиктовал письмо бургомистру Амстердама, снарядившему ему этот корабль:

«Min Her!

Ничто иное ныне мне писать, только что давно желали, ныне в 21 д. совершилось: Ян Флам в целости приехал, на котором корабле 44 пушки и 40 матросов… Пространнее писать буду в настоящей почте, а ныне, обвеселяся, неудобно пространно писать, паче же нельзя: понеже при таких случаях всегда Бахус почитается, который своими листьями заслоняет очи хотящим пространно писати». И подписался по-фламандски в знак выражения дружеских чувств: «Schiper Fonshi Psantus Profetities», что должно было означать Shipper van Schip Sanctus Propheties, то есть шкипер корабля «Святое Пророчество». В это время Петр всецело был поглощен Голландией. Он принял ее морской флаг: красные, белые и синие горизонтальные полоски были теперь и на российском флаге, поменялся только порядок цветов. Но необходимо было еще организовать иерархию этого народившегося флота. Петр радостно распределял звания и должности. Ромодановский, несмотря на то что не имел никаких познаний в навигационной науке, стал адмиралом, Бутурлин, также невежественный в этом вопросе, – вице-адмиралом, Гордон – контр-адмиралом; что касается Лефорта, который в течение долгого времени жил на берегу Леманского озера, то он был назначен командиром первого военного корабля русского флота. Петр остался простым капитаном, так же как когда-то он довольствовался должностью простого бомбардира в сухопутной армии. Этот скромный выбор своего места был одной из черт его характера, скрывающий на самом деле непомерную гордыню.

Настоящее величие, считал царь, не в титулах, не в одежде и не в украшениях. На протяжении всей своей жизни он старался быть просто одетым и жить не лучше придворного дворянства, чтобы доказывать, что его власть зиждется не на внешних признаках, которыми окружают себя монархи из боязни, что к ним не будет должного уважения. В нем уживалась странным образом буффонада и серьезность, прилежание и безудержность. В перерыве между двумя застольями он изучал карты, читал трактаты по артиллерийской науке, приобщался к сооружению парусников для дальнего плавания, заставлял Гордона переводить правила морских сигналов, читал иностранные газеты и перехваченные письма, которые ему приносил глава Почтовой службы Андрей Виниус, сын голландского эмигранта, обращенного в православие. Перехватывая корреспонденцию со всего мира, он все более убеждался, что Россия, имеющая неблагоприятное географическое положение, не сможет никогда дышать свободно и гармонично развиваться, пока не разорвет хомут, который ее душит. На глобусе, который он неторопливо вращал рукой, его взгляд все время обращался к двум точкам: Черному морю и Балтийскому. Чтобы получить к ним доступ, есть только одно средство: война. Но царь не считал себя готовым к войне, несмотря на проведенные военные маневры последних лет. Впрочем, и советники рекомендовали ему быть осторожным.

Одним из доверенных лиц Петра был Александр Меншиков, старый приятель-кондитер, который ни разу в жизни не открыл книги, но, одетый в униформу Преображенского полка, имел потрясающую выправку! Меншиков, выходец со дна общества, обладал живым умом, чрезмерными амбициями, склонностью к роскоши и слепой преданностью своему благодетелю. Ходили слухи, что он был фаворитом Петра и что, любя женщин, царь не брезговал при случае и своим лагерем. Один из современников, Бергхольц, писал, что при дворе был молодой и красивый юноша, бывший лейтенант, которого держали только «для удовольствия» государя. Впоследствии саксонский художник Данненхауэр сделает, по просьбе Петра, портрет одного из его пажей в обнаженном виде. Виллебуа писал, что «у царя были приступы неистовой влюбленности, и, когда они начинались, возраст и пол партнера не имели большого значения».[21] В своих письмах Петр называл Меншикова «дитя моего сердца». Он повсюду возил его за собой, щедро осыпая титулами и одаривая подарками, как если бы на месте Меншикова была фаворитка. Только эта «фаворитка» была двухметрового роста, говорила басом и глушила водку.

Еще рядом с Петром были три министра по текущим делам: ханжа и шулер Габриэль Головкин, такой скупой, что, вернувшись

домой, вешал на гвоздь свой парик с длинными рыжими волосами исключительно из соображений экономии. Федор Головин был человеком уравновешенным, образованным и трудолюбивым, о котором Лейбниц писал, что «он был самым остроумным и самым образованным из москвичей». Третий, суровый и набожный князь Прозоровский, который крестился каждый раз, когда собирался открыть дверь из боязни, что какой-то еретик дотронулся до ручки перед ним.[22] Остальные вращались вокруг этого триумвирата: честный, но суровый и жестокий князь Ромодановский, боярин, к которому даже сам царь обращался «Величество». Настоящий государь заканчивал свои письма, адресованные Ромодановскому, для пущего веселья следующими словами: «Вашего Величества послушный раб Петр». Ромодановский жил среди византийской роскоши, в его свите было пятьсот человек, а посетителей его дворца встречал прирученный медведь, держа в лапах сосуд, полный перцовки, который входящие должны были осушить до дна, прежде чем им разрешалось переступить порог. Шереметев, потомок знаменитой боярской династии, снискал уважение посла Витворта как «настоящий джентльмен», но Петр, уважая его честность, считал Шереметева смертельно скучным человеком. Петр Толстой – настоящий образчик ненависти и обмана, о котором царь говорил, шутя: «Когда вы имеете дело с Толстым, надо держать камень в кармане, чтобы дать ему по зубам, прежде чем он успеет вас сожрать». Однажды, дотронувшись до лба Толстого, он воскликнул: «О голова! Голова! Если бы я не знал, насколько ты ловка, я бы давно уже приказал тебя отрубить!»[23] Другим сподвижником царя был «ловкач» Шафиров, сын комиссионера, еврея польского происхождения, обращенного в православную веру. Работая в услужении у продавца суконной лавки, этот маленький, картавый и слащавый человечек был замечен царем, который ценил его культуру и способности к языкам: Шафиров говорил на шести иностранных языках! Петр отдал его в помощники Головкину, которому нужен был секретарь-полиглот. Так для Шафирова начался головокружительный подъем. Другими советниками, окружавшими государя, были: Ягужинский, Матвеев, Долгорукий, Куракин, Бутурлин, Татищев… Одни имели очень благородных предков дворянских кровей, другие были выходцами из самых низших слоев общества. Какими бы ни были их корни, Петр обращался к своим сподвижникам одинаково сурово и дружелюбно, одновременно подозрительно и наивно. Пока он не знал до конца, как использовать окружавших его людей. Большая часть из них имела титулы и не имела настоящего дела. Все они собирались на

шумных застольях в доме Лефорта. Некоторые, будучи уже в возрасте или в неважном состоянии, присутствовали там не по своей воле. Но отказаться от царского приглашения было нельзя, если человек дорожил своим местом. Даже если кому-то из придворных не нравилось происходящее, он должен был смеяться и пить, невзирая на густой дым курительных трубок, запах скверного вина и чехарду карликов в шутовских одеждах, которые осаждали стол.

Вскоре эти беспорядочные празднества уже не удовлетворяли Петра. Он хотел придать им официальный статус и сделать их регулярными, зайдя совсем далеко в своих шалостях и непочтительности. Таким образом он основал «шутовской конклав», или «Собор большого шутовства», предназначенный для чествования культа Бахуса обильными и частыми возлияниями. Во главе этой веселой компании он поставил самого заядлого пьяницу, своего бывшего наставника Никиту Зотова, который был награжден титулами «князь-папа» и «князь-патриарх». Чтобы войти в роль, Зотов получил жалованье в две тысячи рублей, дворец и распоряжался двенадцатью слугами, которых отобрали из заик. На «церемониях» он всегда держал скипетр и державу из жести, изрыгал бессвязные речи, где непристойности чередовались с цитатами из Библии, и благословлял присутствующих, стоящих перед ним на коленях с двумя скрещенными курительными трубками в руках и свиной требухой на голове. Затем он давал всем поцеловать статую Бахуса вместо иконы. Зотов танцевал перед гостями, пошатываясь и рыгая, в облачении священника, которое он подбирал, демонстрируя свои кривые ноги. Конклав окружал князя-папу, образуя двенадцать лжекардиналов и большое количество лже-епископов, лжеархимандритов и лжедьяконов, пьяниц и неисправимых обжор. Сам царь был «архидьяконом» в этой компании. Он присутствовал на всех сборищах и больше всех пил. Именно Петр собственноручно составлял положения о Порядке, устанавливал иерархию его членов и расписывал подобно детали этих пошлых заседаний. Избранные, облачившись в красные платья кардиналов, должны были отправиться в дом князя-папы, названный Ватиканом, чтобы отблагодарить его и оказать ему почести. Четверо заик провожали гостей в зал папской консистории, где за нагромождением бочек возвышался трон Его Всешутейшей Светлости. Первым вопросом, заданным прибывшему, был не «Ты веруешь?», как в первообразной церкви, но «Ты пьешь?». И князь-папа добавлял: «Преподобный, открой рот и проглоти то, что тебе дают, и скажи нам что-нибудь хорошее». Водка текла рекой в горло вошедших и того, кто их

встречал. После чего к соседнему дому отправлялась процессия, необходимым условием для участников которой было держаться вместе. Наряженный в костюм голландского моряка, Петр открывал шествие, играя на барабане. За ним шествовал князь-папа, окруженный лжемонахами и сидя на бочке, которую тянули четыре быка. Вместо эскорта процессию сопровождали козлы, свиньи и медведи. Просторная галерея с расставленными кушетками ждала участников шествия. Рядом с кушетками водружались огромные бочки, разрезанные на две части, одна из которых предназначалась для продуктов, а другая – для справления естественных нужд. Было запрещено покидать свою кушетку до конца праздника, который длился по три дня и три ночи. Слуги, карлики, шуты рьяно помогали утолять жажду Их Преосвященствам, настраивая их на похабные разговоры. Среди специально привлеченных шутов были люди с физическими уродствами, которых государь находил очень забавными, и те, кого «наказали» за то, что они не полностью выполнили свои обязанности раньше. Все были одеты в костюмы и гримасничали вокруг «кардиналов», которые поднимали по сигналу локти и опрокидывали стакан за стаканом. Водка, вино, пиво, медовуха – все шло в ход, напитки перемешивались, а пропитанные алкоголем, потные, исстрадавшиеся и несчастные гости ругали себя, плакали, катались по земле или дрались, охваченные тупой яростью. Их рвало на шикарные маскарадные костюмы. Царь пил, как и все, но сохранял ясный рассудок. Находясь среди пьяных, Петр аплодировал их экстравагантности и поощрял опускаться еще ниже. «Во всех праздниках, устраиваемых этим царем, – писал Виллебуа, – он имел привычку, когда рассудок людей начинал мутнеть от вина, прогуливаться вокруг столов и слушать, что там говорили; и когда от кого-то из гостей он слышал речи, повторения которых он хотел услышать от трезвого человека, Петр брал его на заметку».[24] В новогоднюю ночь изумленные москвичи увидели разворачивающуюся кощунственную процессию: князь-папа показался верхом на бочке, в которую были запряжены двенадцать лысых мужчин. На голове у князя-папы была митра из жести, а облачен он был в ризу, вышитую рисунком из игральных карт. За ним следовали «кардиналы» в комических сутанах, сидя на быках и размахивая бутылками. Дальше, в санях, запряженных свиньями, медведями и собаками, ехали другие «сановники». Все они орали богохульные вирши. Останавливаясь перед самыми богатыми домами, участники процессии заставляли подать им выпивку. Кто осмелился бы отказаться? Шутовской кортеж появлялся на каждый церковный праздник, и среди народа и знати поползли слухи: а может быть,

царь Антихрист?

Узнав, что эти публичные оскорбления веры вдохновлялись и направлялись Петром, Евдокия плакала, сожалела, что Натальи Кирилловны больше нет, чтобы вразумить своего сына, и молила Господа образумить царя. Но напрасно она умоляла мужа отказаться от этих бесовских клоунад, он смеялся и прогонял ее. Супруга его утомляла. Знал ли он, чему соответствует в его сознании установление князя-папы и пьяниц-кардиналов? Конечно, придумав развлечение с князем-папой и пьяницами-кардиналами, Петр не хотел таким образом опорочить духовную власть, которая имела в стране авторитет, соперничающий с его собственным. Царь же отказался водить за веревочку осла патриарха Адриана! И теперь становился все более дерзким. Но Петр остался убежденным христианином. Он уважал Церковь, но хотел, чтобы духовенство не вмешивалось в государственные дела и управление страной. Что касается папы, непонятного предводителя католиков, он представлялся Петру всего лишь далеким, странно разряженным персонажем, не имеющим никакого влияния на Россию. Значит, можно подшутить над ним, как над карнавальным героем, не оскорбляя Бога. Любитель большого фарса, царь присоединился к игровым традициям Средневековья, смешав священное с мирским, высмеивая королей, пап, аббатов, в течение многих дней без остановки произнося безбожные речи для спасения своей души. У него от природы было желание взбудоражить всех вокруг себя. И в первую очередь поломать старинные русские обычаи, которые были народными или религиозными. Протестанты нравились ему, потому что они осмелились внести изменения в религиозную сферу. Только они это делали серьезно и важно, в то время как его отрицание было веселым, карикатурным и безумным. А может быть, он насмехался над рабом «Его Величества» Ромодановским? Почему же тогда запрещалось насмехаться над патриархом и папой? Смешно было надрывать животы и пить до потери сознания. Все предлоги были хороши, чтобы разбить привычный ход ежедневного существования. После свободного застолья дух становится более живым. Петр разделял точку зрения, что политический гений и способность употреблять алкоголь в больших дозах у великих людей совмещены. Великан, исполненный силы и мощи, он слушался лишь примитивных инстинктов, шедших из глубины веков. Но никогда во время этих сатурналий Петр не забывал, что он царь. Может, именно в те моменты, когда его компаньоны считали, что царь уже окончательно пьян, он задумывал свои лучшие проекты? Один из тех, над которым он работал больше других, – было

возобновление военных действий против Турции. Он хотел одержать верх там, где Софья и Василий Голицын два раза потерпели фиаско. Его брат Иван, бледный призрак, был не в состоянии противодействовать его замыслам. Как, впрочем, и никто из его окружения. Однако Петр сомневался. Как узнать, стал ли он уже настоящим военным или все еще остается капитаном «потешного полка»?

Глава V
Война против Турции

Занятый сухопутными и морскими маневрами, пирами и любовницами, Петр не мог не знать, что ситуация в государстве ухудшается. Внутри страны дворяне и простолюдины критиковали легкомыслие царя, его увлечение иностранными советчиками, бесполезные военные игры, его непристойные атаки на Церковь. Неразбериха и апатия царили среди ответственных государственных чиновников. Множилось число разбойников в деревнях вплоть до окрестностей Москвы. Они безнаказанно грабили, вымогали деньги и убивали людей. А Дума, которой молодой государь оставил управление делами, была очень вялой и раздробленной и была не в состоянии принять какое-либо решение. Некоторые из бояр, примкнувших к Петру в 1689 году, теперь с сожалением вспоминали о временах регентства. Софья совершала ошибки, но она, по крайней мере, управляла страной.

За пределами России дела обстояли еще хуже. В 1692 году двенадцать тысяч татар разорили Немиров, увели в плен тысячи мужчин и женщин, захватили всех лошадей. Эти набеги на украинские земли повторялись довольно часто, а жители территорий, подвергающихся угрозам, напрасно молили царя о защите. Мазепа, новый гетман казаков, видя равнодушие и бездеятельность России, опасно сблизился с Польшей. Франция вела переговоры с Великим визирем, чтобы добиться защиты Святых Мест. Католические священники отобрали у православных монахов Гроб Господний, половину Голгофы, Вифлеемский храм и Святую Пещеру. Патриарх Иерусалима мечтал о священной войне. Султан Ахмед Второй в знак презрения к слабоумной нации даже не посчитал нужным известить о своем приходе к власти двух русских царей, хотя проинформировал всех остальных глав европейских государств.

Петр до поры до времени не придавал этому значения. И вдруг настало прозрение, пришла зрелость. Лефорт как раз собирался устроить большое путешествие по Европе, чтобы продемонстрировать своим землякам в Швеции и Голландии дружбу, уважение и богатство, которое они обретут, если объединятся вокруг Петра. Любящий всякие новшества, царь, говорил Лефорт, извлечет драгоценные знания из визитов в самые развитые и оснащенные страны мира. Петр сразу одобрил эту идею. Но он не хотел быть для иностранцев очередным царем, личностью, в активе которой не было бы никаких побед. Прежде

чем отправиться в дорогу, надо было встать в один ряд с самыми значимыми государями Запада. Только когда его будут уважать и бояться за пределами границ, он выедет из страны. Петр нуждался в лаврах воина-победителя. Под влиянием Лефорта он перешел от игры к действию. 20 января 1695 года, в самом разгаре зимы, он подписал указ о мобилизации на войну с Турцией. Однако, вернувшись к плану Голицына, он изменил тактику. Вместо осуществления прорыва на Перекоп он выбрал целью Азов на Дону, называвшийся в Средние века городом Таной.[25] Этот город был мощно укреплен турками и защищал одновременно устье реки и выход к Черному морю. Чтобы ввести врага в заблуждение, Шереметев предпринял отвлекающий маневр. С войском в сто двадцать тысяч человек он атаковал турецкую крепость в устье Днепра. В то же время маленькая армия в тридцать тысяч человек, в которую входили все новые полки, рота царских бомбардиров, стрельцы, придворное и городское ополчение, пошла на Азов. Этим войском командовали три генерала: Гордон, Головин и Лефорт. Этот поход был похож на один из потешных маневров, целью которого была осада крепости Пресбурга.

«Шутили мы под Кожуховым, а теперь под Азов играть едем», – писал Петр Апраксину. Любящий розыгрыши и маскировку, царь взял псевдоним Петр Алексеев и требовал, чтобы с ним обращались как с простым капитаном бомбардиров. Петр писал Ромодановскому, который был окрещен в свое время в насмешку «король Пресбурга»:

«Min Her Kenich, письмо Вашего Превосходительства из стольного града Пресбурга мне было передано, за которую Вашу государскую милость должны до последней капли крови своей пролить, для чего и собираюсь в дорогу. Бомбардир Piter».[26]

Прибыв наконец под стены Азова, трое главнокомандующих – Гордон, Головин и Лефорт – не смогли прийти к единому мнению. Осада города не ослабила сопротивление врага. Первые штурмы укрепленных точек окончились неудачей. Несмотря на мнение Гордона, Петр приказал начать широкомасштабную атаку в воскресенье, 5 августа 1695 года, и вызвал волонтеров, обещая им хорошее вознаграждение. Никто из солдат и стрельцов не представился. Потешные сражения во время маневров под Пресбургом их так и не подготовили к реальным сражениям. Но две с половиной тысячи донских казаков пожертвовали собой. Их включили в войска, не принимая во внимание, что отборным полкам не хватает энтузиазма. Плохо подготовленные и плохо проведенные атаки были отражены с тяжелыми потерями для русских. Тогда Петр решает использовать мины вместо пушек,

чтобы сделать пролом в крепостной стене. Но мины не взрывались, а когда взрывались, то убивали больше русских, чем турок. Однако чудом в результате взрыва одного из снарядов образовалась дыра в стене, достаточная для прорыва атакующих. Несмотря на натиск, они были отброшены назад. Другие операции оканчивались еще большими провалами. Из трофеев русским удалось захватить лишь одно знамя и одну турецкую пушку. Шли дожди, река выходила из берегов, затопляя палатки, подмачивая порох, превращая траншеи в трясину. На сто девяносто седьмой день осады военный совет принял решение отступить к Черкасску. Турецкая кавалерия преследовала растянувшиеся арьергарды русских войск и наносила сокрушительные удары. Вслед за дождями пришли холода. Испытывая нехватку продовольствия и теплых вещей, гибли солдаты сотнями. На оставшихся в живых нападали волки. Неудача была еще большей, чем та, в которой обвиняли когда-то Василия Голицына. Но, как и Василий Голицын, которого он так критиковал, Петр въехал в Москву победителем. Во время его триумфального шествия по городу один, а может быть, и единственный турецкий пленный, закованный в цепи, шагал во главе кортежа. В церквях служили благодарственные молебны. Потери, понесенные войсками, официально были прописаны на счет некоего Якова Янсена, который якобы открыл врагу секретную стратегию русской армии. Однако одурачить общественное мнение не удалось. Это унижение не умалило Петра, а побудило к размышлениям. Для него никогда не существовало проигранных дел, но только уроки, из которых надо было сделать выводы, чтобы изменить ситуацию в свою пользу. В то время как вокруг него клеветники вспоминали пророческие слова патриарха Иоакима против иностранных советников и генералов-еретиков, царь хладнокровно анализировал причины поражения. Неприступную с суши Азовскую крепость можно будет взять, атаковав ее с моря. Корабли с Плещеева озера подходят лишь для развлечения, России нужен настоящий флот. Как бы ни было сложно, необходимо его быстро создать! С подачи Петра боярская Дума принимает решение о постройке военного флота. Вся страна обкладывается налогами. Каждый собственник, владеющий более десятью тысячами «душ», был обязан оплатить один полностью экипированный корабль. Монастыри также должны были внести свой вклад в зависимости от количества крепостных, которыми они располагали. Царская семья подготовила девять кораблей. Вопрос с рабочей силой был решен быстро. Были приглашены из-за границы капитаны, лоцманы, матросы и специалисты-кораблестроители. Некоторые, приехав в

Воронеж, место, выбранное для грандиозного строительства, приходили в ужас от условий жизни, которые им предлагались, и сбегали. Простых рабочих привлекали к работе принудительно: кузнецы, плотники, столяры были сняты со своих рабочих мест и срочно отправлены на берег Дона. Сюда согнали на черные работы тридцать тысяч крестьян, взятых насильно, несмотря на мольбы их семей. Материалов было в достатке. Шесть тысяч деревьев, дубов, елей, лип было доставлено в рекордно короткое время из густых воронежских лесов. Тем временем специальные агенты собирали по всей России железо, медь, смолу, снасти, холст, гвозди, коноплю, необходимые для оснащения кораблей. Петр назначил командующих штабом будущего флота: швейцарца Лефорта адмиралом, Лима, венецианца, вице-адмиралом, а Балтасара де Л'Озьера, француза, контр-адмиралом. Сам царь довольствовался ролью капитана-лоцмана. Но пока еще отплывать не на чем, и сам Петр работал на воронежской стройке, засучив рукава. Смешавшись с рабочими, он управлялся с топором, рубанком, отвесом, молотком, компасом. Он собственноручно построил самую изящную и быструю галеру, названную «Principium», на которой смогло разместиться двести человек. «Мы по приказу Божьему к прадеду нашему Адаму, в поте лица своего едим хлеб свой», – писал Петр боярину Стрешневу.

На стройку пришла скорбная весть: курьер сообщил, что сводный брат царя, болезненный Иван, скоропостижно скончался в Москве 29 января 1696 года. На Руси остался единственный царь. По сути он им и был с тех пор, как сослал Софью в монастырь. Эта потеря опечалила царя.

Царь с особым рвением погрузился в работу. Сейчас для него имели значение только эти красивые деревянные каркасы, поддерживаемые опорами. Рабочие умирали от плохого питания и ужасных условий. Под страхом кнута пригоняли следующих. Иностранные инженеры пили водку и спорили по поводу строительства, проливные дожди развезли почву. Но Петр не падал духом. Чтобы укомплектовать флот, он приказал привезти из Архангельска два военных корабля, построенных в Нидерландах, – «Апостол Петр» и «Апостол Павел». Реки покрылись льдом, два огромных корабля продолжали дорогу к Воронежу волоком по снегу и льду. Строительные работы, начатые в 1695 году, велись так быстро, что к маю 1696 двадцать три галеры и четыре брандера были спущены на воду под взрывы петард и текущие реки вина. Во главе флотилии, спускавшейся по Дону к морю, шла галера «Principium» под командованием Петра, или, как он отныне себя называл, капитана Петра Алексеева.

Сухопутными войсками, которые должны были присоединиться к морским силам для взятия Азова, командовали генералиссимус Алексей Шеин и генерал Гордон.

Начало военно-морского сражения обернулось преимуществом русских. После того как были рассеяны турецкие корабли, стоящие на якоре перед Азовом, царский флот блокировал лиман, чтобы помешать подойти подкреплению. И вновь началась осада, с неточными бомбардировками, редкими выстрелами из мушкетов, бесполезными взрывами мин. Петр писал своей сестре царевне Наталье: «Здравствуй, сестричка! Я, слава Богу, здоров. По письму твоему я к кадрам и пулькам близко не хожу, а они ко мне ходят. Прикажи им, чтоб не ходили…» Не в силах сломить сопротивление врага, генералы, павшие духом, собрали подчиненных им офицеров и солдат, чтобы узнать их мнение, как лучше всего проникнуть в город. Стрельцы предложили способ, который использовал Владимир Великий при взятии Херсона: надо было соорудить огромную земляную насыпь напротив крепостных стен. Пятнадцать тысяч рабочих трудились днем и ночью на этих масштабных земляных работах. Турки обстреливали их картечью, целиться с высоких стен было удобно. Потери увеличивались.

Что делать? Может быть, отказаться от военной хитрости Владимира? К этому времени наконец подоспели офицеры и инженеры из Австрии, выехавшие из Вены четыре с половиной месяца назад. Они отсоветовали продолжать работы по сооружению насыпи и наладили такую точную стрельбу из пушек, что вскоре турки вынуждены были оставить угловой бастион. Впрочем, у осажденных заканчивались патроны и продовольствие. 17 июля 1696 года при поддержке казаков с Днепра войска приблизились к крепости 18 июля, в полдень, и цитадель капитулировала. 19 июля турецкие солдаты спустились со стен с оружием, женами, детьми и вещами. Дезертир Яков Янсен, перешедший на сторону врагов еще во время первой кампании, был передан в руки победителей. Наконец бей вынес ключи от города генералиссимусу и вместе со своей свитой сел на корабль, чтобы выйти в открытое море. Русские вошли в Азов. Большая часть домов была разрушена. Петр сдержал свое слово. На радостях он пишет 20 июля, «королю Пресбурга» Ромодановскому:

«Min Her Konih! Известно Вам, государь, буде, что благословил Господь Бог оружия ваша государское; понеже вчерашнего дня, молитвою и счастье вашим государским Азовцы… сдались… С галеры Принципиум – Питер».

После укрепления обороны Азова Петр оставил в крепости

гарнизон из восьми тысяч человек и отправился в обратную дорогу. Из Черкасска он писал Виниусу, что рассчитывает увидеть триумфальные арки в Москве в честь победоносной армии. Виниус ответил, что просит месяц сроку на украшение города. Укротив свое обычное нетерпение, Петр решился посетить литейные цеха в окрестностях Тулы, чтобы дать возможность организаторам подготовиться к празднествам. И только 30 сентября победители вошли в Москву. Их встретила гигантская триумфальная арка, на вершине которой был окруженный знаменами двуглавый орел, украшенный аллегорическими фигурами и хвалебными надписями. На золоченом флажке надпись: «Возвращение императора Константина», на другом: «Победа императора Константина над императором Рима, язычником Максенсом». Еще на одном: «Сила Геркулеса и храбрость Марса» или «Слава храбрым морским воинам», «Слава смелым воинам сухопутных войск». Огромная картина, нарисованная на холсте, представляла турецкого пашу и главу татар, посаженного на цепь, и бога Нептуна, который говорил: «Я поздравляю Вас с взятием Азова и покоряюсь вашей воле». С высоты триумфальной арки Виниус кричал в рупор стихи, посвященные возвращению адмирала и генералов. В шествии, которое медленно приближалось под звуки колоколов, артиллерийские залпы и радостные крики, замечены были князь-папа Зотов, сидевший в карете и державший в одной руке саблю, а в другой – щит, подарок Мазепы; генерал Лефорт со своим флагом; вице-адмирал Лима и контр-адмирал Балтасар де Л'Озьер, генералиссимус Шеин, генерал Головин и генерал Гордон. В процессии участвовали также трубачи, литаврщики, священники, несущие иконы, солдаты, тянувшиеся в грязи, татарские пленники, закованные в цепи, все полки, принимавшие участие в акции, и на повозке гнусный предатель Яков Янсен, на голове которого был тюрбан, привязанный к виселице, а рядом с ним палачи. На груди Янсена висела табличка: «Негодяй». А над его головой другая: «Отступник четырех вер. Его ненавидят и турки, и христиане».[27] Вся Москва вышла радостно приветствовать свою армию. Приветствия становились более восторженными, когда мимо проходил морской офицер, медленно шедший позади великолепной адмиральской кареты. Этот офицер был очень высокого роста. Его суровое лицо выражало радость и решительность. Он был одет в униформу из грубого немецкого сукна, белое перо украшало его шляпу. Не нужна была корона, чтобы узнать в нем царя. Любящий розыгрыши Петр шел по городу пешком, а его генералы ехали без стеснения в повозках. Возглавлял процессию король шутов, князь-

папа пьяница Никита Зотов.

За свои блестящие действия военачальники были награждены медалями и поместьями с крепостными, а солдаты получили по несколько золотых монет. На торжестве в доме Лефорта собрались главные участники событий. Гости пили, танцевали, устроили салют. Артиллерийский залп, совпавший с последним тостом, был таким сильным, что все стекла в Немецкой слободе были выбиты. Среди этого веселья Петр мечтал о продолжении событий. Если для большинства его сподвижников взятие Азова являлось счастливым концом, для царя это было лишь началом войны с Турцией. Выход к Черному морю оставался закрытым, проход через Керченский пролив защищался турецкими крепостями. Необходимо было ускорить сооружение военных кораблей, нанять новых специалистов, и даже – чего не было никогда раньше! – послать русских дворян за границу, чтобы они обучились навигационному искусству. Пятьдесят высокородных человек были отобраны, чтобы ехать за границу. Двадцать три из них имели княжеский титул, некоторые были главами семейств. Они должны были оставить жен и детей, чтобы исполнить царское желание. Люди отправлялись в путешествие за свой счет и должны были обосноваться в Италии, Англии или Голландии, чтобы изучить все тонкости навигационного искусства и по возвращении применить в России свои знания. Тогда она станет самым могущественным государством в Европе! Узнав о таком замысле, аристократические круги пришли в отчаяние. Но никакие мольбы не могли смягчить волю Петра. Будущие ученики должны собрать вещи и отправиться к иноверцам. Им будет позволено вернуться в Россию только после того, как они получат от своих учителей дипломы об окончании учебы. В случае преждевременного возвращения все их имущество конфискуется царем. В день разлуки покинутые супруги в знак полутраура надевали голубые одежды. Однако, подавая пример своим подданным, Петр высказался, что готов сам в составе Великого посольства отправиться с визитами в западные страны, чтобы научиться там передовой науке и постараться заручиться поддержкой в борьбе против исконных врагов России. Теперь, когда он победил турок в Азове, Петр может показаться перед другими государями, своими братьями, с гордо поднятой головой.

Глава VI
Великое посольство

Подготавливая путешествие «Великого посольства», Петр не знал, что он нарушает вековую традицию. Единственным русским князем, решившимся выехать за пределы родины, был киевский князь Изяслав, который в 1675 году посетил в Майнце Генриха IV. С тех пор московские правители строго воздерживались от путешествий за пределы России. Если для выезжающих из западных стран посещение заграницы было всего лишь удовлетворением законного любопытства, то для русского человека сама мысль о том, чтобы пересечь границу своей страны, уже считалась предательством. Здесь же, что двигалось, заслуживало подозрения. В книге Анри Валлотона «Петр Великий» приводятся высказывания представителей иностранных посольств, относящиеся к 1672 году: «Русским запрещалось выезжать из страны, в противном случае они могли познакомиться с нравами и восприятием других народов и могли бы подумать о том, чтобы разбить цепи своего рабства».

И когда 6 декабря 1696 года царь объявил о своем замысле Думе, большинство бояр не скрывало ужаса и растерянности. Стоит ли великому монарху покинуть свою страну и удалиться от влияния православной церкви, чтобы прогуляться среди протестантов и католиков? Стоит ли опускаться до того, чтобы есть чужеземный хлеб? Несмотря на робкие предостережения бояр и духовенства, Петр стоял на своем. Он хотел научиться ремеслам и завязать деловые связи. С этой целью Великое посольство планировало отправиться в Амстердам, затем в Берлин, Вену, Рим, Копенгаген, Венецию и Лондон. Царь хотел побывать повсюду, кроме Франции, потому что Людовик XIV поддерживал турок и хотел посадить своего кандидата на польский трон. Посланников было всего трое: Лефорт, возглавляющий посольство, Федор Головин и Возницын. С каждым из трех послов прибыли по двенадцать дворян и по два пажа. С ними находились также по тридцать пять «волонтеров», миссией которых было обучаться в контакте с иностранцами. Среди этих «волонтеров» был сам царь, скрывающийся под именем Петра Михайлова. Затерявшись в толпе, никем не узнанный, он руководил, наблюдал и изучал. Под страхом смерти было запрещено раскрывать его присутствие кому бы то ни было. Был усилен почтовый надзор. Письма, адресованные государю, должны были быть написаны на имя Петра Михайлова и не

содержать никаких чрезмерных формул вежливости. На личной печати, которую Петр использовал для своей корреспонденции в течение всего путешествия, был изображен плотник с инструментами для постройки кораблей и надпись: «Мое звание – ученик, и мне нужны учителя». Персонал посольства состоял из трех переводчиков, тренера по верховой езде, четырех камергеров, докторов, хирургов, поваров, священников, ювелиров, шести трубачей, множества слуг, семидесяти солдат Преображенского полка, отобранных за высокий рост, четырех карликов, обезьяны и торговца, которому поручено было охранять очень дорогую партию собольего меха, продажа которого должна была покрыть расходы на пребывание посольства за границей, в случае если не хватит золота, взятого с собой. Кроме того, в каждую столицу везли переводные векселя, бриллианты из царской короны и огромные запасы продовольствия: муку, семгу, икру, копченую рыбу, мед и бочонки с водкой.

Кареты и фургоны были готовы, и 23 февраля 1697 года Лефорт дал прощальный обед в своем доме в Немецкой слободе. Посреди праздника двое стрельцов попросили о срочной встрече с царем по важному делу и сообщили ему о новом заговоре. Во главе злоумышленников стоял стрелецкий полковник Иван Зиглер, давний сторонник Софьи, а также сын боярина Пушкина, офицер царской гвардии Алексей Соковнин. Взбешенный царь выбежал из зала и отправился к Зиглеру, приказал арестовать его и пытать. Зиглер во всем сознался. Допрошенные сообщники виновного подтвердили его слова. Они намеревались убить государя, чтобы наказать его за «поведение антихриста». После смерти Петра они хотели посадить на трон его малолетнего сына Алексея и вновь призвать Софью в регентши. Эти слова отрезвили Петра. Долго еще за его спиной будут стоять ненавидящие его стрельцы, упрекающие его за реформы и сожалеющие о временах царевны Софьи? Наспех созванный трибунал приговорил Зиглера и Соковнина к смертной казни. Их должны были четвертовать, а затем отрубить голову, другим просто отрубили голову. Но это традиционное наказание не могло удовлетворить царя. Чтобы двинуться вперед, русский народ нуждался в более впечатляющих картинах, думал Петр. Он приказал откопать останки Ивана Милославского, умершего двенадцать лет назад, воспоминание о котором было связано со страшным стрелецким бунтом 1682 года. 4 марта 1697 года почти полностью разложившееся тело Милославского было отволочено на свиньях на Лобное место, главную столичную площадь для казней, разрублено на куски и помещено в открытом гробу под эшафотом. На платформе палачи приступили к казни осужденных. Им поочередно медленно

отрубали руки, ноги, голову. Кровь, протекая через щели в помосте, лилась на труп боярина. Таким образом, нынешние заговорщики и те, кто ими был в прежние времена, кровью объединялись в бесчестии. Вся Москва присутствовала при этом орошении костей новой кровью. Когда экзекуция закончилась, палачи разложили отрубленные части тел вокруг каменного столба и на железных листах написали имена про́клятых заговорщиков. Их головы были насажены на кол и водворены на вершину столба. Эту груду человеческого мяса запрещено было убирать. Останки заговорщиков гнили, испуская тошнотворный запах, который сражал прохожих. На всякий случай Петр сослал всех близких родственников осужденных в далекие области и использовал этот повод, чтобы отстранить от двора без уточнения причин отца и дядьев своей супруги.

Ему хватило десяти дней, чтобы произвести эту чистку. Ободрившись, Петр предпринял последние распоряжения перед отъездом. В его отсутствие управление государством доверялось Трехчленному совету. Князь Ромодановский с верными ему войсками гарантировал спокойствие в Москве, беспокойные стрельцы высланы на границы без своих семей.

Великое посольство покинуло Москву 10 марта 1697 года. От имени царя были составлены письма со следующими словами: «Всемогущие господа, наше великое и могущественное Величество, царь, желает, чтобы Вы получили это письмо с почтением. И мы Вас просим, когда наши великие полномочные послы приедут к вашим границам, не только встретить их с их свитой и оказать им соответствующие почести, но и предоставить им прием, когда они этого попросят… Написано при дворе нашего царя в великом городе Москве, восьмого дня весны, в году от сотворения мира 7205».[28]

Таким образом, склонный к розыгрышам царь создал видимость своего отсутствия в составе делегации. Однако его секрет, столь ревностно охраняемый, быстро просочился в иностранные дворы. Шифрованные депеши послов опережали продвижение миссии. В Амстердаме, Вене и Лондоне были удивлены. Поскольку Петр хотел проехать незамеченным, представители принимающей стороны делали вид, что не обращают внимания на его титул. Но какой странный ход для государя! Действительно, идеи этих русских с другого конца света противоречат общему пониманию!

Великое посольство, состоящее из двухсот пятидесяти человек, медленно продвигалось по разбитым дорогам, кареты и повозки увязали в грязи. Зловещий пейзаж, разбитый порывами ветра и дождем, постоялые дворы и каморки с клопами не могли

испортить веселое настроение Петра. Оно омрачилось только с приездом в Ригу, в шведскую Ливонию. Несколько пушечных залпов возвестили о том, что в город вошла процессия, но, несмотря на это, приняли русскую делегацию очень холодно. Миссию, которую подобало разместить во дворце, расселили по простым домам. А губернатор, граф Дальберг, сказался больным, чтобы избежать личной встречи с посланниками. «Я не нанес им визита, – пишет он Шарлю XII, – и не приглашал их в мой замок, не считая первое и второе необходимыми мерами, потому что они неизвестны моему королю и губернаторы, которые мне предшествовали, действовали таким же образом с другими посланниками в подобных обстоятельствах… Мы изображаем, что не знаем о присутствии среди них царя, чтобы не спровоцировать его гнев. В его свите никто не осмеливается об этом говорить под страхом смерти».

Петр, который дорожил своим инкогнито, находил тем не менее, что местные власти делали то, что нравится официальным представителям России. Однако они приехали не для того, чтобы их чествовали, но чтобы увидели. Царь и его сподвижники рыскали повсюду, задавали вопросы шведским офицерам, рисовали планы, записывали цифры с таким рвением, что смущенные жители Риги спрашивали себя, занимаются ли они дипломатическими делами или шпионят. «Русские влезают на возвышенные места, чтобы оттуда обследовать обстановку, спускаются в рвы, чтобы исследовать их глубину, зарисовывают основные укрепления», – докладывал Дальберг своему королю. В конце концов он запретил своим высоким непоседливым гостям подходить к крепости. В ярости Петр пишет Виниусу: «Здесь мы рабским обычаем жили и сыты были только зрением». В конце письма он делает приписку симпатическими чернилами. Его уточнения, если бы они попали на глаза суровому губернатору Дальбергу, заставили бы его вскочить от ярости: «Здесь 2780 солдат. Мы побывали в городе и в замке, солдаты сосредоточены в пяти местах: всего около тысячи человек. Город очень хорошо укреплен, но полоса укреплений еще не закончена. Во многих местах города стоят часовые, которые не разрешают проход. Мало привлекательно». В Митаве настроение Петра улучшилось. Здесь их принимал правящий герцог Курляндии Фредерик-Казимир, личный друг Лефорта. Он принял Великое посольство пышно и радушно. Но в этом добросердечном городе не было ни флота, ни порта, ни больших строек, а царь торопился к учению. Он направился к Либаву и там впервые увидел Балтийское море, которое назвал Варяжским. На море поднялась буря, сверкали молнии. Царь очень хотел добраться до Кенигсберга на корабле,

пока его спутники доедут туда по дороге. Плохая погода задерживала отъезд, Петр, скрывая нетерпение, пил вместе с портовыми моряками, принявшими его за русского капитана, которому царем поручено было вооружить корабль-корсар.

Когда он наконец прибыл в Кенигсберг, опередив свое посольство, то начал с уроков артиллерийского дела у полковника фон Штернфельда. По окончании обучения полковник выдал Петру сертификат со следующим заключением: «Я обучал названного Петром Михайловым ежедневно как в теории, так и на практике. В этом случае, как и в другом, он поразительно для всех достиг такого прогресса и приобрел столько знаний, что может быть достоин уважения и чествован повсюду в качестве мастера-фейерверкера осторожного и храброго. На этом основании мы адресуем всем, маленьким и большим, какой бы ни был их чин и ранг, покорное приглашение, настоятельное и любезное признать в вышеупомянутом Петре Михайлове превосходного бомбардира и опытного осмотрительного фейерверкера».

Гордясь своими новыми знаниями, «бомбардир Петр Михайлов» ждал только прибытия послов, чтобы организовать салют в честь хозяина, курфюрста Фредерика III Бранденбургского. В последний момент курфюрст прислал с извинениями герцога Крейзена и судью Шлакена. Петр встретил обоих посланников за столом в компании бояр и одного из своих карликов. Царь был пьян, переполнен сентиментальной нежностью и наклонялся время от времени к Лефорту, чтобы обнять его по-мужски. Едва посланники курфюрста заняли свои места в соответствии с его приглашением, как Петр поменялся в лице. Ярость свела судорогой черты его лица. Он стучал пальцем по столу и ревел: «Курфюрст добр, но его советники черти! Гее! Гее! (Убирайтесь!)». И, схватив одного из несчастных за горло, он вытолкнул его наружу, повторяя: «Гее! Гее!».

Однако, несмотря на этот инцидент, курфюрст принял миссию с блеском. Вскоре русскими и бранденбуржцами овладел приступ щедрости. На официальные визиты посланники надевали парчовые кафтаны, украшенные жемчугом и драгоценными камнями. Пуговицами на их платьях служили бриллианты, и бриллиантами были украшены их шапки, увенчанные двуглавым орлом. Рядом с ними «бомбардир Петр Михайлов» в скромной зеленой униформе выглядел ординатором и гордился этим. Тем более что, несмотря на инкогнито, курфюрст обходился с ним как с государем. Он притворялся даже, что не смущается экстравагантности этого чудака, приехавшего из ледяных степей Севера. «Бомбардир Петр» бегал по улицам Кенигсберга,

расталкивая прохожих, которые в страхе расступались. Однажды он остановил даму знатного рода с криком «Halt!», схватил часы, которые она носила на корсаже, посмотрел время и убежал, оставив несчастную на грани обморока. В другой раз он сорвал парик с головы уважаемого церемониймейстера Фредерика III, бросил его в угол и потребовал, чтобы придворный привел ему девочек. Однажды, когда он ужинал вместе с курфюрстом в зале с мраморными полами, слуга уронил тарелку, и она разбилась. На грохот Петр вскочил, с криком вынул шпагу и начал наносить удары, которые, к счастью, никого не ранили. Его успокоили, пообещав, что виновного накажут кнутом. Эти отклонения не мешали царю вести с очень строгим и достойным курфюрстом долгие политические дискуссии. Фредерик III хотел заключить договор об оборонительном альянсе против Швеции. Но Петр уклонялся, так как в этот момент его внимание полностью было приковано к событиям в Польше. Смерть Яна Собески выявила двух основных кандидатов на корону: принц де Конти, поддерживаемый Францией, союзницы Турции, и курфюрст Фридрих-Август Саксонский, поддерживаемый Россией.[29] Петр заявил во всеуслышание: «Я скорее увижу дьявола на троне, нежели Конти!» Он послал польскому сейму письмо, в котором заявлял, что пойдет на военное вмешательство, если выбор будет не тем, на который он рассчитывает. И чтобы подтвердить свои заявления, приказал Ромодановскому подойти со своей армией к польско-литовским границам. Чтобы вырвать «свободное решение» ассамблеи, достаточно было присутствия нескольких солдат у дверей зала заседаний. Не решаясь откровенно высказываться в такой ситуации, мнения польских господ были противоречивыми, вследствие чего Фридрих-Август захватил Краков и навязал стране свою волю, а побежденный принц Конти вернулся во Францию.

Выиграв дело, Петр продолжил свой путь в Голландию, не задерживаясь в Берлине. В Коппенбрюгге[30] он отобедал с курфюрстиной Софией Ганноверской и ее дочерью Софией-Шарлоттой, курфюрстиной Бранденбургской. Он долго сомневался, прежде чем принять приглашение, потому что Петра смущал портрет этих двух женщин, который ему набросали. Мать представляла собой дряблую телом развалину, которая вместо недостающих зубов вставляла кусочки воска. Дочери было двадцать девять лет, она была красивой, образованной кокеткой, которая в течение двух лет жила при Версальском дворе, где набралась французских манер. Она много читала и слыла подругой Лейбница. Кого надо больше опасаться, светскую попугаиху или беззубую ведьму? – спрашивал себя Петр,

отправляясь на помпезный прием. Сидя между двумя дамами, которые рассматривали его как забавного зверька, Петр чувствовал себя очень стесненно. «Я не могу говорить», – сказал он им, закрывая лицо руками. Царь ел очень неопрятно, руками, облился соусом, не пользовался салфеткой. Тем не менее вскоре он поддался очарованию своей молодой соседки и начал с ней беседовать. Естественность Петра, его живость и веселые реплики удивляли Софию-Шарлотту. Она ожидала увидеть грубого мужика, а теперь с симпатией созерцала этого стройного парня, которому едва исполнилось двадцать пять лет и который был на полголовы выше ее телохранителей. Над его могучими плечами возвышалась голова с энергичным лицом, с большим покатым лбом, большими черными глазами под изогнутыми бровями, мясистым ртом, обрамленным тонкими коричневыми усиками. «Хотя у него не было учителя, который научил бы его аккуратно есть, у него вполне естественный вид и живой ум», – заметила София-Шарлотта. И еще: «Он одновременно очень добрый и очень злой. Он полностью представляет нравы своей страны». Ужин длился четыре часа. Царь и София-Шарлотта обменялись табакерками в знак дружбы. Выходя из-за стола, Петр, окончательно развеселившись, требовал, чтобы, по московским привычкам, придворные, стоя, опрокинули четыре раза свои стаканы залпом за здоровье царя, обеих курфюрстин и курфюрста. Потом он равнодушно слушал итальянских певцов, приглашенных Софией-Шарлоттой, заставил и их выпить по стакану в знак вознаграждения за талант, но признался, что ничего не понимает в музыке. «Может быть, вы предпочитаете охоту?» – спросила курфюрстина София Ганноверская. «Мой отец очень любил охотиться, а я предпочитаю плавать по морю, устраивать фейерверки и строить корабли!» И он с гордостью показал обеим женщинам свои огрубевшие от работы руки.

Вечер продолжил бал. Танцевали до четырех часов утра. Петр хотел надеть перчатки, чтобы принять участие в играх, но не нашел их в своем багаже. Тогда он отправился играть с голыми руками. Он так освоился, что ему казалось, что он находился в Немецкой слободе. Его спутники чувствовали под руками жесткие корсеты своих партнерш по танцу. Петр напишет об этом так: «У этих немок необыкновенно жесткие спины!» Он позвал одного из своих шутов, и, так как присутствующие, казалось, не обращают внимания на кривляния этого человечка, Петр взял метлу и выгнал его из зала. Маленькая принцесса София-Доротея, которой было всего десять лет, так ему понравилась, что он поднял ее за уши и поставил рядом с собой, ущипнув за щечки и основательно попортив прическу девочки. Но, несмотря на все его действия, обе

курфюрстины были им очарованы. «Это, – писала мать, – человек совершенно необыкновенный. Невозможно его описать и даже составить мнение о нем, никогда его не видав!» И дочь также разделяла это мнение. Описывая свои впечатления в письме к Фуксу, она заканчивает свой рассказ весьма многозначительной фразой: «Ну, довольно вам надоедать; но, право, не знаю, что делать; мне доставляет удовольствие говорить про царя, и, если бы я верила самой себе, я бы вам сказала еще больше, что я…»[31]

Покинув Коппенбрюгге, Петр послал Софии-Шарлотте четыре соболиные шкурки, с которыми курфюрстина не знала, что делать, потому что они были слишком большими, чтобы их использовать для обивки стульев.

Вечером 7 августа 1697 года Петр, оставив почти все свое сопровождение, прибывает в Амстердам в компании Меншикова, четырех бояр и переводчика. Но вместо того чтобы остановиться в большом торговом городе, он нанял судно и отправился в Заандам, маленький портовый город, о котором он слышал в России от своих друзей, голландских корабельных мастеров. Этот городишко с верфями, ветряными мельницами, цехами по добыче китового жира, часовыми заводами и мастерскими по изготовлению навигационных приборов ему понравился с первой минуты пребывания оживленностью улиц и непринужденностью жителей. На берегу канала, который вел к морю, Петр случайно наткнулся на некоего Гэррита Киста, старого кузнеца, знакомого царю по Воронежу, который ловил рыбу. Кист окликнул царя, обнял и посоветовал ему держать в секрете свое настоящее имя и, не церемонясь, остановиться у него. В его деревянном домишке было две комнаты, печь, двустворчатый шкаф и матрас, лежащий в углублении в стене.[32] Никаких слуг. Он должен был самостоятельно застилать постель и готовить себе еду. И прежде чем полностью войти в новую роль, царь купил одежду местного лодочника: красную рубашку, камзол без воротника с большими пуговицами, широкие штаны и коническую фетровую шляпу. Вырядившись таким образом, мастер Петр, плотник Петр из Заандама, стал орудовать топором и рубанком на одной из строек. Но у него еще хватило времени, чтобы погулять по улицам, посетить лесопильный завод, канатную фабрику, масляничные мельницы, мастерские, изготавливающие инструмент для точных измерений. Везде он задавал вопросы и делал заметки. На бумажной фабрике его заинтересовал аппарат, выдающий листы, и он превосходно выполнил эту деликатную операцию. Выпив в одном из трактиров кувшин пива, он заключил сделку по покупке маленького судна. Сам починил его, приделал мачту и паруса и развлекался тем, что маневрировал на

нем по реке Заан. По возвращении Петра осадила толпа зевак. Узнали ли его? Некто Корнелиус приблизился к нему, разинув рот, и так пристально посмотрел на него, что Петр ударил его по щеке. «Браво! – закричали стоящие рядом. – Так поступают настоящие рыцари!» Петр еще несколько раз плавал на своем судне, и не всегда один. «Царь встретил в Заандаме поселянку, пришедшуюся ему по вкусу, и к ней он отправился один на своем судне, чтобы предаться любви в дни отдыха, по примеру Геркулеса», – читаем мы в отрывке письма, приведенном Лейбницем, без указания его происхождения.[33]

Очень быстро жители Заандама поняли, что русский великан – это главный вельможа страны. Один из их соотечественников прислал им из России основные приметы царя: «Высокого роста, голова трясется, постоянно машет правой рукой, с бородавкой на правой щеке». Никаких сомнений: это он! Теперь любопытство голландцев в отношении его было таким, что Петра постоянно преследовала группа назойливых любопытных. Приходили смотреть на него, когда он работал на стройке, или обступали его яхту. Толпы собирались около его дома. Бургомистр вынужден был прибегнуть к помощи часовых, чтобы разогнать толпу. Раздраженный Петр сложил свои вещи и после восьми дней, проведенных в Заандаме, погрузился на свой хрупкий кораблик и отправился под парусом, несмотря на плохую погоду, обратно в Амстердам. Там он присоединился к Великому посольству. Шумная толпа теснилась по ходу кортежа, восхищаясь послами, одетыми в шикарные одежды, расшитые золотом, жемчугами и бриллиантами, проезжающими в пышных каретах. Двадцать четыре гайдука несли серебряные топорики и кривые турецкие сабли, придворные лакеи в ярко-красных ливреях, и в последней карете ехал нелюдимый гигант, одетый в военное платье, о котором все говорили, что это царь. Городские власти отдавали ему почести. Петр посетил городскую ратушу, побывал в театре на балете «Прелести Армиды» и на комедии «Фальшивый адвокат», пил сухое вино на непрекращающихся официальных обедах, аплодировал с видом знатока фейерверкам и охотно участвовал в имитированных морских сражениях. Но эти празднества не отбили у него желания заняться тяжелым, серьезным трудом. Он попросил своего нового друга бургомистра Витсена, с которым недавно переписывался по поводу покупки корабля в Голландии, показать ему большую Ост-Индскую верфь. Желание царя было мгновенно удовлетворено. И вот он уже в числе рабочих под именем Питера Тиммермана, плотника из Остенбурга. Он поселился у одного из мастеров и с восходом солнца отправлялся к месту работы. Засучив рукава, царь работал

рубанком и декелем, помогал при перевозке балок. Иногда утомленный, он садился на деревянный шар, клал топор между ног, старался вытереть рукой пот, который тек со лба, и наслаждался запахом свежего дерева, смолы, гудрона и рассола. В письме к патриарху Адриану он писал: «Мы в Нидерландах, в городе Амстердаме… трудимся, что чиним не от нужды, но доброго ради приобретения морского пути, дабы, искусясь совершенно, могли, возвратясь, против врагов имени Иисуса Христа победителями, а христиан, там будущих освободителями благодатию Его быть. Что до последнего издыхания желать не перестану». Таким образом, предаваясь своему излюбленному занятию, он не забывал и о политике. С каждой почтой царю передавали письма из Москвы. Он был в курсе всех дел, происходящих в Европе. Узнав о заключении мира в Рисвике, который помог стольким голландцам, Петр догадался, что Людовик XIV пытается, прежде всего, протянуть время. «Здесь, – писал он Виниусу, – глупцы веселятся, а люди благоразумные не радуются, потому что знают, что французы их обманывают и война вскоре возобновится». Он беседовал об этих государственных проблемах со своими сподвижниками. Все «волонтеры» уехали от него на стройки или в мастерские, чтобы обучиться там ремеслам. Некоторые работали плотниками, некоторые специализировались на изготовлении парусов или в сборке корабельной оснастки, другие приобщались к навигации. По прошествии нескольких месяцев царь получил от своего наставника Геррита Клааса Пооля следующий сертификат: «Питер проявил себя прилежным и разумным плотником при построении фрегата „Петр и Павел“, от первой закладки его почти до окончания. Кроме того, под моим наставлением он досконально изучил морскую архитектуру и составление планов и стал годным, на мой взгляд, в исполнении этих искусств».

Но вскоре Петр вынужден был отложить топор, чтобы отправиться в Гаагу, где Великое посольство должно было получить аудиенцию. По дороге Петр приказывал раз двадцать остановить свою повозку, чтобы измерить мост, посетить ветряную мельницу, поговорить с рабочими на лесопильном заводе. В Гааге он отказался остановиться в роскошной комнате, которую для него приготовили, и отправился в гостиницу «Старый Делен», где один из его слуг уже спал в углу на медвежьей шкуре. Петр разбудил его пинком ноги. «Пусти меня на свое место», – сказал он. Уполномоченные Генеральных Штатов, которые наблюдали за этой сценой, обменялись удрученными взглядами. После этого случая их уже не удивляло, когда царь, упрямо настаивающий на своем инкогнито, отказался

присутствовать на официальном приеме, но изъявил желание остаться в смежном зале, откуда он мог бы видеть все, не боясь быть замеченным. К несчастью, и другие люди захотели последовать его примеру. Раздраженный тем, что в его «тайнике» собралось слишком много народу, он решает уйти. Но чтобы покинуть церемонию, необходимо было пройти через зал приемов, и Петр потребовал, чтобы члены правительства отвернулись к стене и не смотрели на него. Сорок восемь депутатов выразили протест, заявив, что этикет им не позволяет поворачиваться спиной к государю. Когда царь появился, они поднялись и низко поклонились. Он сразил их взглядом, надвинул парик на нос и в ярости огромными шагами направился к двери. После этого неприятного эпизода заседание продолжилось со всей присущей ему помпезностью. Три посланника из России соперничали в пышности своих одеяний: платья из сукна, отороченные двойным мехом и расшитые золотом, черные атласные туники с вышитым на спине двуглавым орлом. Федор Головин произнес длинную речь по-русски, а переводчик перевел ее. Лефорт преподнес членам правительства шестьсот пар соболиных шкурок. Члены Генеральных Штатов обещали изучить предложения Великого посольства относительно союза Нидерландов и России в войне против Турции, дел Польши и использования портового города Архангельска.

Петр между тем не знал, что делать. Неутомимо и без толку он метался то направо, то налево, бродил по стройкам, смотрел на вернувшихся из Гренландии китобоев, поучился книгопечатанию, посетил курсы анатомии профессора Рюйша и, увидев в кабинете труп какого-то ребенка, нашел его таким чудесным, что обнял в сердцах. Он привел вельмож из своей свиты в анатомический зал знаменитого анатома Бёргавы, чтобы присутствовать на вскрытии. Обозревая неподвижное тело, артерии которого были вскрыты, он испытал сильное возбуждение перед тайной человеческого организма. Так как двое бояр не разделяли его энтузиазма, он заставил их, как говорили, укусить мышцы трупа. Он хотел все знать о соединении костей, о том, как расположены вены и артерии, о роли основных внутренних органов организма и об эволюции духа. Несмотря на свою невысокую компетентность, он дерзостно участвовал в хирургических операциях и купил даже небольшую хирургическую сумку, с которой никогда не расставался. Увидев, как проводится операция по вырыванию зубов в публичном месте, он загорелся внезапной страстью к этому искусству, получив очень быстро элементарные знания и приобретя все необходимые инструменты. Отныне он по-другому смотрел на все двести

пятьдесят человек своей свиты. Покорно подчинившись этой инспекции, они позволяли осматривать их рты, становясь его пациентами. Если только какой-нибудь зуб он считал нездоровым, он тут же его вырывал. Рев несчастных не мог его остановить. Его геркулесова сила облегчала эти мероприятия. Нередки были случаи, когда он нечаянно повреждал десну пациенту. Никто не мог воспротивиться этой государевой агрессии. Некоторые почитали за честь его вмешательство и хранили зуб, вырванный государем. Прошедшим экзекуцию можно было надеяться на повышение и даже на дружбу с царем. Всю свою жизнь Петр считал себя превосходным практикующим врачом. Он складывал в мешочек зубы, вырванные у своих придворных, и часто с гордостью рассматривал эту коллекцию. Каждый зуб напоминал ему перекошенное от боли лицо. Но та же самая рука, что держала скальпель, не хуже управляла долотом или кузнечными клещами. Он воспользовался своим пребыванием в Голландии, чтобы научиться гравировке по меди. Очевидно, все знания, которые он приобрел там, были поверхностные и бессвязные. Его интеллектуальная ненасытность объяснялась запоздалым развитием России. Он хотел сделать себя ходячей энциклопедией, чтобы донести до соотечественников новые научные знания. Это скорее для них, а не для себя он продолжал торопливо перенимать опыт Запада.

Вернувшись в Амстердам, Петр вновь взялся за работу на строительстве, празднуя со стаканом в руке победу русских над турками, пылко обнимая бургомистра во время спуска на воду корабля «Амстердам», над которым он трудился. После этого царь решил, что уже всему научился у голландцев и, чтобы совершенствоваться в кораблестроении, надо ехать в Англию.

Английский король Вильгельм III, с которым у него была встреча в Утрехте и в Гааге, отправил за ним свою личную яхту и три линейных корабля в качестве сопровождения. Расставшись с Лефортом, царь был так взволнован, что его близкие удивлялись. «Они обнялись так крепко, – писал брат генерала, – что оба заплакали в присутствии разных посторонних людей».[34] Оставив свою свиту в Амстердаме, 7 января 1698 года в сопровождении Меншикова и нескольких бояр Петр отплыл. Зная вкусы своего гостя, король приставил к нему в качестве сопровождающего лорда Кармартена, известного любителя бренди и джина, который мог бы дать форму самому Лефорту. В Лондоне путешественников разместили в домике по номером 15 под Букингем-стрит. Верный своим привычкам, царь пренебрег лучшей комнатой, которая предназначалась ему, и расположился с троими своими слугами в другой, более скромной. Пройдя в это

тесное помещение, чтобы поприветствовать своего высокого гостя, Вильгельм III чуть не задохнулся от спертого воздуха и, несмотря на холод, любезно попросил открыть окно. Несколько дней спустя Петр нанес ответный визит в Кенсингтонский дворец. Там он не смотрел на картины, ковры, вычурную мебель, а заинтересовался лишь анемометром. Лорд Кармартен показал Петру по его просьбе академию наук, университет в Оксфорде, Виндзорский замок, арсенал Вулвич, Лондонскую башню, где «содержались в заточении честные англичане», Монетный двор, Обсерваторию, фабрику, где делали гробы, мастерские, где отливали пушки, верфи, доки… Заинтересовавшись английской парламентской системой, Петр присутствовал втайне ото всех на заседании палаты лордов. Через слуховое окно он увидел короля на троне и всех главных людей королевства, сидящих на своих скамьях. Следя за дебатами с помощью переводчика, он сказал своим спутникам: «Приятно слышать, как здесь открыто говорят правду. Вот что надо позаимствовать у англичан!» Действительно ли он так думал, если ему для осуществления власти не нужно было никакое возражение и никакое вмешательство? В путевом дневнике иногда мелькает выражение, записанное одним из близких людей царя: «Оставались дома и хорошо повеселились». Эвфемизм, который обозначал большую пьянку «по-русски». Однажды Петр, любящий все большое, привел огромную женщину, ростом в четыре аршина,[35] и он мог пройти у нее под вытянутой рукой не наклоняя головы. Однако была и другая женщина, которая привлекла внимание царя: актриса Летиция Кросс. Он развлекался с ней, но становился таким скупым в те моменты, когда надо было расплачиваться за благосклонность дамы, что она разражалась проклятиями. Тем же, кто советовал ему быть более щедрым, он отвечал: «За пятьсот гиней я нахожу людей, готовых преданно мне служить умом и сердцем. Эта же особа лишь посредственно служила мне тем, что может дать и что такой цены не стоит».[36] Он вернул свои пятьсот гиней – плата за любовь, – выиграв пари, поставленное на одного гренадера из своей свиты, одержавшего победу над знаменитым английским боксером.

Очарованный услугами лорда Кармартена, который был одновременно и его сопровождающим, и собутыльником, он ему уступил за двадцать тысяч фунтов привилегию ввезти в Россию три тысячи бочек табака. Хотя Петр и был сам курильщиком, но не забывал, что русская церковь враждебно настроена к тем, кто употребляет «дьявольское зелье».

В Англии у него была встреча с епископом Бернетом, которому поручено было показать царю достопримечательности.

Священнослужитель сурово посмотрел на непоседливого визитера и записал в своих «Воспоминаниях»: «Это человек весьма горячего нрава, склонный к вспышкам гнева, страстный и крутой. Он еще более возбуждает свою горячность пристрастием к водке, которую сам приготовляет с необычайным знанием дела. В нем нет недостатка в способностях; он даже обладает более обширными сведениями, нежели можно ожидать при его недостаточном воспитании и варварском образовании… Особую наклонность он имеет к механическим работам; природа, кажется, скорее создала его для деятельности корабельного плотника, чем для управления великим государством. Главным его развлечением было строительство собственными руками и составление корабельных моделей… Была в нем странная смесь страсти и строгости… Беседуя с ним довольно много через переводчика, я не мог не удивляться глубине Божественного промысла, который вверил такому свирепому человеку неограниченную власть над весьма значительной частью мира».

Вскоре Петр, устав от Лондона, обосновался у мистера Джона Эвелина в Дептфорде, на Темзе, недалеко от королевской верфи. Там он не только ходил с топором и пил пиво вместе с рабочими, но и консультировался с инженерами, квалифицированными моряками и делал поспешные записи в своих рабочих дневниках. «Я бы остался на всю жизнь корабельным плотником, если бы не приехал учиться в Англию», – говорил Петр. Но, как у него повелось, наука и оргии дополняли друг друга. Вечерами русские, которые весь день работали, пускались во все тяжкие, так что соседи слушали с ужасом вопли и хохот этой банды. Дом, где они жили, был разгромлен. Спали неизвестно где, ели непонятно что и в любое время, не пощадили ни мебель, ни картины. Когда Джон Эвелин приехал в свой дом после трехмесячного пребывания в нем царя и его свиты, он был сражен: окна и двери были выбиты и сожжены, обои ободраны или испачканы, дорогие паркетные доски выломаны, художественные полотна пробиты пулями: каждый нарисованный персонаж служил мишенью; грядки в саду были вытоптаны, будто здесь был расквартирован целый полк. Эвелин заставил полицейских составить протокол. Ущерб составил триста пятьдесят фунтов стерлингов. Эта сумма была возвращена владельцу из царской казны без малейших замечаний знаменитому путешественнику. Кроме того, Вильгельм III высказался, что он очень рад принять у себя такого высокого гостя и просит его позировать перед придворным художником Кнеллером, чтобы сделать его портрет в память об их встрече.[37] Еще он попросил царя принять в подарок фрегат «Королевский Транспорт» («Royal Transport»), который уже был спущен на воду.

Петр в свою очередь преподнес ему большой необработанный бриллиант, завернутый в обрывок грязной бумаги.

В конце апреля 1698 года Петр вернулся в Голландию, где он вновь присоединяется к Великому посольству. Просьба о помощи в борьбе против Турции, обращенная к Генеральным Штатам, не встретила одобрения. С другой стороны, состояние здоровья короля Испании Карла II стремительно ухудшалось. Готовились большие потрясения, и необходимо было подготовиться к отражению удара. Надо было выдвигаться в Вену! После отъезда русских многие люди вздохнули с облегчением. «Государство и наш маленький городок будут освобождены, избавлены от этого знаменитого, почтенного, необыкновенного и в то же время обременительного визита», – писал Ноомен. Расходы действительно перекрыли намеченные в бюджете сто тысяч гульденов и составили триста тысяч.

Путешествие в столицу Священной империи длилось три недели. У въезда в Вену процессия была остановлена из-за прохождения войск. Петр был взбешен. Решив сохранять инкогнито, он переживал не меньше от такого неуважения. Это оскорбление нанесено не ему лично, но всей России. После первых контактов с австрийскими дипломатами царь понял, что император не торопится встретиться с ним. Тем более что по своей привычке царь представился во дворце как частное лицо. Наконец ему назначили встречу в замке «Фаворит». Он отправился туда одетым в темный кафтан, повязав на шею плохой галстук, с позолоченной шпагой на боку и без темляка. Его сопровождал Лефорт в качестве переводчика. Их встретили слуги и провели не через главный вход, а через потайную дверь, они поднялись по винтовой лестнице и попали в галерею. В присутствии императора Леопольда, который показался ему очень могущественным, Петр потерялся и поцеловал ему руку. Он нервно снимал и снова надевал шапку, пока его собеседник не попросил оставить ее на голове. После четверти часа банальной беседы царь в ярости удалился. Но, выйдя в сад, он увидел на пруду венецианскую гондолу. Охваченный детской радостью, он запрыгнул в лодку и, гребя руками, проплыл перед изумленными австрийскими камергерами.

Через некоторое время император принял наконец Великое посольство. Петр спрятался среди бояр второго ряда. Уважая его желание остаться инкогнито, Леопольд приподнял свой головной убор и спросил у Лефорта: «Как поживает наш любимый брат, царь?» И Лефорт невозмутимо ответил: «Когда мы прощались с Его Величеством в Москве, он чувствовал себя так хорошо, как только можно было желать». После аудиенции состоялся

торжественный обед. В зале стояла удушающая жара и распространялся запах соусов. Послы обливались потом, стесненные в движениях в парчовых кафтанах, отороченных мехом. Не испугавшись нарушить протокол, они удалились на несколько минут, чтобы переодеться. Во время еды было подано шесть видов вина. Лефорт попросил у императора разрешение дать попробовать его «другу», «простому волонтеру», который стоял за его стулом. Этим «простым волонтером» был не кто иной, как царь. Император и на этот раз уступил необычной просьбе гостя, который, как ему казалось, не совсем хорошо чувствовал себя в «карнавальном» наряде.

Петр так и не нанес визита императрице и принцессам, он встретился с принцем Евгением Савойским. В Петров день он присутствовал на богослужении в церкви иезуитов и вскоре после этого собственноручно зажигал фейерверки. «Было много выпито, – писал он Виниусу, – и многие играли свадьбы в саду». Чтобы не остаться в долгу, император пригласил послов на костюмированный бал. Петр нарядился кудрявым крестьянином; император и императрица – трактирщиками. Трактирщик пил за здоровье фрисландского крестьянина, а фрисландский крестьянин – за здоровье трактирщика. Танцы продолжались до рассвета.

Несмотря на все эти празднества, Петр должен был признать, что на дипломатическом поприще результаты его путешествия были скорее негативными. На следующий день после заключения мира в Рисвике Европа начала готовиться к новой войне за преемственность в Испании. Голландский и британский кабинеты имели виды на этот уголок света. Что касается Австрии, у нее на настоящий момент не было никаких интересов поддерживать Россию в ее притязаниях. Она твердо решила вести переговоры с Турцией, чтобы разместить свои силы на Западе. Разочарованный в построенных планах крестовых походов против неверных, Петр начал себя убеждать в том, что ему стоит направить свои войска не на юг, а на север. Он обратил взгляд на Балтийское море. Его так плохо приняли шведы в Риге! Этот надменный народ заслуживает, чтобы царь собственноручно преподнес им урок. Представляя курфюрста Фридриха-Августа Саксонского королем Польши, он рассчитывал, что эта страна выйдет из-под влияния Франции, и готовил альянс против Карла XII. Удачный момент для России. Другой положительный момент – он нашел за границей квалифицированных специалистов. Во время своих перемещений Петр мог нанять большое количество надежных людей, от которых он много ожидал в обучении и переподготовке своего народа. Среди тех, кто должен был поехать в Москву, один

из лучших голландских капитанов Корнелий Крёйс, которого назначили адмиралом, капитан Перри, специалист по строительству доков и каналов, капитан Виллебуа, двадцать три командира, тридцать пять поручиков, семьдесят два штурмана, пятьдесят лекарей, триста сорок пять матросов, четыре кока, разные ремесленники, всего шестьсот сорок человек. Вместе с ними были отправлены вещи и материалы, сложенные в двести шестьдесят ящиков и сундуков с клеймом «П. М.» (Петр Михайлов). Среди этого хлама можно было найти ружья, пистолеты, пушки, парусное полотно, компасы, чернила, пробковые пластинки, три гроба, восемь мраморных плит, предназначавшихся для будущей школы искусств, одно чучело крокодила, набитое соломой, и диплом доктора «honoris causa», выданный Петру Оксфордским университетом.

Очевидно, стоимость путешествия, включая покупки, была достаточно высокой: говорили о трех миллионах рублей. Длилось оно восемнадцать месяцев. Но никогда во время этой длинной поездки по разным странам, преуспев в науках и обучившись хорошим манерам, Петр не пренебрегал делами в России. Все, что он видел и слышал, возвращало его на такую далекую и необразованную, но такую грозную родину. Он интересовался и строительством форта в Азове и Таганроге, и событиями в Польше, и даже влиянием России на Китай. «Я узнал от тебя, – писал он Винису, – что в Пекине построили православную церковь и что много китайцев приняло нашу веру. Это очень хорошо, но из любви к Богу в этом деле необходимо действовать осторожно и постепенно, чтобы не раздражать китайских правителей и щадить иезуитов, которые уже давно там обосновались».

Прежде чем продолжить свое путешествие и изучить на месте строительство галер, он готовился покинуть Вену, чтобы отправиться в Венецию. Приготовления к отъезду уже шли полным ходом, когда к нему пришло срочное послание из Москвы: стрельцы опять подняли бунт. В бешенстве царь написал: «Семя Милославских растет» – и, попрощавшись с австрийским двором, вскочил в почтовую карету и помчался в Россию. Лефорт и Федор Головин последовали за ним на незначительном расстоянии. Оставшееся Великое посольство замерло в ожидании распоряжений на месте. В тряской карете, подпрыгивая на ухабах, Петр торопился домой. Он разрывался между стремлением как можно скорее добраться в свою столицу и опасением скомпрометировать дипломатические результаты своего путешествия, мчась без остановок на обратном пути. С точки зрения внутриполитической ему надо было скорее вернуться, а

внешнеполитические отношения требовали не торопиться. Зов родины был сильнее. Когда огонь бушует в доме, надо прежде всего спасать стены, сад может подождать. Прямо, в Москву! Он ехал днем и ночью, без остановок. Царя сопровождал эскорт из тридцати всадников. Петр даже не замечал стран, по которым проезжал. Он стремился к единственной цели: подавить стрельцов. Они даже вытеснили из его сознания турок.

Глава VII
Стрелецкий бунт

По дороге Петр узнает о новых подробностях стрелецкого бунта. Сосланные из Москвы после заговора 1697 года, эти люди, привыкшие к спокойной жизни в столице, не могли вынести тяготы службы на турецкой и польской границах. Разлученные со своими семьями, оставшись практически без еды, без денег и без медицинской помощи, они надеялись с отъездом царя за границу вернуться обратно и набраться сил. В конце марта 1698 года четыре стрелецких полка, расположенные на Юго-Западе, отправили делегацию в сто семьдесят пять солдат в Москву с требованием возвращения всего войска. Они добрались до царевны Софьи, удаленной в Новодевичий монастырь, и ходили слухи, что она вдохновила их на новую большую авантюру. Среди главных армейских частей ужасные новости распространялись со скоростью пушечного выстрела: царь умер где-то за границей, бояре хотят уничтожить царевну Софью и царевича Алексея, иноверцы из Немецкой слободы втайне готовятся захватить власть и продать Россию еретикам. Взбудораженные стрелецкие войска отправились в Москву. Их целью было навязать свой закон боярам и восстановить Софью на троне. Петр, разгневанный малодушием бояр, в письме отчитал Ромодановского за то, что тому не хватило твердости перед требованиями мятежников: «… зело мне печально и досадно на тебя, для чего ты сего дела в розыск не вступил. Бог тебя судить! А буде думаете, что мы пропали, потому что почта задержалась и того боясь, в дело не вступаешь… Я не знаю, откуда на вас такой страх бабий! Мало ль живете, что почты пропадают?.. Неколи ничего ожидать с такою трусостью!»

Но, приехав в Краков, царь узнал из других донесений, что восстание только что подавлено благодаря вмешательству регулярной армии под командованием Гордона. Чтобы избежать кровопролития, шведский генерал в сопровождении небольшого отряда охраны отправился в лагерь мятежников и пообещал сохранить жизнь, если восставшие сложат оружие и выдадут своих предводителей. Они категорично отказались от этого предложения и стали готовиться к бою. Артиллерийским огнем сопротивление мятежников было быстро подавлено. Пятьдесят шесть главарей повесили и тысячу девятьсот пятьдесят шесть бросили в тюрьму. Порядок был восстановлен. Москва вновь успокоилась под железной рукой Ромодановского. Царь мог

спокойно продолжать свое путешествие.

Успокоившись, Петр решил отложить на потом расследование этого дела и отправился в Раву, недалеко от Лемберга, чтобы там встретиться с Августом II, новым королем Польши. Встреча с Августом была дружеской и очень теплой. Оба монарха пришли к согласию по всем вопросам: в неумеренном употреблении спиртного, в любви к армии и необходимости объединиться в союз против Швеции. В знак полного взаимопонимания они поменялись одеждой и шпагами. Проведя три дня в застольях и политических беседах, Петр вновь собрался в дорогу.

Он приехал в Москву 25 августа 1698 года, в шесть часов вечера. Не удосужившись навестить свою супругу, не поклонившись ни иконе Иверской Богоматери, ни святым реликвиям, не заехав в Кремль, он направился прямо в Немецкую слободу, к своей любовнице Анне Монс, а затем к Лефорту. Там царь со своими армейскими товарищами прокутил всю ночь.

На следующий день Петр принял бояр, которые приехали к нему с утра и ждали, чтобы выразить свою преданность. Он очень дружелюбно встретил их, похвалил Гордона за смелость, рассказал о своих путешествиях, вспомнил о беседах с Августом II и неожиданно, размахивая ножницами, отрезал бороду генералиссимусу Шеину. Изумленный боярин спросил, за что его обезобразили таким образом, но царь уже принялся за обросшие щеки Ромодановского. Всех бояр постигла та же участь, кроме Стрешнева и Черкасского. Пряди волос устилали пол, царь заливался смехом, работая ножницами, а бояре остолбенело смотрели друг на друга. Впервые с тех времен, когда были юнцами, они почувствовали, как свежий воздух обдувает подбородки. Их обуял страх. Патриарх Адриан еще недавно осуждал бритые лица в пастырском послании: «Не следует менять облик мужчине… Спаситель наш, Иисус Христос носил бороду. Также и Святые апостолы и Великие пророки, Константин Великий и Владимир Великий, все имели бороду и сохраняли ее как украшение, дарованное Господом… Считаете вы, что хорошо будет брить бороды, оставляя только усы? Господь создал такими кошек и собак, а не мужчин… Брадобритие не является честью или бесчестием, это смертный грех… Православные мужи, не поддавайтесь этому дьявольскому искушению!.. Где вы будете находиться, когда предстанете на Страшном суде: с праведниками ли, украшенными бородой, или с обритыми еретиками?» Эхо этих слов звучало в ушах обритых и удивленных дворян. Но они не осмелились противиться воле царя. Если он в ярости хватался за бороды, то только потому, что бороды

олицетворяли для него пережитки, суеверия, темное прошлое народа, который он хотел повести за собой к западному свету.

Вернувшись домой, бояре встретили заплаканных жен, которые не могли утешиться, увидев своих мужей, лишившихся самого главного атрибута мужественности. Через пять дней во время банкета у генералиссимуса Шеина царь, развеселившись, приказал палить из двадцати пяти пушек залпом, а своему любимому шуту дал указание заняться оставшимися бородами. Шут дергал гостей за бороды и, гримасничая, подстригал их. Те, кто уже перенес подобное испытание, громко смеялись перед растерянностью тех, кому обстригали бороды у них на глазах. На следующем сборище – во время пира с участием пятисот человек, музыкой и танцами у Лефорта – удовлетворенный Петр мог наслаждаться гладкими щеками своих сподвижников. Лицами русские походили на немцев и голландцев. А сердцем? С этой стороны, думал царь, еще многое предстоит сделать.

Но Петр торопился в столицу не только затем, чтобы поработать ножницами. Неплохо было остричь бороды друзьям, но еще лучше отрубить головы врагам. Познакомившись с результатами расследования мятежа, он решил, что допросы проводились слишком мягко и что необходимо доказать ответственность Софьи и ее лагеря за этот заговор.

На этот раз царь хотел окончательно подавить стрельцов и лишить свою сводную сестру малейшей возможности еще раз когда-нибудь навредить ему. Чтобы в него верили, рука должна быть твердой. Он назначил комиссию из бояр во главе с Ромодановским, чтобы допросить и судить обвиняемых. С этой целью было приготовлено четырнадцать пыточных камер со всем необходимым оборудованием. Виновные, числом около тысячи семисот человек, заточенные в монастыри и тюрьмы Москвы, были доставлены в Преображенское в сопровождении ста тридцати человек и подвергнуты различным пыткам. Допросы начались 30 сентября – в день именин Софьи! – и длились по шесть-восемь часов в день. В воскресенье, единственный день, отдыхали. Тридцать костров для казней постоянно горели вокруг Преображенского. Как только кто-то из стрельцов отказывался отвечать на вопрос или отрицал очевидное, его подвергали пыткам. Подвешенного за запястья человека били кнутом, узкие и свистящие ремни которого разрезали ему тело до костей. В час наносили тридцать-сорок ударов. Когда мученик терял сознание, доктора приводили его в чувство. Тех, кто упорствовал, подвергали пыткам на дыбе, тело жгли головешками, прижигали ноги, пытали раскаленными щипцами. В конце концов палачи устали от работы с окровавленными кусками мяса, уже сто раз

убитыми, судьи теряли рассудок посреди предсмертных хрипов и криков. Казалось, не утомился только один человек среди всех, Петр. Он присутствовал на пытках и, казалось, был опьянен запахом крови, сукровицы, жженой кожи и экскрементов. Он сам задавал вопросы, оскорблял, избивал эти человеческие лохмотья, которые едва уже имели силы говорить. Патриарх Адриан предстал перед ним с иконой Богородицы в руках и просил его проявить милосердие к заблудшим стрельцам. Петр вскричал в гневе: «…к чему эта икона? Разве твое дело приходить сюда? Убирайся скорее и поставь икону на место. Быть может, я побольше тебя почитаю Бога и пресвятую Его Матерь. Я исполняю свою обязанность и делаю богоугодное дело, когда защищаю народ и казню злодеев, против него умышлявших!»

30 сентября триста сорок одного стрельца вывели колонной по двое и повезли на телегах в столицу на лобное место. Они качались, как манекены, в такт телегам, их одежда превратилась в лохмотья. В руках у стрельцов были большие зажженные свечи. Жены, матери и дети осужденных бежали следом за телегами с душераздирающими криками. У Покровских ворот конвой остановился перед сидящим на коне царем. Он был одет в польскую униформу, подаренную ему Августом II во время их встречи. Царя окружала группа обритых бояр. Рядом было много офицеров и весь дипломатический корпус, предупрежденный о казни накануне. В стороне от них толпился простой люд. Петр заставил представителя судейского приказа зачитать приговор, который осуждал на смерть «воров, разбойников, предателей веры и мятежников» стрелецких войск. И казнь началась. Двести одного человека из приговоренных повесили; сто человек, в возрасте от пятнадцати до двадцати лет, были наказаны кнутом, заклеймены и сосланы в Сибирь; сорок самых ярых мятежников были помещены в тюрьмы, где подверглись новым пыткам.

Это было только начало. Судьи и палачи с новыми силами принялись за работу. На этот раз они допрашивали не только стрельцов, но и их жен и прислугу царевен. У одной из служанок во время мучений начались роды. Другие по старой традиции, как писал Константин де Грюнвальд в книге «Россия времен Петра Великого», были погребены заживо. Петр приехал к своей сводной сестре Софье, чтобы лично допросить ее. Она полностью отрицала свою причастность к заговору. Сестра Софьи Марфа призналась только, что говорила с экс-регентшей о грядущем приезде стрельцов. И стрельцы, несмотря на страдания и истязания, которым они подвергались каждый день, никакими признаниями не смогли продвинуть расследование. Доказательств, что Софья – зачинщица заговора, не было, однако царь был убежден в ее вине

в произошедшем. С третьего по восемнадцатое октября семьсот семьдесят два стрельца было обезглавлено, четвертовано или повешено. Сто девяносто пять человек из них были повешены на виселицах, установленных перед окнами Софьи в саду Новодевичьего монастыря, где она была заточена. Троим казненным в сведенные судорогами руки палач вложил копии прошения, которое бунтовщики адресовали царевне. Петр никак не мог остановиться в своей жажде мщения. Он хотел потопить в крови воспоминания об этих восстаниях, которые преследовали его с раннего детства. Он собственноручно брал в руки топор перед изумленными послами и участвовал в наказаниях. Многие современники, австрийские дипломаты Корб, Гвариент и господин Виллебуа, а также другие подтверждают этот факт. Что удивительного в том, что Петр решил сам взяться за дело? Он не гнушался любой работы, почитая за честь доказать, что преуспел во многих профессиях. Будучи когда-то матросом и умелым плотником, теперь он хотел продемонстрировать навыки профессионального палача. С суровой профессиональной добросовестностью он опускал клинок на шею осужденному. Хлещущая кровь вовсе не волновала его. Страдания были в глазах Петра всего лишь естественным делом. Его интерес к делу, которое он делал, был не садистским, а скорее научным. Царь не наказывал, он оперировал. И когда он заканчивал, то испытывал удовольствие от хорошо выполненного дела, как будто возвращался со стройки. Потрясенные от мысли, что царь собственноручно мог казнить приговоренных к смерти – пять человек, если верить Корбу, восемьдесят четыре, по воспоминаниям Курта Керстена, и целую сотню, по мнению Вилебуа, – некоторые авторы утверждают, что свидетельства современников основывались на слухах и что не стоит им доверять, чтобы не марать репутацию великого человека. Мне кажется, наоборот, что необузданный и мстительный характер Петра подтверждает правдоподобие его непосредственного участия в казнях осужденных.

По приказу царя трупы оставались на месте казни в течение пяти месяцев: повешенные высоко и низко, лежащие на земле, разбросанные части тел на снегу. Подступы к Кремлю были усыпаны обезглавленными телами, которые источали, несмотря на холод, тлетворный запах. Насаженные на кол сотни голов стали добычей ворон. Проходя перед этими бесформенными останками, обтянутыми высохшей кожей, без глаз, без носов и с паклей из волос, прохожие крестились. В начале 1699 года трибунал возобновил работу в десяти пыточных камерах. В результате – еще сто тридцать семь повешенных и двести

восемьдесят пять наказанных кнутом и клейменных каленым железом. Третьего февраля 1699 года племянник генерала Лефорта писал из Москвы: «Сегодня приговорили к смерти еще триста несчастных. Его Величество приказал, чтобы все иностранцы присутствовали на казни. Это последние. Все остальные уже получили свой приговор».[38]

Наконец разложившиеся трупы вперемешку были погружены на телеги и вывезены в разные провинциальные города, где были свалены в кучу в публичных местах, в назидание народу. Позднее их погребли в братских могилах. Над каждой могилой поставили колонну, на которой был выгравирован список преступлений, совершенных покойными. Их головы, насаженные на колья, увенчивали могилу.

Сразу после окончания казней шестнадцать стрелецких полков было расформировано, а стрельцы высланы из Москвы. Им было запрещено перемещаться без паспорта, их нельзя было нанимать на военную службу. Вдовы и дети мятежников обязаны были также покинуть столицу. Населению было запрещено давать им убежище и принимать на работу. Их ждал удел нищих, а голод и холод закончили дело палачей.

Что касается Софьи, ее виновность не была доказана, Петр удовлетворился тем, что Софью постригли в монахини в Новодевичьем монастыре, куда она была заточена. Ее лишили всех титулов и заточили в маленькой тесной келье. Под именем сестры Сусанны она стала одной из многочисленных монашек монастыря.[39] Царевну Марфу, обвиненную также в сношениях с заговорщиками, постигла такая же участь. Ее постригли в монахини в Успенском монастыре под именем Маргариты. Постриг в монастыре казался Петру самым действенным решением, чтобы избавиться от этих женщин.

После элегантных и свободных в обращении созданий, которых он знал за границей, Евдокия казалась ему безвкусно одетой, без блеска, без изюминки, без тайны. Он считал ее достойной сожаления русской женщиной, которая принадлежала к анахроническому миру, который он обрек на исчезновение. Петр ни разу не написал ей во время всего своего путешествия. По возвращении он пригласил ее и в присутствии Виниуса, управляющего почтовой службой, холодно посоветовал ей удалиться в монастырь. Возмутившаяся Евдокия отказалась. Какое преступление она совершила, чтобы заслужить такое наказание? Ни разу ее имя не было упомянуто во время следствия по делу стрельцов. Она всей душой любит царя, к тому же она мать царевича. Неужели Петр думает разлучить ее с сыном? Чтобы поддержать законную супругу царя, вмешался патриарх

Адриан. Петр в ярости отослал ее и, после того как три недели выслушивал клятвы и слезы Евдокии, посадил ее в простую карету, запряженную двойкой лошадей, и отправил без всякого сопровождения в Суздальский Покровский монастырь.

Несчастный сын царя Алексей был обречен на страдания. Когда ему исполнилось девять лет, воспитание мальчика поручили его злейшему врагу, любимой сестре Петра – Наталье. Двадцатишестилетняя Евдокия, лишенная всех титулов и привилегий, стала просто монахиней Еленой. Она не получала ни копейки на содержание и не имела рядом никого из прислуги. Нуждаясь во всем, она обращалась к своему брату, Абраму Лопухину, с просьбами прислать ей что-нибудь из еды.

Евдокия стала отныне «невестой Господа» и не могла больше быть супругой царя. Петр полагал, что окончательно освободился от уз супружества. Даже в глазах Церкви он выглядел таким образом вдовцом, свободным как воздух и готовым к новым приключениям. Во время долгой кампании по наказанию стрельцов царь демонстрировал за столом нездоровое оживление. Говорили, что вид крови и слез побуждал его больше пить. Он ходил от стола к эшафоту и от эшафота к столу. В действительности пытка в то время не была чем-то особенным. Это был скорее один из обязательных аспектов правосудия. Царь Алексей Михайлович, получивший прозвище Тишайший, отец Петра, отправил на казнь более семи тысяч человек после восстания 1663 года в Москве. Почему его сын должен предстать более благородным? Впрочем, методы пыток, которые он применял, практически не отличались от тех, которые использовались в других странах. Действуя таким образом, у Петра не было ощущения, что он предает европейские модели. Напротив, он дополнял свою задачу славянским отсутствием чувства меры.

После того как было порублено много голов, он снова стал резать бороды. Ему не давала покоя традиция носить бороды. Он видел в ней все большее и большее оскорбление цивилизации. У его соратников и близких друзей были гладкие щеки, а у остальных?.. «Русские, – писал современник, капитан Перри, – придавали бороде религиозное значение. Бороды у них спускались до груди. Они их причесывали и поглаживали, стараясь не потерять ни единого волоса. В этом было их отличие от иностранцев». Не имея возможности собственноручно остричь весь свой народ, Петр публикует указ, запрещающий носить бороды всем, за исключением духовенства. Бородачи, которые, несмотря на повеление царя, хотят сохранить бороды, должны заплатить налог, соответствующий их социальному статусу. Сто

рублей в год для знати и высокопоставленных чиновников; шестьдесят рублей для придворных и коммерсантов; тридцать рублей для лакеев и кучеров; полкопейки при входе и выходе из города для крестьян. Всем им выдавали в качестве квитанции бронзовую медаль с надписью «Налог уплачен». На этой медали была выгравирована борода и иногда девиз: «Борода – лишняя ноша». Люди таким образом должны были носить на себе эти медали и предъявлять их по каждому требованию. Медаль обновлялась каждый год. Большинство знатных жителей и торговцев считали такой налог тяжелым бременем, и все заканчивалось решением сбрить бороду. А крестьяне предпочитали заплатить назначенную плату, входя в ворота большого города и возвращаясь в свою деревню бородой по ветру, как настоящие мужчины и истинные христиане. Капитан Перри рассказывает, что встретил на воронежской стройке уже немолодого плотника, который выходил от цирюльника, и спросил его: «Где же твоя борода?» – «Вот она, – ответил тот, вынимая из-за пазухи огромный пучок длинных волос. – Я запру ее в сундук и велю положить с собой в гроб, чтобы, когда умру, предстать с ней перед судом Божьим. И все мои товарищи так же сделают».

Если знать, зажиточные торговцы, армия и флот волей-неволей приняли новую моду, провинциальная Россия оставалась враждебно настроенной к этому нововведению. Петр находился на поляне из остриженных бород. Но в десяти шагах от него оставался лес. Следующий указ был еще суровее: если бородач появится в учреждении, отказать ему в ходатайстве, обязать его уплатить пятьдесят рублей, а если он не сможет заплатить такую сумму, отправить его на трудовую повинность, чтобы он отработал свой штраф. Если кто-то встретит бородача, недолжным образом одетого, может отвести его к уряднику и в качестве компенсации получит половину штрафа за бороду и одежду арестованного.

Но как можно было представить себе безбородые, современные европейские лица над длинными византийскими кафтанами? Надо было приводить в соответствие и лицо, и одежду. После атаки на бороды Петр устроил революцию в моде. На Руси одежда не менялась уже в течение ста лет. Широкие и жесткие, надетые один на другой, кафтаны были некрасивыми по покрою и азиатскими по расцветке. Бархатный воротник поднимался до подбородка, очень широкие рукава застегивались на запястьях на пуговицы из драгоценных камней. Кафтан из дорогой материи доходил до колен. Зимой огромные меховые шубы дополняли боярский наряд. Боярская шапка была

чрезмерно высокой. Этот веками устоявшийся костюм уже давно не нравился царю, которому по душе были простота и легкость. Стесненные в движениях, одетые в парчу и атлас, мужчины, считал он, похожи были на больших, ленивых и волосатых женщин. Некоторые, впрочем, как боярин Плещеев, шили придворные одежды из старых платьев своих супруг.[40] Солидные люди носили серьги, которые блестели между прядями волос. «Из-за таких широких рукавов с вами все время случаются несчастья, – говорил Петр. – То они попадают в суп, то задевают и разбивают посуду». Еще меньше ему нравилась одежда русского мужика, лишенная карманов, что, по мнению одного путешественника, хорвата Княжанича, заставляло мужиков носить «свои бумаги в сапоге, а монеты во рту». Во время торжественного шествия Великого посольства Петр мог удостовериться, что нелепые наряды русских вызывали усмешки зевак. Работая на заграничных стройках, он еще больше убедился, что для молодого и активного народа необходима одежда, которая не препятствует движениям. Если Россия хочет энергично двигаться вперед, не надо путаться в одеждах времен Бориса Годунова.

Сам царь имел в своем гардеробе единственный старый кафтан, который он надел шутки ради на свадьбу двух своих шутов. В остальных случаях он предпочитал военное платье из серого, черного или зеленого сукна.

4 января 1700 года царь издал указ, по которому «боярам, и окольничим, и думным, и ближним людям, и стольникам, и дворянам московским, и дьякам, и жильцам, и всех чинов и пр. людям в Москве и в городах носить платья, венгерские кафтаны, верхние – длиною по подвязку, а исподние – короче верхних, тем же подобием». 20 августа того же года указ был дополнен следующим: «Для славы и красоты Государства и воинского управления, всех чинов людям. Опричь духовного чина и церковных причетников, извозчиков и пахотных крестьян, платье носить венгерское и немецкое… да и женам и дочерям носить платье венгерское и немецкое, чтобы они были с ними в том платье равные ж, а не розныя». Люди бедного сословия все ж получили отсрочку на пять лет, чтобы заменить свою старую одежду. На следующий год нововведения были дополнены: для мужчин полагались камзолы, панталоны, сапоги, туфли и немецкие шапки, французское или саксонское верхнее платье; для женского пола – немецкие юбки, туфли и высокие шляпы.

Образцы этой одежды были выставлены у городских ворот, и с нарушивших указ брали штраф по сорок копеек с пешего и по рублю с каждого конного человека, входящего в город. Впрочем,

нередко целовальники могли порвать неподобающую одежду. Царь самолично в качестве развлечения отрезал слишком длинные рукава у некоторых из своих приближенных. Вскоре все бояре были одеты в приталенные суконные пальто. Непривычные к этим странным костюмам, они насмехались друг над другом, как на маскараде. Петр сам не мог удержаться от смеха, глядя на этих переодетых обезьян. У него перед глазами была карикатура на Европу. Но он не сомневался, что со временем русские люди обретут элегантность англичан, австрийцев и французов. Очевидно, некоторые пожилые сановники жаловались на то, что у них мерзнут ноги в коротких панталонах и тонких чулках. Они перешептывались между собой, что эта одежда не подходит для сурового российского климата. А молодой царь с глубокомысленным видом делает только то, что ему нравится, и никто не осмеливается заявить свой протест.

Следующая реформа касалась календаря и затрагивала вековые народные правила. По русскому календарю летоисчисление велось по византийской традиции от сотворения мира, 5508 года до рождества Христова. Иначе говоря, Петр родился в 7180 (1672) году, согласно русскому календарю, а 1700-й считался в то время в Москве 7208 годом. 20 декабря 1699 года, на закате века, Петр издает указ, повелевающий отныне перейти на европейское летоисчисление, и праздновать новый год не первого сентября, как было заведено в России, а первого января, по образцу Европы. Тем не менее он не принял решение перейти на летоисчисление по римскому григорианскому календарю, который не мог устроить православных, и довольствовался юлианским календарем, который отставал на одиннадцать дней от григорианского.[41] Царь повелел, чтобы 1 января 1700 года все украсили двери своих домов еловыми ветками и можжевельником, по образцу, как это сделано в лавках и аптеках. Всем жителям было приказано присутствовать в этот день на официальных празднованиях в церквях, обмениваться поздравлениями и пожеланиями по случаю Нового года. Владельцы ружей были приглашены стрелять по случаю радостного события. В полдень во время народных гуляний на Красной площади начались артиллерийские залпы. Вечером салют рассветил небо. Это веселье в приказном порядке не нашло отклика в сердцах москвичей. Некоторые говорили совсем тихо: «Мог ли господь сотворить мир зимой?» Другие голоса, среди староверцев, роптали: «В Библии говорится, что придет Антихрист и поменяет время. Значит, Антихрист – Петр».

В 1699 году, чтобы усилить боевой дух дворянства, Петр учредил первый орден русской кавалерии – орден Святого Андрея

Первозванного, покровителя России. Широкая бледно-голубая лента украсила грудь избранных.

В 1702 году состоялось «открытие» теремов, царь приказал, чтобы женщины на свадьбах и всяких общественных увеселениях находились рядом с мужчинами, было учреждено обязательное обручение за шесть недель до свадьбы, с разрешением будущим супругам свободно видеться друг с другом. Еще через год в Москве стала выходить первая русская газета – «Новости», выпускаемая на четырех страницах, в которой рассказывалось о том, что происходит в России и в Европе. Просвещая читателей, время от времени там появлялись следующие заметки: «Лиссабон – столица Португалии, находится в Европе… Версаль – деревушка и резиденция короля Франции, в окрестностях Парижа… Лорд – английский боярин».[42] Вновь созданные типографии использовали русские буквы, в отличие от старославянского алфавита, которым пользовалась Церковь. Были подготовлены также учебники по математике и даже словарь. Балюз, посол Франции в Москве, присутствовал на представлениях комедий (одно было на русском языке, другое – на немецком) и писал Людовику XIV, что спектакли показывали в большом зале, ложи были очень удачно расположены, а сам театр достаточно глубокий.

Посреди этих огромных усилий по модернизации жизни трагические известия, свалившиеся на царя, воспринимались как несправедливость свыше. Он находился на стройке в Воронеже, когда пришло известие о смерти его друга Лефорта, скончавшегося 2 марта 1699 года. Лефорт, пехотный генерал, адмирал, глава Великого посольства, незаменимый друг и товарищ в работе и застольях. Царь в слезах воскликнул: «Моего друга нет больше! Он единственный был предан мне! На кого я теперь смогу положиться?» Поспешно вернувшись в Москву, он приказал открыть гроб, поцеловал лоб и руки покойного и организовал пышные похороны. Глубоко скорбящий царь возглавил кортеж, который следовал в церковь. Впереди ехал всадник, одетый во все черное, с обнаженной шпагой, направленной вниз. Гроб несли двадцать восемь полковников. Послы, бояре, высокие сановники, генералы следовали следом с опущенными головами. Три полка участвовали в траурном шествии. Военный оркестр играл траурную музыку. Сорок пушек дали залпы в его честь. Вдова шла, поддерживаемая плакальщицами. Жители Москвы не понимали, почему царь так опечален смертью иностранца. После погребения Лефорта на кладбище в Немецкой слободе друзья собрались на поминки в доме покойного. Царь много пил, но его окружению не хватало

живости, и казалось, что многие приглашенные уехали, не дождавшись окончания церемонии. Петр пришел в ярость и взревел: «Вы, кажется, довольны, что Лефорта больше нет!»

Несколько месяцев спустя следующая утрата потрясла государя. Скончался Патрик Гордон, преданный и талантливый генерал. Зато с тайным облегчением царь принял известие о кончине в декабре 1700 года несговорчивого противника своих реформ, патриарха Адриана. Чтобы избежать установления нового могущественного соперника, царь кардинальным образом решил вопрос о патриаршестве. В глазах государя лучшим кандидатом на пост «блюстителя патриарших дел» мог стать Стефан Яворский, митрополит Рязанский. Яворский обладал живым характером, обучался за границей и, по мнению царя, не должен был бы чинить ему препятствия в продолжающихся преобразованиях. Впрочем, он должен был заниматься только текущими делами. С образованием Монастырского приказа и назначением его главой Мусина-Пушкина управление духовными делами перешло главным образом в руки светской власти. Это было начало подчинения Церкви.

В действительности же Церковь никогда открыто не препятствовала царю в его реформах. Еще меньше вмешивалась в его частную жизнь. Даже когда он добровольно, без видимых причин, отказался от своей супруги, патриарх Адриан ограничился вялыми протестами. В это время Петр нежно любил Анну Монс. Постоянная фаворитка наслаждалась ежегодным пансионом в семьсот рублей и жила в шикарном доме в Немецкой слободе. По свидетельству очевидца, спальня в этом доме имела богатейший орнамент. В народе ее называли «царевна Кукуя»[43] или «чушка». Вся в украшениях, она появлялась рядом с царем на дружеских застольях и даже на официальных церемониях. Датский дипломат попросил Петра быть крестным отцом его ребенка, а царь потребовал, чтобы Анна была крестной. Он подарил фаворитке целую область Дубино и мечтал даже одно время на ней жениться, что, впрочем, не мешало ему продолжать развлекаться со служанками, проститутками и даже подругой Анны, немкой Еленой Фадермрехт. Последняя в своих письмах обращалась к царю не иначе как «свет мой дорогой, мой обожаемый чернобровенький и черноглазенький».[44] Казалось, триумф Анны будет длиться долго, пока одно неожиданное событие не остановило его. В начале северной кампании в 1703 году саксонский посланник Кенигсек утонул, переправляясь через реку. Падкий на всякие политические новости, Петр приказал вывернуть карманы дипломата и нашел там не конфиденциальные бумаги, как надеялся, а любовные письма.

Почерк, стиль и подпись – все доказывало, что писала Анна Монс. Впрочем, у покойного на груди был медальон, в котором был портрет красавицы и прядь белокурых волос с надписью «Любовь и преданность». Петр посчитал себя оскорбленным и приказал бросить изменницу в тюрьму, а вместе с ней тридцать человек, которых он подозревал в пособничестве Анне в ее интриге. «Сообщники», среди которых никто не догадывался, в чем их обвиняют, остались в заключении навсегда. Анна Монс, напротив, была в скором времени освобождена. Лишенная практически всего своего имущества, она отказалась расстаться с миниатюрным портретом государя, как говорили, из-за его бриллиантовой оправы. Но она не признала себя побежденной. Ее всегда привлекали дипломаты, и вскоре она стала любовницей, а затем и женой прусского посланника Кейзерлинга. На одном из вечеров, по окончании обильного обеда, Кейзерлинг осмелился подойти к царю и, пользуясь благостным настроением Его Величества, осмелился попросить места для брата экс-фаворитки государя. Тотчас же старые чувства захлестнули Петра. Несмотря на прошедшие годы, он не забыл оскорбления. Царь грубо ответил просящему: «Я возвышал Монс для себя, я собирался на ней жениться. Вы ее соблазнили, теперь берегите ее. Но никогда не говорите мне больше ни о ней, ни о ее родственниках!» И так как прусский дипломат продолжал неловко настаивать, Меншиков вскричал: «Ваша Монс б….! Я имел ее, как вы, и как все остальные! Оставьте нас в покое!» Возмущенный муж начал было протестовать, но царь и Меншиков набросились на него с кулаками и спустили с лестницы. На следующий день Кейзерлинг принес извинения своим высокопоставленным обидчикам.[45]

Хотя Петр и был злопамятен, он не был безутешен. Меншиков, который теперь заменил ему Лефорта, поставлял царю девушек легкого поведения. Двор Натальи, старшей сестры царя, постепенно превратился в гарем, куда царь и его доверенное лицо приходили искать партнерш на одну ночь. Теперь любовь стала для них лишь физиологической потребностью и развлечением.

Петра совершенно не интересовало мнение о нем окружающих, еще меньше его заботило мнение народа. Донесения, которые приносили ему, изобиловали цитатами из речей подстрекателей на тайных собраниях. «Царь бреет бороды и с немцами якшается, вера и та скоро немецкой станет», – говорил один из членов тайного общества. «Царь живет по заграничной моде, ест мясо по средам и пятницам, не соблюдает поста. Он приказал всем носить немецкое платье. Он упразднил патриархат, чтобы единолично править и не иметь соперников. Первого января 1700 года он повелел всем праздновать новый год,

нарушив таким образом клятвы святым отцам», – говорил другой. [46] Еще недавно врагами Петра были только староверцы. Теперь оказалось, что представители новой и старой веры объединились в осуждении реформ. Недовольство народа касалось не только исправления Никоном текстов богослужебных книг, но особенно бритья бород, введения «немецкого платья», изменения летоисчисления, употребления табака и эмансипации женщин. Отныне народное недовольство обрушилось против подражателей заграницe, перестало иметь чисто религиозную почву и начало становиться националистическим. В городах и деревнях все сильнее звучали речи, что настоящий царь умер в странствиях, а тот, кто претендует теперь на управление страной, – Антихрист. Впервые пути России и ее государя расходились. Пропасть образовалась между небольшим классом европеизированных руководителей и народом, преданным традициям предков. Разграничение этих двух миров и символизировали бритые бороды и новый наряд. Иногда Петру казалось, что он в одиночку сражается против четырнадцати миллионов. Но эта диспропорция его не беспокоила, а, наоборот, вдохновляла.

Глава VIII
От Нарвы до Полтавы

В Раве, во время встречи с королем Польши Августом II, Петр принял решение оставить в покое Турцию и бросить все силы на борьбу со Швецией. Но прежде чем объявить войну Карлу XII, он должен был дождаться окончания мирных переговоров с Оттоманской Портой, на которые был отправлен Украинцев, а эти переговоры затягивались. Между тем Паткуль, советник Августа II, разработал коалиционный план, объединивший против Швеции Данию, Польшу и Россию. Уже была поделена территория врага. Петр мечтал получить доступ к Балтике и аннексировать старые русские города Дорпат (Юрьев) и Нарву. Он с нетерпением ждал новостей из Константинополя. А его союзники с еще большим нетерпением совершали ошибку, начиная военные действия без него. Тотчас же Карл XII прибыл со своей флотилией в Копенгаген, высадился на берег, захватил первые оборонительные сооружения и вынудил город капитулировать. Пораженная в самое сердце Дания вышла из коалиции и стыдливо заключила мирное соглашение с Травендалем. Со своей стороны Август II после взятия штурмом Дунамюнда потерпел поражение под Ригой. Петр тайно к нему присоединился: так Рига досталась ему.

Наконец 8 августа 1700 года курьер от Украинцева принес известие, что соглашение с турками подписано на тридцать лет. В день, когда Москва встречала колокольным звоном столь долгожданный мир, царь приказал войскам выдвигаться в поход. Вопреки обещаниям союзникам, войска отправились не на север, а к Ливонии, территории, первоначально обещанной Августу II. Так как нужна была причина для начала войны, Петр заявил в своем манифесте, что идет войной против Швеции в ответ за неуважение, которое было оказано русской делегации во время пребывания в Риге, где царь, однако, был инкогнито. Короче говоря, царь брал под защиту плотника Петра Михайлова.

Он надеялся победить натиском своего противника, который был молод и неопытен. В 1700 году Карлу было всего восемнадцать лет. Он был на десять лет моложе Петра. Придя к власти в неполные шестнадцать лет, король поражал свое окружение дерзостью, силой, нахальством и своей авторитарностью. Высокий, худой, с продолговатым лицом, высоким широким лбом и пронизывающим взглядом, он охотно пренебрегал своими прямыми обязанностями в пользу грубого

веселья, которое чем-то напоминало развлечения царя. Карл читал много классики, его кумиром был Александр Великий, но он был резок со своими министрами, крушил мебель, саблей рубил головы баранам и козам и днем разъезжал в одной рубашке верхом по улицам Стокгольма. Этого полусумасшедшего, думал Петр, не стоит опасаться. И он ошибся. Увидев угрозу своей стране, Карл XII резко изменился. Охотник на медведей и любитель выпить, он в один день отказался от всех своих капризов и развлечений. Защита страны стала для него единственной мыслью, а армия единственной страстью.

В военном походе он был простым солдатом своего войска, спал в походных условиях, перекусывал как придется и пренебрегал своим туалетом. «Его рубашка и рукава были обычно очень грязными, – писал английский посланник Степней. – Руки его были такого же цвета, как и рукава, иногда едва можно было их различить. Волосы его были светло-коричневые, очень грязные и короткие, и он никогда не расчесывал их расческой, а только пальцами… Он очень быстро ел, никогда не задерживался за столом дольше чем на пятнадцать минут и не говорил ни слова, пока ел… маленькая кружка пива была единственным его крепким напитком…» Узнав, что Россия вступила в войну, Карл XII приказал арестовать Хилкова, царского посла, его сотрудников и сподвижников, а также слуг и всех русских коммерсантов. Зато Петр разрешил всем шведам покинуть Россию. Силы, которыми он располагал, насчитывали приблизительно сорок тысяч человек. Его первой целью была Нарва, шведский город, когда-то бывший под контролем русских. По предположениям царя, Карл XII, задержавшийся в Дании, не сможет вовремя вмешаться и крепость падет без необходимости развязывать бой в открытом поле. Эта операция представлялась ему приятной военной прогулкой. Только прибыв к Нарве, 23 сентября, Петр был удивлен, увидев, что осада началась не так, как ожидали. Артиллерия русских не достигала цели, орудийные расчеты плохо знали свое дело, не хватало пороха и ядер, стены города не поддавались. Тем не менее царь рассчитывал, что осажденные капитулируют, устав сопротивляться. Но в ночь с 17-го на 18 ноября от пленных шведов он узнал, что Карл XII быстрыми темпами приближается. Эта новость его поразила. Ему показалось, что он попал в ловушку, которая с сухим щелчком захлопнулась за ним. Как молнией, Петра поразило предчувствие поражения его армии. Лучше бегство, чем плен. Он немедленно принимает решение к отступлению. Но… необходимо было придумать достойную причину такому ходу боя. В *«Журнале»*, исправленном царской рукой, можно прочесть: «Восемнадцатое,

Его Величество уезжает в Новгород, чтобы скорее подтянуть войска, которые были на пути к Нарвской крепости; но главная причина его отъезда в том, чтобы встретиться с королем Польши, который держал осаду Риги, чтобы вместе избавиться от их общих замыслов». Объяснение, достойное жалости. В действительности Петр впал в панику. Его советники умоляли его отступить, пока еще не поздно. Деморализованный царь покинул ночью свой лагерь, оставив командовать своим войском Карла-Евгения де Круи. Нанятый царем двумя годами ранее, этот генерал обладал, конечно, опытом и властью, но ничего не знал о войске, которое ему доверили, он игнорировал дух солдат и не говорил на русском языке. Едва он, имев неосторожность, принял на себя эту миссию, как Карл XII подошел к Нарве во главе десятитысячного войска. Эта армия была в четыре раза меньше русской. Чтобы прибыть сюда, шведские солдаты пересекли пустынные равнины, не обращая внимания на непогоду, засыпая с пустыми желудками. Они были изнурены, их лошади не ели уже двое суток. Но храбрость войска, возглавляемого молодым королем, осталась непобедимой. На следующий же день Карл XII выдвинул две колонны против русских. Он сам возглавил атаку. Метель ослепила противников. Несмотря на сопротивление Преображенского и Семеновского полков, русский лагерь был захвачен за полчаса. Армия побежала. Кавалерийские полки отступали из Нарвы вплавь. Тысячи человек утонули в реке. Пехотинцы устремились к двум мостам, которые не выдержали их и обвалились. Опасаясь поворота ситуации, Карл XII за одну ночь соорудил новый мост, который позволил отступающей армии уйти. Это было полной катастрофой. Русские потеряли десять тысяч человек. Были взяты в плен принц де Круа, который сдался одним из первых, князь Долгорукий, генералы Вейде, Галларт, Ганге… Среди большого количества трофеев упоминались также сто шестьдесят флагов и знамен, армейская касса, множество артиллерийских снарядов. Генерал Галларт, говоря о своих солдатах, воскликнул: «У них столько же мозгов, сколько у лягушки волос на брюхе!»

Конечно же, в России было запрещено публично говорить о поражении. Все были в курсе событий, но никто их не обсуждал. Русские послы за границей получили приказ представлять поражение при Нарве как результат предательства. Но ни в Гааге, ни в Вене, ни в Лондоне, ни в Версале никого нельзя было одурачить. Повсюду высмеивали царя-фанфарона, насмехались над его посланниками, которые вынуждены были проглатывать желчные замечания. Была даже выбита медаль в насмешку над Петром, на которой был изображен убегающий царь, без шапки, с

брошенной шпагой, утирающий слезы платком, и надпись со словами из Евангелия: «Изошед вон, плакася горько».[47] В Москве Петр погрузился в смятение. Он сомневался в себе, в своем народе, в своей армии. Его солдаты трусы. Оказавшись перед лицом горстки выносливых шведов, они, несмотря на численное превосходство, бросили оружие. Из-за их ошибки царь вынужден был отказаться от своих завоевательских планов. Россия не расширит границы до Балтики. Прусскому флагу не суждено взвиться над северными морями. Мир не падет ниц перед волей Москвы. Хорошо еще, что Карл XII не стал продвигаться в глубь России. После некоторого колебания король решил покончить сначала с Польшей. Петр решил воспользоваться этой передышкой, чтобы заключить мир любой ценой. В надежде на это он обратился с просьбой ко всем государям Европы, чтобы добиться их посредничества. Иностранные дворы смеялись над его усилиями. Князь Голицын, посол царя в Вене, писал Петру: «Главный министр, граф Кауниц, от которого все зависит, и говорить со мной не хочет, да и на других полагаться нельзя. Они только смеются над нами. Я отправился в Оперу с послом Польши. К нам подошли посол Франции с послом Швеции… Посол Франции предложил, что было бы неплохо подписать договор между Швецией, Польшей и Россией. Швед ответил, что его король готов подписать такой договор с Польшей, но с нашим царем он не хотел бы иметь ни договора, ни мира. И начал смеяться».

И тот же униженный князь Голицын писал Головину: «Всякими способами надо домогаться получить от неприятеля победу. Хотя и вечный мир учиним, а вечный стыд чем загладить? Непременно нужна нашему царю хотя малая виктория, которою бы имя его по-прежнему во всей Европе славилось. А теперь войскам нашим и управлению войсковому только смеются».

Внезапно Петр опомнился, как на следующий день после своего первого поражения в войне с турками. После того как Россия привела его в отчаяние, он осознал огромные размеры страны, неисчерпаемые земельные ресурсы, безграничную выдержку своих людей. Такая сильная и щедрая нация может проиграть десять, двадцать сражений, думал он, в конце концов она изнурит противника и заставит его стать на колени. Он, до последнего времени игравший в солдата и матроса, подчинился действительности и сделал выводы из поражения; он, который всегда сгорал от нетерпения, решил положиться на время и тяжелый труд, чтобы взять реванш. «Я знаю, что шведы нас били и будут еще долго бить, но они в конце концов научат нас сражаться», – говорил Петр. И еще: «Это дело (первая северная

кампания) было всего лишь детской игрой». Он также написал в своем *«Журнале»*: «Сия победа (шведов над русскими) была за великий гнев Божий почитаемая. Но ныне, когда о том подумать, воистину не гнев, но милость Божию исповедати долженствуем: ибо ежели бы нам тогда над шведами виктория досталась, будучи в таком неискусстве во всех делах, как воинских, так и политических, то в какую бы беду после нас оное счастие вринуть могло?..»

По его приказу вся Россия принялась лихорадочно работать. Мужчины, женщины, дети, солдаты, церковнослужители – все стали заниматься укреплением городов и монастырей, способных остановить наступление врага. После поражения под Нарвой регулярная армия была сокращена до двадцати пяти тысяч человек, были набраны ополченцы и в регионе Волги сформировано десять новых полков. Завод по производству железа был построен в Невянск-Каменском, и царь приказал конфисковать четверть церковных и монастырских колоколов, чтобы переплавить их на пушки. Двести пятьдесят молодых людей было отправлено в школы для обучения артиллерийскому делу, чтобы составить костяк профессиональных кадров. Дипломат Матвеев купил в Льеже пятнадцать тысяч ружей, скорострельные пушки, бинокли, точные приборы. Была пошита теплая одежда для десяти тысяч рекрутов. Срочно начато строительство легких галер на верфях на Ладоге и Приепском озере. Вскоре, чтобы укрепить свою армию, Петр воссоздал стрелецкие войска, которые растворились среди населения. Пока ему надо укреплять свои связи. Они не были такими уж блестящими, но выбора у него не было.

В феврале 1701 года он встречался с королем Августом II в замке Бризен, недалеко от Дунабурга. Чтобы отпраздновать эту радостную встречу, они устроили соревнование по стрельбе из пушек по мишеням. Король Польши попал в цель два раза, русский царь – один. Но Петр отыгрался в тот же вечер, за столом. Август II так опьянел, что его невозможно было разбудить на следующее утро к началу мессы. Бодрый и свежий Петр, православный монарх, присутствовал один на богослужении в католическом храме. Август II, проспавшись, продолжил банкет. Пир длился три дня и три ночи. Между возлияниями говорили о политике. Чтобы продемонстрировать свою силу, польский король решил покрутить пальцами серебряное блюдо. Петр поддел его и, смеясь, предложил проделать то же самое со шпагой шведского короля. В конце концов два государя подписали новый договор, по которому после победы Ливония и Эстония отойдут Польше, а Ингрия и Карелия – России. Подобных

договоренностей Петр достиг и с Данией.

Начало этой двойной коалиции не было удачным. Соединение русской и польской армии закончилось поражением под стенами Риги. Карл XII захватил города Митау, Бауск, Бирсен и прогнал русских и саксов из Ливонии и Курляндии. Между тем в июне в результате сильного пожара был уничтожен московский Кремль. Административные здания с архивами, склады с продовольствием, арсеналы с боеприпасами, дворцы и богато украшенные церкви горели, как факелы. С колокольни Ивана Великого упали колокола. Самый большой колокол, весом восемь тысяч пудов,[48] разбился при падении. Для народа это было плохим предзнаменованием. Но со снегом пришли хорошие новости для русских. Несколько месяцев спустя, в самом разгаре зимы, Шереметев застал врасплох шведов в Шлиппенбахе и, несмотря на превосходство шведов в числе, победил их в Эрестере. Эта первая победа русских была встречена Петром как начало национального воскресения. Во время празднеств, устроенных по этому поводу, с артиллерийскими залпами и салютом, некоторые плененные шведы проходили по улицам. После чего их продавали на рынке по три или четыре гульдена за голову. Спрос на шведов был так велик, что вскоре цена увеличилась до тридцати гульденов за голову. «Одержав победу с небольшим превосходством, – писал голландский резидент Ван дер Гульст, – на деле наделали столько шуму, как будто перевернули весь мир».

В следующем, 1702 году русские одержали новые победы в Волмаре и Мариенбурге, в то время как Карл XII победил саксов и поляков в Клиссове и вошел в Краков. С наступлением осени Петр решает сосредоточить свои усилия по направлению к Неке. Склад продовольствия и артиллерии переместился благодаря его стараниям на берега Ладожского озера. Там стали готовить корабли для речных атак. Главной целью была крепость Нотебург, расположенная на острове, в месте, где Нева вытекает из озера. Во времена господства русских эта крепость называлась Орешек. Петр хотел, по его выражению, «расколоть этот орешек двумя пальцами». Штурм длился тридцать пять часов. Наконец 11 октября 1702 года гарнизон в количестве четырехсот пятидесяти человек, поддерживаемый ста сорока двумя пушками, капитулировал. Тотчас же Петр переименовал крепость в Шлиссельбургскую, «крепость ключа». Этот ключ в сознании царя должен был быть ключом от ворот Невы и моря. В продолжение операции подошел Шереметев с двадцатитысячной армией, пройдя вдоль правого берега реки, через лес, и приблизившись к Ниеншанцу в устье реки Невы. Петр прибыл туда же по воде с

другими войсками на шестидесяти лодках. 1 мая 1703 года гарнизон Ниеншанца сдался после недолгого обстрела. Но спустя шесть дней два военных шведских корабля, игнорируя капитуляцию Ниеншанца, показались в невском устье, у входа в Финский залив. Незамедлительно, по приказу «капитана бомбардиров» Петра и «лейтенанта» Меншикова, солдаты на тридцати весельных лодках приблизились к кораблям, взяли их на абордаж, убили пятьдесят восемь матросов и захватили девятнадцать в плен. Петр радовался как ребенок: это была первая победа русских на воде! Петр написал об этом всем своим друзьям и долго принимал их высокопарные поздравления. В письме Стрешнева сказано: «А за такую победу храбрым приводцам прежде всего какие милости были, и того в разряде не сыскано, для того, что не бывало взятия кораблей на море никогда». За эту блестящую акцию «капитан бомбардиров» Петр и «лейтенант» Меншиков были удостоены ордена Андрея Первозванного. Другие офицеры получили золотые медали на золотой цепочке. «Солдаты, – писал Петр в своем *„Журнале“*, – тоже получили медали, но меньшего размера и без цепочек».

Эти награды и похвалы ничего не значили рядом с глубоким осознанием исторического этапа, которое он испытывал при мысли, что отвоевал морской путь, по которому в IX веке пришли первые варяги. 16 мая 1703 года, девять дней спустя после захвата шведских кораблей, Петр приказал построить на одном из соседних островов деревянный домик для него и его приятелей. Думал ли он тогда, что закладывает фундамент своей будущей столицы? Через несколько месяцев в устье Невы показалось – о чудо! – голландское торговое судно с грузом водки и соли. Петр незамедлительно поднялся на борт и поднес экипажу водку, сыр и печенье. По его приказанию Меншиков вручил пятьсот гульденов капитану и тридцать экю каждому из матросов, чтобы отблагодарить их за то, что они бросили якорь, и встал на рейд в Питербурге – так вначале назывался Санкт-Петербург.

Между тем, укрепив подход к Финскому заливу, Петр решает консолидировать свои позиции. Царь заложил крепость на острове Кронштадт, у входа в залив, чтобы защитить устье Невы. В это время Шереметев напал на Эстонию и Ливонию. В июле 1704 года Петр присутствовал при взятии Дерпта. В следующем месяце после тяжелого штурма капитулировала Нарва. Командующий лично дал сигнал о сдаче и признал себя побежденным. В бешенстве русские солдаты не щадили тех, кто сдавался. Петр, счастливый от того, что сражался сам среди солдат с клинком в руке и занял эту знаменитую крепость меньше чем за час, потеряв всего триста человек, писал в письме Ромодановскому: «Где пред

четырьмя леты Господь оскорбил, тут ныне веселыми победителями учинил».[49] В действительности этим успехом русская армия была обязана внезапной слабости противника, основная часть войск которого была вовлечена в войну с Польшей. Победоносное шествие короля Карла XII по Польше, захватывающего один город за другим, привело к тому, что королем сделался Станислав Лещинский. Чтобы поддержать Августа II, который хотел сохранить трон, Петр пошел через всю страну. Меншикову удалось разбить шведов при Калише, захватив около сотни офицеров и две тысячи человек. Все шведские посты в Курляндии попали один за другим в руки русских. Но эта радость была омрачена, потому что Август II, напуганный приходом многочисленного шведского войска в Саксонию, предал данные Петру обещания и подписал 24 сентября 1706 года с Карлом XII в Альтранштадте мирное соглашение на драконовских условиях: отказ от польской короны в пользу Станислава Лещинского, разрыв отношений с Россией, передача дезертиров и предателей, среди которых называлось имя Паткуля, царского посланника. Для одних он был интриганом, для других – героем и мучеником. Паткуль был передан шведам, которые его колесовали и обезглавили.

С Августом II Петр потерял своего последнего союзника. Теперь он остался один на один с королем Швеции. И тот и другой были упрямы и одержимы. Но взрывному энтузиазму Петра, действующему хаотично, с применением насилия и импровизации, его противник противопоставлял холодный расчет и законспирированные действия. Победы Карла XII, его тактическая смелость, удача и мужество, как и его суровость, восхищали всю Европу. В своем лагере в Альтранштадте он вел переговоры с французскими и английскими дипломатами, приехавшими, чтобы заручиться его опорой или по крайней мере симпатией в деле преемственности Испании. Немецкие министры напрасно с почтением ходатайствовали относительно будущего старой империи. Всех обязали повернуться к Западу. Тихий и разговорчивый Карл не позволял никому даже догадаться о своих намерениях. Тем не менее посланник Франции Жан-Виктор де Безенваль сообщил ему, что царь хотел бы вести переговоры, на что получил ответ, что Карл потребует возвращения всего завоеванного русскими, включая земли на берегах Невы, с новым городом Санкт-Петербургом, основанным на болотах. Вена и Лондон, вмешавшиеся в свою очередь, натолкнулись на то же решение. Карл XII был непоколебим. Если Петр хочет сохранить Санкт-Петербург и прилегающее взморье, которые ему так дороги, он должен продолжать войну. Впрочем, он так до конца и

не верил в возможность заключения мира. В ожидании решающего столкновения Петр ускорял оснащение кораблей, приказал провести новый рекрутский набор в армию из расчета призыва одного солдата из пяти крестьян, улучшил снаряжение пехотинцев, добавив им штыки, которые восхвалял во Франции с 1703 года Вобан. Одним из первых в Европе он организовал восходящую артиллерию. Страсть царя к баллистике подтолкнула его к производству пушек. Проехав Урал и Сибирь, советник Петра Виниус нашел там столько разных руд, что, как он писал, этого количества хватило бы до скончания мира.[50] Чтобы оплатить этот необходимый военный материал, народ, уже задавленный пошлинами, должен был платить новые налоги.

Особенно много недовольных было в Москве. В Астрахани в 1705 году начался бунт против бояр и иноземцев, поддержанный к тому же стрельцами. Его подавили регулярные войска. Триста самых активных бунтарей были казнены, четыре тысячи повстанцев насильно зачислены в армию. В январе 1706 года Карл XII покинул Варшаву с двадцатичетырехтысячным войском и поверг в бегство пятьдесят тысяч русских перед Гродно. Новое поражение русских и саксонских войск в Франштадте. Петр писал Головину, что против всех денег, которые он потратил на короля Польши, он взамен получил только несчастья. Но эти «инциденты» не остановили царя в решении повысить налоги своему народу. Для окончательной победы одни должны были пожертвовать своей кровью, другие – своим потоком, третьи – деньгами. Более 90 процентов ресурсов страны были отданы армии. Были монополизированы почта, рыбная ловля, продажа соли и табака, смолы, мела, машинной смазки, рыбьего жира, свиной щетины; трактиры и мельницы были обложены налогами; Петр решил провести эмиссию «кредиток», иначе говоря, он переплавил все существующие монеты, уменьшая вес каждой, в результате получил огромную и быструю прибыль. «Этот двор стал настоящим торговым предприятием», – писал английский посол Витворт. На самом деле для царя все средства были хороши, когда речь шла о финансировании войны. Посол Франции Безенваль заявил: «Кампания против русских будет сложной и опасной, потому что шведы научили военному искусству московитов и сделали их страшными, в то время как невозможно разрушить это огромное могущество».[51]

Наконец Карл XII начал движение. «Я повенчан со своей армией в радостные и печальные дни, в жизни и смерти», – писал он. В июне 1708 года он вошел в Березину, захватил Могилев, страстно желая попасть в Смоленск, откуда уже была видна Москва. Царь срочно приступил к укреплению столицы. Чтобы

предотвратить неудачу, он должен был послать войска на усмирение восстания Булавина, предводителя донских казаков, и для подавления восстания башкир в районах Казани и Уфы. Эти две операции оттягивали его силы. Однако царь решил отказаться от сражения и завлечь противника последовательным отступлением войск в глубь России, разоряя страну за собой. Его союзниками будут обширная территория, время, голод и морозы. Казаки атаковывали шведов неожиданно, убивая их и исчезая. Во время продвижения в глубь России солдаты Карла XII встречали лишь сожженные деревни, пустые склады, голые пустынные поля. В *«Журнале»* Петра Великого можно было прочесть, что король Швеции преследовал русских то с одной стороны, то с другой. Армия долго отступала. И все, что ей встречалось на пути, она частью использовала для своих нужд, а оставшееся уничтожала и сжигала, чтобы враг не смог этим воспользоваться. По правой стороне шведы еще могли чем-то воспользоваться, но по левой, где прошли русские войска, они не оставили за собой ничего.

Карл XII надеялся на армию Левенгаупта, которая должна была присоединиться к нему и увеличить усилия армии, ослабленной голодом и болезнями. Но царь расстроил эти планы, загородив дорогу Левенгаупту, у деревни Лесной на реке Сонже. После кровавого сражения, которое закончилось рукопашным боем со штыками и мечами, шведы были разбиты. Король, который ждал подкрепления, войска в одиннадцать тысяч человек и семь тысяч обозов с продовольствием, фуражом и боеприпасами, получил чуть более шести тысяч изнуренных беглецов, бросивших пушки и оставивших обозы врагу. Редактор *«Журнала»* Петра Великого писал, что «сия победа может первою называться, понеже над регулярным войском никогда такой не бывало; к тому же еще гораздо меньшим числом будучи пред неприятелем. И по истине оная виною всех благополучных последований России, понеже тут первая проба солдатская была и людей, конечно, ободрила…»

Едва Карл XII оправился от этого разочарования, как пришли плохие новости из Ингерманландии от генерала Любекера, который понес большие потери. Погибло три тысячи солдат и все его вещи. И тогда молодой король принял отчаянное решение: отказавшись идти на Смоленск и Москву, он разворачивается и направляется на Украину. В этом богатом крае он надеялся пополнить свои продовольственные запасы и заручиться поддержкой соседей-турок и гетмана Мазепы, который предал русских. Приехав в Малороссию, он с удивлением обнаружил, что процветающие деревни были разграблены русскими, а вместо сорока тысяч казаков, обещанных Мазепой, вероломному

изменнику удалось едва собрать две тысячи человек. Эта скудная армия не смогла тем не менее противостоять Меншикову, который занял резиденцию гетманов Малороссии – Батурин. Население не пошло вслед за мятежным предводителем и избрало новым гетманом Скоропадского, развязав против шведских завоевателей партизанскую войну. Турки не торопились вступать в войну. Наступила зима, такая лютая, что птицы замерзали на деревьях. Армия «каролинов»[52] находилась в тысяче двухстах верстах от Стокгольма, без возможности получить подкрепление, без запасов продовольствия. Люди были истощены, лошади пали, казаки, появлявшиеся из тумана, истребляли отставших солдат, перехватывали конвой; хирурги в полевых условиях ампутировали отмороженные конечности. Шведы говорили, что у них три лучших доктора: водка, чеснок и смерть. От победоносной и многочисленной армии вскоре осталось только двадцать четыре тысячи человек, которые брели, растерянные, их одежда превратилась в лохмотья, их вел король-фанатик, такой же истощенный, как и последний его солдат. Он хотел привести во что бы то ни стало свое войско в Полтаву. Взятие этого города было его главной целью. Выгнав оттуда русских, думал Карл, он сможет передохнуть там, прежде чем продолжит борьбу, имеющую шансы на победу. В апреле 1709 года шведы подошли в центр Украины к Полтаве, старому городу, посредственно укрепленному и охраняемому гарнизоном численностью в шесть тысяч человек. Карл XII окружил Полтаву, но на штурм не пошел. Вне всякого сомнения, он предпочитал сохранить свои силы, чтобы нанести в открытом поле главный удар против русской армии, о приближении которой докладывали его патрули. Его лучшие генералы и даже Мазепа советовали ему снять осаду и отвести войска. Король был непреклонен. «Если даже Господь пошлет мне одного из Своих ангелов, чтобы вразумить меня следовать вашим советам, я не буду Его слушать», – говорил он. Генерал Стенбок писал, что «король не может ни о чем думать, кроме войны. Он не хочет больше слушать разумные советы. Он говорит, как если бы Господь внушал ему его решения… Даже если бы у него осталась только тысяча солдат, он бросил бы их против целой армии». Опьяненный слишком легкими победами, Карл XII совершил ошибку, недооценив своего противника. Он не хотел принимать во внимание новую Россию, которую Петр успел создать. Но Петр, со своей стороны, наученный горьким опытом, не решался вмешиваться. Пока что русские довольствовались рытьем траншей, артиллерийскими обстрелами и легкими перестрелками. Во время одной рекогносцировки Карл XII был

ранен в левую ногу. Оставшись в седле, он продолжил обход патрулей, вернулся в лагерь и упал, потеряв сознание, слезая с лошади. Пока хирурги оперировали его, он говорил, улыбаясь: «Смелее, господа, это всего лишь нога!..» Но он так сильно ослабел, что доверил командование маршалу Реншельду, который ему еще раз посоветовал отступить. И в который раз король отказался последовать этому совету. Кроме того, он решился начать сражение на рассвете следующего же дня, 27 июня 1709 года. Петр, предупрежденный о ранении Карла XII, увидел в этом счастливое предзнаменование. Он обратился к своим людям с торжественной речью: «Воины! Вы сражаетесь не за Петра, а за государство, Петру врученное… а о Петре ведайте, что ему жизнь не дорога, только бы жила Россия, слава, честь и благосостояние ее!» И, обращаясь к Шереметеву примерно со следующими словами, он приказал: «Господин маршал! Я вам доверяю свою армию. Я надеюсь, что в своем командовании вы будете следовать инструкциям, которые вы получили, и что в непредвиденных ситуациях вы проявите себя как искусный и опытный генерал. Что до меня, то я оставляю за собой задачу следить за всеми вашими операциями и быть готовым вмешаться в любой момент, когда опасность или нужда того потребуют».

Как только занялся рассвет, шведы пошли в атаку. Перед ними открылась маленькая равнина, болото, окопы и редуты. Всей русской армией командовал Шереметев, правым крылом – генерал Ренне, левым – Меншиков, артиллерией – Брюс, царь лично участвовал в сражении, возглавив второй батальон Новгородского полка. Но на самом деле он одновременно был везде, с безумными глазами, пеной на губах носясь по полю сражений на своей арабской кобыле Финетте, выкрикивая приказы, подбадривая солдат, бранясь. Неужели этот человек еще совсем недавно прятался от опасности? Сегодня он не только пренебрегал ею, он искал ее, чтобы показать пример. Одна пуля прострелила ему шляпу, другая чуть не попала в грудь, чудесным образом остановленная золотым нательным крестом, украшенным драгоценными камнями – дар монахов царю Федору; третья попала в его седло. В лагере противника, страдая от полученной раны, Карл XII приказал носить себя на носилках по полю битвы. Пушечное ядро разрушило его хрупкие носилки, и ему сделали новые из скрещенных пик. Затем он поднялся на лошадь. Семьдесят две пушки обстреливали вражескую линию пехоты. За неимением снарядов шведская артиллерия больше не отвечала. Начался рукопашный бой с применением холодного оружия. Сломленные числом и натиском противника, «каролины» в беспорядке начали отступать. Напрасно Левенгаупт кричал им:

«Смотрите! Именем Господа! Смотрите! Вот король!» Вокруг него вчерашние герои были всего лишь страшными окровавленными тенями, которые побросали свое оружие и удирали в сторону Днепра. Через два часа Карл XII, подхваченный всеобщим движением, тоже покинул театр военных действий. Лошадь под ним была убита, ему привели другую. С наступлением ночи остатки шведской армии, около тринадцати тысяч человек, собрались на берегу реки, которую невозможно было преодолеть вплавь. Карл XII передал командование Левенгаупту и переправился через Днепр в повозке, привязанной к двум лодкам. За ним последовали Мазепа и еще около сотни его людей. Остальные стали пленниками, после того как Левенгаупт подписал капитуляцию. Некоторые от безысходности бросились в Днепр или срывали повязки с ран, предпочитая смерть плену. Акт о капитуляции включал условие, что казаки Мазепы, воевавшие в рядах шведов, будут выданы царю как мятежники.

Между тем Карл XII бежал в Турцию. Надеялся ли он продолжить борьбу в союзничестве креста с полумесяцем?

За собой он оставлял хаос: среди пленников оказались один маршал, десять генерал-майоров, пятьдесят девять штабных офицеров, тысяча сто других офицерских чинов, премьер-министр Пиеер, сенаторы, секретари, весь королевский дом, лакеи, писатель, повар, врач, аптекарь, приживалы…

Вечером в день сражения Петр дал торжественный обед по случаю победы и пригласил пленных шведских генералов. Повернувшись к ним, он провозгласил тост за здоровье своих учителей в военном искусстве. Затем, обращаясь к шведскому маршалу Реншельду, он преподнес ему его шпагу в знак уважения, с разрешением, как говорилось в *«Журнале»*, ее носить.

Награды были большими: Шереметев получил земли, Меншиков был удостоен звания фельдмаршала, Ренне стал главным генералом, Головкин был назначен канцлером, Шафиров – вице-канцлером. Солдаты были награждены медалями. Офицеры, которых он наградил, умоляли его принять чин генерал-лейтенанта сухопутных и вице-адмирала морских войск. Не он ли больше всех остальных проявил свои знания и мужество в Полтавской битве? «Его Величество согласился, – писал редактор *„Журнала“*, – за чем последовали поздравления генералов, министров, офицеров и солдат».

После этого лагерь был снят, потому что, как можно прочесть все в том же *«Журнале»*, «было невозможно дольше оставаться около Полтавы отчасти из-за дурного запаха, который источали мертвые тела, отчасти из-за продолжительного расположения здесь двух больших армий».

Между тем Карл XII писал своей сестре из Турции с легкомыслием, граничащим с сумасшествием: «Все прошло хорошо! Только под конец случайно произошла неприязнь: армия потерпела поражение, которое, я надеюсь, скоро будет искуплено. За несколько дней до сражения я был ранен в ногу, и это мне мешало некоторое время держаться в седле; я надеюсь вскоре поправиться…»

Победоносные русские войска приближались к Москве с колонной пленников. Еще в самом начале Петр приказал двум шведским батальонам, кавалерийскому и пехотному, провести перед ним маневры, чтобы вблизи рассмотреть, как они действовали во время сражения. Пленники повиновались, Петр аплодировал. Он все время продолжал учиться.

Отправив Шереметева в Ливонию, чтобы блокировать Ригу, а Меншикова в Польшу, чтобы прогнать Станислава и вернуть трон Августу II, царь сам отправился в дорогу. Он рассчитывал сделать остановку в Киеве, где его ждала женщина, которая в течение семи лет делила с ним тревоги, его усталость и радости. Он встретил ее в июле 1702 года, спустя немного времени после осады Мариенбурга войсками Шереметева. Командующий шведским войском, решивший погибнуть вместе с гарнизоном и крепостью, разрешил покинуть крепость некоторым гражданским людям, в числе которых был лютеранский пастор Глюк, с женой, детьми и служанкой. Задержанный патрулем, пастор предложил свои услуги в качестве переводчика. Приняв его предложение, пастора отправили в Москву вместе с семьей. А что делать со служанкой? Ей было семнадцать лет, она была белокурой, симпатичной, хотя уже и дородной девушкой. Шереметев оценил ее с первого взгляда и решил оставить в лагере для развлечения своих офицеров. В тот же вечер она уже сидела за столом в новом обществе. Гобои возвестили о начале танцев. Кавалеров было предостаточно. Вдруг мощный взрыв заглушил музыку. От Мариенбурга остались лишь пылающие руины. Когда схлынули первые эмоции, молодая служанка поняла, что для нее начинается новая жизнь и теперь ей придется рассчитывать только на свое обаяние, чтобы обеспечить себе будущее.

Дочь скромного крестьянина Скавронского из Ливонской Швеции, она рано осталась сиротой, и ее взял к себе пастор Глюк. Тогда ее звали Марией или Мартой, доподлинно неизвестно. Какова была ее роль в доме? Она была одновременно и служанкой, и гувернанткой, и приемной дочерью. У нее были некоторые понятия о катехизисе, но она не умела ни читать, ни писать. И лишь спустя много лет научилась подписываться своим именем. Она говорила по-русски с сильным немецким акцентом.

Зато ей не было равных в приготовлении блюд, в уходе за детьми, она была прекрасной швеей, умела стирать и гладить. К ее добродетелям хорошей хозяйки добавлялся огненный темперамент. Из опасения, что она развратит всех его пансионеров (некоторые из них уже были уличены в подобных попытках), пастор поспешил обручить ее и, возможно даже, успел бы выдать замуж за шведского трубача по фамилии Крузе, но тот исчез после взятия города.

Попав в штаб русской армии, Марта вначале стала любовницей унтер-офицера, который ее бил, затем самого генерала Шереметева, который был уже стар и вскоре уступил ее генералу Меншикову, большому любителю пышных женщин. Рядом с ним она была одновременно и любовницей и служанкой. Ему нравилось и то, как она гладила его рубашки, и то, как занималась с ним любовью. В один из вечеров в лагерь своего фаворита приехал Петр и увидел молодую женщину среди прислуживающих за столом. Он тихо спросил о ней у Меншикова и, повернувшись к Марте, заговорил с ней. «Он нашел ее остроумной, – писал Виллебуа, помощник в лагере Петра, – и закончил свой шутливый с ней разговор тем, что попросил принести ему в комнату свечу, когда он пойдет спать. Это завуалированный приказ, хотя и произносился шутя. Меншикову оставалось только подчиниться. И красавица, с согласия своего господина, провела ночь в комнате царя».

Однако Меншиков не отказался от Марты, уступив ее Его Величеству. Монарх и его фаворит любили делить женщин и затем сравнивать свои ощущения. В их бродячем гинекее фигурируют многие постоянные личности, среди которых Варвара и Дарья Арсеньевы, одна некрасивая и умная, а вторая – легкомысленная красавица. Царя притягивала некрасивая Варвара, и во время одного из застольев он сказал ей: «Ты, конечно же, никогда не знала, что такое любовь. А мне нравятся всякие необычные вещи, я не хочу, чтобы ты умерла, так и не будучи любимой». И тут же расстегнул пуговицы и исполнил сказанное. Впрочем, Марта также не отличалась классической красотой. Коренастая, с пышным бюстом, полными бедрами, короткой шеей и круглым лицом, большими глазами и курносым носом, она пудрила лицо белилами и накладывала румяна. Эта маленькая женщина покорила Петра своей крепостью, здоровьем и спокойным веселым нравом. Создавалось впечатление, что она была создана для того, чтобы быть маркитанткой или женой младшего офицера, путешествовать с повозкой, спать в палатке и питаться чем бог пошлет на привалах. «Именно то, что мне нужно», – думал царь.

Иногда он сожалел, что она находится то с ним, то с его фаворитом. «Я ее увезу», – говорил он Меншикову. И он приказал своему другу жениться на красивой Дарье Арсеньевой, в то время как сам посвящал все свое время Марте. Перевезенную в Москву под охраной, молодую женщину поселили в отдельном доме на отшибе у дамы из хорошей семьи, но весьма посредственной судьбы, как писал Виллебуа. Петр приезжал к ней каждый день, тайком, сопровождаемый только одним гренадером, который вел его сани.

В 1705 году у нее уже было двое сыновей от Петра, которые умерли вскоре, в младенческом возрасте. Но потом родились еще дети.[53] Вскоре она приняла православную веру и из Марты превратилась в Екатерину Алексеевну. Петр все больше и больше времени проводил в маленьком домике и все меньше и меньше скрывал эту связь от своих близких. Он начал принимать своих советников в присутствии любовницы и настойчиво просил ее высказать свое мнение по самым важным вопросам. Этот государь, который имел достаточно негативное мнение о женщинах и который считал их достойными только для любовных утех, писал Виллебуа, советовался с Екатериной, когда не находил понимания у своих министров; он выслушивал ее мнение, обсуждал с ней вопросы и следовал ее советам, как Нума Помпилиус слушал нимфу Эгерию.

Таким образом, постепенно, через любовные игры, домашние заботы и дружеские беседы Екатерина получила такое влияние на царя, которому он уже не мог противостоять. В любых обстоятельствах она имела над ним успокаивающую власть. В те моменты, когда он поддавался одному из своих приступов ярости, который затуманивал его сознание и приводил в конвульсии лицо, она безбоязненно подходила к нему, обращаясь нежно, но твердо, гладила руками волосы и укладывала больную голову на свою роскошную грудь. Уткнувшись лицом в это прекрасное тело, как в подушку, он успокаивался, его дыхание приходило в норму. Мать и жена в одном лице, она проводила неподвижно два или три часа, без устали разговаривая с этим гигантским ребенком, припавшим к ее груди. Проснувшись, бодрый и свежий, он едва мог вспомнить о том, что повергло его в ярость. Чтобы добиться окончательного выздоровления Петра, она увлекала его в веселый танец или рассказывала ему несколько забавных историй, над которыми он раскатисто хохотал. Хотя Екатерина и сама была не прочь выпить, она заботилась о его здоровье и во время затянувшихся оргий не стеснялась пойти искать его посреди веселья, авторитетно повторяя: «Батюшка, пора возвращаться!» Он, смеясь, слушался ее. Она вовсе не искала славы рядом с ним.

Прежде чем покинуть Москву и присоединиться к своей армии, которая воевала с Карлом XII, Петр оставил письмо, в котором вполне осознанно написал, что, если с ним что-нибудь случится, в доме Меншикова он оставил три тысячи рублей, которые царь приказывал передать Екатерине и ее дочери. Три тысячи рублей той, которую он практически считал своей женой, для царя достаточно скупое решение, если говорить о завещании, но скупость не мешала любви. В разлуке с Екатериной Петр писал ей нежные письма. Как ни странно, дело было вовсе не в том, что рядом не было страстной любовницы (вне всякого сомнения, он находил себе замену в военном лагере), ему не хватало друга, советчика и хозяйки. Он писал ей: «Мне грустно без тебя, и белье мое плохо выглядит». В своем ответе она подозревала, что вопреки всему он еще и плохо причесан, и писала, что приедет и привезет ему старую расческу, чтобы привести в порядок его голову, растрепанную ветрами сражений. Она действительно приехала перед Полтавской битвой и разделила с царем все трудности походной армейской жизни: ездила верхом на лошади, разговаривала с солдатами, предлагала им выпить водки в надежде отвлечь их от усталости, распределяла белье для раненых. Храбрая и веселая, оказывая благотворное влияние на Петра, Екатерина пыталась доказать ему, что создана для него, несмотря на свое низкое происхождение. Незадолго до главного противостояния он заставил ее уехать, и она вернулась в Киев. В день сражения он написал ей: «Матка, здравствуй! Объявляю Вам, что всемилостивый Господь неописанную победу над неприятелем нам сего дня даровати изволил; единым словом сказать, что вся неприятельская сила на голову побита, о чем сами от нас услышите, и для поздравления приезжайте сами сюды. Из лагеря 27 июня 1709 – Питер».[54]

Он приехал к ней в Киев и нашел в ее объятиях тихое вознаграждение, которое стоило аккламации его генералов. Екатерина объявила ему, что снова беременна. «А если это будет мальчик?» – подумал он. Перспектива нового отцовства так сильно обрадовала его, что он решил жениться на Екатерине. Она заслуживала сто раз быть объявленной царицей перед лицом всего мира. Но в настоящее время у него были другие дела. Празднования только начинались. В Киеве, в соборе Святой Софии, отец Феофан Прокопович, празднуя победу в полтавском сражении, воскликнул: «Услышав о том, что произошло, наши соседи скажут: не в иностранных землях, но в глубоком море погребены шведское могущество и шведская армия; они ушли под воду и исчезли, как свинец».

21 декабря 1709 года русская армия торжественно «с великим

триумфом» вошла в Москву. Петр, его генералы и два гвардейских полка въехали под звуки фанфар в сопровождении бесконечной вереницы шведских пленников с тремя сотнями знамен и тридцатью пятью пушками, захваченными у неприятеля. Двадцать саней, которыми управляли лапландцы, окружавшие так называемого «короля Самоедов», оживляли эту торжественную процессию. Толпа ликовала. Время от времени бояре или крупные торговцы приветствовали государя на пороге своих домов и подносили ему выпить. Петр никогда не отказывался. Несмотря на выпитую водку, его шаг оставался твердым. Зеваки показывали пальцем на пострадавшие во время сражения носилки, на которых носили Карла XII. Построено было семь триумфальных ворот, украшенных золотом. На одних были изображены Геркулес (Петр I), покоряющий Юнону (Швецию). На других воротах – одетые в римские одежды дети надевали на царя лавровый венок. Гротескный царь, Ромодановский, одетый на манер старых московских князей, руководил церемонией, сидя на троне в окружении придворных. К нему со смирением обращался Петр: «Благодаря милости Божией и к счастью Вашего Цезаревского Величества я с победой своего войска вернулся из Полтавы». Изумленные шведские пленники были сбиты с толку и не знали, кто же на самом деле настоящий русский царь – простой офицер, одетый в грубую одежду, или этот комедийный персонаж с шутами по обе стороны? Верный двойственности своего характера, Петр любил одновременно организовать триумфальное шествие и грубо посмеяться над ним.

На следующий день в Кремле состоялись торжества. Затерявшись среди толпы верующих, Петр распевал молитвы, не зная ни одного слова. Он надел парик, который снял с головы у одного из слуг из своей свиты. Обильная еда последовала после официальных церемоний. Приглашенных было так много, что церемониймейстер, сидя верхом на лошади, руководил застольем. Екатерины на нем не было. Она была на сносях и осталась в своей комнате в Измайлове.[55] С каждым тостом церемониймейстер, находящийся за креслом царя, стрелял из пистолета, а ему вторили артиллерийские залпы. Чтобы лучше пить и лучше есть, Петр избавился от своего большого ордена Андрея Первозванного. Ему подражали генералы. Они передвигались с адским грохотом бок о бок при свете свечей. Праздник завершился залпами салюта. Было так много залпов, шума и блеска, что датский министр признался, что никогда ничего подобного не видел, «даже в Лондоне».

Подобное восхищение грандиозным русским праздником разделяли все иностранные дипломаты, присутствовавшие на

нем. После сражения под Нарвой меньше чем за два года Россия, над которой подтрунировала вся Европа, превратилась в объект беспокойного уважения. В следующие месяцы чрезвычайные иностранные послы один за другим спешили передать Петру поздравления своих государей. Анна Стюарт, королева Англии, в своем письме даже назвала его императором. Герцог Фридрих-Гийом Курляндский женился на племяннице царя, Анне Иоанновне. Поговаривали также о супружеском союзе между принцессой Шарлоттой Брауншвейг-Вольфенбюттельской и царевичем Алексеем, сыном Петра и его первой жены Евдокии. Между тем Петр успокоил Польшу и восстановил на троне преданного ему Августа II. Он также возобновил свой альянс с Данией, закончив взятие Выборга, Риги, Ревеля, завоевание Карелии и Ливонии. Уничтожив шведское могущество, он перевернул равновесие на континенте. И теперь ему, а не Карлу XII предстояло вершить закон на Севере. Только Франция с трудом принимала это положение вещей, которое лишало ее двух основных союзников: Польши и Швеции. Но «система Ришелье» включала третий опорный пункт: Турцию. Враги царя во главе с Карлом XII занимались интригами, чтобы втянуть султана Ахмеда III в войну. С другой стороны, исповедующие христианство народы Балкан и Азии, греки, сербы, молдаване, армяне, грузины, копты и хорваты просили Петра освободить их от турецкого гнета. Царь понял, что его миссия еще не выполнена. Но он устал и сомневался. После девяти лет армейских походов Петр искренне стремился к миру.

Глава IX
Санкт-Петербург

Созерцая первые постройки Санкт-Петербурга, адмирал Головин видел в этих домишках, траншеях, временных укреплениях лишь удобное временное размещение для войск накануне продолжения войны со Швецией. Петр разделял его мнение, но уже мечтал о другой судьбе для этого рождающегося посада. Близость к морю вскружила ему голову. Мечты о том, как он будет дышать весь год морским воздухом, купаться днем и ночью в брызгах, смотреть в подзорную трубу, как строят корабли, повергали его в такой восторг, что он забывал об элементарной осторожности, разрабатывая свой архитектурный проект. Здесь, как ни в каком другом месте в России, он чувствовал себя дома, одновременно и на суше, и на воде. Он любил эти заболоченные отмели, пустынные земли, темные и грустные леса, где водилось много волков, эти плавучие туманы, в которых финские рыбаки превращались в призраков. Чем больше этот район казался пустынным и обездоленным, тем сильнее было желание царя оставить здесь свой след. Он убеждал себя, что на этом месте может появиться большой город. Город, который станет полностью его творением. Близкие убеждали его, что это неудачное место, очень бедный район Ингрии, труднодоступный для снабжения, вдалеке от столицы и вблизи от шведских пушек, но Петр не поддавался. К тому же он насмехался над теми, кто его предостерегал от проблем при строительстве большого города на топких землях. Будучи поклонником голландцев, царь хотел, как и они, покорить водную стихию. Санкт-Петербург станет ответом русских Амстердаму. Город на сваях, пересеченный каналами, разделенный на острова, порт среди топких земель. Если верить одной финской легенде, дома для этого города строились в воздухе и спускались чудесным образом до уровня моря, где устанавливались, как водоплавающие птицы, погружаясь под своим весом в ил. «Нева» по-фински означает «грязь». Все было здесь липким, неясным и нездоровым. Но именно здесь Петр обрел свой «рай». Его мало заботило, что, когда дул западный ветер, по Неве невозможно было выходить к морю, река текла в обратном направлении и затопляла дома на низких берегах. Его также мало волновало, что лютые зимы перекрывали на полгода путь кораблям, вынужденным зимовать во льдах; что весной, во время ледохода, дороги затопляло и население было отрезано от всей страны.

Сооружая Санкт-Петербург, он бросал вызов природе и в то же время прошлому России, потому что Санкт-Петербург был анти-Москвой. Петр ненавидел старую царскую резиденцию, континентальный климат столицы, ее вековые традиции, местные суеверия, дворцовые интриги, ее восточный дух. Отсталая и недовольная Москва для него – это царевна Софья, это стрельцы и их кровавая надменность. Если он хочет повернуть свою родину к будущему, ему надо будет «прорубить окно»[56] к морю, на Запад. Таким образом, Санкт-Петербург, город, выросший из ничего, задуманный волей человека и властью человека построенный, не стал просто очередным городом на карте России. Он воплотил царское желание обновления, отказ от наследства предков. Он обессмертил имя Петра и символизировал его правление. Царь почувствовал это смутно, уже тогда, еще не мечтая переносить сюда столицу.

Строительство началось без точного плана и продолжалось стихийно, следуя капризам государя. Попытавшись устроить центр города на одном из двух больших островов, рядом с правым берегом Невы, он приказал главные здания соорудить на левом берегу, более возвышенном и менее подверженном наводнениям. Затем он опять передумал и в подражание Амстердаму выбрал местоположение на западном острове, получившем название Васильевский. Но и этот проект был отклонен. Сначала была построена деревянная крепость на Заячьем острове, в самом широком месте реки: будущая Петропавловская крепость. Затем появилась деревянная церковь Троицы и здание Бурсы. Поблизости был построен деревянный дом из еловых бревен с крышей, покрытой деревянной черепицей: первое жилище Петра в городе. Прихожая, две комнаты с потолком и стенами, обтянутыми побеленным холстом, и мастерская с плотницкими инструментами: топором, рубанком, молотами, пилами. Двери были такими низкими, что царю приходилось наклоняться, чтобы войти. Но, несмотря на свой высокий рост, он всегда любил маленькие и темные комнаты. Он чувствовал себя очень хорошо в этом улучшенном варианте избы. С уверенностью его взгляд скользил из угла, где была прикреплена булавками карта Европы в угол, где светилась покрытая золотом, драгоценными камнями и бриллиантами чудесная икона, с которой он никогда не расставался.[57]

На следующий год, чтобы подчеркнуть космополитический характер нового поселения, царь приказал построить лютеранский храм и постоялый двор «Четыре Фрегата», который долгое время был ратушей – местом, где продавали табак, водку, вино, пиво и играли в карты. Организованный поблизости базар

привлекал заграничных торговцев. Большое оживление царило на рынке, который привлекал все слои населения петербургского общества. На заднем плане этих почтенных лавочек, зазывающих покупателей, растянулась «татарская толкучка», с деревнями, населенными в основном калмыками, татарами и турками. «На толкучке, – писал мемуарист Вебер, – продавалось все и везде, как посреди улиц, так и в лавках, стоящих в два ряда: старые металлические вещи, старые веревки, деревянные седла с разнообразными фетровыми чехлами. Сутолока была такой, что надо было все время следить за своим кошельком, за своей шпагой и за головным убором». В районе Мойки мясники забивали скот на свежем воздухе и разделывали туши. Зловоние было столь сильным, что покупатели не решались приближаться к мясным прилавкам. Вскоре мясники получили распоряжение всем носить одинаковую форму и продолжать торговлю в лавках. Чистота улиц, таким образом, была жителям обеспечена. Каждый должен был убирать территорию перед своим домом. Было запрещено выбрасывать отходы в каналы и реки.

Сподвижники Петра расположились в домиках, похожих на царский. Толчок был дан, ничто уже не могло остановить царя. Как всегда, государя стимулировали обстоятельства. Мало кто из правителей так же, как и он, пренебрегал человеческими жизнями. Идея, которая жила в его в голове, казалась ему достойной жертв, понесенных его народом. Толпы рабочих собирались со всех окрестных регионов и силой приводились в устье Невы. Среди них были мастера, каменщики, плотники, кузнецы и разнорабочие. По воле случая они привлекались на работы на несколько месяцев или пожизненно. В 1704 году губернаторам было приказано собирать и отправлять на строительство по сорок тысяч рабочих в год. Работая от восхода до заката солнца, размещенные в непригодных для жизни хижинах, полуголодные и больные, эти рабочие не имели самого необходимого для работы. Не хватало даже мотыг и тачек. Чтобы поднять очень низкие берега реки, несчастным приходилось носить землю в подолах своей одежды или в сумках, сделанных из старых циновок. Часто они работали среди болот, стоя по пояс в воде. При малейшей остановке их ждало наказание кнутом. Люди бежали. Беглецам, которых удавалось догнать, вырывали ноздри до костей. На эту толпу оборванцев, кишащих вокруг подмостков, обрушились новые испытания – цинга и дизентерия. Каждый день новые трупы зарывали в общие могилы. Осужденные заменяли тех, кто лишался сил. Но и этого было недостаточно. Крестьян увозили к большому неудовольствию землевладельцев. Оторванные от своих деревень, от своих семей, они должны были,

сразу по приезде, отправляться на стройку, где работали под присмотром вооруженных солдат. Из-за несчастных случаев и болезней смертность постоянно росла. Чтобы отстоять свое мероприятие, Петр говорил, что искусство градостроительства сродни военному искусству. Так же как нельзя выиграть сражение, не потеряв определенное число солдат, так и нельзя построить город, не потеряв какое-то количество рабочих. Однако дипломаты писали, что не было еще в истории такой войны, такого сражения, которое унесло бы столько же жизней, сколько строительство Санкт-Петербурга. Говорили о ста тысячах погибших. Мемуарист Вебер приближался даже к цифре в двести тысяч. Однако это, вне всякого сомнения, преувеличенная оценка. Но бесспорно, Санкт-Петербург сооружен на братской могиле. Настоящими сваями для города стали кости рабочих, которые погибли, чтобы над водой поднялся великолепный город.

Чтобы руководить армией рабочих, царь вызвал в феврале 1704 года итальянского архитектора Доменико Трецини. Большей частью работающие вместе с Трецини были иностранцами: голландцы, итальянцы, шведы, немцы, французы. Все были поражены условиями жизни, в которых оказались строители города вечного будущего. Им нерегулярно выплачивали жалованье, они мерзли во временных бараках, протестовали против плохой пищи, жаловались на административные придирки, на недостаток квалифицированной рабочей силы. При первой же возможности они бежали из этого ада, который Петр с упорством называл своим «парадизом». Трецини брал на их место других и продолжал с грехом пополам свое творчество. На всех фабриках выпускали кирпичи и черепицу. Печи для обжига известняка работали день и ночь. Вокруг города вырубали леса, чтобы доставлять необходимое для строительства дерево. Механические лесопилки обустраивали везде, где были водяные или ветряные мельницы. Так как не было стекла, даже в высоких домах были слюдяные окна. Но больше всего проблем было с камнем. Его совсем не было в этом районе, а архитекторы постоянно его требовали. Тогда царь запретил использовать камень при строительстве во всех других городах страны. Камень был зарезервирован для Санкт-Петербурга.[58] Корабли могли причалить к городу, только если у них на борту, кроме обычного груза, было около тридцати бутовых камней. Кучеры, кареты которых пересекали границу города, должны были доставить по меньшей мере три булыжника. Это был труд сродни муравьиному, когда каждое насекомое несет свою веточку в муравейник.[59]

Царь самолично наблюдал за строительством. Он бегал от

одной стройки до другой, с дубиной в руке, удары которой он обрушивал на лентяев. Чувствуя себя одинаково легко как с рабочими, так и с архитекторами, он критиковал работу камнетесов, отвергал эскизы будущего дворца, выкрикивал проклятия в адрес мастеров, подбадривал плотников, виртуозно работающих топором, сам хватался за рубанок, чтобы выровнять доски. Город был пока только бесконечной стройкой, развернувшейся на пустыре. Неутомимый Трецини соорудил церковь Святых Петра и Павла в крепости с одноименным названием, с колокольней с позолоченным шпилем, оборонительные сооружения Кронштадта, монастырь Александра Невского, дворцы для министров, Сенат, Синод, он начертил планы набережных, построил деревянные мосты через каналы. К нему присоединились другие архитекторы: француз Леблон, немцы Шедель и Шлютер…

Но этот чудесный город был пока только пустой скорлупой, декорацией, создающей обманчивое впечатление, сам оставаясь нежилым, мертвым и холодным. Надо было вдохнуть в него жизнь. С 1706 года Петр приказал своему адмиралу Головину закрепиться в Санкт-Петербурге, где ему было подготовлено одно из новых зданий – Адмиралтейство, порт и судостроительная верфь. На этой верфи в 1707 году работало три тысячи человек. Гордясь своим дипломом плотника, царь охотно смешивался с толпой рабочих, чтобы поработать топором и поставить мачту. Спуск на воду очередного корабля служил поводом для празднеств, где одинаково чтили Бахуса и Нептуна. В 1708 году Петр настойчиво приглашал свою сестру Наталью и двух сводных сестер, вдовствующих царевен, высоких должностных лиц и нескольких богатых купцов присоединиться к нему. Для большинства придворных, привыкших к счастливой жизни на широкую ногу в Москве, это вынужденное путешествие было сродни ссылке. «Они взяли с собой огромное количество багажа, – писал посол Витворт, – потому что утверждали, что ничего нельзя будет достать на месте. Они уезжали с тяжелым сердцем, и никому нельзя было отказаться, невзирая на возраст или болезни».[60] Это было только начало. Вскоре тремстам пятидесяти дворянским семьям было приказано обосноваться в Санкт-Петербурге. Затем пожар уничтожил треть Москвы, и новым указом, запрещающим отстраивать пострадавшие дома, царь приказал пяти тысячам семей, жертвам несчастья (дворянам, торговцам и ремесленникам), переехать в Санкт-Петербург, чтобы здесь начать новую жизнь. Это диктаторское перемещение людей продолжалось и в следующие годы.

Переселенные в *искусственный* европейский город, без связей

с прошлым, первые жители Санкт-Петербурга приходили в отчаяние. Мало того, что они потеряли свое добро, но у них складывалось впечатление, что они не в России. Прогуливаясь вдоль каналов, им казалось, что они то в Голландии, то в Италии, то в Германии. Если бы им еще дали возможность строить дома, как им хотелось. Но это тоже регламентировалось указом. Размеры и местоположение каждого жилища зависели от ранга, который занимал его владелец, от количества крепостных, которыми он владел, и от пошлин, которые он платил. Все жилища, расположенные на главном острове и по берегу Невы, должны были соответствовать плану, разработанному Трецини. Архитектор предполагал три категории фасадов, соответствующих социальному статусу домовладельцев. Фасады для дворянства, фасады для должностных лиц, фасады для обычных горожан. Таким образом, только посмотрев на украшение на стенах или на высоту окон, можно было оценить состояние того, кто за ними скрывается. Специальное постановление уточняло рисунок чугунных перил, другое регулировало изготовление смеси для конопачения деревянных перегородок, чтобы избежать распространения тараканов, третий предписывал пристраивать дома друг к другу из экономии строительного камня для общих стен.

Древняя Москва, с опустевшими административными зданиями и покинутая высокими должностными лицами, склонила голову. В 1713 году Санкт-Петербург был объявлен столицей. На следующий год в нем насчитывалось уже 34 550 жителей. И эта цифра увеличивалась с каждым месяцем. Через десять лет их стало уже 70 000. Ремесленники и иностранные торговцы обосновывались в городе, привлеченные большими прибылями. Но все жаловались на этот город на воде: и те, кто был насильственно перемещен сюда, и те, кто его выбрал по доброй воле. Люди сожалели об отвратительном климате, о снежных бурях зимой, комарах летом, наводнениях осенью. Путешествуя из Москвы в Санкт-Петербург, французский посол Кампредон потратил тысячу двести рублей, увяз в грязи на непроезжих дорогах, утопил восемь лошадей, потерял часть своего багажа и потратил двадцать четыре дня, чтобы преодолеть это расстояние. Даже Петр, который обогнал дипломата, вынужден был часть пути преодолевать на лошади, пересекая реки вплавь. Из-за сложностей сообщения Санкт-Петербург был плохо снабжаемым и дорогим городом. Цены на продукты питания в нем были в три раза выше по сравнению с Москвой. По установленному правилу торговцы до полудня должны были продавать свой товар по фиксированным ценам, а после могли

позволить себе повышать цены. На самом деле эти неудобства были компенсированы для многих горожан, особенно для самых молодых, чувством национальной гордости и верой в будущее. Один только факт, что они живут за новыми стенами, ставил их в первые ряды борцов за прогресс. Камни, которые их окружали, ничего не говорили им о вчерашнем дне, но только о завтрашнем. Они оставили своим отцам все сожаления о прошлом и гробы предков. Царь делал ставку на молодость. Он покинул Москву, чтобы избежать упрямого реакционного духа, который царил в Кремле. Там он знал, что его творение будет постоянно под угрозой из-за дворцовых интриг или народного бунта. Здесь, после того как он вырвал дворянство из его привычной среды, Петр рассчитывал, что находящимся в растерянности людям проще будет навязать свои правила. Его новая столица удовлетворяла одновременно и его эстетический вкус, и его политические замыслы. Город начинался с нескольких деревушек, рассеянных на островках и берегах реки, с крепости, сараев, казарм. Теперь несколько красивых домов украшали набережную реки. Все высокопоставленные должностные лица – Головкин, Шафиров, Гагарин, Ягужинский, Чернышев, Меншиков – имели здесь дома в итальянском стиле. Прямо перед Адмиралтейством, по диагонали, протянулась широкая аллея, будущий Невский проспект, обсаженный деревьями. Шведские пленные подметали его каждую субботу. С обеих сторон этой дороги выстроились другие дворянские жилища. В конце его появились строительные леса монастыря Александра Невского. На другой улице, параллельной Неве, Петр приказал в 1711 году соорудить для себя Зимний дворец. Построенный рядом с частными домами, он практически не отличался от них, разве что порталом с двумя колоннами. Это скромное здание имело большую приемную залу и много тесных маленьких комнат, которые так любил Петр. Вынужденный строить достаточно высокие этажи из соображений гармонии с окружающими домами, он приказал сделать двойные потолки, более низкие в тех комнатах, где он имел обыкновение сидеть. То же желание иметь более простое жилище побудило Петра к строительству Летнего дворца, на некотором расстоянии от Зимнего, на берегу реки Фонтанки, притока Невы. Посреди парка с цветочными клумбами, каменными гротами, фонтанами, статуями, крытыми галереями, все в стиле Версаля, возвышался дом в голландском деревенском стиле, с металлической крышей и стенами, выкрашенными бледно-желтой краской, с белыми барельефами. За Летним дворцом находился Арсенал, где двести мастеров занимались отливом пушек. Еще дальше стояла Кунсткамера, в которой Петр разместил свою коллекцию живых

монстров и природных чудес. Вокруг, в верховье реки, разбросаны были домишки «московской деревни», названной так потому, что почти все ее жители были русскими. Это предместье было отравлено затхлым запахом, распространяемым близлежащими заводами, дубильными цехами, кирпичными заводами, канатными фабриками, пороховыми заводами, смолокуренными предприятиями… Но в центре города воздух был совсем другой. Когда по улицам шел широкой походкой Петр, ему казалось, что он находится на борту корабля.

Если можно преодолеть деревянные мостки, соединяющие каналы, то не составит большого труда перебросить мост и через Неву. Лодочники перевозили людей на лодке с одного берега реки на другой. Стоимость путешествия равнялась одной копейке для должностных лиц. Солдаты и рабочие имели право переезжать бесплатно. Страстно любивший море Петр требовал, чтобы в каждой дворянской семье был свой персональный кораблик с матросом в ливрее. Заинтересованным лицам были даны инструкции по тому, как поддерживать в порядке свои лодки. Владельцы лодок должны были посещать курс навигации каждое воскресенье. В случае, если кто-то не мог по каким-либо причинам быть на занятии, он должен был послать вместо себя своих детей. В хорошую погоду Неву бороздили шхуны, украшенные флажками, и баркасы с гребцами, одетыми в разноцветные куртки. Между именитыми горожанами устраивали конкурсы по изяществу плавания по Неве под пристальным оком царя, который управлял собственной яхтой. Все придворные ходили под парусами между новыми дворцами, стройками, домишками, неосвоенными землями, изгородями и сараями, в то время как в Петропавловской крепости грохотали пушки, а музыканты играли веселые мелодии для развлечения дам, страдающих морской болезнью. Зимой, когда Нева покрывалась льдом, разные части города наконец сливались в единое целое. Не было больше нужды в мостах, и люди могли беспрепятственно приезжать и уезжать из столицы. Но было запрещено пересекать замерзшую реку, прежде чем специальная команда не проложит дорогу от одного берега до другого. Так как царь находился в Санкт-Петербурге, он лично прокладывал белый путь на санях. О торжественном событии возвещал пушечный залп из Петропавловской крепости. За Его Величеством толпились горожане, спешащие перейти Неву, не замочив ноги. На самом деле Петр не любил зиму, которая была врагом навигаторов на севере. Каждый раз приход весны был для него настоящим праздником. По освобожденным ото льда водам он мог плавать по своему «парадизу», который вскоре обрел границы от Санкт-

Петербурга до южного берега залива. Там Петр и его приближенные построили новые дворцы в Стрельне, Ораниенбауме, Петергофе.[61] Петергоф стал местом, где обычно проходила дачная жизнь царя. В этом месте был построен большой двухэтажный дворец по плану Леблона, с великолепным садом во французском стиле и с видом на залив. Комнаты в нем небольшие и уютные, в рабочем кабинете разместилась библиотека. Несмотря на очарование этого жилища, царь предпочитал проводить ночи в простом домике, построенном в голландском стиле практически на самом берегу и получившем название «Монплезир». Из окна своей небольшой спальни, украшенной изразцами, ему были видны укрепления Кронштадта и военные корабли, стоящие на якорях. В нескольких шагах от домика была пристань, где Петра всегда поджидала шлюпка. Таким образом, он был совсем близко от Санкт-Петербурга, но и в деревне. Он так любил этот город, что готов был повторить его еще в ста экземплярах, чтобы заменить все старые патриархальные русские города.

Едва приехав в Санкт-Петербург, сестра Петра Наталья организовала здесь в большом деревянном здании театр. Чтобы привлечь публику, Петр объявил, что вход в театр будет свободным и бесплатным. Театральная труппа состояла из десяти актеров и актрис и шестнадцати музыкантов. В их репертуаре были оригинальные русские и переводные пьесы. Среди оригинальных пьес некоторые были рождены прилежным пером царевны Натальи. Например, в пьесе «Петр, или Золотые ключи» она постаралась доказать необходимость отправления молодых людей за границу для совершенствования их образования, следуя желанию царя. Во время антракта компании играли в веселые «интермедии», высмеивая нравы старых времен и восхваляя реформы, проводимые Его Величеством. Этому пропагандистскому спектаклю не способствовал большой успех. Позже немецкая труппа Манна сменила русских артистов.

Другое испытание на жизнеспособность для молодого города – возникновение в 1711 году типографии и публикация газеты «*Санкт-Петербургские Ведомости*». Царь принял участие в ее редакции. В газетном листке содержалась дипломатическая и военная информация, а также сведения о работающих предприятиях города, о прибытии новых экспонатов для Кунсткамеры. Книжный магазин распахнул свои двери для немногочисленных придворных интеллектуалов, которые приходили запастись иностранными изданиями. Все это было хорошим предзнаменованием.

Однако Петра беспокоило, что его «парадиз» не торопился

затмевать все европейские столицы. Он назначил генерал-губернатором города Меншикова, а его заместителем Брюса. Вопреки их общим усилиям, Санкт-Петербург оставался еще раздробленным на части, его прекрасные каменные сооружения соседствовали с убогими домишками, элегантные кварталы стояли посреди грязных пустырей, обитатели пригородов дрожали в ожидании зимы, а из окрестных лесов раздавался волчий вой. Волки приближались к самым домам и нападали на одиноко стоящих часовых. В 1714 году двое солдат, стоящих на посту перед литейным пушечным заводом, были съедены заживо. Освещения практически не было. Несколько редких фонарей на конопляном масле горело около Зимнего дворца и перед основными зданиями. Полиция, сначала возглавляемая воеводой, с 1717 года была вверена полицейскому префекту, генералу Антону Девье. Но этот энергичный человек, португалец по происхождению, располагал всего лишь десятью офицерами, двадцатью унтер-офицерами, ста шестьюдесятью солдатами и десятью писарями. В его обязанности входило следить за порядком в городе, за безопасностью горожан, за чисткой печных труб, допрашивать подозреваемых, проверять путешественников, арестовывать жуликов и наказывать кнутом крепостных, перемещающихся без «разрешительного письма» от своих хозяев. Ночью улицы были перекрыты, и часовые из жителей квартала охраняли свою территорию до рассвета. Все выполняли эти тяжелую работу по очереди. Даже служители духовенства привлекались к обязательному патрулированию улиц. Тем не менее можно было освободиться от этого дежурства, наняв вместо себя соседа. Человеку, согласившемуся стать заменой, платили пятнадцать копеек за ночь. После одиннадцати часов вечера эти стражи порядка не пропускали никого, за исключением должностных лиц, рабочих, возвращающихся со стройки, врачей, акушерок и священников при условии, что у них при себе будут фонари. Нередки были вооруженные разбои и нападения. Шайки бандитов рыскали в окрестных деревнях. Министр Саксонии сообщал своему правительству, что девятитысячная орда разбойников угрожает городу. Тридцать шесть из них были схвачены и повешены. Остальные рассеялись. Однако жителей это не успокоило.

К тому же им не давала покоя мысль о пожарах. Быстрое увеличение количества деревянных домов облегчало распространение огня. Из соображений безопасности был издан указ, разрешающий топить народные бани только по субботам. На специальных вышках дежурные били в колокол; завидев дым или первые языки пламени, барабанщики разносили новость по

кварталам. Среди горожан назначались люди в помощь пожарникам, они доставляли топоры, лестницы и ведра на место происшествия. В особых случаях солдаты помогали жителям города бороться со стихией.[62] Петр также охотно принимал участие в тушении огня. С топором в руках он бегал среди пламени. Казалось, это сам дьявол с пылающим взором, который совсем не боится огня. «Я часто видел, как он первым оказывался на пожаре, с маленьким насосом в своих санях, – писал Жюэль. – Он принимал участие во всех операциях по спасению, а так как у него был необыкновенно живой ум, он незамедлительно определял, что надо сделать, чтобы остановить огонь; он забирался на крышу; он оказывался в самых опасных местах; он побуждал знатных людей и простой народ принимать участие в борьбе с огнем и не останавливаться, пока последние языки пламени не погаснут… Но в отсутствие государя события развивались совсем иным образом: люди сидели и индифферентно смотрели на пожар, не предпринимая ничего, чтобы остановить огонь; можно было их увещевать, и даже заплатить им денег, они будут только искать возможности что-нибудь стащить».

Другое бедствие, которое беспокоило жителей Санкт-Петербурга, – наводнения. Каждый или почти каждый год, в конце осени, буря обрушивалась на город, ветер срывал крыши домов, ломал постройки, Нева выходила из берегов, затапливая первые этажи домов. Жители наспех укрывались вместе с продовольственными запасами на верхних этажах, скот уводили в соседние леса. В 1703 году австрийский посол Плейер писал о двух тысячах больных и раненых, затопленных в половодье. 11 сентября 1706 года Петр спокойно констатировал, что пол в его доме затоплен на двадцать один палец. Высунувшись наружу, он увидел, как мужчины, женщины и дети, цепляясь за остатки конструкции, плывут по реке. «Это очень забавно», – написал он Меншикову и поставил дату на своем письме из «парадиза». В 1717 году рухнули укрепления Арсенала, подточенные водой. В ноябре 1721 года уровень воды в Неве поднялся так быстро, что затопленный город, казалось, доживает свои последние часы. Корабли с разорванными якорными цепями плыли по течению среди всякого хлама, мебели, балок, пустых повозок, бочек и ящиков. Тонули лошади. Взобравшись на самый верх крыш, терпящие бедствие люди кричали и махали руками. «Буря, – писал де Ля Ви кардиналу Дюбуа, – несла с собой такие порывы ветра, что, если бы она продолжалась на два часа дольше, этот город полностью бы превратился в руины. Ущерб, который она принесла, трудно подсчитать: не осталось ни одного дома,

который бы не был задет. Потери приблизительно оцениваются в два или три миллиона рублей… Не буду с вами делиться соображениями, которые могли бы возникнуть по этому поводу; достаточно будет сказать, что царь, как некогда Филипп Испанский, продемонстрировал всю широту души своим спокойствием».

Как только Нева вернулась в свое русло, рабочие начали восстанавливать повреждения. Скребли грязь на улицах, на скорую руку чинили крыши, восстанавливали полы, вздувшиеся от воды. Какими бы ни были разрушения и последствия катастрофы, все знали, что царь не отступится от своей идеи. Однако в народе было много тех, для кого Санкт-Петербург, заняв традиционное место Москвы, заслуживал гнева Божьего. Пронеслась молва, что ангел, явившийся в церкви Святой Троицы, объявил верующим: «Санкт-Петербург снова станет пустыней». Чтобы остановить эхо этого пророчества, дьякон церкви был приговорен к трем годам принудительных работ. Но его слова пробили себе дорогу среди крестьян, староверцев и даже в окружении государя: ходили слухи, что Санкт-Петербург, город быстро построенный, заслуживает быстрой гибели. И только воля царя искусственно поддерживает жизнь в этом городе. Когда он исчезнет и разрушатся стены, каналы зарастут илом, жители разбегутся, счастливые оттого, что смогут вернуться к своим старым привычкам. Петр, тем не менее, вел себя так, будто он и его столица вечны.

Глава X
Путешествие во Францию

Пока Петр строил свою новую столицу и укреплял старые связи, Карл XII, сбежавший в Турцию, пытался уговорить султана Ахмеда III возобновить военные действия против России. Со своей стороны Петр Толстой, царский министр в Константинополе, требовал выдачи или по крайней мере ареста короля Швеции. Но у него было всего лишь двадцать тысяч дукатов и несколько соболиных шкурок для подкупа оттоманской совести, в то время как Карл XII смог предложить больше своим хозяевам. В действительности побежденный при Полтаве король был очень богатым человеком: он спас свои богатства от войны; заключил договоры займа с братьями Кук, английской компанией Левант; одолжил деньги Гольштейну, наконец, ему достались от Мазепы несколько бочонков с золотом, после того как последний отравился. Принявшие близко к сердцу подарки своего «почетного гостя» и обеспокоенные растущим влиянием России на Черном море, турки начали готовиться к войне. Чтобы заставить турок прислушаться к своим доводам, Толстой выдвинул ультиматум. Порта ответила, сформулировав неприемлемые условия: Россия должна признать Станислава Лещинского королем Польши, вернуть Швеции Ливонию и Ингрию и взять обязательства никогда больше не воевать за выход к Черному морю. 20 ноября 1710 года на торжественном заседании дивана было принято решение об объявлении войны. Тотчас же Толстой был посажен в Семибашенный замок, а через несколько месяцев начались военные действия.

Ночью 1 января 1711 года после торжественного богослужения жители Санкт-Петербурга увидели фейерверк. На переднем плане появилась оттоманская звезда в знак войны с турками. Эта звезда сопровождалась надписью «Господи, укажи нам Твои пути!». На втором плане появилась колонна, возвышающаяся над ключом и шпагой с надписью: «Где справедливость, там и помощь Божия». Эти светящиеся надписи возвестили славному христианскому люду, что вновь начался священный крестовый поход. К несчастью, через несколько дней после этого от болезни умер герцог Курляндский, супруг Анны Иоанновны, племянницы Петра. Несмотря на траур, царь не отложил свой отъезд в Москву. Там, предвидя длительное отсутствие ввиду военных действий, которые он непременно встретит на фронте, государь созвал Сенат из восьми членов, в

обязанности которого входило управление текущими делами. 25 февраля состоялись празднования в Успенском соборе. Был опубликован манифест, в котором просили Господа о помощи «против врагов христиан». Два гвардейских полка собрались перед церковью. Их вначале белые флаги были заменены красными с девизами: «За Исуса Христа и христианство» и «С этим знаком ты победишь».

Победа в Полтавской битве усилила доверие Петра к своим солдатам и генералам: турок постигнет участь шведов. Однако кампания могла продлиться несколько месяцев, и он решил взять с собой свою дорогую Екатерину. Она проявила себя такой храброй во время последних сражений, что он считал ее своим живым талисманом, своим приносящим удачу знаменем. В действительности, с тех пор как она стала практически официально его любовницей, не стоит ли на ней жениться? Спустя восемь лет он решился на этот поступок за несколько минут. 19 февраля 1711 года в семь часов утра в частной часовне князя Меншикова состоялось бракосочетание контр-адмирала Петра (царя Российского) с рабой Божией Екатериной Алексеевной (его любовницей). Ни один из бояр не присутствовал на церемонии. Подругами невесты были две девочки пяти и трех лет: Анна и Елизавета, дети этой четы. Так бывшая ливонская маркитантка, стиравшая Петру белье и покорно разделявшая с ним ложе, стала официальной царицей России. По окончании церемонии все сели в сани, запряженные шестеркой лошадей, и отправились во дворец под музыку труб и барабанов. Там Петр поспешил в банкетный зал и прикрепил на потолок люстру с шестью ветвями из дерева и слоновой кости, которую он сам изготовил. После торжественного обеда начался бал и фейерверк. Царь с гордостью рассказывал послам, что его новый союз скреплен уже пятью детьми, хотя трое из них и умерли во младенчестве. Своей сестре Наталье и двум сводным сестрам он заявил, что полагает, что они будут уважительно относиться к Екатерине, как к его жене перед Господом, и что, если с ним что-нибудь случится, они признают положение его вдовы, ее привилегии и состояние вдовствующей царицы. 6 марта глашатаи объявили москвичам, что «царица Екатерина Алексеевна настоящая и законная супруга царя Петра Первого». В тот же день царь вместе с супругой покинули Москву, чтобы присоединиться к армии. В конце месяца Петр, больной цингой, слег в Люке. Его мучила тоска, и он писал Меншикову и Апраксину, что не видит перед собой дороги, что безнадежно болен и не знает, какой приказ ему отдать. Но, едва пойдя на поправку, царь снова продолжил путь. И опять Екатерина была рядом, она отказалась

оставить своего выздоравливающего мужа. Он записал в своем *«Журнале»*: «У Его Величества был план отправить свою супругу и других дам в надежный город в Польше, чтобы оградить их от тягот, которые не соответствуют их полу. Но Екатерина так настоятельно умоляла разрешить ей остаться с армией, что Его Величество вынужден был ей разрешить. С этого времени царица следовала за ним во всех его военных походах».

Бросившись навстречу туркам, Петр рассчитывал на поддержку Польши, христиан Востока, господаря Молдавии и Валахии. И только Кантемир, господарь Молдавии, ответил на его призыв. Но он отправил на помощь царю только ничтожный пятитысячный отряд всадников, вооруженных луками и короткими пиками. А армия неприятеля уже прошла Дануб. Часть генералов Петра (среди которых все генералы-иностранцы) полагали, что войска должны расположиться вдоль Днестра и ждать атаки турок, так как было бы неосторожностью выходить к ним в пустыню, не имея достаточного снабжения. Русские же генералы, во главе с Головкиным и Шафировым, напротив, утверждали, что национальная честь требует продвижения вперед. Удушливая жара стояла в пустыне. Привыкшие к холодным туманам Балтики, русские солдаты были измотаны прежде, чем началось сражение. От недостатка воды у них носом шла кровь и гудело в ушах. Продовольствия и фуража не хватало. Полевая трава была на корню уничтожена кузнечиками. Оставаться на месте означало бы потерять тысячи людей и лошадей. Лучше было бы их потерять в огне сражений. Петр решается на военные действия. Переправившись через Днестр вместе со своей армией, он проник в бескрайние горячие пески и разбил лагерь на берегу Прута не столько, чтобы отдохнуть, сколько для празднования годовщины Полтавской битвы. Екатерина наслаждалась токайским вином. Спустя десять дней, 7 июля 1711 года, вечером, произошла трагедия. Русская армия, сократившаяся приблизительно до тридцати восьми тысяч человек, оказалась окружена турецкими войсками, в пять раз превосходящими ее числом, которые заняли оба берега Прута. Атакованные картечью и холодным оружием, русские несли большие потери. «Мы не можем ни отойти назад, ни оставаться на месте, у нас нет провизии и фуража, так что остается или погибнуть, или победить», – можно прочесть в *«Журнале»* Петра. Победить? Но вскоре все поняли, что вопрос не в этом. Погибнуть? Разумно ли пожертвовать лучшими русскими войсками? И что станет с Петром и Екатериной, которые находились в самом центре лагеря? Даже в *«Журнале»* писалось, что невозможно было опасности «подвергать Их Величества,

которые были здесь и от сохранения которых зависело благоденствие всей Российской Империи». Во время яростной перестрелки, когда вокруг него со всех сторон падали люди, Петр испытал один из самых сильных страхов в своей жизни: боязнь унизительного поражения, которое приведет к турецкому гнету в будущем, беспокойство за судьбу своей жены… Он думал прежде всего, как скрыться отсюда через неприятельские кордоны, под прикрытием казаков. Но Екатерина отговорила его от этого рискованного мероприятия. Среди растерянных генералов она одна сохраняла холодный рассудок. Здраво и спокойно рассуждая, она посоветовала царю начать переговоры с турками. И чтобы подкупить Великого Визиря, она предложила все свои драгоценности. Шафирову было поручено отнести этот подарок победителю, и он со знанием дела оценил стоимость бриллиантов. Со своей стороны Шереметев, известный дипломатическими способностями, отправился в лагерь противника, чтобы обсудить условия заключения мира. Надо было, чтобы у русских еще остались силы нанести кровавый ответный удар оттоманской армии. Великий Визирь знал, что русская кавалерия, которой командовали генералы Ренне и Чиривов, угрожает Брайле, что отрежет пути к отступлению. К тому же он мог видеть, что его янычары, измотанные тяжелыми боями, торопятся вернуться домой. Подарок Екатерины, вкупе с его стратегическими планами, склонил его к примирению. Прустское соглашение было подписано. В рамках этого соглашения Россия должна была отдать туркам Азов, разорить несколько новых портовых городов, не вмешиваться больше в дела Польши и обещать не чинить препятствий королю Карлу XII для возвращения в его королевство. Петр, который готов был согласиться на достаточно суровые условия (такие, как, например, сдача всех завоеванных территорий, передача Ливонии Швеции и сдача нескольких русских центральных городов), принял с облегчением разумные требования Великого Визиря. «Божественное провидение, осуществляющее эти права, – читаем мы в *„Журнале“* Петра, – было действительно чудом в этих обстоятельствах, спасало нас от неизбежной гибели, в которую мы ввязались из искреннего побуждения освободить христиан».

Узнав о заключении мира, Карл XII был охвачен яростью. Приехав в турецкий лагерь, он сразу устремился в палатку Великого Визиря и упрекал его, что тот не уничтожил русскую армию и не захватил царя, хотя имел такую возможность. «Мы победили русских, – ответил Великий Визирь. – Если вы хотите дойти до драки с ними, вы можете сделать это со своими людьми. Что касается нас, мы не будем нарушать заключенный мир».

Пока Карл метал громы и молнии, русская армия организованно отходила, следуя течению Прута. Удрученный постыдным поражением, Петр, по своей привычке, снова взял себя в руки, отрицая очевидное поражение. «Я, конечно, не без сожаления оставил эти места (Азов), которые стоили нам стольких трудов и страданий, – писал он Апраксину, – я надеюсь извлечь из этого несравненную пользу». Со своей стороны граф Головкин уверял в письме князя Долгорукого, что этот мир был очень выгоден, «потому что царю удалось сохранить целиком свою армию». Эти простые удовлетворения собственного тщеславия не могли никого обмануть. За границей престиж русского царя, поднявшийся после победы в Полтавской битве, неумолимо падал. Союзники смеялись за его спиной, а их дружба, бывшая не такой уж крепкой, еще больше ослабла. Раздираемый волнениями, царь отправился в Карлсбад в надежде, что воды помогут вернуть ему оптимизм и здоровье. Но вскоре настроение его изменилось. Разлученный с Екатериной, он с горечью писал ей: «Это место такое веселое, что скорее похоже на тюрьму. Оно расположено между двумя горами такими высокими, что отсюда едва можно видеть солнце. Самое ужасное, что здесь нет хорошего пива». И затем: «Благодаря Господу, я в добром здравии, но от воды, которую я пью, у меня вздувается живот, потому что поят нас тут, как лошадей».[63] Из Карлсбада, после нескольких дней отдыха, он решил ехать в Торгау, чтобы присутствовать на венчании своего 21-летнего сына Алексея и Шарлотты Бруншвейк-Вольфенбюттель.

Между тем остатки деморализованной русской армии тянулись к северу. Временно отказавшись от завоевания Черного моря, Петр сосредоточился на Балтике. Он хотел покончить там со шведами, но остерегался Европы. Берлин опасался поддержать царя. Таково же было мнение Лондона. Лорд Стаффорд, английский посол в Голландии, таким образом охарактеризовал перед Куракиным традиционное правило британской дипломатии: «Англия никогда не захочет видеть в разорении и бессилии корону шведскую. Намерение Англии содержать все державы на севере в прежнем равновесии». Кроме того, английские переговорщики знали, что, если царь захватит выходы к морю, Россия будет отправлять свои торговые суда во все страны, вместо того чтобы прибегать к посредничеству Англии и Голландии. С другой стороны, Австрия, все еще опасаясь усиления турецкого могущества после поражения русских под Прутом, предпочитала уравновешивать влияние Швеции скорее влиянием Пруссии, нежели влиянием России. Оставленный всеми союзниками, Петр решает действовать в одиночку, чтобы

пересилить нерешительность тех, которых он уже не знал, к какому лагерю причислить: союзников или противников. В 1713 году царь предпринимает поход в Финляндию. С грубой откровенностью он пишет Апраксину: «Идти не для разорения, но чтоб овладеть, хотя оная (Финляндия) нам не нужна вовсе; удерживать по двух ради причин главнейших: первое было бы что, при мире, уступить, о котором шведы уже явно говорить починают; другое, что сия провинция есть матка Швеции, как сам ведаешь; не только что мясо и прочее, но и дрова оттоль, и ежели Бог допустит летом до Абова, то шведская шея мягче гнуться станет». Вначале молодой флот под командованием адмирала Апраксина и с самим Петром в качестве контр-адмирала занял города Гельсингфорс, Борго и Або. В то же время Меншиков добился капитуляции Тоннингена. 27 июля 1714 года состоялась новая морская победа русских над шведским флотом, прежним хозяином Балтийского моря в битве при Гангуте. На этот раз сам Петр руководил операциями. Контр-адмирал Эриншельд был взят в плен, два шведских корабля попали к русским. После Гангутской битвы русский флот отправился к Аландским островам, что навело ужас на Швецию, потому что Аланд был всего в 15 милях от Стокгольма, и царь торжественно вернулся в свой «парадиз», в Санкт-Петербург, чтобы получить там звание вице-адмирала и медаль с надписью: «Русский орел не ловит мух». 24 ноября 1714 года на именины царицы царь наградил ее вновь учрежденным орденом Святой Екатерины, в знак благодарности за стойкость духа во время битвы при Пруте, где, как можно прочитать в *«Журнале»*, «она действовала не как женщина, но как мужчина». Скромный намек, быть может, на ее дар, когда она пожертвовала своими украшениями, чтобы спасти Петра от катастрофы.

Но об этом позоре после морской победы русских войск все вскоре забыли. Как в России, так и за границей Гангут произвел эффект второй Полтавы. Европейские державы уже не сомневались, что русский царь собирается нанести Швеции решительный удар. А куда же он пойдет дальше? Его так называемые союзники, датчане и англичане, заставили себя упрашивать, чтобы оказать помощь в его захватнических планах. Русская эскадра из сорока восьми галер уже подтянулась к Копенгагену. Обеспокоенный присутствием этой армии в своих водах, король Дании Фридрих IV спрашивал, не собирается ли Петр атаковать своих друзей, прежде чем пойти войной на шведов. Пока в Копенгагене устраивали пышные празднества в честь русского царя, в спешке реставрировались укрепления города, готовясь противостоять возможному штурму русских, а

горожанам раздавали оружие. Улыбки чередовались с подножками. Петр произвел со своего корабля *«Ингерманландия»* смотр эскадры русских, датских, английских и голландских кораблей, стоящих на рейде. Впервые британская эскадра подчинялась приказам иностранного адмирала. Шафиров писал Меншикову, что «такой чести ни который монарх от начала света не имел, что изволит ныне командовать четырех народов флотами: английским, русским, датским и голландским, чем вашу светлость поздравляю». Но союзники нигде не встретили благоразумно скрывающийся шведский флот, и поход быстро закончился. Несмотря на почести «мореплавателю Петру», настойчиво распространялся слух, что англичане хотят воспользоваться моментом и заставить его вернуться в Россию с его кораблями и экспедиционным корпусом, чтобы положить конец экспансии русских на Балтике. «Московскому обжоре» приписывали дьявольскую попытку присвоить датскую Померанию, Мекленбург, Гамбург, Любек… И действительно, в Померании Петр вел себя как властелин, будто король Август был его вассалом. В Мекленбурге царь был почти как у себя дома, потому что племянница царя Екатерина[64] вышла замуж за герцога Мекленбургского Карла-Леопольда. Этот альянс, дополненный союзным договором, позволил России расположиться в Северной Германии. Сорок тысяч русских солдат были отданы в распоряжение герцога Мекленбургского, чтобы поддержать его в борьбе против восставшей знати. Король Англии Георг Первый напрасно просил Петра вывести войска с территорий, куда они были бесстыдно введены. Появлялись анонимные брошюры, собирающие жалобы населения на поведение русских оккупантов в Мекленбурге, Померании и в Хольстене. Сформированная против Швеции коалиция испытывала такие разногласия, что Петр писал Екатерине: «О здешнем объявляем, что болтаемся туне, ибо что молодые лошади в карете, так наши соединения, а наипаче коренные сволочь хотят, для присяжные думают; чего для я намерен скоро отсель к вам быть». Несовпадение взглядов между союзниками проявилось во время военных советов. Действия против Швеции были отложены до следующего лета. Флотилии разделились, каждый вернулся на свою базу. Раздраженный Петр уехал из Копенгагена и отправился в Амстердам. По дороге он встретился с королем Пруссии и заключил с ним русско-прусский альянс.

Это был уже не «плотник Петр», каким его прежде встречала Голландия, но глава европейского альянса в борьбе против Швеции. Никто не знал, что на уме у этого человека с полными карманами петард. На самом деле в Амстердаме он приступил к

тайным переговорам с бароном Герцем, полномочным представителем и доверенным лицом Карла XII. Этот хитрец предлагал ему подписать мир со Швецией на условиях уступки балтийских берегов России. В обмен на это Петр должен был помочь своему старинному врагу Карлу XII завоевать Норвегию, которой в то время владела Дания, и, воспользовавшись суматохой, свергнуть с английского престола короля Георга Первого, заменив его претендующим на престол сыном Якова Второго Стюарта. Последний был представлен Георгу Первому, который воспылал к нему ненавистью. Веселовский, секретарь русского посольства в Лондоне, протестовал против «этих фальшивых инсинуаций, этой недостойной клеветы, которую лили враги, за этот тайный заговор; никогда царь даже и не думал о том, чтобы принять участие в этом отвратительном посягательстве; он пожертвовал своей славой, чтобы жить с союзниками в атмосфере наивной прямоты… Он четко придерживался взятых на себя обязательств и союзных договоренностей».[65]

Утверждения доброй воли остались без ответа. Несмотря на то что советовали его министры, Петр был подозрительной личностью для его вчерашних друзей. И они не ошибались. Разочарованный в датчанах и англичанах, царь хотел сблизиться с Францией, вырвать ее из альянса со Швецией, Голландией и Англией и предложить этой стране взамен союз с Россией и Пруссией. Для этого ему надо было посетить Париж. При жизни Людовика XIV он уже предпринимал такую попытку. Но старый король, сославшись на свой возраст и состояние здоровья, предпринял все, чтобы избежать этой встречи. С 1 сентября 1715 года трон перешел Людовику XV, рядом с которым правил регент Филипп Орлеанский. Откажутся ли они на этот раз встретиться с властителем России? Однако Франция была связана со Швецией секретным соглашением, срок действия которого еще не прекратился, и аббат Дюбуа находился все время в Англии. Он писал регенту: «Если Вы не останетесь вместе с Его Величеством, королем Британии, вы упадете с чердака в погреб». После 7 января 1717 года маркиз де Шатенеф, посол Франции в Гааге, получил приказ действовать с осторожностью, не отталкивая царя, но охладив его пыл насколько возможно. Все эти увертки действовали на нервы Петру, который не понимал, почему Париж не торопится принять победителя Полтавы и Гангута.

В конце концов, преодолевая свое отвращение к политике русских и их представителям, регент уступил. Пусть он приезжает, этот незваный гость, появившийся из-за полярных льдов!

Добившись положительного ответа, Петр стал выбирать себе свиту сопровождающих для этого путешествия. В виде исключения он отказался на этот раз взять с собой дорогую Екатерину. После того как он показал ее при дворе почти всех иностранных правителей, не заботясь о том впечатлении, которое она могла произвести своими грубыми манерами и яркими нарядами, он решил, что будет нежелательно появляться с ней в злословящем и изысканном парижском обществе. Он довольствовался тем, что писал ей с каждой остановки на своем пути.

В Антверпене за полтора дня Петр опустошил вместе со своей свитой двести шестьдесят девять бутылок вина. В Брюсселе он интересовался работами одного монаха, известного своей квалификацией токаря, измерил с помощью маленькой карманной линейки фрагмент настоящего креста, который ему презентовал декан собора Святой Гудулы, и после очередного застолья освежил себе голову в фонтане поблизости от герцогского дома. В Остенде он увлекся работой шлюзов. В Нейпорте его чествовал герцог Гольштейнский, пожелавший ему попутного ветра до окончания поездки.

21 апреля 1717 года он достиг французских берегов в Дункерке. Царя было поручено принять господину де Либуа, одному из дворян королевского дома, растерявшегося перед важной русской свитой. Ему объявили, что Его царское Величество путешествует инкогнито, в сопровождении двадцати приближенных и двадцати слуг. Однако перед ним стояли пятьдесят семь человек и еще двадцать три должны были подъехать в ближайшие дни. Как взять на себя заботу обо всех этих людях, если деньги, отпущенные на прием, лимитированы решением правительства? Либуа робко выдал путешественникам пятнадцать сотен ливров на день на расходы. Действовать таким образом во время дипломатических миссий за границу было в правилах русского двора. Но Куракин, посол России во Франции, громко возмущался: когда оказана честь принять царя, нельзя руководствоваться принципами экономии. Покорный Либуа передал жалобы и ждал распоряжений. К его большому облегчению, Версаль согласился наконец раскошелиться. Франция не скряжничала, желая удовлетворить своего почетного гостя. Однако удовлетворить этого гостя было не так уж легко. Либуа пишет в Версаль: «Эта небольшая свита очень нерешительна, и все, от трона до конюшни, легко впадают в ярость. В царствующей особе есть зачатки добродетели, но совсем дикой… Он встает рано утром, обедает около десяти утра и, если хорошо пообедал, после легкого ужина ложится в девять; но

между ужином и обедом он немыслимо много выпивает анисовой водки, пива, вина и съедает фруктов и всякого рода съестных припасов… У него всегда в руке две или три тарелки с блюдами, которые ему готовит его личный повар. Он выходит из-за роскошно накрытого стола, чтобы продолжить трапезу в своей спальне. Он заявляет, что пиво, которое ему подают, отвратительно, и жалуется на все».

Даже средства передвижения, используемые во Франции, не нашли одобрения у Петра. Он угрюмо отказался от всех карет, которые ему предлагал Либуа. «Где это видано, чтобы дворянин садился в подобный катафалк!» – возмущался Куракин. Выражая волю своего монарха, он требовал карету, которую искали по всему королевству. А когда наконец Либуа, объехав весь Дункерк и Кале, с торжествующим видом привез заказанный экземпляр, царь передумал. В конце концов какая-то карета была ему предоставлена, но царь хотел, чтобы была организована специальная смена лошадей, чтобы он смог добраться до Парижа за четыре дня. Однако в Кале он забыл о своем намерении ускорить ход и с удовольствием посетил укрепления, порт, морские работы. Его чествовала мадам де Тосс, супруга председателя королевского суда Кале. Он, конечно же, попытался уложить молодую женщину в свою постель, чтобы лучше изучить Францию. Обеспокоенный за честь супруги секретаря, Либуа мог только в спешке удалиться. Но Петр вновь начал с ним ругаться по поводу транспортных средств, и дело обострилось. Иногда Либуа спрашивал царя, действительно ли тот хочет продолжить путь. 2 мая, когда Либуа уже полагал, что путешествие не состоится, в Кале прибыл молодой и деловой маркиз Майли-Несле, которому регент поручил встретить Его царское Величество. Эмиссар Версаля проигнорировал, что в этот день праздновалась православная Пасха. Чтобы отметить Воскресение Господне, Петр отправился в кабак со своей свитой и музыкантами. Свита была мертвецки пьяна, и музыканты были не лучше. Царь, единственный, еще кое-как стоял на ногах, но не был расположен для протокольных любезностей. Майли должен был дождаться, когда царь придет в себя, чтобы выказать ему свое расположение. Раздраженный жеманством посетителя, который был очень кокетлив и переодевался несколько раз за день, Петр пробасил: «На самом деле мне жалко господина де Майли-Несле, у него такой плохой портной, что он не может найти одежду, которая бы ему подошла». Наконец Кале утратил для него интерес, и царь решил двинуться дальше. Но, отказавшись от карет и повозок, он придумал такую, которая бы ему подошла: негодный уже фаэтон, закрепленный на оглоблях и запряженный

лошадьми. Его пытались убедить, что упряжь на этой повозке не подходит для такого рода путешествий, но царь был упрям. Для обеспечения безопасности необходимо было, чтобы пешие люди поддерживали оглобли и вели лошадей под узцы. Опасались несчастных случаев, но Петр был очень доволен своим экипажем. Его свита следовала за ним в повозке. Раздраженный такой экстравагантностью, Майли пишет: «Обычные люди руководствуются соображениями здравого смысла, но этот (если его вообще можно назвать человеком, в нем нет ничего человеческого) его совсем не слышит… Я от всего сердца хотел бы, чтобы он (царь) приехал в Париж и уехал оттуда. Когда Его Королевская Светлость его увидит, и если он задержится здесь на несколько дней, я убежден, если осмелюсь сказать, что Его Светлость не будет сердиться, освободившись от него. Царь меняет свое мнение каждую минуту. Я ничего не могу вам сказать положительного за все время его путешествия».

В Амьене власти и духовенство готовились к пышному приему государя, но он даже не остановился, отказался ото всех представлений и потребовал ехать прямо в Бове. Ему пытались объяснить, что в это время нет сменных лошадей. Петр ответил проклятиями и сел обратно в свой фаэтон. Срочно предупрежденный комендант Бове собрал наудачу шестьдесят недостающих лошадей, подготовил ужин, концерт, иллюминацию, фейерверк и украсил дворец царскими гербами. Весь цвет города был собран, чтобы организовать прием царю. Неожиданно стало известно, что царь ураганом пронесся через город и остановился в четверти лье отсюда, в кабаке, пользующемся дурной славой, где он поужинал со своей свитой за восемнадцать франков и собирался провести ночь. С ним вместе были посол Куракин, вице-канцлер Шафиров, обер-прокурор Ягужинский, князь Долгорукий, тайный советник Толстой, офицеры, камергеры, пажи, шуты и князь-папа Зотов, которого Дюбуа описывал следующим образом: «Старикашка маленького роста, с длинными белыми волосами, спадающими на плечи, невыносимо безобразный уродец, похожий на жабу».

7 мая 1717 года царь въехал в Париж в сопровождении трехсот конных гренадеров. Несмотря на позднее время (девять часов вечера), толпа зевак собралась на улицах Сен-Дени и Сент-Оноре, которые были освещены по этому случаю. Регент приказал приготовить для «снежного монарха» роскошные апартаменты королевы-матери в Лувре. Там было все убрано и обновлены росписи и позолота. Рассказывали, что туда была привезена «роскошная кровать, которую мадам де Ментенон приказала сделать для короля, одна из самых дорогих и великолепных

вещей в мире».[66] Два накрытых стола на шестьдесят персон ждали, чтобы удовлетворить аппетит путешественников. Для размещения офицеров из свиты государя герцог Антинский, суперинтендант королевских зданий, не нашел ничего лучшего, чем предоставить им зал заседаний французской Академии, которая также находилась в Лувре. Предупрежденная пятого мая знаменитая компания поблагодарила герцога за его предложение и, вынеся столы, кресла и шкафы, расположилась в соседнем зале Академии. Между тем Толстой, приехавший в Париж на разведку, посоветовал подготовить также отель «Ледигер», в случае если Петр предпочтет более скромные покои. Красивое помещение на улице Керизе было быстро приведено в порядок и убрано мебелью и коврами с изображениями короны. Может быть, на нем Петр остановит свой выбор? Нет, он поехал прямо в Лувр. И вот он перед столами, накрытыми на шестьдесят человек. Он с презрением смотрел на эту кулинарную пышность, попросил кусок хлеба и репу, попробовал шесть сортов вина, выпил два стакана пива, приказал погасить свечи и удалился. Царь выбрал отель «Ледигер».

Но, приехав в отель, нашел свою комнату слишком красивой, очень большой и приказал поставить свою походную кровать в гардеробе. Расположившись там, он приказал не тревожить его, пока его не позовет на аудиенцию король Франции. На следующий день после его приезда явился регент. Петр сделал несколько шагов навстречу посетителю, обнял его «с видом большого превосходства», как писал Сен-Симон, и, повернувшись на пятках, первым вошел в свой кабинет, «без малейшей вежливости», за ним проследовали регент и Куракин, который должен был быть переводчиком.

По высказываниям Сен-Симона, «царь хорошо понимал французский язык, и я думаю, мог бы на нем говорить, если бы хотел; но ввиду своего положения всегда пользовался услугами переводчика. Что касается латыни и других языков, он их знал и хорошо говорил». Два кресла стояли напротив. Царь выбрал себе с высокой спинкой. После часа дружеской и бессвязной беседы он поднялся и вышел за дверь. Регент последовал за ним. Его остановили с глубоким почтением. Все указывало на то, что царю недостаточно было уважения и почестей второго человека королевства. Два дня спустя, 10 мая, двор уступил его требованиям, и король Франции поехал в сопровождении оркестра и многочисленного эскорта в карете, запряженной восьмеркой лошадей, в отель «Ледигер». Толпа собралась на улицах Сент-Оноре и Сент-Антуан, чтобы радостно приветствовать кортеж маленького семилетнего мальчика,

который в своем длинном парике, кружевном жабо и с голубой орденской лентой воплощал надежду Франции.

На этот раз Петр спустился во двор, встретил мальчика у дверей его кареты и провел его, идя слева от него, в комнату, где уже были приготовлены два одинаковых кресла. Королю предназначалось правое. В течение пятнадцати минут они обменивались протокольными любезностями, переводчиком был Куракин. Людовик говорил наизусть заученные речи, Петр отвечал жизнерадостным тоном. Присутствующие восхищенно созерцали лицом к лицу королевского ребенка, напудренного, накрашенного, изысканного, и дикого великана, который пожирал его глазами. В момент расставания царь, забыв о правилах этикета, схватил мальчика в охапку. «Удивительно было видеть царя, взявшего короля на руки, – пишет Сен-Симон, – поднявшего его и обнимающего в воздухе, а король, для своего возраста не готовый к такому повороту событий, вовсе не испытывал страха. Все были изумлены подобной благосклонностью царя, которую он демонстрировал перед королем, нежным обращением с юным королем, этой вежливостью, которая была связана с положением, равенством по крови и слегка превосходством в возрасте; потому что все это очень отчетливо чувствовалось». Если верить Дюбуа, царь сказал своему маленькому посетителю, обняв его: «Сир, это не поцелуй Иуды». Он проводил мальчика до кареты. Затем, очарованный свиданием, он писал Екатерине: «Сообщаю Вам, что в прошлый понедельник меня здесь посетил маленький король, который на два пальца выше нашего Луки (придворный карлик), чрезвычайно приятный по своему телосложению и на лицо и достаточно умный для своего возраста». На следующий день, во вторник 11 мая, он отправился к королю с визитом, что соответствовало установленному церемониалу. На этот раз он шел справа от короля Франции. Еще пятнадцать минут беседы, и монархи были свободны. Петр, избавленный от всех обязательств, смог предаться наконец, не сдерживая себя, своей неутолимой страсти открытий. Парижане видели, как он носился повсюду, предпочитая фиакры каретам.

«Это был очень большой человек, – писал Сен-Симон, – очень ладно сложенный, достаточно худой, круглолицый, с большим лбом, густыми бровями, крупным носом, достаточно пухлыми губами и красноватым цветом лица. Он был брюнетом с красивыми черными глазами, большими, живыми и пронизывающими; взгляд величественный и приветливый, когда он обращал на это внимание, или суровый и дикий, с тиком на лице, который был, правда, нечасто, но обезображивал его лицо и

повергал в страх. Это моментально проходило, с блуждающим страшным взглядом, и тотчас же возвращалось снова… Он носил только холщовые воротники, круглый коричневый парик, не пудря его, который едва доходил ему до плеч, коричневую одежду по фигуре, одноцветную, с золотыми пуговицами, куртку, короткие штаны, чулки, без перчаток и без манжет, орденскую звезду носил прямо на одежде, а орденскую ленту поверх, его одежда часто бывала расстегнута, головной убор лежал на столе, и почти никогда он его не надевал, даже когда выходил на улицу. В этой простоте зачастую он ездил и сопровождался не так, как подобало его сану, но он был узнаваем благодаря своему величию, которое было для него вполне естественно». Другие, среди которых Бюват, его видели в несколько ином свете: «…весь черный, в куртке из серой шерсти с бриллиантовыми пуговицами, без галстука и без манжет, в рубашке без кружев». Вскоре костюм русского государя был назван среди последователей моды «царской одеждой» или «одеждой Дикаря». Муниципальный Совет вручил этому «безвкусно одетому монарху двенадцать дюжин коробок сухого варенья и двенадцать дюжин факелов из белого воска, по два фунта каждый, завязанных лентами и сложенных в три тонкие белые корзины, покрытые белой тафтой». Петр заказал еще один парик у одного ремесленника, известного мастера по длинноволосым буклированным парикам, какие модно было носить при дворе. Разозлившись, царь прошелся по нему стамеской, чтобы укоротить и придать ему обычную форму, которую привык носить. И отказался его пудрить.

14 мая Петр отправился в Оперу, где его принимал регент в Королевской ложе, украшенной дорогим ковром. Спектакль утомил царя, который потребовал пива. Ему принесли большой бокал на блюдце. Из почтения регент поднялся, чтобы лично поднести пиво царю. Царь пил большими глотками. Регент протянул ему салфетку. Он ее принял «с улыбкой и вежливым поклоном», как пишет Сен-Симон, и вытер рот перед удивленными присутствующими. В четвертом акте он передал салфетку соседу и отправился ужинать. Светские развлечения ему надоели. Салонам он предпочитал кабаки, лавки и мастерские. Он любил уходить, никого не предупредив, и идти туда, куда ему вздумается. Его высокий рост и резкая походка привлекали зевак, которые его раздражали. Маршал де Тессе, которого регент дал царю в качестве гида, оставался спокойным только, тогда когда Его царское Величество оставался дома, приняв слабительное. Он сообщал своему господину: «Я совершенно ничего не знаю ни о том, где царь обедает, ни о том, вернулся ли он в Версаль. Со всеми его переездами не останется человека, у которого голова не

пошла бы кругом».

Петр посетил Лувр, сад Тюильри, понаблюдал за работой разводного моста, отправился в Дом инвалидов, попробовал солдатский суп и выпил вина за здоровье солдат, «похлопывая некоторых по плечу и называя их товарищами». В Медоне он одарил лакея «бумажным экю», который, по утверждению Бювата, мог служить только для интимного использования в качестве салфетки. В Версаль дворяне из его свиты привели «девушек». Они уложили их, как писал Сен-Симон, «в апартаментах мадам Ментенон, рядом с комнатой, в которой спал царь. Блоин, управляющий Версаля, был крайне возмущен, увидев осквернённый таким образом храм, в котором царила добродетель». В Марли царь восторгался машиной; в Трианоне он развлекался, брызгая в окружавших его французов из фонтана; в Монне присутствовал при чеканке памятной медали о его пребывании во Франции; в Лувре прикидывал на руке вес драгоценностей короны и полагал, что огромная сумма, в которую они обошлись, плохо использована.

Но больше всего его привлекали научные вопросы. Он видел, как работают дантисты, вырывая зубы на Пон-Неф, задавал вопросы в обсерватории, географу Делислю, присутствовал на операции катаракты, проводимой английским окулистом Вольхаузом, приобщался к секретам ковроткачества на мануфактуре гобеленов, а в Сорбонне воскликнул, обняв бюст Ришелье: «Я отдал бы половину моей империи, чтобы он научил меня управлять другой!» Однако, когда доктора обсуждали перед ним возможное объединение католических и ортодоксальных Церквей, он им ответил скромно, что совершенно не компетентен в этом вопросе, что его дело – управлять Россией и закончить войну со Швецией, но что он твердо обещает связать французских теологов с самыми видными церковнослужителями своей страны.

11 июня он отправляется в Сен-Сире, ознакомиться со знаменитым учебным заведением, учрежденным мадам Ментенон, в котором воспитывались молодые дворянские девицы. Он захотел также встретиться с самой госпожой Ментенон, но супруга Людовика XIV, которой было в то время восемьдесят два года, легла в постель, чтобы избежать встречи с любопытным посетителем. Однако царь не привык отказывать себе в самых бестактных желаниях. Он толкнул дверь и вошел гигантскими шагами, открыл окна и отодвинул занавески у кровати, непринужденно посмотрел на старую женщину и сел у ее изголовья. «Он спросил у меня, больна ли я, – писала мадам Ментенон своей племяннице, мадам де Кайлю. – Я ответила, что да. Он стал интересоваться, чем я больна. Я ответила, что моя

болезнь называется „глубокая старость“. Он не знал, что мне ответить, и, казалось, его толмач меня не слышит. Его визит был очень кратким. Он еще оставался в доме, но я не знаю, где».

Если он выступил относительно дружелюбным с мадам Ментенон, то по отношению к принцессам крови демонстрировал полное пренебрежение. Даже когда он согласился посетить герцогиню Берри и герцогиню Орлеанскую, он вел себя подчеркнуто холодно. Что касается дам, окружавших герцогинь, он не удостоил их даже взглядом, как писал Сен-Симон. Его привлекали другие женщины, в этих он не находил шарма. Парижские проститутки возбуждали его. Он переспал в Версале с одной случайно встреченной девушкой, отослал ее, заплатив ей два экю, и хвастался перед регентом о своих подвигах в постели. Слух об этих оргиях в королевских опочивальнях дошел до мадам Ментенон, которая с возмущением сообщала своей племяннице: «Мне рассказали, что царь притащил с собой девку, большой скандал в Версале, Трианоне и Марли». Эти развлечения, впрочем, совсем не мешали царю отправлять нежные письма Екатерине. Он писал ей, что ощущает себя старым и скучает вдали от нее. Она ему отвечала: «Я надеюсь нежно любить до самой смерти столь любимого старика».

На самом деле жизнь, которую он вел, периодически расшатывала его могучий организм. В Фонтенбло, по окончании псовой охоты, которую Петр, впрочем, никогда не любил, он объелся так, что у него глаза чуть не вылезли из орбит. «Непостижимо, сколько он обычно съедал во время трапезы, – отмечал Сен-Симон, – не считая того количества пива, лимонада и других напитков, которые он выпивал во время еды; бутылка или две пива, столько же или даже больше вина, затем он пил ликеры, а в конце еды полштофа специально приготовленной водки». Выйдя из-за, стола царь поднялся в свою карету, но из-за тряски вся его еда вскоре вышла наружу. Он испачкал карету и в Пти-Бурже, и две деревенские женщины, суетясь, чистили его подушки. «Я вспоминаю, – писал Вольтер в письме к Шовелину 3 октября 1760 года, – что слышал от кардинала Дюбуа, что царь был экстравагантным человеком, рожденным для того, чтобы быть мастером на строительстве голландского корабля». Герцог Руанский возразил своей супруге, удивленной грубостью такого высокого гостя: «Вы что, мадам, ожидали порядочности от этого животного?» А Сен-Симон, все еще находясь под обаянием царя, заявлял: «Он еще не был свободен от варварского отпечатка своей страны, которая делала все его манеры быстрыми, даже поспешными, его желания неопределенными, противоречащими одно другому…»

Совершенно безразличный к мнению окружающих, Петр с удовлетворением сравнивал своих собственных придворных, грубых и раболепных, с циничными ветрогонами и скептиками регентского двора. С русской стороны послушание и тяжесть, с французской – легкость и беспорядок. Конечно же, он предпочитал свою страну всем остальным. Заграница имела единственную ценность, если только могла помочь России стать еще более сильной державой. Для Петра путешествовать значило учиться. Вечный ученик, на улицах, в мастерских, в Версале и в Лувре, он вынимал из кармана записную книжку и на ходу делал записи. Услышав о Французской академии, он неожиданно решил посетить ее, но забыл предупредить академиков о своем намерении. Когда он пришел, заседание окончилось и почти все господа разошлись. Он нашел только двух или трех академиков, которые с усердием сорока показывали ему залы заседаний, в одном из которых хотели сделать общую спальню для царской свиты. Петр восхищался портретами короля Людовика XIV и кардинала Ришелье. «Красота этой головы и благородство лика изумляют», – можно было прочесть в книги записей Французской академии в этот день. Филолог Андре Дасье, постоянный секретарь, решил, что будет неплохо ознакомить царя с портретом королевы Кристины Шведской, которая, как и он, использовала свое путешествие во Францию, чтобы посетить общество. Эта неожиданная ассоциация с экс-государыней вражеской страны пришлась не по нраву Петру, но он не показал виду. Он рассеянно слушал объяснения Дасье о работе над словарями. Все эти слова назойливыми мухами звучали у него в ушах. Чтобы его развлечь, царя повели в Академию живописи, где он загляделся на несколько полотен, отмечая «большое пристрастие к этому искусству». Еще больше его заинтересовала беседа с членами Академии наук.

Но настоящий мотив его путешествия был политический. Испытывая сложности с союзниками, имея прохладные отношения с Англией, он надеялся, что Франция отойдет от Швеции и сблизится с Россией, подписав соглашение о военной и торговой взаимопомощи. Однако Франция не захотела предать страну, с которой ее долгое время связывали узы дружбы, чтобы объединиться с новым амбициозным и нетерпеливым партнером. Шафиров, который вел переговоры с русской стороны, не мог преодолеть сопротивление маршала де Тессе, которому регент в качестве приказа посоветовал «развлекать и веселить царя до его отъезда, но никаких договоров с ним не заключать». Встреча регента и царя всего лишь спутала карты. Разглагольствования дипломатов закончились окончательно к 15 августа 1717 года

заключением Амстердамского договора между царем, Людовиком XV и Фридрихом-Гийомом Первым, королем Пруссии. Официальной целью соглашения было установление между тремя странами «тесного союза и крепких длительных дружественных отношений». Но, вопреки надеждам Петра, Франция не приняла на себя обязательств прервать отношения с Англией и со Швецией. Кроме того, она предлагала свое посредничество для установления мира на Севере. Петру пришлось довольствоваться незначительными результатами. Лондон был в курсе, благодаря Дюбуа, обо всех так называемых секретных переговорах. Регент и его советники были решительными англофилами. Сен-Симон был переполнен негодованием, обвиняя Дюбуа в том, что он продался Альбиону, и оплакивал «пагубные чары Англии» и «безумное пренебрежение, с которым мы относимся к России».

Между тем весь двор рассыпался перед Петром в поздравлениях и обещаниях. Ходили слухи о возможном браке между второй дочерью царя, Елизаветой, и королем Людовиком XV. Слухи быстро опровергли, зато стороны приготовили друг другу подарки. Если Петр и скупился на чаевые, будучи среди простых людей, то в роли монарха он хотел доказать свою щедрость. Чтобы увековечить воспоминание о своем визите, он выдал пятьдесят тысяч ливров тем офицерам, кто его обслуживал во Франции, тридцать тысяч ливров гвардии, которая его охраняла, тридцать тысяч ливров рабочим фабрик и заводов, которые он посетил. Он вручил свой портрет, украшенный бриллиантами, королю, маршалу де Тессе и нескольким высокопоставленным должностным лицам и раздал несчетное количество медалей, увековечивших его блестящие поступки. Король в ответ вручил ему шпагу с рукоятью, оправленной бриллиантами. Из соображений этикета Петр отказался от этого роскошного подарка. Но он с удовольствием принял два очень красивых вышитых гобелена. Царь также согласился на предложения регента позировать для портрета двум художникам – Риго и Натье. Эти полотна ему показались немного слащавыми. Он упрекал художников за то, что они не передали дикую силу оригинала. Покидая Париж, 20 июня 1717 года он объявил о своей привязанности к этой индустриальной, гостеприимной и легкомысленной стране. «Он рассчитывал на Францию, – писал Сен-Симон, – и говорил, что с горечью видит, как Франция погибает от роскоши».

Врачи посоветовали царю лечение на водах, чтобы поправить здоровье, расшатавшееся от разрушительных последствий алкоголя и занятий любовью, и он решает вернуться в Спа. На всем протяжении его путешествия города соперничали в

щедрости оказанных приемов. В Реймсе, где он остановился всего на несколько часов, муниципалитет потратил четыреста пятьдесят ливров на единственный обед. Шарлевилю он обошелся более чем в четыре тысячи ливров, чтобы оказать приют государю с его свитой на одну ночь. На следующий день царь отправился на оружейный завод и предложил нескольким мастерам поехать с ним в Россию, а когда ему посоветовали посетить затем фабрику, производящую кружева, ответил резко: «Кружева? Это не мое дело! Это скорее заинтересовало бы царицу, если бы она была здесь!» Корабль, украшенный его флагами, ждал царя на Меузе, чтобы отвезти его в Льеж. На борт были загружены горы съестных припасов: «170 фунтов различного мяса, одна косуля, 35 цыплят и кур, 6 больших индюков, 83 фунта ветчины, 200 раков, 200 яиц, 15 фунтов лосося, 2 больших форели, 3 бочки с пивом, один говяжий язык и два свиных языка, 6 пар голубей, 2 щуки, 20 фунтов масла…» Доктор Арескин беспокоился за исход застолья, для которого понадобилось столько еды. Петр его резко оборвал: никакого лечения, пока не приехали в Спа. Предвидя скучную диету, которая ему угрожала в ближайшем будущем, он начал поглощать двойные порции. В Намюре он развлекался в бое на ходулях, страстно увлекся водным состязанием на копьях, дал полюбоваться собой стоя в лодке, положив руку на голову гребца, отвечал на приветствия толпы, ел и пил за дюжину, танцевал до часу ночи, но отказался спать во дворце, где все было приготовлено к его приезду, и отправился ночевать в свою маленькую каюту на корабле. Так же и в Льеже, сорвав планы организаторов, он пренебрег роскошными покоями, которые ему были подготовлены во дворце, и предпочел остановиться в отеле «Лоррен». В окна жилища, которое он выбрал, он созерцал с удовлетворением фейерверк, в котором сверкали его личные гербы. На следующий день он прогулялся по городу, изучил предприятия, изготавливающие зажигательное стекло, и спустился в шахту, где его заинтересовала работа смиренных рабочих, испачканных углем, который они добывали из недр земли.

Наконец, приехав в Спа со свитой в сорок человек, он начал пить воду в тех же сумасшедших количествах, в которых поглощал вино. Каждое утро он отправлялся к источнику в Геронстере, в одном лье от Спа, верхом, в экипаже или в легкой повозке, которой он сам управлял на плохих каменистых дорогах с разбитой колеей. Доехав до места, для начала Петр выпивал около двадцати стаканов подряд. Затем он наполнял желудок шестью фунтами вишни и дюжиной фиг. В конце концов эта бесцветная и пресная жидкость, которая текла в его горло, стала

надоедать царю. Он придавал ей вкус небольшим добавлением алкоголя. А потом любил пешком прогуляться по деревне. Чувствуя себя непринужденно в любом месте и при любых обстоятельствах, он заходил на скотные дворы, разговаривал с крестьянами, трогал их инструменты, заглядывал в их амбары и хлева. Очевидно, что эти мужики из окрестностей Спа не были крепостными. И все вместе они не выглядели такими жалкими и бедными, как русские мужики. Но, думал Петр, в России благосостояние и свобода могут лишь размягчить душу. Счастливый народ всегда сыт, и дух его мятежен. И только с нацией рабов можно делать большую политику.

Ко времени принятия пищи Его Величество возвращался в Спа. Его окружала дюжина гостей. Он председательствовал за столом в ночном колпаке. Когда в его миске недостаточно было бульона, он черпал из миски соседа. Все жестикулировали и орали одновременно напротив государя, который поглощал пищу. Свидетель этого ужасного поведения, каноник Ла Найе, так описывал это застолье: «Почти все тарелки были перевернуты на скатерть, так же как и бутылки с вином, которым не нашлось хорошей пробки. Когда последовала перемена блюд, скатерть вся была испачкана жиром и вином. Последовала вторая перемена блюд. Она состояла из одного блюда, на котором было жаркое из телятины и четыре цыпленка. Его Величество приметил самого большого цыпленка из четырех, взял его в руку, провел им под носом и сделал мне знак, что он хорош, а затем оказал мне любезность и бросил его в мою тарелку; блюдо скользило с одного конца стола на другой, не встречая на пути препятствий, потому что было единственным, а скатерть была такой грязной, что облегчала это скольжение. Затем последовал десерт. Принесли тарелку с тремя пирожными. Наконец поднялись из-за стола, и царь, приблизившись к окну, нашел пару жирных и ржавых щипцов для снятия нагара и воспользовался ими, чтобы почистить свои ногти».[67]

После месяца такого странного лечения, соединяющего минеральные воды и попойки, Петр опять вернулся в равновесие. Он организовал застолье для городских властей, распространил несколько памятных медалей и приказал своему доктору письменно засвидетельствовать, что к Его царскому Величеству вернулось здоровье благодаря целебным водам Спа. Из Амстердама он отправил в Спа специально сделанный по обету стол из черного мрамора, надпись на котором напоминала о счастливом пребывании царя на курорте.

Воссоединившись с Екатериной в Голландии, он был переполнен нежностью к ней. Она была для него самой любимой

женщиной в мире. Он не хотел ее показывать в Версале, но привез в Берлин. Король Фридрих-Гийом Первый и королева Пруссии любезно встретили знаменитых путешественников и их свиту в замке Сан-Суси. К сопровождению царя добавилась и свита царицы. Народу было много, и все шумели. Любящая позлословить госпожа Байрет, сестра будущего Фридриха Второго, утверждала, что «чтобы предупредить беспорядки, которые русские господа устраивают во всех местах, где их размещают, королева Пруссии приказала вынести мебель из дома и увезти самые хрупкие вещи». Приветствуя дочь хозяина, которой в то время было восемь лет, царь схватил ее в охапку и смачно поцеловал в обе щеки. Она нашла его «очень большим и довольно статным», но «с лицом таким грубым, что становилось страшно». Что касается Екатерины, мемуаристка увидела в ней человека достаточно некрасивого, плохо одетого и плохо воспитанного. «Царица, – писала она, – была маленькой и коренастой, очень загорелой и не имела ни внешности, ни грации. Было достаточно одного взгляда на нее, чтобы догадаться о ее низком происхождении. В своем смешном наряде она вполне подошла бы для игры в немецких комедиях. Ее наряды были куплены на толкучке; они были старомодны, грязны и украшены слишком большим количеством серебра. С дюжину орденов и столько же портретов святых и разного рода реликвий было нашито на ее одежду, так что, когда она шла, можно было подумать, что ведут мула». Барон де Пёльниц вспоминал, что в Екатерине, с лицом, намазанным белилами и румянами, и коренастой фигурой, на которой топорщилось безвкусное платье, не было ничего соблазнительного. Между тем, писал он, «в ее манерах не было ничего неприятного, и можно было с натяжкой назвать их хорошими, если вспомнить о происхождении этой принцессы. Конечно, если бы рядом с ней был знающий человек, она бы сформировалась, имея большое желание соответствовать; но рядом с ней не было никого, кроме подобных ей дам. Ходили слухи, что царь, человек необычный во всем, находил удовольствие, выбрав таких, чтобы уязвить остальных, более благородных дам своего двора». И де Байрет язвительно замечает: «Она (Екатерина) прибыла с четырьмястами так называемыми дамами своей свиты. Среди них были в основном немецкие служанки, которые выполняли роль дам, горничных, кухарок и прачек. Почти каждое из этих созданий имело на руках богато одетого ребенка, и, когда женщин спрашивали, их ли это дети, они отвечали, отвешивая низкие поклоны по-русски: „Царь оказал честь, сделав мне этого ребенка“».

Царь вместе со своим сопровождением посетил Кабинет

медалей и античных скульптур в Берлине, которым очень гордился король. Петр восторгался скульптурой, представляющей «языческое божество в очень неприличной позе». Полушутя, он потребовал, чтобы Екатерина при всех обняла непристойную статую. Она хотела отказаться от этого, но он рассердился и коротко отрезал по-немецки: «Kopf ab», что в переводе означало: «Я прикажу отрубить вам голову, если вы ослушаетесь меня». Царица так испугалась, что сделала все, как ей велели. Затем с обычной бесцеремонностью Петр попросил подарить ему этот редчайший экспонат. Без охоты Фридрих-Гийом удовлетворил желание своего гостя. Ободренный Петр попросил, чтобы ему разрешили увезти «кабинет, в котором вся отделка была из янтаря». И его тоже король подарил Петру, хотя эта меблировка стоила очень дорого.

Во время своего краткого пребывания в Берлине Петр и его компаньоны проявляли полное презрение к обычаям хозяев, афишировали несдержанность и устраивали полный беспорядок там, где проживали. «Этот варварский двор наконец через два дня уехал, – писала госпожа де Байрет в своих „Мемуарах“. – Королева вернулась в „Мои Бижу“. Там царило иерусалимское опустошение; я никогда ничего подобного не видела; все было практически порушено, так что королеве пришлось почти заново отстраивать весь дом».

9 октября 1717 года Петр снова вернулся в Санкт-Петербург, в свой дорогой «парадиз». Он не сожалел о своем долгом отсутствии. В свете того, что увидел у других, он еще лучше понял, что ему осталось доделать, чтобы превратить свою столицу в настоящий европейский город. В его мечтах было объединить в союз западные знания и русскую душу. Наступит наконец тот день, когда Россия, сохраняя свою самобытность, достигнет технических возможностей своих соседей. И пусть необходимо будет преодолеть препятствия, прежде чем она превратится в славянского гегемона всего мира! Ретроградный дух отравлял нацию. Петр должен был его побороть, начав со своей собственной семьи. И приступил к этому со следующего дня после своего возвращения из путешествия. Вместо того чтобы помогать царю в этом, его сын Алексей стал из-за своего безрассудного поведения одной из главных причин его возвращения.

Глава XI
Царевич Алексей

Алексей рос хилым ребенком в тени своей матери, нежной, набожной и суеверной Евдокии. Запуганная мужем, она растила сына в атмосфере молитв и слез. Около нее он научился слепо почитать Церковь и опасаться реформ, которые переворачивали старый порядок вещей, установленный Богом. Его воспитателем был педантичный и невежественный князь Никифор Вяземский. В 1699 году, после стрелецкой казни, царевич был в одночасье лишен материнской защиты. По причинам, которые ему были непонятны, отец заточил его мать в Суздальский монастырь. В девять лет, порученный заботам своей тетки Натальи, он испытал странное чувство сиротства, несмотря на то что его оба родителя были живы. Желая привить будущему наследнику престола стремление к прогрессу и любовь к Европе, Петр мечтал о дне, когда отправит его за границу: или в Дрезден, или в Париж, или в Вену, где, как он был уверен, Алексей будет представлен ко двору «как сын». Затем он передумал и, оставив Алексея в Санкт-Петербурге, дал ему в гувернеры немецкого барона Гюйсена. Будучи энергичным и культурным человеком, Гюйсен приступил к своим обязанностям серьезно и составил программу, предполагающую, кроме чтения по утрам и вечерам двух глав из Евангелия, ускоренное изучение французского и немецкого языков, математики, верховой езды, а также военных наук: построение оборонительных укреплений и военных маневров… За этим всеведущим воспитателем следил незаменимый Меншиков, которому был поручен надзор за воспитанием и образованием царевича. К сожалению, вскоре Гюйсен был отправлен царем с важной дипломатической миссией за границу, и за спиной ребенка снова появился князь Вяземский. Воспитание царевича стало хаотичным. Он был снова отправлен в Москву. Меншиков навещал его все реже и реже и, добиваясь его успехов в учении, ограничивался тем, что таскал царевича за уши и за волосы. Монахи и священники окружали юношу. О своем духовнике, протопопе Якове Игнатьеве, Алексей говорил, что всегда видел в нем своего ангела-хранителя и советовался с ним во всех делах. Но еще большее влияние, чем этот властный духовник, оказывал на Алексея бывший вельможа Петра, Александр Кикин, человек живой, упрямый и развратный, который критиковал перед царевичем все инициативы его отца. Под влиянием своего окружения в царевиче странным образом сочетались поклонение

лени, пристрастие к спиртному, почтение к прошлому и отвращение, которое внушал ему отец. Одно только появление царя заставляло стынуть кровь в жилах этого бесхарактерного мальчика. Когда отец обнимал его, он чувствовал с отвращением только дурной запах табака, тела и пота, которым была пропитана одежда государя. Он становился скрытным, лицемерным, то добрым, то злобным, грубым и трусливым. Жизнь пугала его, и он искал убежища своим тревогам в Евангелии, старые славянские буквы которого приводили его в восхищение.

Чтобы приучить своего отпрыска к армейской жизни, Петр взял его в войско простым бомбардиром в четырнадцать лет. В 1703 году Алексей присутствовал, несмотря на опасность, при взятии Ниеншанца. На следующий год после победы в Нарве царь торжественно объявил ему в присутствии многочисленных офицеров: «Если я тебя взял с собой в эту кампанию, то для того, чтобы ты видел, что я не боюсь ни работы, ни опасности. Но, так как я смертный человек, меня может не стать даже завтра, и я хочу, чтобы ты знал, что я не получу удовлетворения от жизни, если ты не последуешь моему примеру. Ты уже в твоем возрасте должен любить все, что служит интересам и чести родины… Посвяти свою жизнь работе на общее благо… Если мои советы разнесет ветер и ты не захочешь делать того, что я желаю, я не признаю тебя своим сыном; я буду молить Бога, чтобы он наказал тебя и в сей и в будущей жизни». Железный взгляд пробуравил несчастного царевича, который, прослезившись, упал на колени и воскликнул: «Государь и любимый батюшка! Я еще очень молод и делаю то, что могу. Но я уверяю вас, как покорный сын, что я буду стараться походить на вас во всем».

В действительности же за этим обещанием скрывался глухой протест и глубокое отвращение. Даже по своей природе Алексей был полной противоположностью Петру. В его жилах текла кровь слабой и набожной Евдокии, а не того деспота, который хотел из него сделать свое подобие. Петр славился геркулесовой силой, а Алексей был тщедушным молодым человеком, подверженным галлюцинациям. Первый любил войну, а второй ее ненавидел; первый пренебрегал церковью, а второй лучшим отдыхом считал посещение священников; первый зачитывался научными книжками, второй смотрел на мир через призму священных текстов; царь хотел вырвать Россию из ее векового сна, его сын чтил старые московские обычаи; первый готов был пожертвовать всем, чтобы двигаться вперед, второй упрямо смотрел назад. Однако и первый и второй имели склонность к разврату, но этого недостаточно было для того, чтобы между ними создалась общность. К тому же Алексей не мог простить своего отца за то,

что с детства был разлучен с любимой матерью. В начале 1707 года он втайне посещал Суздальский монастырь, где в заточении содержалась его мать. Предупрежденный об этом своеволии сына, Петр подозревает заговор, вызывает сына и оглушает его проклятиями и угрозами. Как обычно, Алексей сгорбился, бормоча извинения, и обещал больше так не делать. Но с каждым очередным взрывом он все больше отдалялся от отца, которым восхищался и которого ненавидел одновременно. Скоро дом царевича в Москве стал прибежищем для всех недовольных режимом. Там собирались те, кто разделял любовь к старым временам, шептались о безумии государя, который хотел вырвать все корни, предсказывали, что Санкт-Петербург сгинет в болотах. В попытках приобщить своего сына к государственным делам Петр назначил его в 1708 году, когда Алексею исполнилось восемнадцать лет, губернатором Москвы, приказав следить за укреплениями Кремля, набором рекрутов, снабжением продовольственными запасами и взиманием налогов. Эти административные хлопоты наводили скуку на молодого человека, который сметал со стола регистрационные и бухгалтерские книги, учебники по пиротехнике и артиллерии, чтобы погрузиться в жизнеописания святых и произведения Фомы Аквинского. Петр узнал об этом и пришел в ярость. Перед отцовским гневом Алексей искал опору в лице новой фаворитки отца, которая заняла место его матери и которую при дворе называли Екатериной Алексеевной. «Пожалуйста, постарайтесь узнать, почему мой отец, государь, так гневается на меня; он пишет, что я забросил свои дела, что я шатаюсь в праздности; это повергает меня в замешательство и грусть», – писал он ей. Вне всякого сомнения, Екатерина быстро заступилась за него, потому что восемь дней спустя Алексей пишет ей, чтобы выразить свою благодарность: «Екатерина Алексеевна, я от всего сердца благодарю вас за это проявление великодушия и мягкости ко мне и прошу вас и впредь не оставлять меня в будущем в подобных случаях». В следующем, 1709 году, везя подкрепление, затребованное царем, Алексей простудился и не мог присутствовать по правую руку от своего отца в празднование победы в Полтавской битве. Петра раздражало, что его наследник настолько хил. «Если у мальчика нет силы, дадим ему ума», – подумал он и решил отправить царевича в Германию, в Дрезден, чтобы завершить его образование. «Я вам приказываю, – сухо писал царь сыну, – во время вашего пребывания там (в Дрездене) вести себя достойно и серьезно заняться вашим образованием, главным образом иностранными языками, о которых у вас уже есть некоторое понятие (немецким и французским). Посвятите

также ваше время геометрии и фортификационной науке, а также политическим делам. Напиши мне, когда закончишь с геометрией и фортификацией. И на том, с Богом…»

Однако Алексей все медлил с отъездом. Он чувствовал себя счастливым только в Москве, в этом святом городе, где так много церквей, где все дома, как ему казалось, походили на храмы. Наконец в марте 1710 года он отправился в дорогу. Это путешествие, которого он так опасался, имело тем не менее некоторую пользу: расстояние между ним и отцом увеличивалось. Приехав в Дрезден, он волновался, что будет находиться среди еретиков без духовного наставника рядом, и писал Якову Игнатьеву, прося его втайне прислать для спасения души, священника, который, возможно, сбреет бороду и переоденется в лакейское платье. Он переписывался также с матерью, дедом и своими друзьями в Москве, но украдкой, окольными путями, «по причине, – как он писал, – многочисленных шпионов». В отличие от своего отца за границей его привлекали ни арсеналы, доки и заводы, но религиозные книги. Он обратился к ученому богослову Гейнекциусу с просьбой написать для него катехизис по учению православной церкви и делал выписки из церковно-исторического труда Бароний «Annales ecclesiastici».

Ежедневные чтения религиозных книг и набожность не мешали Алексею бегать за женщинами и напиваться до беспамятства. В качестве компаньонов с ним были посланы два юноши из известных семей: Иван Головкин и Юрий Трубецкой. Эти попойки были так привычны и считались обычным делом в русском обществе того времени, что Алексей хвастался своему духовнику, Якову Игнатьеву: «Сообщаем Вам, Ваше Святейшество, что мы праздновали здесь поминовение святого мученика Евстахия духовными экзерсисами, отстояли вечерню, утреню и литургию. После чего решили порадовать душу и тело, выпив за ваше здоровье; и даже на это письмо мы пролили вино, чтобы вы после получения нашего письма смогли долго жить и крепко пить, вспоминая о нас. Пусть Бог соединит нас скорее! Все православные, которые здесь с нами подписываются под этими строками. Грешник Алексей и священник Иван Слонский подтверждают эти подписи, и мы пьем за ваше здоровье не по-немецки, а по-русски. Все выпивают свои кружки за ваше здоровье! Простите, если вам тяжело читать наше письмо, но на самом деле мы написали все это, будучи пьяны».[68]

Но все когда-нибудь кончается. Внезапно Петру пришло в голову женить своего сына. Ему в невесты выбрали Шарлотту Кристину Бруншвейг-Вольфенбюттель, старшая сестра которой вышла замуж за будущего императора Карла VI. Алексей был

подавлен. Принцесса, которой исполнилось шестнадцать лет, была очень высокой, болезненно худой, со следами оспы на лице. Он, кстати, тоже не красавец, с узким лицом, заостренным подбородком и уклончивым взглядом. Но даже с такой внешностью он легко обладал многими аппетитными женщинами. Один вид этой плоской немки приводил его в уныние, к тому же она была лютеранкой. Как ему, ярому защитнику православной веры, удовлетвориться еретичкой? Дотронувшись до нее, он будет проклят. Очень слабо протестуя против воли отца, Алексей старался протянуть время и просил возможности посмотреть других принцесс. Старый герцог Антуан-Ульрих пишет в августе 1710 года: «Супруга посла России в Дрездене, госпожа Матвеева, сказала, что царевич никогда не согласится жениться на немецкой принцессе. Я не сомневаюсь в намерениях царя. Но может ли он подтолкнуть сына к этому браку и что ждет принцессу, если царевич женится на ней против воли? Все ее жалеют».

В феврале 1711 года, опережая своего сына, царь женится, чтобы легализовать свою последнюю связь с Екатериной. Эта формальность казалась ему настолько незначительной, что он пренебрег пригласить на церемонию царевича. Озабоченный стремлением заручиться дружбой своей мачехи, Алексей ей пишет 7 мая 1711 года: «Государыня, я узнал, что государь, мой отец, соблаговолил признать Вашу милость своей супругой. С чем я Вас и поздравляю и прошу Вас, всегда почитая вашу благосклонность, и в будущем ее выражать. Я не решаюсь поздравить государя, моего отца, до получения от него новостей».

После ужасного сражения под Прутом, во время которого царь и царица едва избежали участи пленников, Петр отправился в Карлсбад на лечение.

14 октября 1711 года, в Торгау, на Эльбе, он присутствовал на свадьбе своего сына. Церемония проходила во дворце королевы Польши, Электрисы Сакской, крестной матери невесты. В большой зале, у алтаря был натянут балдахин из красного бархата. Пол устелен зеленым ковром. На стенах трепетало пламя свечей в канделябрах. Все окна были закрыты. Оркестр заиграл торжественную мелодию, когда царь приблизился, ведя царевича; за ним появилась невеста, которую вел под руку ее отец. По заключенному несколькими месяцами раньше соглашению Шарлотте позволялось сохранить лютеранское вероисповедание, но дети, рожденные у этой пары, должны будут стать православными. Священник вел богослужение по-русски и обращался время от времени на латыни к молодой девушке. Петр украдкой наблюдал за той, которая становилась его невесткой и

которая, быть может, подарит ему наследников. Некрасивая, плоская, но с очаровательными глазами, она плакала, когда шафер Головкин держал тяжелый венец над ее головой. Искупительная жертва рядом с этим дурачком Алексеем, который, впрочем, тоже не выглядел радостным. На венчании, казалось, только оба отца выглядели удовлетворенными, как люди, провернувшие удачное дело за спинами своих детей. «Как досадно, что князя-папы здесь нет!» – подумал Петр. И в тот же день по окончании брачной церемонии написал Екатерине: «Я прошу вас сообщить об этом событии шутовскому князю-папе и приказать ему благословить молодых супругов после того, как он облачится в свои торжественные одежды».[69]

После торжественного обеда и бала Петр проводил новобрачных до их апартаментов и уложил спать. На следующий день, с первыми часами, он вновь зашел к ним в спальню и начал там завтракать со своими министрами. С ножом в руке он разглядывал с видом знатока лица двух «голубков», выпорхнувших из постели. Затем, чтобы лишить эту пару последних шансов на успешное начало совместной жизни, Петр отправил царевича в Померанию, где тот должен был подготовиться к участию в военных действиях. В следующие месяцы Алексей, подчиняясь отцовским приказам, находился почти все время в пути. Шарлотта во время его отсутствия влачила жалкое существование в Торне, Элбинге и Мариенбурге, городах, наполовину разрушенных войной. Когда ее муж вернулся к ней, он думал только о том, как поскорее напиться и посмеяться над ее тревогами и ласками. «Нет сомнения, что этот мир полон грусти и что судьба мне уготовила еще большие страдания в будущем, – писала она своим родителям. – Меня охватывает ужас, когда я осознаю, что меня ждет, и мое огорчение исходит от человека слишком дорогого, на которого не позволено жаловаться».

Пансион, обещанный царем, выплачивался не регулярно, и молодая семья часто оказывалась без денег. С 1712 года Шарлотта, оставшись без средств, обратилась к Меншикову, который ей выдал пять тысяч рублей из фонда, предусмотренного на обмундирование одного полка. В том же году она писала матери: «Я вышла замуж за человека, который меня никогда не любил и который любит меня сейчас еще меньше, чем раньше… Мое положение ужасно…» Затем она передумала: царевич вернулся и проявлял к ней самые нежные чувства. «Он любит меня страстно, – решает она, – и я люблю его неистово». Но это длилось недолго. Немного времени спустя в другом письме она признается, что старалась закрыть глаза на некоторые стороны

характера своего мужа, но сейчас маска спала. Разочарованная, она спасалась у своих родителей в Вольфенбюттеле, где проводила зимние месяцы. Весной 1713 года Петр лично приехал забрать ее, чтобы отправить в Санкт-Петербург. Ее очень хорошо приняла Екатерина. Но Алексей воспринимал Шарлотту как марионетку. Она подходила только для того, чтобы прислуживать друзьям своего мужа во время больших и бесконечных застолий. Число сторонников Алексея увеличивалось с каждым днем. И настало время поговорить о них. Всем было известно, что царевич был враждебно настроен к реформам Петра, что его против воли женили на лютеранке и что всем своим существом он привязан к православной Церкви. Сам того не желая и даже не обращая специально внимания, он собрал вокруг себя недовольных режимом. Духовенство смотрело на него с симпатией; представители древних родов, таких, как Долгорукие и Голицыны, полагались на него; простолюдины поклонялись ему как спасителю, появление которого предсказывали священные книги. Однако своими пирушками в кругу недостойных приятелей он давал повод для неудовольствия своей супруги. Так, он однажды спьяну воскликнул: «Когда то, что должно произойти, произойдет, друзья моего отца и моей мачехи узнают, что такое кол… Флотилия сгорит, а Санкт-Петербург погрузится в болота».

Тем не менее он остерегался открыто выступать против царя. Когда отец попросил начертить в его присутствии планы, чтобы понять, чему сын выучился за границей, Алексей так испугался отцовского гнева, что спрятался в своей спальне и хотел прострелить себе из пистолета правую руку. Пуля не достигла цели, но горячим порохом ему обожгло щеку. Так он освободил себя от ненавистного экзамена. Петр уничтожающе посмотрел на него, а царевич чуть не потерял сознание от стыда и от боли под его немым вопросом. После этих ужасов ничто не могло быть лучше хорошей попойки. «Царевич, – писал Плейер, резидент императора, – не вынес из Германии ни обычаев, ни германского духа. Он почти все свое время проводил с московскими попами и развратными людьми; кроме того, он предавался пьянству».

Этого пьяницу даже не взволновало известие о том, что его супруга ждет от него ребенка. За несколько недель до предполагаемого срока родов он отправился на лечение в Карлсбад. Петр и Екатерина находились в то время в Финляндии. По указу царя немецкое окружение Шарлотты было удалено из ее спальни. Три русские повитухи ухаживали за ней днем и ночью, чтобы не допустить подмены ребенка. Она возмущалась в письме к свекру: «Мне кажется, что мое поведение не дает повода никакому злословию… Бог – моя единственная надежда за

границей. И так как я здесь всеми покинута, Он услышит мои мольбы и облегчит мои страдания… Акушерке, которую я привезла с собой, я полностью доверяла, и она справилась бы со своей задачей. Однако, находясь в полной зависимости от Вашего Величества, я не могу противиться тому, чтобы другая акушерка занялась мной. Но мои глаза полны слез и сердце обливается кровью». И еще своей матери: «Я несчастная жертва нашего Дома, которая принесена в обмен на небольшую выгоду, а я умираю мучительной смертью из-за горя».

12 июля 1714 года Шарлотта родила девочку, Наталью.[70] Алексей не посчитал необходимым вернуться в Россию в это время. Он не появится в Санкт-Петербурге до конца декабря. Нисколько не расчувствовавшись перед этой женщиной, которая подарила ему ребенка, он глубоко оскорбил ее, приведя под супружескую крышу свою новую любовницу – Евфросинью, служанку, принадлежавшую раньше его бывшему воспитателю Никифору Вяземскому. По свидетельствам современников, Евфросинья была страшной, маленькой, рыжей, коренастой, с толстыми губами и манерами неряхи. Безграмотная пьяница, она с удовольствием заменила царевичу его законную жену. С Евфросиньей он развлекался, грубо удовлетворяя свою похоть. С Шарлоттой он постоянно оказывался несостоятельным. Осмеянная Шарлотта мужественно терпела присутствие в доме надменной соперницы. «Только стены видят ее слезы», – писал посланник из Ганновера. Она не решалась даже противиться мужу, когда он к ней возвращался. И вот новая беременность. Незадолго до родов она упала с лестницы и жаловалась на резкие боли в боку. Некоторые утверждали, что это Алексей ее побил. Даже уточняли, что он бил ее по животу ногами. Врач сделал ей кровопускание, после которого, по ее словам, ей стало лучше. 12 октября 1715 года она родила сына, Петра. Вскоре после этого ужасные боли усилились. Шесть докторов, собравшись у ее изголовья, грустно качали головами: надежды нет! Шарлотта чувствовала себя обреченной и готовилась к смерти как к избавлению. В порыве милосердия она беспокоилась, что последствия ее ухода могут сказаться на отношениях между ее семьей и семьей ее мужа. Никакой ценой она не хотела быть поводом для раздора. Улучив момент просветления, она продиктовала письмо своей матери и сестре: «При моей жизни распространялись клеветнические слухи обо мне. Найдутся люди, которые после моей смерти будут говорить, что причиной моей болезни стало горе и печаль, а не опасные повреждения в моем организме. Чтобы опровергнуть это злословие, скажите от меня моей семье, что я всегда была довольна моей судьбой и гордилась

привязанностью Их Величеств. Царь не только выполнял все условия моего контракта, но и проявлял всегда благосклонность по отношению ко мне, и я выражаю ему еще раз мою признательность…» Перечитав письмо, Шарлотта сказала: «Теперь у меня больше ничего не осталось на сердце. Я покидаю этот суетный мир, и все мои мысли обращены к Богу». Царь, который целую неделю мучился от жестоких колик, вышел из спальни, чтобы последний раз посмотреть на свою невестку. Она умоляла царя разрешить передать своих детей на воспитание ее подруге, принцессе Ост-Фризе. Затем попрощалась с окружающими и испросила у всех прощения. Самым безутешным был тот, кто больше всех заставил ее страдать: ее супруг. Искренние или притворные угрызения совести мучили его? Он рыдал, заламывал руки и трижды падал в обморок перед постелью умирающей. Она умерла в ночь на 22 октября 1715 года в возрасте двадцати одного года.[71]

На следующий день, 23 октября, Петр распорядился произвести вскрытие трупа своей невестки. Всегда проявляя интерес к вскрытию и изучению трупов, он лично присутствовал на операции. Картина обнаженных внутренностей удовлетворила и его научный ум, и его неумеренное пристрастие к мертвым. В тот же день, когда он склонялся над анатомически разделанным трупом молодой женщины, он принял участие в церемонии крещения рожденного ею ребенка. Маленький Петр принял свое первое в жизни причастие в двух шагах от рассеченного тела своей матери. Это соседство вовсе не смущало царя. Похороны, которые проходили 27 октября, были грандиозны. Петр и Алексей были в трауре. Екатерины не было в кортеже. Будучи на девятом месяце беременности, она сама должна была вот-вот родить.

Вернувшись к себе после похоронных церемоний, Алексей получил от отца письмо, датированное 11 октября 1715 года, накануне дня рождения маленького Петра. Очевидно, это длинное письмо было написано гораздо позже, а дата в письме была намеренно изменена. Ссылаясь на успехи в войне против Швеции, царь сокрушался, что его сын совершенно не интересовался военной наукой. «Ты вынуждаешь, подобно птенцу, кормить тебя из клюва. Ты киваешь на свое слабое здоровье, которое мешает тебе выносить тяготы военного дела. И это не является оправданием, потому что я не прошу тебя браться за работу, но проявлять интерес к вещам, чего твоя болезнь никак не может тебе помешать сделать… Посмотри на короля Франции: он мало участвует в войне, но какую страсть к ней питает!.. Я представляю себе твои дурные наклонности и твое упрямство. Сколько раз из-за этого я делал тебе замечания, и не только

замечаниями ограничивался, но и побоями? В течение скольких лет (посчитай!) я все время говорю тебе об этом? Ничего не сделано; все напрасно; ты не хочешь ничего делать. Ты думаешь только о развлечениях в своем доме, в то время как вокруг все идет вкривь и вкось. Только безумец радуется в беде, не представляя, что будет дальше… Размышляя об этом с грустью и безнадежностью, я за благо изобрел сей последний тестамент тебе написать и подождать еще немного, что ты изменишься, но **без лицемерия**. Если ты ничего не сделаешь, я поступлю с тобой как с пораженным гангреной органом, и не мни себе, что ты один у меня сын и что мои угрозы пустые. Воистину – и Бог мне свидетель – я сделаю, как сказал. Я за мое отечество и мой народ живота своего не жалел и не жалею, то как могу тебя, непотребного, пожалеть? Лучше будь чужой добрый, чем свой непотребный».

После траура – лишение права наследства. В полной растерянности Алексей обращается к своим постоянным советчикам: Кикину, Вяземскому и Долгорукому. Все ему советуют отказаться от престола под предлогом слабого здоровья. Одно важное событие укрепляет их в этом мнении. 29 октября, через день после похорон Шарлотты, Екатерина родила мальчика. По решению Его Величества малыша назвали Петром, как и сына Алексея. Было очевидно, что царь отдаст предпочтение в преемственности престола сыну законной царицы, Екатерины. Тогда будет лучше, думал Алексей, добровольно отказаться от престолонаследия. 31 октября он написал своему отцу: «Милостивый государь и батюшка, я прочел письмо, которое мне доставили от твоего имени 27 числа настоящего месяца 1715, в день погребения моей жены. Я не мог ответить на него по-другому, если же по причине моей неспособности вы пожелаете меня отлучить от российского трона, я желал бы, чтобы вы сделали согласно вашей воле. Я же, Ваше Величество, смиренно прошу вас, считая себя неподходящим и неспособным для этого большого дела, тем более что я совершенно лишен памяти (а без памяти ничего нельзя сделать), ослаблен духом и телом (вследствие разных болезней), и неумелым правителем страны, которой нужен менее гнилой человек, нежели я. Поэтому преемником России (пусть Бог даст Вам долгие годы жизни!), даже если бы у меня не было брата (а он у меня теперь есть, слава Богу, и дай Бог ему доброго здоровья!), я не претендую быть и не буду претендовать и в будущем. Призываю Бога в свидетели моей души. Чтобы подтвердить искренность моих намерений, я пишу это письмо собственноручно. Я поручаю моих детей вашей милости и не прошу для себя ничего, кроме пансиона до конца

моих дней, оставляя все на ваш суд и вашу милость, остаюсь вашим покорным рабом и сыном – Алексей».

Опьяненный от гордости, что в сорок три года у него родился второй сын, который его утешит в отличие от первого, Петр праздновал это рождение артиллерийскими залпами, застольем и иллюминацией. Но, как всегда, он смешивал фарс и торжественность. Во время застолья, которое последовало за крестинами, официанты внесли и поставили на стол перед мужчинами огромный пирог с коркой. Из-под крышки этого блюда внезапно под общий взрыв смеха выскочила совершенно голая карлица. Она получила подарок, выпила за здоровье компании и удалилась. Подобное блюдо было поставлено и перед женщинами. На этот раз вместо карлицы из него выскочил такой же голый карлик, который предстал перед глазами гостей. Петру необычайно понравилась эта выдумка. Во время этого пира он слишком много съел и выпил. В результате он заболел и слег. Его состояние ухудшалось, и 2 декабря он пожелал собороваться. Обеспокоенные министры и сенаторы ночевали в соседней с ним комнате. Алексей рискнул один раз подойти к изголовью постели отца. После этого визита он вышел удрученный. Действительно ли это был конец? Мог ли он на это надеяться? И что станет с ним после смерти царя? Кикин вывел его из заблуждения: «Твой отец не так сильно болен. Он исповедуется и специально внушает своему окружению, что тяжело болен. Но это розыгрыш».

На самом деле Петр поправился. На Новый год он появился перед своими придворными. И 19 января 1716-го ответил своему сыну «последним напоминанием». В этом высокопарном послании он укорял Алексея в том, что тот в своем ответе не упомянул о своей лени и неспособности к делу, царь напоминает ему слова царя Давида «Все люди – ложь» и делает выводы: «Ты хотя бы когда-то хоть малую помощь оказал мне в делах моих и трудах невыносимых? Эх! Никогда! Каждый знает, что ты ненавидишь дела мои, которые я для народа своего, не жалея здоровья, делаю. И в конце концов разорителем дел моих будешь. Невозможно так далее оставаться, как желаешь быть, ни рыбою, ни мясом. Или измени свой нрав и стань достойным наследником моим, или уйди в монахи. Ибо без сего дух мой спокоен быть не может, а особенно сейчас, когда здоровьем слабею. На что, по получении сего, дай немедленно ответ, письмом или мне на словах. А ослушаешься меня, то я с тобой, как со злодеем, поступлю».

Холодный и мрачный монастырь, медленная смерть в забвении, неизбежная разлука с Евфросиньей! От этих мыслей у Алексея пробегал мороз по коже. По сложившейся привычке он решил посоветоваться с друзьями. Кикин его утешал: «Ведь

клобук не прибит к голове гвоздем, можно его и снять!» Пусть царевич пока отсидится в каком-нибудь монастыре. Настанет и его время. Приняв решение, Алексей написал отцу: «Милостивый государь батюшка, я получил ваше письмо 19 числа утром. Будучи больным, я долго не мог ответить. Я желаю монашеского чина и прошу о сем милостивого позволения. Ваш раб и недостойный сын – Алексей». Чтобы позднее не иметь возможности утверждать, что он был брошен в монастырь во искупление каких-то ошибок, он нашел в Санкт-Петербурге протопопа отца Григория и рассказал ему, что вынужден силой и по принуждению идти на этот шаг. Священник успокоил его: «Когда наступит время, я дам тебе знать». Кроме того, Алексей из предосторожности передал своей любовнице Евфросинье два письма – для Кикина и отца Якова Игнатьева, информируя их, что его вынуждают идти в монастырь.

В это время Петр собирался в Голландию. Перед отъездом зашел в комнату сына, который сетовал на слабое здоровье, и спросил, не изменил ли тот своего намерения постричься в монахи. И после утвердительного ответа Алексея, подтвердившего, что это его самое заветное желание, вздохнув, сказал сыну: «Это не просто для молодого человека. Одумайся, не спеши. Затем напиши мне, что ты решишь… Подожду еще полгода».

Привыкший всех судить по себе, царь не хотел верить, что его собственный сын искренне может иметь такое желание. Он дал ему последний шанс опомниться. Эта неожиданная отсрочка позволила Алексею, который в отсутствие отца вернулся к своим любовным похождениям и оргиям, прервать назидательные чтения. Скончавшаяся молодая супруга вскоре была забыта. Евфросинья заменила Шарлотту в его доме. Эти полгода стали для царевича и его любовницы праздником беззаботности и вседозволенности. Казалось, царь никогда не вернется из своего путешествия. Неожиданное письмо Петра, датированное 26 августа 1716 года из Копенгагена, отрезвило Алексея как ушат холодной воды. «Я ждал полгода твоего решения, и до сего дня ты ничего не написал мне по этому поводу. Однако у тебя было время подумать. По получении этого письма принимай, не медля, решение. Если ты примешь хорошее решение, то я жду тебя здесь, в Копенгагене, через неделю, потому что ты можешь еще быть задействован в моих делах. Если же ты примешь другое решение, напиши мне, в какой день и в какой монастырь идешь, чтобы моя совесть была спокойна и чтобы я знал, чего могу от тебя ожидать… Я считаю, что с этим пора заканчивать, потому что сдается мне, что ты только тянешь время, следуя твоей обычной

лени».

И снова Алексей решил посоветоваться со своим окружением. Некоторые из его близких считали, что царь уже выбрал монастырь в Твери, куда хотел заточить сына, и что там ему уже готова келья, намного хуже, чем те, в которых размещали самых страшных преступников в государственных тюрьмах. Послушав их, царевич встретился с Меншиковым и сказал ему о своем желании приехать к отцу. Конечно же, он собирался взять с собой Евфросинью. Но для путешествия ему нужны были деньги. Меншиков дал ему тысячу дукатов, а Сенат, перед которым он сделал такое же заявление, выдал ему две тысячи рублей. Царевич покинул Санкт-Петербург 26 сентября 1716 года со своей любовницей, ее братом по имени Иван Федоров и тремя слугами. Перед отъездом он поделился со своим дворецким Афанасьевым тайными планами: он не поедет к своему отцу в Копенгаген, но будет искать защиты в Вене, у своего деверя, ставшего императором Карлом VI, или в Риме, у самого папы. Несколько месяцев назад Кикин уехал за границу, чтобы подготовить почву. Новости, которые он прислал из Вены, обнадеживали: все готово к встрече царевича.

В Риге Алексей позаимствовал еще пять тысяч дукатов у одного из военных чинов. По дороге, в Либаве, он встретил свою тетку Марию Алексеевну, которая возвращалась из Карлсбада. Она спросила его: «Куда ты едешь?» – «Я еду к отцу», – ответил царевич. «Это хорошо, – сказала она. – Надо всегда слушаться отца, на то воля Божья! Какую выгоду ты бы имел, если бы стал монахом?» – «Я уже и не знаю, – застонал он. – Я потерял голову от печали. Я был бы счастлив где-нибудь скрыться!» – «Где ты хочешь спрятаться от отца? – воскликнула она. – Везде он тебя найдет!» Алексей разразился рыданиями и признался, что он возлагает большие надежды на снисходительность Екатерины. «Почему ты так рассчитываешь на нее? – сказала Мария Алексеевна. – Она не твоя мать. И у нее нет никаких причин желать тебе добра».

Смутившись, Алексей задавался вопросом, не лучше ли будет отказаться от плана побега. Но в Либаве он встретил Кикина, который в трех словах подбодрил его: «Поезжай в Вену, к императору, – сказал он. – Там тебя не выдадут… Судя по докладу вице-канцлера Щёнборна, император сказал, что примет тебя как сына. И по крайней мере будет давать тебе около трех тысяч гульденов в месяц». Приободренный, царевич продолжил путь вместе с Евфросиньей.

Тем временем Петр, не дождавшись приезда сына, стал подозревать его в обмане. Рассвирепев, он отправляет на его

поиски своих лучших ищеек: Веселовского, резидента царя в Вене, Румянцева и Толстого. Его эмиссары едут за границу, ищут по дорогам, проверяют регистрационные книги на постоялых дворах. Они полны надежды. «Мы напали на след, – писали они, – и собираемся схватить зверя». Но облава не дала результатов.

29 октября 1716 года царевич добрался до Франкфурта и записал себя в официальном регистре под именем подполковника Кохановского, путешествующего с супругой и слугами. Хозяин гостиницы отметил, что у постояльца «были небольшие черные усики, на французский манер», а его жена «маленького роста». В Бреслау, Нейссе, Праге преследователи бросались по следам беглецов, но всегда опаздывали за ними, и их не удавалось схватить. Веселовский так долго находился в седле, что его замучили геморрои. Но, даже дрожа от лихорадки, он не отказался от преследования царевича. Наконец Алексей приехал в Вену. В гостинице «Черное крыло» он выдал себя за поляка Кременетцкого и первым делом купил мужское платье «цвета кофе» для Евфросиньи. И она сразу же переоделась, чтобы избежать подозрений.

На следующий день, 10 ноября 1716 года, около десяти часов вечера, вице-канцлер Щёнборн уже готовился ложиться спать, когда дежурный офицер доложил ему о прибытии визитера, плохо говорящего по-немецки и настаивающего на встрече с ним. После некоторых колебаний Щёнборн оделся в домашнее платье и разрешил открыть дверь. На пороге стоял брат Евфросиньи, Иван Федоров. «Монсеньор, – воскликнул он, – царевич внизу, на площади, и хочет вас видеть!» Поставленный в тупик, Щёнборн спросил прежде, не дурная ли это шутка, затем, подсчитав все риски, приказал привести наследника русского трона. Он увидел входящего поникшего человека, с безумным взглядом и нервическими жестами. Ходя взад-вперед по комнате, Алексей жаловался на свои страхи, заикался, плакал, просил пить, выпил залпом стакан мозельского вина и, икая, продолжил свою речь. «Император, – сказал он, – должен спасти мне жизнь и гарантировать мои права и права моих детей на русский трон. Отец хочет лишить меня короны и жизни. Я признаю, что я слабый человек. Но в этом виноват Меншиков, который меня таким воспитал. Меня приучили к пьянству, разрушив мое здоровье. А сейчас отец говорит, что я не способен ни заниматься войной, ни управлять страной. Но у меня достаточно разума, чтобы царствовать… Меня хотят насильно постричь в монахи и запереть в монастыре… Я не хочу быть монахом… Для меня все кончено, и я не могу вернуться туда, тем более что царица родила сына. Она и Меншиков упорно настраивают отца против меня…

Моего отца окружают злые люди. И сам он жестокий и кровожадный человек. Он считает, что, как Бог, может распоряжаться жизнью и смертью людей. Он пролил много невинной крови. Иногда даже собственноручно казнил несчастных. Он вспыльчив и мстителен. Он не пощадит никого. Если император выдаст меня ему, это будет равносильно лишению меня жизни. Впрочем, если даже отец меня простит, моя мачеха и Меншиков не остановятся, пока не дождутся моей смерти, или от пития, или от яда».

С большим трудом, после двухчасовой беседы, Щёнборну удалось убедить царевича вернуться в гостиницу и ждать там, пока император, исходя из дружеских отношений, вынесет решение о его судьбе. Но, будучи в курсе дела, со следующего дня Карл VI, очень обеспокоенный, принял решение найти пути примирения отца и сына и спрятать последнего в надежде на мирное решение. Алексей, его слуги и Евфросинья, переодевшаяся пажом, были втайне вывезены в Вейербург, недалеко от столицы, затем в Эренберг, настоящее орлиное гнездо, расположенное на вершине скалы в Тироле. Комендант форта получил приказ от императора обращаться с вновь прибывшими как с высокопоставленными пленниками, предоставить им четыре комфортабельные комнаты, «с крепкими дверями и решетками на окнах», пригласить хорошего повара, чтобы им готовил, предоставить им книги, бумагу, но не пытаться выяснять их имена. В этом старом замке, расположенном на краю земли, Алексей наконец почувствовал себя в безопасности. Он не знал, что ищейки отца уже раскопали его след в Вене.

20 декабря 1716 года Петр пишет Карлу VI, что он поручил своему доверенному лицу Веселовскому найти и привезти царевича: «Вследствие чего прошу Ваше Величество, в случае если он (Алексей) находится в ваших землях, отправить его к нам под охраной нескольких офицеров для безопасности путешествия, чтобы мы могли его по-отечески наказать для его же блага». Прочитав письмо, которое ему передал Веселовский во время аудиенции, Карл VI заявил русскому резиденту, что он не осведомлен о присутствии царевича на территории его империи. Однако Веселовский узнал, между тем подкупив чиновника придворной канцелярии, что Алексей содержится в Тироле. Тут же он отправляет капитана Румянцева найти возможные следы. Через несколько дней Румянцев напал на след и стал бродить вокруг крепости. Поползли слухи, что ему приказано захватить царевича силой. Говорили, что русские шпионы разоряют провинцию. Чтобы избежать скандала, император решил перевезти беглеца в Неаполь – город, с недавнего времени

принадлежащий императорскому дому.

Австрийский секретарь Кюль отправился в Эренберг, чтобы сообщить Алексею о решении и показать ему письмо Петра императору. Царевич прочитал, разразился рыданиями, упал на колени и, воздев руки к потолку, вскричал: «Я умоляю императора, именем Господа и всех святых, спасти мне жизнь и не покинуть меня, самого несчастного из живущих на земле! Я готов поехать, куда он захочет, и жить там, как он предлагает, лишь бы он не отдал меня отцу, который так несправедливо сердится на меня!» Наспех начали собираться. На этот раз Алексею было позволено взять с собой только Евфросинью, все так же одетую пажом, и одного из слуг. Кюль должен был их сопровождать. Из Манту он отправил в Вену лаконичный рапорт: «До Трента нас преследовали какие-то подозрительные личности. Тем не менее все идет хорошо. Я сделал все, что мог, чтобы помешать нашему маленькому обществу часто и неумеренно напиваться, но напрасно». Наконец, шестого мая они добрались до Неаполя. Девятого мая Алексей, Евфросинья и их слуга были доставлены в крепость Сент-Эльм, которая возвышалась на горе, над бухтой. Из нее открывался великолепный вид на Везувий и на синие воды моря. Как это было приятно после кошмарного путешествия! Выполнив свою миссию, Кюль с облегчением вздохнул и написал по-французски принцу Евгению Савойскому: «Наш маленький паж наконец вновь обрел женский облик. В Тироле затерялись среди множества людей неопределенной национальности, с паспортами со свежими датами выдачи, под вымышленными именами польских офицеров. Отъезд был хорошо согласован, быстро и тайно организован».

Однако в этом пункте Кюль тешил себя иллюзиями. В действительности на каждом этапе пути, до самого Неаполя, за ними следил неутомимый капитан Румянцев. Очень быстро царь узнал о новом месте, где скрывался Алексей. И он прямо написал императору 10 июля 1717 года, что удивлен тем, что дружественный государь ничего не знает о перемещениях его сына. «Ваше Императорское Величество легко может себе представить, сколь нам тяжело, и, будучи тоже отцом, понять, что наш старший сын, проявив такое непослушание по отношению к нам и уехав без нашего согласия, находится в настоящее время под защитой кого-то другого, вместо того чтобы быть арестованным. Не могу допустить такой ситуации, мы просим вас, Ваше Императорское Величество, прояснить нам эту ситуацию. Мы посылаем вам нашего советника Петра Толстого с поручением побеседовать с вами обо всех этих вещах во время личной аудиенции. Он должен увидеть нашего сына, поговорить с ним и

написать ему о нашей родительской воле, и прошу вас вернуть его нам. У нас есть сведения, полученные от нашего советника, гвардейского капитана Румянцева, который был свидетелем отъезда нашего сына из крепости Тирол и перемещения его в Неаполь. Мы не можем допустить, что Ваше Императорское Величество выступит против наших требований, потому что подобный отказ не может быть основан ни на правовых, ни на каких-либо других мотивах. На самом деле в традициях нашей страны запрещается, даже у простых людей, всякое вмешательство в отношения отца и сына; тем более, если отец государь и независим… В ожидании вашего окончательного решения, которое определит меры, которые мы примем с нашей стороны, оставаясь братом Вашего императорского Величества – Петр».

Принятые императором 29 июля 1717 года Толстой и Румянцев вручили ему письмо государя и сказали, что царь готов на крайние меры, чтобы добиться своего. Прочтя послание, Карл VI объявил его не очень ясным и пообещал подумать и дать ответ на него. Он немедленно собрал на тайный совет своих министров. Все пришли к мнению, что царевич неудобный гость; но император не может потерять своего лица перед Европой, выдав отцовскому преследованию несчастного, который умолял его защитить и который, кроме того, приходится ему родственником! С другой стороны, надо опасаться, что Петр, раздраженный отказом, с многочисленными войсками, расположенными в Польше по Силезской границе, вступит в герцогство и останется там до выдачи ему сына или ворвется в Богемию, где свободолюбивая чернь легко к нему присоединится.

После бесконечных дискуссий с Толстым и Ромодановским ими было решено приехать к царевичу, чтобы вручить ему письмо от царя и препроводить его в отчий дом. 21 августа император написал графу Дауну, вице-королю Неаполя, предлагая ему подготовить беглеца к этой встрече в столице: «Было бы полезно узнать о намерениях царевича, прежде чем он успеет обсудить новость с этой переодетой женщиной-травести, потому что она способна помешать ему принять верное решение. Вы должны будете лично присутствовать на этой встрече с Толстым, или пошлите вместо себя кого-нибудь, кому бы вы доверяли. Так как беседа, конечно же, будет вестись по-русски, я вам пошлю человека, который знает этот язык, и к тому же очень способного. Он запишет все предложения Толстого и все ответы царевича… Встреча будет организована таким образом, что московиты (эти плуты, готовые на все) не смогут силой забрать царевича, ни поднять на него руку…» Перед отъездом так называемых «плутов»

Карл VI сказал им, что будет очень счастлив узнать, что царевич наконец получил прощение своего отца.

После пятинедельного путешествия Толстой и Румянцев прибыли в Неаполь 5 октября. Первое свидание с царевичем состоялось во дворце вице-короля. На взгляд посланников его отца, Алексей был поражен от ужаса. Он едва смог разобрать письмо, которое ему привезли: «Сын мой, все знают, с каким презрением ты относишься к моим приказам. Ни мои просьбы, ни угрозы не могут призвать тебя к послушанию… Ты сбежал и отдался, как предатель, под иностранное покровительство. Никогда еще князья из нашего дома и даже дворяне наши не делали ничего подобного. Какое огорчение для твоего отца! Какой стыд для твоей страны! Я пишу тебе в последний раз. Толстой и Румянцев передадут тебе мои предложения, так как ты меня боишься, я обнадеживаю тебя и клянусь Богом и Страшным судом, что никакого наказания тебе не будет. Но лучшую любовь покажу тебе, ежели воли моей послушаешь и возвратишься. Ежели сего не сделаешь, то, как отец твой, данною мне от Бога властью проклинаю тебя, а как государь твой – за изменника объявляю и не оставлю всех способов тебе, яко изменнику и ругателю отцову, учинить, в чем Бог мне поможет в моей истине. Вспомни, что я никогда не прибегал к насилию в отношении тебя. Если же я хотел бы тебя принудить, оставил бы я тебе возможность выбора? То, что я пожелаю, я всегда исполняю».

Потрясенный Алексей не знал, что ответить. Должен ли он верить отцу и его обещаниям о прощении? Это спасение или ловушка? Глядя на него как на загнанную дичь, Румянцев и Толстой разыграли роли. Румянцев нахмурился и придал голосу угрожающий тон. Толстой сладким голосом проповедовал примирение, приукрашивая будущий праздник. «Я пока ничего не могу ответить, – лепетал Алексей. – Мне надо подумать». Они расстались, договорившись встретиться через два дня. Между тем Алексей решил посоветоваться со своей верной Евфросиньей. На второй встрече он держался уже гораздо тверже. «Для меня будет небезопасно вернуться к отцу, – сказал он. – Я изложу письменно причины моего отказа Его Величеству Императору, под покровительством которого нахожусь». Вдруг Толстой поменял тактику и разозлился. «У меня приказ не уезжать без тебя! – кричал он. – Если тебя повезут в другое место, я последую за тобой!» И он добавил, что царь готов встретить своего сына «живым или мертвым». Алексей разрыдался, но и на этот раз отказался уезжать с ними. Третья встреча царевича с полномочными представителями была отложена, поскольку он жаловался на головные боли. Это промедление пошло на пользу

Толстому, который подготовил новый план атаки. Для начала за сто шестьдесят дукатов он подкупил Вейнгартена, секретаря вице-короля. Этот человек, который смог завоевать доверие Алексея, настраивал его, что император решил выдать его, чтобы избежать войны с Россией. Толстой, в свою очередь, во время четвертой встречи с царевичем объявил ему, что царь намерен, если потребуется, привлечь армию, чтобы вернуть обратно сына, и что, по всей вероятности, он лично приедет его искать в Сент-Эльм. «Кто сможет ему запретить видеть тебя? – сказал он. – Ты сам знаешь, что твой отец уже давно мечтает приехать в Италию. События поворачиваются так, что у него есть повод приехать очень скоро». Граф Даун встал на сторону посланников царя и заверил беглеца, что если тот хочет остаться в Сент-Эльме, то должен будет проститься со своей любовницей. Подкупленная Толстым, Евфросинья притворилась, что поверила этой лжи, и умоляла Алексея уступить. Осажденный со всех сторон, опасаясь приезда отца и потери возлюбленной, царевич был доведен до отчаяния. На следующий день он объявил Толстому и Румянцеву, что вернется в Россию с условием, что отец разрешит ему жениться на Евфросинье. Но он настоятельно просил, чтобы бракосочетание состоялось до приезда в Санкт-Петербург, поскольку Евфросинья беременна. «Трудно вообразить себе любовь и внимание, с каким он относился к этой девице», – отмечал Толстой, мало склонный к сантиментам. Свое настоящее чувство он описал в письме к вице-канцлеру Шафирову: «Мне кажется, ему предоставляют все, что он просит: прежде так он показывал всем, что он решился бежать из-за своей любовницы; затем тем, что он сделал это, разгневал императора Карла VI, который теперь не испытывает к нему никакого доверия. Мне хотелось бы, чтобы царь написал мне о своих намерениях по этому поводу вместе с прочими рекомендациями, чтобы я смог показать письмо царевичу, не отдавая его ему в руки. В случае, если царь выступит против этого, ему будет достаточно написать мне, что свадьба царевича состоится в Санкт-Петербурге. Царевич, полный надежд, не станет настаивать дальше. Что касается меня, я думаю, что, разрешив ему жениться на этой девке, вся страна узнает, какого сорта этот человек».

Подталкиваемый Евфросиньей, которая вела двойную игру, Алексей вновь поверил и написал 4 октября 1717 года царю: «Милостивый государь и батюшка, твое письмо мне передали Толстой и Румянцев; они мне также передали на словах ваши благосклонные намерения относительно меня и объявили мне, что вы соблаговолите простить мне мой безрассудный отъезд, если я вернусь к вам. Со слезами на глазах, припадая к ногам

Вашего Величества, я молю в рыданиях прощения моему преступлению и признаю достойным всякое наказание. Веря вашему милостивому обещанию, я предаюсь вашей воле и с твоими посланниками покину Неаполь в ближайшие дни, чтобы вернуться к тебе в Санкт-Петербург. Самый покорный раб твой, недостойный имени сына – Алексей».

По возвращении из долгого путешествия с Екатериной по Европе Петр получил это письмо в Санкт-Петербурге. После французских безделушек он вновь оказался на грубой российской земле. Мгновенно на его плечи тяжелым грузом обрушились заботы. Царевич выставил его посмешищем перед глазами других государей. Это, как считал он, было еще более тяжелым ударом по его славе, нежели новое поражение перед турками и шведами. Он не смог бы простить сыну этого публичного унижения, но главное было – вернуть его домой. Хитростью, пустыми обещаниями, ложью, если понадобится. Монарху, который защищает свой престиж, позволено все. Впрочем, он вовсе не был против, что царевич слишком увлекся этой Евфросиньей. Отец женился на бывшей прачке, сын мечтает жениться на поломойке, в этом нет ничего противоестественного! 20 ноября 1717 года он посылает Алексею короткую записку: «Сын мой, я получил твое письмо от 4 октября. И отвечаю. Ты просишь моего прощения. Толстой и Румянцев тебе его обещали и вслух от моего имени и письменно. *Еще раз тебе это же подтверждаю. Поверь же наконец.* Что же до некоторых твоих желаний, о которых мне поведал Толстой, они будут исполнены. Он тебе расскажет». В тот же день он написал Толстому: «Ты мне написал, что мой сын хочет жениться на той девке, которая с ним вместе живет в тех землях. Я ему разрешу это, когда он сюда приедет. Это можно будет организовать в городе или в деревне, после его приезда».

Позднее в письме, адресованном обоим, Толстому и Румянцеву, царь уточнит свою позицию: «Тот факт, что мой сын, веря в искренность моего прощения, отправился в дорогу на встречу со мной, меня очень радует. Вы мне сказали, что он хочет жениться на девке, которая живет вместе с ним. Пусть он сделает это, если захочет, когда будет в России; даже в Риге или в Курляндии, у моей племянницы. Но венчаться за границей будет стыдно. Ежели он думает, что я буду этому противиться, пусть подумает немного: как, простив ему такую большую ошибку, стану ли я препятствовать ему в такой маленькой просьбе?»

И для большей убедительности, чтобы быть уверенным, что сын больше не будет отбиваться, что по дороге он не изменит еще раз своего решения, царь ему повторил письменно свои просьбы и обещания. Алексею так необходимо было успокоиться, что после

того, как он долгое время никому не верил, он не хотел больше никого подозревать. Убежденный, что все будет хорошо, он смотрел в будущее с радостью, которая удивляла обоих сопровождавших его. Их кареты еле двигались от Неаполя до Рима, из Рима в Болонью, по таким тряским дорогам, что царевич начал опасаться за здоровье своей возлюбленной. Принимая во внимание, что она ждет ребенка, царевич решил оставить Евфросинью с ее братом в Болонье. Она присоединится к нему в Санкт-Петербурге. Едва они расстались, чтобы Алексею продолжить путь, как он стал очень беспокоиться о ней. На каждой остановке он писал ей нежные письма: «Душа моя, пусть в Венеции тебе приготовят хорошее лекарство по предписанию доктора, и после процедур снова возьми рецепт…», «Не грусти, душа моя. Отправляйся в дорогу с благословением Божьим. Позаботься о себе… Отдыхай, где ты только можешь… Не думай о расходах. Твое здоровье мне дороже всего на свете… Все идет хорошо, и чаю, от всего меня уволят, и что нам жить с тобою, если Бог изволит, в деревне, и ни до чего нам дела не будет». Он писал также и брату Евфросиньи: «Иван Федорович, здравствуй! Я умоляю тебя, Богом прошу заботиться о твоей сестре, а моей жене (хотя она не стала еще официальной супругой, но все к этому идет), сделай все, чтобы она не огорчалась, потому что ничто не должно служить препятствием для нее во время беременности, которая, с милостью Божьей, счастливо разрешится». Письмо заканчивалось постскриптумом, предназначенным одному из слуг возлюбленной царевича: «Петр Михайлов, весели Евфросинью как только можешь, чтобы она не была грустной, чтобы все шло хорошо…»

Увеличивающийся живот Евфросиньи настолько заботил Алексея, что он посылает из Гданьска в Берлин акушерку, которая должна сопровождать его любовницу во время путешествия. Евфросинья на такую заботу отвечает пресными банальными записками, надиктованными секретарем. Она рассказывает о своем здоровье, о покупках, которые сделала во время путешествия: тринадцать локтей золотого сукна, крестик, серьги, кольцо с рубином. Но особенно она все время испытывает голод. Может быть, ее состояние повинно в том, что у нее повысился аппетит? Она обременяет царевича сотней простейших поручений: «Пришли мне в Берлин икры паюсной, икры свежей, красной и черной, семги соленой и копченой, рыбы всех видов и еще гречневой крупы». Он все исполнял. Ему ничего было не жалко для своей прекрасной Евфросиньи.

Преодолев границы России, он был поражен теплым приемом, который ему оказывали в провинции простые люди.

Некоторые падали на колени перед его каретой и молили его о благословении. Эта популярность его восхищала и беспокоила. Не станет ли это подозрительным для его отца? Но нет, он же обещался «Богом и судом Его», что примет своего сына с искренней любовью. Царь не может не сдержать своего слова, которое связало его обещанием перед совестью и перед Вечностью.

Придворные находились в Москве, и именно туда прибыл царевич для встречи с отцом. Он приехал в город поздним вечером 31 января 1718 года. Царь его не принял, но созвал на понедельник, 3 февраля, закрытый совет, состоящий из священнослужителей, министров и сановников. Большая зала для аудиенций в Кремле приняла это блистательное общество, которое не было предупреждено о теме заседания. Белые парики сенаторов чередовались с черными высокими головными уборами архиереев. Три батальона гвардейского полка с ружьями охраняли Кремль. Заняв свое место на троне, Петр велел ввести своего сына. Два крепких стражника с саблями наголо привели царевича. Бледный, без парика, без оружия, одетый в скромные черные одежды, он казался еще более высоким и более щуплым, чем перед своим отъездом из России. Увидев его, царь разразился проклятиями, вперемешку с которыми упрекал Алексея в плохом воспитании, лени, дезертирстве, в низких помыслах, направленных на то, чтобы поднять заграницу против отца. Ошеломленный царевич упал на колени и в перерыве между рыданиями бормотал извинения, умолял государя осчастливить его своей любовью. Резким тоном царь приказал ему уточнить то, о чем он просит. «Жизни и прощения!» – простонал Алексей, склоняясь лбом до пола. Петр приказал ему подняться и обещал помиловать его при двух условиях: виновный и недостойный царевич должен торжественно отказаться от короны и выдать тех, кто оказал ему помощь при побеге. Ему дали бумагу, чернила и перо. В надежде легко отделаться он написал дрожащей рукой: «Милостивый государь и батюшка, я уже признал мои заблуждения по отношению к вам и отправил вам это признание из Неаполя. Я повторяю сегодня, что, забывая мои сыновние обязанности, я уехал из России и попросил поддержки у императора и находился под его защитой. И за это я смиренно прошу вашего любезного прощения – Алексей».

Прочитав этот текст, Петр провел своего сына в соседнюю комнату и в беседе с глазу на глаз потребовал, чтобы царевич выдал ему имена всех его сообщников, даже тех, кто ограничивался всего лишь сочувствием к его участи. Пусть он хорошенько всех вспомнит! Одно-единственное упущение, и он

забудет, что ему по приезде было обещано помилование! Под этим колючим взглядом черных и холодных глаз Алексей вконец растерялся. Покрывшись потом, он выдал Кикина, Вяземского, дворецкого Афанасьева, князя Долгорукого и других. С каждым именем Петр гневался все больше. А потом вернулся в зал заседаний с царевичем, который, хотя и сделал, что требовал от него отец, все еще не был уверен в своем прощении. Перед вниманием собравшихся вице-канцлер Шафиров прочел вслух текст «Клятвенного манифеста», который должен был подписать Алексей, поклявшись перед крестом и Евангелием, что «понеже я, за преступление мое перед родителем моим и государем, Его Величеством, изображенное в его грамоте и в повинной моей, лишен наследства Российского престола, того ради признаю то, за вину мою и недостоинство, за праведно, и обещаюсь и клянусь Всемогущим в Троице славимым Богом и судом Его той воле родительской во всем повиноваться и того наследства никогда и ни в какое время не искать, и не желать, и не принимать его ни под каким предлогом. И признаю за истинного наследника брата моего царевича Петра Петровича. И на том целую святой крест и подписываюсь собственной моей рукой».

Затем все направились в Успенский собор. Перед алтарем торжественно и с крестом в руке их встретил новый архиепископ Псковский Феофан Прокопович. Рядом с ним встал царь. Перед Евангелием Алексей с листком бумаги, который ему протянул Шафиров, прочел еще раз вслух слабым голосом о своем отречении от трона. В это же время на Красной площади народ слушал чтение бесконечного манифеста, в котором излагались все пороки и преступления царевича. Его упрекали во всех грехах: лени, пьянстве, подозрительных знакомствах, неблагодарности по отношению к отцовской благосклонности, постыдном поведении по отношению к супруге. Его обвиняли в том, что еще при жизни жены «взял некую бездельную и работную девку» и с оною жил явно беззаконно, что это способствовало смерти его жены, которая умерла вследствие разных болезней и также от горя, которое ей причиняло необузданное поведение ее мужа, как было сказано в манифесте. И далее: «Несмотря на стыд, который мы понесли перед лицом всего мира, как отец и государь, из-за бегства нашего сына, и клевету, которую он распространял на наш счет, все эти действия заслуживают смерти, но, жалея его нашим родительским сердцем, прощаем ему его дурные поступки и освобождаем его от всякого наказания. Но, принимая во внимание его недостойное поведение и вышеуказанные грехи, мы не можем оставить ему в наследство Российский трон… Поэтому для блага Государства мы лишаем его, нашего сына Алексея, этой

преемственности и называем и провозглашаем наследником трона нашего другого сына, Петра, хотя он еще и в младенческом возрасте… Всякий, кто выступит против этого решения и будет считать нашего сына Алексея нашим наследником или осмелится ему оказывать какое-либо содействие, будет объявлен предателем нашим и родины».

Таким образом, народ с изумлением узнал, что царь поменял наследственный указ, предпочтя двухлетнего ребенка двадцативосьмилетнему молодому человеку. Правда, первый был сыном Екатерины, а второй – Евдокии. Один воплощал собой невинность, второй – разврат, один мог раскрыться с возрастом, стать продолжателем традиций Петра, в то время как второй думал только об их разрушении.

На следующий день, 4 февраля, царевич был приглашен, чтобы ответить письменно на семь вопросов, чтобы подтвердить и продолжить свои показания, которые он сделал накануне устно. Случайно введение, написанное рукой царя, ему напомнило, что, если он умолчит хотя бы о некоторых вещах, тот будет «наказан смертью». Бесполезная рекомендация: в течение уже долгого времени царевич готов был на все, чтобы спасти свою жизнь. После четырех дней размышлений он составил ответ, в котором объявил о причастности к делу не только Кикина, Долгорукого, Вяземского и Афанасьева, но также царевны Марьи Алексеевны и даже своей матери, бывшей царицы Евдокии. Опасаясь, что сказал недостаточно, он добавил еще имена третьестепенных лиц. В общем получилось около пятидесяти человек. Будет ли этого достаточно, чтобы смягчить гнев царя?

Как только царевич указал «виновных», все они были схвачены и доставлены в Москву. Среди них был и архиепископ Ростовский Досифей. Он признался, что предрекал бывшей царице скорую смерть Петра и приход к власти Алексея. Приведенный перед духовенством, вынужденный сказать им о своем исторжении из сана, он воскликнул: «Что же, я один разве повинен в этом деле? Посмотрите, и у всех что на сердцах? Прислушайтесь к народу, о чем он говорит? Это имя я не произнесу!» Лишенный сана, он был назван «расстригой Демидом» и подвергнут пыткам. С разбитыми конечностями он признался, что испытывал враждебность по отношению к царю-реформатору и выдал дядю Алексея, Абрама Лопухина. Допрошенный Абрам Лопухин, брат бывшей царицы Евдокии, лепетал, что действительно состоял в переписке с ней.

Немедленно в Суздальский монастырь был отправлен капитан Скорняков-Писарев, чтобы расследовать действия первой супруги Петра, которая жила там под именем сестры Елены. То,

что он там увидел, изумило его. После восемнадцати лет лишений и изгнания бывшая царица нашла утешение в некоем капитане Степане Глебове. Приехавший в район Суздаля для призыва рекрутов, он был растроган судьбой несчастной, и, так как она сильно замерзала в своей келье, он привез ей меха. Она его поблагодарила в письме, затем приняла его, и с каждым визитом их отношения становились все более близкими. Став любовницей Глебова, эта женщина, которой уже было за сорок, предавалась восторженной любви, в то время как он, молодой, амбициозный и расчетливый, интересовался ею, поскольку она могла бы, в случае изменения власти, обеспечить ему прекрасное будущее. Очень быстро они перестали скрывать свою связь, публично целовались, удаляясь от верующих, чтобы предаваться своим забавам. Она хотела, чтобы он бросил службу и мог видеть ее чаще, она экономила и без того скудные средства, выделяемые ей, чтобы помочь ему, она страдала, потому что он был женат и их грех от этого был еще более тяжким. После каждой разлуки они писали друг другу нежные письма. Дознаватель обнаружил эти письма во время обыска. Ни одно не было написано рукой Евдокии. Она надиктовывала их монахине Капитолине, своей наперснице. Но на каждом из них неосторожный Глебов сделал пометку: «Письмо царицы». Скорняков-Писарев потирал руки. Он добился успехов в своем расследовании. Девять любовных посланий были представлены царю. Петр читал их со смешанным чувством возмущения, отвращения и запоздалой ревности: «Где душа твоя, батько, там и моя, где твое слово, там моя голова; я вся целиком в твоей власти…», «Не забывай, любовь моя, что твоя бедная женщина такая несчастная, что ей осталась только душа…», «О, свет мой, что буду делать я, если останусь на земле одна, без тебя? Носи хотя бы то кольцо, которое я тебе подарила, и люби меня, хотя бы немножко… О, мое все, мой обожаемый, моя лапушка, ответь мне… Приходи ко мне завтра, не оставляй меня умирать от тоски. Я послала тебе пояс, носи его, моя душа! Ты не носишь ничего из того, что получил от меня. Не знак ли это того, что я тебе теперь неприятна?.. Я не смогу забыть твою любовь!», «Кто у меня украл мое сокровище? Почему ты забыл меня?.. Как тебе меня не жалко?..», «Пошли мне, сердце мое, пошли мне твою курточку, которую ты так любишь носить… Пошли мне краюшку хлеба, от которой ты откусил кусок…». В этих длинных любовных признаниях Петр отметил с досадой, что Евдокия осмелилась называть своего любовника «лапушкой», как она называла и его самого двадцать лет назад. Однако он считал, что, даже расставшись с ним, Евдокия должна была хранить ему верность. Она никогда не переставала быть супругой царя. Во

всяком случае, не было никакой политики в сентиментальных глупостях этой женщины. И все же она и ее любовник заслуживали показательного наказания. И царь приказал привезти их обоих в Москву.

В дороге Евдокия написала царю: «Милосерднейший государь, в прошлом (когда это точно было, я уже и не помню) я была пострижена в Суздальском монастыре под именем Елены, после чего полгода носила монашеское одеяние. Но, не желая становиться монахиней, я сняла монашеские одежды и тайно жила светской жизнью при этом монастыре… Сегодня я возлагаю свои надежды на милость и великодушие Вашего Величества. Я припадаю к вашим ногам, чтобы умолять вашу милость о прощении моего преступления, чтобы не умереть недостойной смертью. Я обязуюсь вновь стать монахиней и оставаться ей до конца своих дней… Ваша бывшая супруга – Евдокия».

Допрашиваемая следственной комиссией, она письменно призналась: «Я признаю свою вину в том, что жила во грехе со Степаном Глебовым. Написано собственноручно – Елена». Но отрицала все плохие мысли по отношению к царю. Глебов делал то же самое. Когда он упирался и не отвечал на главные обвинения, его наказывали кнутом, жгли, ломали ребра, вырывали куски мяса клещами, запирали в карцер, где торчали острые деревянные колья, которые при каждом сделанном шаге впивались в босые ноги. Несмотря на все эти страдания, он отказывался признать, что участвовал в заговоре, и не выдал никого. Чтобы узнать о нем еще больше, дознаватели наказали кнутом около пятидесяти монахинь, некоторые из них признали себя виновными под ударами. Царь присутствовал при всех этих наказаниях и жадно слушал хрипы и бормотания несчастных. Но из этих разных свидетельств он понял, что, если царевич и пользуется большой симпатией населения, задавленного налогами, духовенства и старого униженного дворянства, он никак не может быть во главе заговора. Дознаватели имели дело с друзьями Алексея и выяснили, что они не заговорщики. Но это уже не имело значения. Процесс должен был идти своим чередом. Придавая большое значение судебному дознанию, раскрученному на полную катушку, приговор не мог не быть очень суровым. 14 и 16 марта Двор, состоящий из царских министров, приговорил Кикина, Глебова, Досифея к «жестокой смерти», управляющего Пустынника и певчего Журавского к «простой смерти», князя Щербатова к отрезанию языка и вырыванию ноздрей, другие были приговорены к наказанию кнутом, тяжелым работам и ссылке; некоторые, как Вяземский и Долгорукий, еще лишились и своего имущества. Досифей, расстриженный и приговоренный к смерти

колесованием, нашел в себе силы перед концом выкрикнуть в лицо царю: «Если ты убьешь своего сына, эта кровь будет на тебе и твоих близких, от отца к сыну, до последнего царя! Помилуй сына! Помилуй Россию!» После пытки Досифей был обезглавлен, его тело сожжено, а голова посажена на кол. Кикину палач отрубил руки и ноги. «Его муки были долгими, – писал австрийский посланник Плейер, – с промежутками, чтобы страдания его были еще большими». На следующий день Петр увидел окровавленное тело Кикина на колесе, но он еще дышал. Как свидетельствуют многие очевидцы, царь спросил умирающего: «Как ты, умный человек, мог ввязаться в это дело?» И тот ему ответил: «Ум любит пространство, а ты его душишь».[72] После этого его голова слетела с плеч. Палач подобрал ее и посадил на кол на глазах у безмолвной толпы. Третьим принял «жестокую смерть» любовник бывшей царицы Глебов. Для него – и только для него единственного – царь выбрал кол. Так как было очень холодно и холод мог сократить страдания виновного, на него надели шубу, меховую шапку и теплые сапоги, прежде чем его проткнуть насквозь. Посаженный на кол в три часа дня, он испытывал жестокие страдания до половины восьмого вечера следующего дня. Зато Евдокии жизнь была сохранена. Для нее был выбран отдаленный монастырь на берегу Ладожского озера. Перед тем как ее отвезли туда, она была наказана кнутом. Царевну Марию Алексеевну заточили в Шлиссельбургскую крепость. Среди прочих княжна Троекурова, монахини, несколько дворян получили наказание кнутом; княжна Анастасия Голицына, которая, зная про отношения Евдокии с Глебовым, не выдала их властям, была повержена на землю в кругу солдат, которые били ее розгами. Затем она была отдана мужу, который отправил ее к отцу. Петр заставил своего сына присутствовать при самых зрелищных казнях и наслаждался, когда видел ужас и смятение Алексея. Железные колья, на которые были надеты головы стрельцов двадцать лет тому назад, были начищены и готовы принять головы новых жертв. «В городе, – писал посланник Плейер, – на большой площади, перед дворцом (Кремлем) проходили казни, был построен четырехугольный эшафот из белого камня высотой приблизительно в семь локтей, окруженный железными кольями, на которые были насажены отрубленные головы. На вершине эшафота находился квадратный камень, высотой в локоть. На этом камне были нагромождены тела казненных, среди которых как будто сидело тело Глебова в кругу других мертвых тел».

В вечер последней казни Петр собрал «Большой шутовской Собор» и напился на большом застолье допьяна со своими

переодетыми кумовьями. Новый князь-папа, Петр Бутурлин, был выбран взамен бывшего Никиты Зотова, который к тому времени уже скончался. Во время пира на него надели ризу и шутовскую митру. В дни кровавых дознаний царь нашел время обдумать все детали этой богохульной церемонии. Под бархатным балдахином возвышался трон, сделанный из бочонков и украшенный фонариками из стеклянных бутылок. По очереди каждый преклонялся перед «Святым отцом всех пьяниц», который держал в руках скрещенные в форме креста курительные трубки. Икона Бахуса сверкала над его головой. Он благословлял гостей ударами свиного пузыря, смоченного водкой, и заставлял их причащаться, протягивая им огромный половник, наполненный перцовкой. Хор распевал непристойные гимны. Затем в суматохе все сели за столы. Бок о бок ели, пили, рыгали, обжирались в нескольких шагах от эшафота, где лежали мертвые тела друзей Алексея. Почтенные сановники, напившись водки, спорили, обменивались пощечинами, хватали друг друга за волосы, затем вдруг примирялись и обнимались со слезами на глазах. Одному пожилому боярину, отказавшемуся пить, его сосед влил водку в горло через воронку. Князя-папу вырвало с высоты его трона прямо на парики гостей, сидевших внизу.

На следующий день, 18 ноября 1718 года, царь отправился в Санкт-Петербург. Алексей поехал вместе с ним и другими обвиняемыми, участь которых еще не была решена. Но царевич был спокоен: эти оторванные конечности и отрезанные головы должны были успокоить, как он думал, голод Российского Молоха. Впрочем, сам он не испытывал ни малейшей жалости к несчастным, принесенным в жертву по его вине. Несчастье сделало его бесчувственным. Его ничего не волновало больше. Как только Евфросинья приедет в Санкт-Петербург, они поженятся. Она задержалась в Берлине из-за своего состояния. Он писал ей, что его отец ждет ее на обед, что все хорошо, что он официально отказался от престола: «Мы всегда только и мечтали с тобой, чтобы спокойно жить в Рождественке. Жить с тобой в мире до самой смерти – мое единственное желание». Ожидая ее, он пил больше, чем обычно, быть может, чтобы забыть о крови, которая пролилась по его ошибке. Царь поселил его в доме поблизости от Зимнего дворца. В воскресенье, 13 апреля 1718 года, на Пасху он трижды поцеловался с Екатериной, бросился к ее ногам и умолял походатайствовать перед царем, чтобы он смог жениться на Евфросинье. Она не сказала ему ни «да» ни «нет». Царь тоже трижды обнял Алексея по старому христианскому обычаю. Неужели примирение? Царевич безумно надеялся на прощение отца.

Через два дня приехала Евфросинья. В то время как Алексей готовился к радостной встрече, он узнал, что его любовницу привезли прямо в Петропавловскую крепость. Он начал расспрашивать слуг молодой женщины. Затем, как только она родила, ее перевезли на баркасе в Летний дворец Петра в Петергофе.[73] Там с ней лично, с глазу на глаз, разговаривал царь. Он настойчиво пытался разузнать новые факты. Но у нее была только одна цель: спасти свою жизнь. Догадавшись, что царь ждет от нее новых обвинений, она все валила на Алексея, вспоминала его поступки и малейшие высказывания, которые могли навредить ее любовнику. Петр записал с удовольствием несколько уточнений, которых ему не хватало, но в общем исповедь Евфросиньи его разочаровала, потому что она ничего совершенно нового не сказала. По его просьбе молодая женщина письменно подтвердила свои показания: «Алексей писал не раз императору жалобы на отца… Узнав о Меклембургском бунте русского войска, он обрадовался, потому что всегда хотел стать наследником престола; и поэтому уехал… Узнав, что младший сын царя болен, он говорил такие слова: „Хотя батюшка и делает то, что хочет, только, чаю, сенаты не сделают того, чего хочет батюшка“. Он говорил еще: „Когда я стану царем, я буду жить в Москве, а Санкт-Петербург станет простым городом; я не стану заниматься кораблями, у меня больше не будет флота, я сохраню несколько полков только для защиты страны, я не буду ни с кем воевать, мне хватит и старой империи… Может быть, отец мой умрет или бунт будет. Я не знаю, почему отец не любит меня и хочет сделать наследником моего брата, хотя он еще очень мал. Он считает, что его жена, моя мачеха, очень умна, и, когда он умрет, будет управлять мачеха; тогда бабье царство будет, и произойдет смятение: иные станут за брата, а иные – за меня“».

В Неаполе Алексей передал Евфросинье черновики писем к двум епископам в Сенате, чтобы она их сожгла. Она не уничтожила документ в надежде на то, что он еще пригодится и им можно будет воспользоваться как разменной монетой. Царь оценил ее предусмотрительность и честность. Она ему передала бумагу. Он прочел: «Причина, по которой я вынужден был покинуть мою дорогую родину, именно та, о которой вы уже знаете, – мои продолжающиеся заботы и беспорядочные решения, в которых я выступаю невинной жертвой, ожидая, что в начале прошлого года меня чуть было не заставили надеть монашеские одежды, несмотря на то что с моей стороны не было совершено никаких преступлений, и вы тому свидетели». Постскриптум был еще более дерзким: «Делается все, чтобы стереть из памяти народа воспоминание обо мне, что меня больше нет, или какие-

нибудь злые выходки в этом роде. Постарайтесь не добавлять этому веры. С милостью Божьей и моего благодетеля (императора Карла VI). Я жив и нахожусь в надежном месте. Я отправляю вам это послание, чтобы разрушить все противные мнения обо мне».

Это письмо, задержанное кабинетом в Вене, так никогда и не дошло до получателей. Петр ознакомился с ним с диким ликованием. Евфросинье, изнуренной и счастливой, больше нечего было сказать. Выжав из нее все, как из лимона, царь отправил ее на лодке обратно в крепость. Чуть позже он приказал туда заточить и своего сына. Алексей так и не увидел свою любовницу.

Однажды его забрали из камеры и отправили в Петергоф. После влажных стен камеры он оказался в прекрасном павильоне «Монплезир», рядом с водой. Там его принимал отец. Алексей едва видел его. Знакомый силуэт привлек его внимание: рядом с царем была Евфросинья. У нее больше не было большого живота, как у беременной женщины. Даже лицо ее изменилось: бледное, суровое и упрямое. И над этой враждебной маской адским огнем полыхала рыжая шевелюра. Он хотел приблизиться к ней, но помешали стражники. С первых слов он понял, что она его предала. Каждый раз, как он хотел оправдаться, она холодно ему возражала. Брошенный той, на которую он возлагал все свои надежды, Алексей сник. Если он и хотел сохранить свою жизнь, то только для того, чтобы жить в любви с Евфросиньей. За что же теперь бороться? Пусть с ним делают что угодно. Впрочем, может быть, приняв на себя все обвинения, истинные и ложные, он тем самым разоружит отца? Не встречая больше препятствий, гнев царя рассеется, как дым в небе. С отвращением сломленный и разочарованный Алексей согласился со всеми обвинениями. Он подтвердил пункт за пунктом своего заявления письменно. 26 мая, подталкиваемый Толстым и Бутурлиным, он дошел до того, что написал самые компрометирующие записки для своего отца: «В моем последнем допросе я сказал, что, если мятежники призовут меня возглавить их в любой момент, я к ним присоединюсь».

Вскоре Петр опубликовал еще один манифест, чтобы раскрыть гнусности своего сына и обвинить его в том, что он хотел одурачить правосудие, не сказав всей правды. Во время новых допросов Алексей, больше не сопротивляясь, выдал еще некоторых своих друзей, среди которых был его духовник Игнатьев. Они были наказаны кнутом, затем их пытали на дыбе, чтобы они признались, что желали смерти царя. Все они были обезглавлены. Петру хотелось проникнуть в головы всех этих людей, чтобы там уничтожить их подрывные идеи. Ему казалось,

что вся Россия наводнена предателями. Самые открытые улыбки казались ему подозрительными. Процедура страшных казней, которую он начал, уводила его всегда очень далеко. Он не знал, как поставить финальную точку в кровавой серии допросов и пыток. Когда остановиться? Кто будет восседать на пирамиде трупов?

Вебер, ганноверский резидент в России, писал в своем рапорте: «В этой стране все кончится однажды страшной катастрофой. Миллионы душ взывают к небесам против царя. Всеобщая ненависть, которая вынашивается, ждет только искры, чтобы разгореться в пламя. Все надеются на появление вожака». Этим вожаком не может быть царевич? Да, да, Россия больна Алексеем, думал царь. Надо вырвать этот гнилой корень. Монастырь? Смерть? Петр колебался.

13 июня 1718 года он написал письмо митрополитам, архиепископам и епископам, спрашивая их мнения о наказании, которого заслуживал царевич. «Хотя он и скрыл самые важные факты, то есть свой план бунта против нас, своего отца и государя, мы вспоминаем слово Божье, приказывая в таких делах посоветоваться с духовенством, как написано в главе XVII Второкнижия. Мы надеемся, что вы все, архиепископы и священники, которые учат божественному слову, отыщете в Писании указание на наказание, которому будут соответствовать проступки нашего сына, за его отвратительное поведение… Затем вы нам дадите письменно ваш ответ, подписанный вами собственноручно. Тогда мы сможем, не утяжеляя нашу совесть, решить это дело. Мы доверяем вам как достойным хранителям заповедей Всевышнего и как преданным пасторам стада Христова, и мы вам клянемся Судом Божьим и вашими святыми обязанностями действовать без лицемерия и страсти».

Ассамблея духовенства ответила с осторожностью, цитируя девять примеров из Ветхого Завета, которые давали пример наказания отцом сына с большой строгостью, и семь примеров из Нового Завета, которые призывали к терпимости. Выводом было благоговение перед властью: «Это дело не в нашей воле, потому что нас возвел в судьи тот, кто располагает нами. Как части тела могут давать советы голове? К тому же наш суд духовный и должен судить только дух, а не плоть и не кровь; церковный порядок не имеет власти железного меча, но меча духовного… Мы вручаем все эти решения нашему высокопоставленному монарху со всем смирением и надеемся, что с Божьей волей он сделает то, что сочтет правильным. Если же он хочет наказать виновного соответственно его прегрешению, у него есть примеры из Ветхого Завета. Если же он захочет его помиловать, у него есть

примеры самого Христа, который принял блудного сына, отпустил на свободу женщину, изменившую своему мужу, которую забросали бы камнями, и предпочел жертве милосердие. Короче, сердце царя в руках Всевышнего. Пусть оно выберет то, на что Бог укажет ему».

Читая этот документ, Петр испытал странное чувство опустошенности. Как всегда, у него не было опоры. Забрав почти всю власть у Церкви, он не мог больше рассчитывать на ее помощь. Он был один среди народа, который дрожал и воровал. Однако он отказался – может быть, из страха перед Богом – взять только на себя ответственность за приговор для сына. Это не он, а Высший суд приговорил царевича. Он созвал на этот суд министров, сенаторов, высших сановников, генералов, старших офицеров. Всего сто двадцать семь человек. Этот исключительный суд собрался в зале для аудиенций в Сенате, в присутствии царя. Дворец был окружен конными гвардейцами. Царевич был тем временем перевезен в карцер Трубецкого бастиона. Для удобства операций все необходимые инструменты для пыток были размещены в соседнем помещении. 17 июня 1718 года узник впервые предстал перед судьями, которые после допроса оценили его ответы как недостаточные и решили добиться от него полных ответов. Спустя два дня его препроводили в пыточную камеру и подвергли пытке на дыбе: его подвесили таким образом, что его ноги не доставали до земли, а вся тяжесть тела приходилась на растянутые и вывернутые руки. В таком положении он вытерпел двадцать пять ударов кнутом по спине, он, захлебываясь, кричал от боли, подтверждал свои признания. Петр присутствовал на пытке. С каждым ударом он надеялся на новое откровение, которое обоснует его ненависть. Запах крови и пота его опьянял. Когда палач взглядом обращался к нему с вопросом, царь отвечал: «Продолжай!» Но врач считал, что допрос надо заканчивать. Спина Алексея превратилась в истерзанные лохмотья. Его сняли с дыбы, обработали раны и сделали перерыв на три дня.

22 июня Толстой, исполняя обязанности следователя, явился в камеру к царевичу и посоветовал ему, чтобы смягчить гнев отца, покорно написать признание всех своих ошибок, самое полное и самое искреннее из всех предыдущих. И царевич взял перо в больную правую руку: «Причина ослушания моего отца в том, что с самого раннего детства я жил с матерью и сестрами и ничему не научился, кроме как притворству, к которому, впрочем, у меня была врожденная склонность… Отец, желая, чтобы я изучал дела, достойные сына государя, приказал мне выучить немецкий язык и другие науки, которые я сильно ненавидел; я занимался учением

с ленью и не по доброй воле. И так как мой отец часто был в отъезде в связи с военными операциями, Вяземский и Нарышкин, видя, что у меня единственное, на что я способен, – лишь ханжеские беседы с попами и монахами и пьянствовать с ними, не только меня от этого не уберегали, но и сами составляли мне компанию… Так они меня постепенно отлучили от отца. Я жил, ненавидя не только военные дела моего отца, но и его самого… Если бы для того, чтобы получить трон, я выбрал бы другую дорогу, нежели послушание, это можно ясно видеть, я уже оставил правильную дорогу и не хотел ни в чем следовать моему отцу. Тогда каким образом я смог бы стать преемником? Но для этого надо было действовать по-другому, стараясь добиться своего долга, благодаря иностранному содействию. Если бы цесарь, как мне обещал, вооруженной рукой доставил мне корону Российскую, я от нее не отказался бы. Если бы цесарь пожелал за то войск российских в помощь себе против какого-нибудь своего неприятеля или бы пожелал великой суммы денег, то бы я все по воле учинил. Одним словом, я бы ничего не пожалел, чтобы удовлетворить свою волю.» После того как Алексей подписал это признание, он с ужасом подумал, не загнал ли он себя в западню, добровольно очернив свое поведение, чтобы смилостивить царя. Он захотел отказаться от своих показаний, но было уже слишком поздно. Толстой схватил документ и ушел.

24 июня состоялся новый этап в камере пыток, в присутствии царя. Пятнадцать ударов кнутом по спине со следами еще не заживших ран предыдущих наказаний. В результате – практически ничего. Не зная, что еще сказать, Алексей простонал, что написал митрополиту Киевскому, чтобы побудить народ к восстанию. И замолчал. Он не мог больше говорить. Доктор опасался, как бы он не умер. Его сняли с дыбы. В тот же день собрался Верховный суд. Сто двадцать семь судей знали, какого решения ждет от них царь. Ни один из них и не думал разочаровывать Петра, усматривая в действиях обвиняемого смягчающие обстоятельства. Решение было принято единогласно. Среди прочих вердикт подписали Меншиков, адмирал Апраксин, государственный канцлер Головкин, вице-канцлер Шафиров, Петр Толстой, Бутурлин… Все значимые имена страны. Если некоторых подписей и не хватило на документе, то оттого, что эти так называемые судьи не умели писать.

«24 июня 1718 года мы, нижеподписавшиеся министры, сенаторы и государственные деятели, военные и гражданские… решили единогласно и без права оспаривания, что царевич Алексей за все вины свои и преступления против государя и отца своего, яко сын и подданный Его Величества, смерти достоин».

Теперь Петру предстояло выбрать: стоило ли смягчить наказание или разрешить палачу выполнить свою работу? Екатерина советовала мужу простить сына. «Довольствуйся тем, чтобы отдать его в монастырь. Его смерть падет на тебя и твое потомство». Его другие советчики молчали, боясь перечить царю. Вся Россия задержала дыхание. Внезапно, как гром среди ясного неба, разнесся слух, что царевич умер 26 июня в карцере. На следующий день Петр опубликовал донесение, составленное Шафировым, Толстым и Меншиковым о кончине царевича:

«Излагая приговор трибунала в отношении нашего сына, мы, его отец, относимся, с одной стороны, с милосердием, а с другой – стараемся сохранить мир в нашей империи. Мы не могли принять решение в этом деле такое тяжелое и такое важное. Но всемогущему Богу было угодно по доброте своей оградить нас от сомнений и спасти от стыда наш дом и нашу страну. Вчера, 26 июня, он забрал от нас царевича Алексея, который скончался от тяжелой болезни, которая поразила его, когда он слушал смертный приговор за свои преступления против нас и государства нашего. Болезнь начала развиваться как апоплексия. Затем он пришел в полное сознание, исповедался, получил по христианскому обычаю соборование и попросил нас прийти к нему, что мы и сделали, забыв о всех его преступлениях, в сопровождении всех наших министров и сенаторов. Он чистосердечно признался во всех преступлениях против нас, рыдал и получил от нас, отца и государя, прощение. И 26 июня около шести часов пополудни он скончался».

Версия смерти от апоплексического удара не могла никого обмануть. Самые разные слухи ходили в народе и при дворе, особенно в дипломатических кругах. Императорский резидент Плейер писал, что царевичу мечом или топором отрубили голову в тюрьме; голландский дипломат Якоб де Би докладывал, что несчастного умертвили, вскрыв ему вены. Анна Крамер, горничная Екатерины, утверждала, что царевичу перерезали горло по приказу его отца и что она пришивала отрезанную голову к трупу, после чего замаскировала пришитое место длинным галстуком. Петер-Анри Брюс склонялся к отравлению. Другие, среди которых был и Румянцев, придерживались версии удушения подушками. Позднее Лефорт, консультант саксонской дипломатической миссии, и граф Рабутин, заменивший Плейера, расскажут, что 26 июня, после вынесения приговора, Алексея били кнутом, что наказание осуществлял сам Петр и царевич скончался от пыток. В записной книге Санкт-Петербургской гарнизонной канцелярии есть подтверждение этому заявлению, так как имел место дополнительный сеанс пыток 26 июня: «Они

проходили в присутствии царя с восьми до одиннадцати утра. В этот же день в шесть часов вечера царевич скончался». Во время этих последних пыток, последовавших после вынесения приговора, измученный царевич от большой кровопотери испустил дух. Участвовал ли в его наказаниях сам Петр? Возможно, он действовал дубиной и кнутом. Царь никогда не гнушался профессией палача. Вне всякого сомнения, у трупа Алексея он вспоминал Ивана Грозного, который в 1581 году в приступе гнева тоже убил своего старшего сына, пробив ему грудь своим железным посохом. Чтобы искупить свою вину, Иван Грозный погрузился в покаяние. Но Петр был другим человеком…

На следующий день после смерти Алексея он праздновал в Санкт-Петербурге девятую годовщину победы в Полтавской битве. Желтый флаг с черным двуглавым орлом развевался над крепостью, грохотали пушки, в открытой галерее Летнего сада, у подножия статуи Венеры, оркестр играл легкие мелодии, залпы салюта освещали небо. На вопросы членов дипломатического корпуса о соблюдении траура канцлер Головкин отвечал отрицательно, ссылаясь на то, что «царевич умер виновным». Во время этого пира, если Екатерина и казалась задумчивой, то царь, по свидетельству Плейра, был полон жизни. Один из секретарей Меншикова подтверждал: «После обеда все вышли в сад Его Величества и хорошо там повеселились».

В это время в крепости обмывали тело, обряжали его и клали в гроб. Наутро 28 июня его перевезли в церковь Святой Троицы. Народ, оцепенев, молча проходил перед покойным. В воскресенье, 25 июня, на Петров день, в именины царя, начались новые празднества: торжественные службы, фейерверки, перезвон колоколов, обед под музыку, и вечером состоялся спуск на воду фрегата перед Адмиралтейством. На борту корабля затем, по старой традиции, был организован пир, взрывы хохота, тосты, приветственные речи. Редактор гарнизонного журнала записал, что было много развлечений.

В понедельник, 30 июня, состоялись пышные похороны царевича в присутствии царя, царицы, министров, сенаторов и всех высокопоставленных гражданских и военных чинов. Многочисленная толпа, которая вся не вместилась в маленькую церковь, окружила ее. Гроб, украшенный черным бархатом, стоял на высоком катафалке, под балдахином из белой парчи, окруженный почетным караулом с обнаженными шпагами. Не эти ли солдаты окружали Алексея, когда он стоял перед судьями? Духовенство чинно совершало богослужение. Среди преданных царю празднично облаченных служителей церкви большая часть еще не пришла в себя после пира, который состоялся накануне.

Под конец панихиды царь взобрался на ступени катафалка, склонился над гробом и поцеловал хладные уста сына. Свидетели утверждают, что у него на мгновение что-то человеческое промелькнуло в лице, а глаза наполнились слезами. Однако он не жалел о содеянном. На этот раз был уверен, что искоренил зло. Он хотел засвидетельствовать свою признательность тем, кто помог ему справиться с этой необходимой и неблагодарной задачей: обманщик Толстой стал графом, Румянцеву было присвоено звание майора и подарено две тысячи крепостных; Евфросинье за ее предательство были отданы некоторые вещи, принадлежащие раньше царевичу. Выпущенная из крепости, она получила милость Их Величеств и вышла замуж за офицера из Санкт-Петербургского гарнизона, с которым прожила еще тридцать лет в достатке и покое. В конце 1818 года Петр, достаточно убежденный в том, что принял единственно верное решение в этой ситуации, велел выбить особую медаль, на одной стороне которой было его изображение в профиль с надписью: «Император Петр I», а на другой – корона, лежащая на высокой горе, которая вершиной выходит из облаков, ее освещает солнце, а вокруг надпись: «Величество твое везде ясно. 1718 г. 20 декабря».

Медаль знаменовала торжество царя над темными силами, грозившими сокрушить дело его жизни. Что творилось в душе отца, казнившего сына, – этого не узнал никто.

Однако иностранные дипломаты придерживались другого мнения. Вебер, ганноверский посол, анализируя ситуацию, писал: «Какой бы ни была любовь монарха к этим вещам, он действовал в одиночку… Все, что он поменял во время своего царствования, было сделано вопреки воле русских и исполнено только из послушания царя. Тяжелые ночи, которые он провел в размышлениях о будущем своей страны, вселяли надежду в большинство из его людей, что дни Его Величества сочтены и что жизнь в империи вернется в свое прежнее русло… Санкт-Петербург, корабли, море, немецкая мода и бритье бород, все иностранные обычаи и языки, были для большинства кошмаром. Те, кто вынуждены были поселиться в Санкт-Петербурге, с сожалением вспоминали о своих прежних местах, как о рае, и хотели только одного – чтобы вернулась их старая, грязная Русь… Царь чувствовал это сопротивление, и, так как видел, что царевич выбрал не его дорогу, а следует обычаям предков, нет ничего удивительного в том, что он прибегнул к крайне жестким мерам, которые в глазах всех казались несправедливыми…» В заключение своего рапорта Вебер использует шифрованный язык. «Конец этой страны будет ужасен, – писал он, – потому что

жалобы миллионов людей на царя будут услышаны небом и так как в каждом человеке заложена искра ярости, которая только и ждет ветра, чтобы превратиться в пожар».

Как будто прочтя эти строки, Петр подтвердил их спустя несколько месяцев после судебного процесса, сказав дворянам: «Вы видели, как я наказал неблагодарного сына, лицемера и лгуна… Я надеюсь укрепить этим мои великие совершения, которые дадут русскому народу еще большего могущества и процветания, совершения, которые стоили мне стольких сил, крови и денег и которые в первый год после моей смерти могли бы быть уничтожены, если бы я не принял и не реализовал того решения, которое сделал».[74]

Однако в народе воспоминания об Алексее остались как память о мученике, олицетворявшем Святую Русь. Вне всякого сомнения, если бы он пришел к власти после смерти отца, то вернул бы власть духовенству, разрешил бы носить бороды, прекратил бы воевать и отвернулся бы от безбожной Европы.

Действительно ли он умер? Некоторые говорили, что нет. Вскоре лже-Алексеи стали появляться почти по всей стране. Но Петру до этого было мало дела. Одним махом он пресек этот ретроградский слух еще большим террором, чем после стрелецкого бунта. Оппозиция была обезглавлена. Царь мог вернуться к своему истинному предназначению: расширять границы России. Меч – за границами страны и дубина – внутри государства. Если некоторые сегодня и страдали от этого, то последующие поколения оценят его по заслугам.

Глава XII
Император и императрица

1718 год был ознаменован для царя двумя значимыми смертями: его старшего сына Алексея и злейшего врага Карла XII. Король Швеции скончался 30 ноября, сраженный пулей перед крепостью Фридрихсгаль. Его сестра Ульрика-Элеонора, которая в марте 1719 года унаследовала власть, приказала казнить Герца, обвиненного в пособничестве России, и объявила через своих полномочных представителей, что Швеция не намерена больше идти на уступки на Балтике. Ответный удар Петра последовал незамедлительно. В июле 1719 года, когда на Аландских островах переговоры практически зашли в тупик, русский флот, состоящий из тридцати больших кораблей, ста тридцати галер и ста небольших кораблей, высадил в районе Стокгольма войска. Сотни деревень, мельницы, магазины и заводы были сожжены казаками и русскими моряками. Часть казаков подошла довольно близко к столице. Несмотря на большие потери, шведы не сдавались. В сентябре шведские дипломаты покинули Аландский конгресс. Ульрика-Элеонора добилась через какое-то время поддержки Англии и Венского двора, который поссорился с царем после дела царевича Алексея. Тонкие маневры Лондона закончились дипломатической изоляцией России. Но если руководители великих держав и высказывались против царя, то сил привести свои угрозы в исполнение у них не было. В мае 1720 года английская эскадра под командованием адмирала Норриса, соединившись со шведской эскадрой, попыталась напасть на противника, атаковав его позиции. Результаты были смехотворны: загорелась одна изба и одна баня. Тем временем Менгден во второй раз высадился в Швеции и сжег тысячу двадцать шесть крестьянских домов. Меншиков с насмешкой писал Петру: «Это существенная потеря, которую смогли нанести два объединенных флота Вашему Величеству на острове Нарго. Но, все взвесив, мы можем скорбеть по избе, доставшейся шведскому флоту, и бане, отошедшей английской эскадре». После этого боя адмирал Норрис покинул Балтийское море. Шведы поняли, что ни английский король, ни регент Франции, ни немецкий цесарь не рискнут, несмотря на их дружбу, поддержать шведов в неравной борьбе. Между тем Петр принял посредничество Кампредона, посланника Людовика XV, для сближения позиций двух сторон. Кампредон лез из кожи вон, встречался со многими людьми, общался с Фридрихом, супругом Ульрики-Элеоноры, ставшим

королем Швеции, переписывался с Петром и закончил свою деятельность тем, что организовал в апреле 1721 года новую встречу полномочных представителей России и Швеции в Ништадте. После долгих дискуссий шведы согласились пойти на уступки, но настаивали на том, чтобы царь не поддерживал претензии на корону Швеции герцога Голштинского, племянника Карла XII. Однако именно герцог Голштинский был очень радушно принят в начале лета в Санкт-Петербурге. Поговаривали о будущем бракосочетании его с царевной Анной, дочерью Петра. Фридрих решает согласиться со всеми волеизъявлениями царя, чтобы избежать опасности династической войны. Ништадский мир подписывался с 30 августа по 10 сентября 1721 года. Россия получала навечно Лифляндию, Эстляндию, Ингерманландию, часть Карелии с Выборгом, острова Эзель и Даго, должна была выплатить в течение четырех лет два миллиона талеров в качестве денежной компенсации; Россия должна была возвратить Швеции Финляндию и отказаться от вмешательств во внутренние дела страны; за проживающими на переданных России территориях людьми сохранялись права, которые они имели при шведском режиме, так же как и право выбора религии и право на образование; владельцы, имеющие собственность, сохраняли ее за собой.

3 сентября 1721 года прибывший в Выборг курьер принес царю новость о подписании мира. Узнав, что война, которая длилась двадцать один год, закончилась, Петр возликовал. Выйдя на Балтийское взморье, он изменил политическое лицо Европы. Наконец Россия смогла передохнуть, чувствуя себя свободной. Лишения и страдания, которые в течение долгого времени терпел народ, не были напрасны. Петр писал Василию Долгорукому: «Все ученики науки оканчивают в семь лет обыкновенно; но наша школа троекратное время была (21 год), однако ж, слава Богу, так хорошо окончилась, как лучше быть невозможно».

Вскоре на яхте он вернулся по Неве в Санкт-Петербург. Во время всего путешествия палили из трех бортовых орудий, трубили трубы, победно гремели барабаны. В столице толпа, высыпавшая на пристань встречать царя, махала платками и громко кричала: «Мир! Мир!» Царь, несмотря на свои сорок девять лет, одним прыжком соскочил с судна на землю и направился в Троицкий собор. В то время как на площади перед храмом наспех сооружали деревянные подмостки, сюда уже принесли бочки с пивом и водкой. По окончании божественной службы Петр бодро вскочил на подмостки и воскликнул, оглядев склоненные перед ним головы: «Здравствуйте, дети мои, и благодарите Бога, православные, что такую долговременную

войну всесильный Бог прекратил и даровал нам со Швецией счастливый, вечный мир!» Сказав это, Петр взял стакан с водкой и выпил за здоровье народа, который плакал и кричал: «Да здравствует государь!» До наступления ночи глашатаи в касках с белыми перевязями через плечо и с украшенными лавровыми венками белыми знаменами в руках ходили по улицам и объявляли в перерывах между двумя сигналами трубачей о наступлении новой эры мира. Люди плакали от радости, благословляли государя, танцевали, пили и пели песни на улицах.

Всю следующую неделю длился маскарад, на который по приказу царя собралось больше тысячи человек. Высокопоставленные сановники с супругами, наряженные в самые разные маскарадные костюмы, длинной вереницей медленно несколько часов шли по Троицкой площади. Среди них были пастухи, нимфы, испанцы, турки, индейцы, арлекины и пр. У царицы был костюм голландской крестьянки, царь нарядился голландским матросом. Он шел во главе колонны и неутомимо бил в барабан. Никто не мог выйти из цепочки или остановиться без приказа. Апогеем праздника стала женитьба нового князя-папы Бутурлина на шестидесятилетней вдове его предшественника Зотова. Этот союз был предопределен царем, несмотря на все просьбы не делать этого. На свадебном пиру князь-папа сидел под балдахином рядом с царем; его супруга под другим балдахином, рядом с царицей. Мужчины и женщины пили под тосты Петра. Все были пьяны до такой степени, что не могли даже танцевать. Чтобы придать церемонии хоть какое-то оживление, царь и царица проводили новобрачных в их комнату, расположенную на первом этаже большой деревянной пирамиды «Четыре Фрегата», напротив Сената. Бочки с вином и водкой стояли вокруг кровати. Новобрачные легли и выпили еще перед Их Величествами. Затем Петр и Екатерина удалились, закрыв за собой двери. Но в стенах пирамиды были сделаны отверстия, в которые снаружи можно было подглядывать за супружеской парой. Перевоплотившись в зрителей, царь, царица и их окружение веселились, следя за действиями и гримасами на лицах князя-папы и его супруги, которые не знали, что за ними наблюдают.

На следующий день царь, блистая остроумием, придумал новую забаву. На плоту решено было поставить огромную бочку с пивом. На поверхности бочки плавала лоханка, в которой сидел князь-папа в тиаре из жести на голове и с жезлом с изображением Венеры в руке. Он испуганно смотрел на всех вокруг, а в это время лодка с двенадцатью гребцами буксировала плот по Неве.

Его «кардиналы» следовали за ним верхом на бочках, подобрав до живота свои красные платья. Моряк в костюме Нептуна поворачивал князя-папу в чане при помощи трезубца. Несчастный кричал и цеплялся, пока его лоханка не опрокинулась и князь-папа не начал барахтаться в пиве. Толпа, собравшаяся на берегу, аплодировала. Маскарад продолжался и в следующие дни и становился все более буйным и абсурдным. Дворянам было запрещено выходить на улицу без маскарадного костюма. Штрафу в сто рублей подвергались те, кто ослушивался царского приказа.

После недели безумного веселья постепенно надо было возвращаться к серьезным делам. 22 октября 1721 года, после получения текста мирного договора со Швецией, новая праздничная служба состоялась в Троицком соборе. Архиепископ Псковский, прославляя мудрость государя и канцлера Головкина, от имени Сената обратился к Петру с взволнованной речью: «Знаменитые дела Вашего царского Величества, его доблесть и мужество, так же на войне, как и в политике, его неустанные труды, благодаря которым вывел нас из тени и невежества, в котором мы находились, и о нас узнал мир, и можно сказать, что Ваше Величество сделало из ничего нечто и мы присоединились к цивилизованным обществам… Сенат с глубочайшим почтением умоляет Ваше Величество принять титул Петра Великого, отца родины, императора всея Руси… Да здравствует Петр Великий, император всея Руси!»

Петр на радостях обнял его и в конце концов принял и произнес краткую речь. С его словами раздались буйные возгласы толпы, затрубили трубы, с крепости и Адмиралтейства были произведены залпы, в ответ которым палили из пушек на ста пятидесяти галерах. Потом начался парад в зале для аудиенций в Сенате, самые знатные люди империи пришли поздравить своего государя. Он восседал на деревянном позолоченном резном троне, украшенном наверху двуглавым орлом. Справа от него Екатерина в красном бархатном платье, расшитом серебром, слева – царевны Анна и Елизавета, в белых, расшитых золотом платьях. Приглашенные по очереди поднимались по ступенькам, ведущим к трону, и целовали руку нового императора. Все собрались на огромном банкете, мужчины в одном зале, женщины – в другом. Сменяли друг друга тосты, сопровождаемые ударами литавр и салютом. Вдоволь наевшись и напившись, Петр оставил своих гостей, запретив им двигаться, и отправился отдохнуть, по своей привычке, на яхту. Часовые, поставленные у дверей, не должны были выпускать гостей. Запертые на своих местах, некоторые из них, особенно самые старшие, заснули, уронив голову на стол. Наконец вернулся Петр, свежий и отдохнувший

после короткого сна, и устроил танцы. Полонезы и менуэты встряхнули присутствующих, которые неохотно болтали ногами, чтобы развлечь государя. В девять часов вечера на смену танцам пришел салют. Но главный пиротехник был мертвецки пьян, и ему нельзя было доверить это деликатное дело. Однако новый император был тоже неплохим пиротехником. Он вышел, засучив рукава, и сам лично устроил салют в свою честь. Мерцающие надписи, провозглашающие Петра Первого императором России, статуи русского и шведского воинов, держащих в руках табличку, на которой написано: «Мир». Появились символические фигуры Правосудия и Победы, тысяча ружейных залпов расцветила ночное небо разноцветными цветами, с галер, пришвартованных у Сената, тоже стреляли, и от каждого залпа стены дрожали, как будто собирались обрушиться. Столпившись у окон, гости замерли от восхищения. На перекрестках целые быки жарились на вертелах, неиссякаемым фонтаном текли водка и вино. Народ толкался, чтобы схватить кусок мяса и выпить водки. Сильная гвардия была выставлена, чтобы не допустить беспорядков. Простолюдины перешептывались, спрашивая друг друга, что изменится в стране после того, как Петр стал императором. Будут ли они счастливее или станут еще более несчастными? Будут ли они платить еще больше налогов?

Петр согласился быть императором всея Руси, но не императором Востока, как некоторые ему внушали. Но, ограничивая протяженность своих притязаний только русскими территориями, он вовсе не сталкивался с политическими концепциями других европейских государств. Главы дипломатических миссий не скрывали от него, что их правительства с трудом признали в нем императора. И действительно, если Голландия и Швеция незамедлительно признали за ним его новый титул, то Австрия, Англия, Турция, Франция, Испания и Польша долго отказывались это сделать.

Во всяком случае, он не чувствовал никаких изменений после того, как получил императорский титул. Ни его идеи, ни образ жизни не изменились. Ожесточенный, неутомимый, безжалостный, он продолжал удивлять всех, кто его окружал. Портреты, рассказы, мемуары людей того времени представляют его как широкоплечего гиганта, с загорелой кожей, полными щеками, чувственным ртом под тонкими усиками, с властным взглядом и темными короткими вьющимися волосами, с бородавкой на правой щеке. Он ходил быстрым шагом, размахивая руками и сутуля спину, напоминая моряка, который сошел на берег с корабля. Время от времени его голову поражал нервный тик, и тогда у него кривилось лицо, а взгляд приобретал

выражение безумной ярости. Это случалось внезапно, а потом черты лица царя опять обретали гармонию. Но его собеседники испуганно замирали, увидев, что лицо человека превращается в звериный оскал. Чтобы прекратить эти конвульсии, он употреблял странные лекарства, среди которых, например, был порошок, приготовленный из желудка и крыльев сороки. Опасаясь припадков, он не любил спать один. Когда с ним вместе не было никакой женщины, он приказывал одному из офицеров или кому-нибудь из слуг спать с ним рядом и вцеплялся тому в плечи мертвой хваткой. И горе было тому, кто рисковал пошевелиться или храпел. Тот наказывался дубиной. В походах, во время отдыха, Петр охотно клал голову вместо подушки на живот кому-нибудь из слуг. Если у человека бурчало в животе, царь гневался и стучал по нему. В 1717 году, находясь за столом вместе с королевой Пруссии, у него так внезапно случился приступ, что королева обеспокоилась и захотела встать. Чтобы ее успокоить, он схватил ее за руку и так сильно сжал ее, что она закричала. Он пожал плечами и сказал: «У моей Катерины менее хрупкие кости!» У Петра была такая сила в руках, что он играючи мог согнуть подкову или скрутить в трубочку серебряную тарелку.

Он был всегда довольно просто и даже неряшливо одет. Головной убор без галунов, одежда из грубого сукна, грязный жилет, чулки с заплатами и стоптанные башмаки. Иногда он надевал зеленую с красным униформу Преображенского полка. В руке у него всегда была его знаменитая дубина, мощная трость с набалдашником из слоновой кости, с помощью которой он мог заставить выполнять свои приказы. В праздничные дни, тем не менее, он одевался в красную рубаху, вышитую серебром, с большими манжетами на французский манер и маленьким шведским воротником. Он носил коричневый парик с такими же короткими волосами, как и его собственные, которые он нерегулярно стриг. Часто, когда он был раздражен, он снимал парик и клал его в карман. Или, забывая его надеть в холод, снимал парик с того, кто был с ним рядом, или с какого-нибудь лакея. Зимой он носил овечью шапку, сапоги на оленьем меху и кафтан на двойной меховой подстежке. Его утренние посетители, будь то послы или князья, видели его в очень коротком домашнем платье, которое даже не прикрывало его волосатые ноги. На голове у него был ночной колпак с зеленой ленточкой и подкладкой, которая впитывала пот со лба и висков, потому что он всегда сильно потел. Со своими собеседниками он приступал прямо к делу и задавал вопросы, так что каждый раз у посетителей складывалось впечатление, что они держат экзамен перед учителем, который знает их дела гораздо лучше их самих.

Днем он их отсылал, быстро одевался, опрокидывал стакан водки, заедал его баранкой и бежал на верфь. Он добирался туда пешком, если была хорошая погода, или в маленьком красном кабриолете, запряженном одной лошадью, в плохое время года. Зимой кабриолет заменяли обыкновенные сани. Жители Санкт-Петербурга могли видеть своего царя, когда он ездил по улицам города, небрежно одетый, без свиты, как обыкновенный горожанин. Иногда он заходил в первый попавшийся дом, просил попить, съедал что-нибудь. Петр запрещал, чтобы при встрече с ним на улице люди падали на колени. Он почти никогда не ездил в карете, за исключением больших приемов. И даже в этих случаях пользовался каретой Меншикова, известной всему городу своим царским великолепием.

Вернувшись во дворец, он выпивал еще один стакан водки и работал с бумагами до того, как надо было садиться за стол. Но иногда, между чтением рапортов, он отправлялся в свою мастерскую. В течение нескольких лет он работал над паникадилом из слоновой кости на двадцать четыре свечи, которое предназначалось для одного из санкт-петербургских соборов. Ничто так не снимало напряжение царя, как ручной труд. Даже во время развлечений, которые он устраивал для своих придворных, он любил сам делать фейерверки и играть на барабане. В 1722 году, во время свадьбы одной из дочерей Ромодановского, он решил сыграть роль распорядителя, ходил с жезлом, следил за обслуживанием гостей и потребовал накрыть ему вместе со слугами. Когда людям стало душно из-за жары, он приказал принести слесарные инструменты и своими руками открыл окно, которое никогда не открывалось.

Петру достаточно было нескольких часов сна, чтобы восстановить свои силы. Глубокой ночью со стаканом в руке он спорил со своими собеседниками, которые из последних сил слушали его вопросы, приказы и советы. Царь встряхивал их взрывами хохота или неожиданной яростью. А в четыре часа утра он уже был на ногах, ходил взад-вперед по комнате в домашнем платье, ожидая первую аудиенцию.

Его легендарная простота выражалась не только в предпочтении темных маленьких комнатушек с низкими потолками, тесных и жестких кроватей, темной и крепкой мебели, но также и в отсутствии потребности в домашних слугах. Содержание двора ему стоило не больше пятидесяти тысяч рублей в год, а его личными слугами была всего лишь дюжина молодых людей, дворянского происхождения и простолюдинов, которые выполняли обязанности слуг, курьеров и секретарей. Один из них, Нартов, помогал ему вытачивать разные вещи из

дерева и слоновой кости. Все его боялись и поклонялись ему. Он обращался с ними грубо и весело. Ходили слухи, что к некоторым он испытывал двусмысленную нежность. Впрочем, его демонстрации дружелюбия были так же неожиданны, как и приступы ярости. В порыве энтузиазма он мог крепко поцеловать в губы мужчину. Бергхольц описывал, как однажды царь взял двумя руками голову герцога Голштинского и, сняв с него парик, поцеловал в лоб, шею и даже «между зубами и губами». Одним из его пажей в течение некоторого времени был молодой чернокожий Абрам Петрович Ганнибал. Купленный в Константинополе послом Толстым, крещенный в одиннадцать лет, он получил в крестные отцы Петра, а в крестные матери королеву Польши и был приближен к царю, которого поразил своим умом и любезностью. Он спал в токарной мастерской государя и следовал за ним во всех походах. Петр взял на себя заботу о нем, чтобы не чувствовать себя одиноким, и не боясь испачкать руки. Когда Абраму исполнилось двадцать два года, царь отправил его совершенствовать образование в Париж. Он записался во французскую армию, получил там звание лейтенанта во время кампании 1720 года против Испании, был ранен в голову, вернулся в Париж, поступил в Инженерную школу, закончил ее в чине капитана и вернулся наконец в Россию. Там он служил в роте бомбардиров под командованием Петра. Царь оценил серьезность и преданность этого человека с темным лицом. Он умер в преклонном возрасте и был прадедом поэта Пушкина по материнской линии.

Во время своей жизни при дворе «арап Петра Великого», как писал о своем предке Пушкин, тоже познакомился с дубиной своего хозяина. Этой участи избежали только близкие царя. Часто он приглашал в свою комнату известных чиновников, на которых ему жаловались, и там, без свидетелей, бил их дубиной. Быть побитым Его Величеством не считалось немилостью. Наказание, исполненное втайне, можно было воспринимать как благосклонность. Выходя из комнаты, наказанный посетитель выпрямлялся и делал вид, что участвовал в конфиденциальных переговорах особой важности. Иногда Петр поручал одному из своих фаворитов обращение с дубиной от своего имени. «Завтра вы будете на обеде у N, – говорил он капитану Синявину, – вы спровоцируете ссору, во время которой ударите хозяина тростью в моем присутствии ровно пятьдесят раз».[75] Во время Персидской кампании он отважился ночью попасть в руку своего доверенного лица, Волынского, которого в темноте принял за другого, и, заметив наконец свою ошибку, рассмеялся и сказал: «Ничего страшного, однажды ты заслужишь то, что получил

сегодня; ты должен только будешь мне напомнить, что уже заплатил».

Страсть к насилию была, очевидно, заложена во вспыльчивом характере хозяина и не противоречила его представлениям о государственном управлении в России. Однажды он заметил в руках капитана корабля книгу, которую тот попытался спрятать. Он взглянул на страницу и прочел: «Русский как треска; если его часто не бить, из него ничего хорошего не выйдет». И когда испугавшийся капитан уже мысленно представлял себя на дыбе, царь улыбнулся и сказал: «Ты читаешь полезные книги. Ты достоин повышения». В сознании царя дубина предназначалась для тех, кого он любил и кого воспитывал для их же блага. Остальные подвергались более суровому наказанию. Нередки были случаи, когда после наказания Петр приглашал человека на обед, и это было как бальзам на раны.

Его вкусы в еде были такими же простыми, как манера одеваться и пристрастие к простым жилищам. Когда он садился за стол вдвоем с Екатериной, только один слуга прислуживал им за столом. Когда к царю и царице кто-то присоединялся, шеф-повар Велтен сам выносил блюда с помощью двух человек. В дни празднеств обедали у Меншикова, у которого была позолоченная и фарфоровая посуда, много поваров и толпа слуг.

Манеры Петра за столом были совсем простыми. Он ел руками, забрызгивал свою одежду соусом, вытирал рот рукой. Оказавшись с ним за одним столом в Берлине, у наследного принца, министр Польши Мантеффель похвалил царя, который, как он сказал, превзошел себя, потому что «он не рыгал, не ковырялся в зубах, не икал, по крайней мере я этого не видел и не слышал». Петр всегда носил с собой свой столовый прибор: деревянную ложку с отделкой из слоновой кости, нож и вилку с ручкой из зеленой кости. Но этими предметами он пользовался редко. Ему гораздо проще было поглощать пищу руками. Кулинарные изыски утомляли его. Он любил рагу, кашу, щи, молочного поросенка, огурцы и соленые лимоны, лимбургский окорок, лук, который он ел сырым, закусывая черным хлебом. Никогда не ел сладкого и рыбы, эти блюда, как он считал, вредили желудку. Любитель поесть, он не меньше любил выпить. Водка, пиво, токайское вино, кагор, вина из провинции Медок – все для него годилось. «Не было ни дня, когда бы он не выпил вина», – утверждал барон Пёльниц. Любое счастливое событие – именины, празднование победы, спуск на воду корабля – служило предлогом для непрекращающегося застолья. Многие из его пиров продолжались по несколько дней и ночей. А так как он хорошо переносил алкоголь, царь требовал такой же способности

от своих гостей. Когда кому-то оказывалась честь сидеть за одним столом с государем, приходилось так же часто опустошать бокал, как и он. Дипломаты приходили в ужас от этой необходимости, и не только они. Большая часть приглашенных с недоумением смотрела на группу из шести гренадеров, которые на носилках вносили в зал огромное ведро, до краев наполненное водкой. От этого напитка по всему залу распространялся сильный запах. Каждый должен был выпить столько этой жидкости, сколько укажет царь. Те же, кто хотел уклониться, наказывались штрафной дозой. Если же гости протестовали, доказывая, что уже приняли свою порцию, их заставляли дыхнуть, чтобы удостовериться, что в их дыхании чувствуется алкоголь. Не делали исключения из этого правила даже для женщин. Дочь вице-канцлера Шафирова, крещеного еврея, отказалась один раз выпить большую кружку водки. Тогда Петр закричал на нее: «Проклятое еврейское отродье, я научу тебя слушаться!» И перед всеми отвесил ей две громкие пощечины. Часовые не позволяли участникам собрания покинуть зал, пока царь не закроет банкет. Но он знал свою «меру» и никогда не принимал важных решений в состоянии опьянения.

Привыкнув с молодых лет к полной свободе действий, Петр не допускал никаких обстоятельств, ограничивающих его волю. Его самые экстравагантные капризы казались ему совершенно обоснованными, если он загорался какой-либо идеей. И если он чего-то хотел, никто не мог его переубедить. Чтобы развеселить гостей, он заставлял восьмидесятилетних людей танцевать, пока те не падали с ног, подражая молодым, а молодые люди должны были танцевать, подобно старикам, волоча ноги по полу. Екатерина вступилась за супругу маршала Олсуфьева, которая ждала ребенка, чтобы царь разрешил ей не присутствовать на очередной попойке. Петр возмутился подобной просьбе, потребовал присутствия несчастной на банкете и не испытал никаких угрызений совести, узнав, что вследствие этого у нее родился мертвый ребенок. Министр Федор Головин отказался во время одного из обедов от салата, потому что не переносил уксуса. Разъяренный царь схватил опешившего гостя и стал лить ему в рот уксус до тех пор, пока у того не пошла кровь изо рта. Другой Головин, старший представитель знатной семьи, должен был по приказу царя участвовать в маскараде, вырядившись в костюм дьявола. Когда он отказался от этой затеи, ссылаясь на свой возраст и положение, Петр заставил его раздеться, напялить шапку с рогами и сесть голым на льду Невы. В таком положении на сильном ветру он пробыл час. Вернувшись к себе, он слег с высокой температурой и умер. А Петр вовсе не видел за собой

никакой вины.

В 1721 году во время свадебного пира, когда князь Трубецкой, человек в возрасте, женился на молоденькой двадцатилетней девушке, к столу подали желе из фруктов, излюбленное лакомство молодожена. Тут же Петр силой открыл ему рот и стал заталкивать это кушанье, проталкивая куски своими пальцами все дальше в горло. В это же время по приказу императрицы другие приглашенные щекотали брата девушки, который корчился и кричал, если верить словам Бергхольца, «как теленок на скотобойне».

В Копенгагене Петр увидел мумию, которая ему понравилась, и захотел ее забрать. Но так как это был единственный в своем роде экземпляр, король Дании ответил вежливым отказом на просьбы своего высокого гостя. Царь вернулся в музей, вырвал мумии нос и, повредив ее, сказал изумленному хранителю: «Теперь вы можете ее охранять».

Утром 11 июля 1705 года, посетив монастырь в Полоцке, Петр остановился перед статуей прославленного мученика ордена, блаженного Иосафата, который был изображен с топором, вонзенным ему в голову. Царь, еще окончательно не протрезвев, спросил: «Кто замучил этого святого?» – «Схизматики», – ответил настоятель, пастор Козиковский. Этого слова, которым католик назвал православных, было достаточно, чтобы вывести царя из себя. Он проткнул шпагой пастора Козиковского и убил его; офицеры из его свиты набросились на остальных монахов. Трое также были заколоты насмерть, а два других, смертельно раненных, умерли через несколько дней; монастырь был отдан на разграбление, а в разоренной церкви сделали кладовую для царских войск. В тот же вечер секретарь царя Макаров написал в «Журнале» Его Величества: «11 июля был в униатской церкви в Полоцке и убил пять униатов, обозвавших наших генералов еретиками». Известие об этом, немедленно посланное из Полоцка в Рим, наделало много шуму в униатских церквях, инцидент обрастал все новыми ужасными и возмутительными подробностями. Царь якобы приказывал отрезать груди у женщин, которые были виноваты лишь в том, что присутствовали при резне и были не в силах скрыть своего волнения. В слухах была известная доля преувеличения.

Спустя пять лет, во время празднования победы под Полтавой, в Москве, царь подошел к солдату, который нес шведское знамя, и, искаженный яростью, ударил его плашмя своей шпагой, не заботясь о том, что стало с его жертвой. В 1721 году в Риге, увидев другого солдата, несущего фрагменты меди, упавшие с крыши церкви Святого Петра после удара молнии, он

убил его, ударив своей дубиной. Ромодановский и Зотов пытались успокоить царя во время одного из приступов ярости, тогда Петр обнажил свою шпагу, сделал несколько взмахов лезвием и наполовину отрезал пальцы одному и ранил в голову другого. Некоторое время спустя, увидев среди бала, что Меншиков танцует со шпагой на боку, он дал ему такую сильную пощечину, что у фаворита пошла носом кровь.

Некоторые из этих эпизодов были инспирированы им исключительно для того, чтобы посмеяться и развеселить других. Так, например, 30 апреля 1723 года Петр стал бить в набат, ночью поднимая жителей Санкт-Петербурга, которые, решив, что начался пожар, устремились туда, где предположительно он мог начаться. И увидели всего-навсего пылающий костер, который был разожжен по приказу царя. Солдаты, следившие за костром, сказали, смеясь, что это была шутка Его Величества. В другой раз, чтобы развлечься, он поджег старый деревянный дом в Москве, постройки 1690 года, приладив римские свечи к балкам, и бил в барабан, пока не обрушилась крыша, устроив искрящийся фейерверк. Или одному из своих шутов во сне приклеил смолой бороду к груди и долго смялся, увидев, как человек корчился после пробуждения.

Шуты – а их в окружении царя было около шестидесяти – должны были развлекать государя своими шутками. За столом они громко рассказывали, прыская со смеху, о кражах, растратах, оплошностях должностных лиц, пока царь осматривал пронзительным взглядом присутствующих. Самым знаменитым шутом был португалец из Акосты. Петр доверял ему организацию гротескных церемоний и руководство людьми, которые были в них задействованы. Другой шут, Балакирев, был у царя козлом отпущения, он считал его королем обманутых мужей и не упускал случая публично ему сделать рожки.

Кроме шутов, существовали еще и карлики. Петр был без ума от них. Чтобы придать пикантность венчанию двух своих любимых карликов, Петр приказал созвать еще семьдесят двух со всех дальних областей империи. В церкви он сам лично держал венец над головой невесты, которая едва доставала ему до пупка. После этого в роскошном дворце Меншикова был устроен огромный пир. «Нормальные» люди сидели за большими столами, «лилипуты» за маленькими столиками, и им подавали еду на миниатюрных тарелочках. Вскоре вся компания *гномов* была мертвецки пьяна. Очевидец так описывал бал, который последовал за обедом: «Легко было представить себе удовольствие, которое Петр I и оставшаяся компания получали от зрелища комичных прыжков, странных гримас и смешных поз

этих пигмеев, один вид которых уже заставлял смеяться. У одного был большой горб и короткие ноги; у другого был огромный живот; третий переваливался с боку на бок, как барсук на кривых ножках; еще один отличался длинными ушами, маленькими свиными глазками и тем, что у него рот был набоку; у остальных фигуры были еще смешнее. Когда развлечения закончились, новобрачных проводили в царский дворец и положили в царской спальне».[76]

Похороны того же самого карлика спустя несколько лет дали повод царю разыграть целый спектакль. Во главе похоронной процессии шел священник маленького роста. Певчими были дети. Маленький катафалк с маленьким гробиком везли маленькие лошадки, покрытые черными попонами. Позади шествовали карлики в траурных одеждах. Их уродства и прихрамывающая походка веселили зевак и самого царя. Чтобы процессия смотрелась контрастнее, Петр приказал пятидесяти гренадерам самого высокого роста ехать по бокам процессии с фонарями в руках. После похорон карлики были приняты во дворце Их Величествами. Спустя несколько дней смерть главного повара спровоцировала еще один маскарад. Все участники процессии были одеты как повара, в фартуки и белые колпаки.

Не только карлики привлекали Петра, но и гиганты. Он привез из своего путешествия по Франции толстого и вялого великана, ростом два метра двадцать шесть сантиметров, и женил его на финке такого же роста в надежде, что у них родятся необыкновенно большие дети. Это ожидание закончилось разочарованием, несмотря на то что царь назначил паре великанов ежегодное содержание в размере шестисот рублей. Великана использовали также на гротескных церемониях, нарядив в костюм мальчугана, он водил на помочах карликов.[77]

Вскоре болезненные пристрастия царя подтолкнули его к организации Кунсткамеры, где он собрал различные экспонаты «ошибок природы»: человек, лишенный гениталий, ребенок с двумя головами, барашек с пятью ногами, уродливый зародыш. Он любил пройтись между сосудами, в которых были заспиртованы эти диковинные образцы. Был издан и разослан по областям специальный указ, в котором царь приказывал все найденные на их территории феномены, людей или животных, живых или мертвых, доставлять в Санкт-Петербург. Были назначены различные вознаграждения за найденные диковины: за живое существо, за мертвое, за человеческое существо и за животное. Хранителем этого музея был карлик, у которого на руках и ногах было всего по два пальца. Он знал, что после смерти также станет одним из экспонатов музея.

Страсть к ужасам естественным образом привела Петра в камеры пыток, где он любил присутствовать и смотреть, как палач орудует клещами или кнутом. При необходимости он становился помощником палача, даже если дело касалось его собственного сына. Зрелище казни было для него ни с чем не сравнимым удовольствием, которое он не мог пропустить. По словам Семевского, «он провожал осужденных до эшафота с упреками и бранью, насмехаясь над их агонией и смертью».

Не будучи чувствительным к таинству смерти, он видел в человеческом теле только интересующий его механизм. Ему доставляло удовольствие изучать человека со скальпелем в руке. Во время своего пребывания в Голландии он не расставался со своей маленькой сумочкой. Сотрудники госпиталей Санкт-Петербурга получили приказ от царя сообщать ему о всех хороших больных, поступающих на операцию. Большую часть времени он присутствовал при хирургическом вмешательстве и объяснял различные этапы операции. Часто он брал в руки скальпель, и тогда ни один врач не осмеливался критиковать его действия. Он освободил таким образом от двадцати литров воды супругу негоцианта Борста, которая страдала водянкой. И очень гордился своим результатом. Но через четыре дня его пациентка умерла. Взбешенный так, как будто она его ослушалась, он приказал сделать вскрытие для установления причин смерти в его присутствии, чтобы снять с себя все обвинения перед докторами. Само собой, никто и не думал обвинять царя в этой смерти. Вдовец Борст благодарил Петра со слезами на глазах и просил Его Величество присутствовать на похоронах. Также, если верить Долгорукому, Петр лично участвовал на вскрытии тела царицы Марфы Апраксиной, вдовы Федора III, умершей от несварения желудка, чтобы выяснить, была ли она в свои пятьдесят два года девственницей, как говорили при дворе.

Менее драматичные последствия имело вмешательство царя в лечение зубов своего окружения. Его страсть к врачеванию зубов только усилилась со временем. Он не пропускал случая заглянуть в больной рот своих близких и придворных. Щека, вспухшая от флюса, радовала его. Он преследовал того, кто отказывался удалить больной зуб. Его знаменитая сумочка с вырванными зубами раздувалась с каждым годом, как кошелек скупца. Эта сумочка до сих пор хранится в Санкт-Петербурге.

Берущийся за все, он хотел охватить все области человеческих знаний, не имея ни времени, ни терпения их углубить. Он увлекался деталями и не придавал значения главным вещам. Абстрактные концепции сбивали его с толку. Своего рода интеллектуальная близорукость постоянно склоняла

его к очень мелкому. Однако это бесконечное множество порывов рождало в конце концов направление движения. Так был создан Санкт-Петербург: из хаотических действий вначале вырос красивейший город, необдуманно начатая война закончилась присоединением желаемых территорий. Его интересовали одновременно совершенно разные вопросы, неравнозначные по срочности и важности. В его голове роились мысли, которые он не успевал записывать. Он всегда носил с собой записные дощечки, которые вынимал из кармана и покрывал иероглифами. Когда место на дощечке заканчивалось, он хватал первый попавшийся документ и делал на нем пометки. На полях рапорта о проекте учреждения академии в Санкт-Петербурге он нацарапал несколько строчек: «Надо отправить Румянцева на Украину с приказом поменять быков, которых они могут предоставить от своей области, на овец и баранов и отправить кого-нибудь за границу, поучиться, как ухаживать за этими животными, как их стричь и как обрабатывать шерсть».[78] В одном из писем к Апраксину в сентябре 1706 года он дает одновременно инструкции по идущей военной кампании, по переводу некоторых книг с латыни и о дрессировке пары молодых собачек, которых надо научить прыгать через палку, снимать шапку с хозяина, приносить предметы… Он перескакивает от одной темы к другой, как мячик: реорганизация армии и запрет на дубовые гробы, построение флотилии и рецепт холодца из требухи, охота на кита и появление пятен на солнце, переговоры о переуступке Шлезвига с герцогом Голштинским и поиски уродцев для Кунсткамеры. Он все время так торопился, что его письма в большинстве своем напоминают короткие, едва читаемые записки. Многие слова не дописаны, и приходится догадываться по смыслу. Так например, он писал Меншикову: *«Mei her Brude un Kamara»*, что означало *«Mein Herr Bruder und Kamarad»* (мой брат и товарищ). Даже подпись царя и та была сокращена.

Еще одной необычной чертой царя была его способность работать по четырнадцать часов в день, как утверждали его близкие. «Он был неутомим в делах, – писал Кампредон, – он вникал и разбирался во всем лучше своих министров; он присутствовал на всех их обсуждениях». Он никогда не занимался пустыми размышлениями. Его мозг отказывался прокручивать впустую мысли, исключительно для интеллектуальной гимнастики. За каждой мыслью должно было следовать действие. Однако этот человек действия, который насмехался над суевериями, имел слабость верить в сны. Он их так скрупулезно записывал, как если бы речь шла о физических феноменах. Он видел себя поднимающимся по веревке на огромную башню,

которая заканчивалась двуглавым орлом, или хватающим большого визиря, вручающего ему свою саблю, или сражающимся с тиграми до того момента, когда четыре призрака в белых одеждах разгоняют их. Последний сон укрепил его воинственные настроения. Он испытывал также некоторое отвращение, которое было удивительно для человека такого сурового морального духа. Он не мог переносить вида тараканов, увидев это насекомое, готов был упасть в обморок. Думая, что доставит царю удовольствие, один из офицеров показал ему насекомое, которое он раздавил. Петр побледнел, обрушил на несчастного несколько ударов своей дубины и убежал.

В вопросах религии он проявлял смущение и непоследовательность. Традиционное почтение, которое внушалось ему матерью, Натальей Кирилловной, основательно укоренилось в его сознании. Он верил в Бога, сотворившего мир, в свою избранность на Руси, считал, что любое ослушание царя – это преступление по отношению к христианской вере, и призывал служить святому кресту, чтобы победить «мусульманских дьяволов». Все его победы отмечались хвалебными песнопениями, которые продолжались по пять часов. Никогда он не отправлялся в кампанию, не взяв с собой изображения лика Спасителя, которое считал залогом своей жизни. Он охотно повторял: «Тот, кто забыл Бога и не соблюдает его заповеди, работает без результата и не получит благословения Небесного» или «Господь превыше всех». Следуя примеру предков, он участвовал во всех праздничных церковных богослужениях. Он пел с певчими с уверенностью регента, причащался, дискутировал со священниками в вопросах о теологии, наказывал штрафами верующих, которые болтали или дремали во время службы. Но спустя несколько часов после службы организовывал оргии и предавался самым низким инстинктам. Петр обнародовал суровые наказания для тех, кто хулил Церковь. Но сам придумывал богохульные церемонии вокруг князя-папы и веселился, насмехаясь над символами церковного культа. Он обязал верующих исповедоваться по меньшей мере один раз в год под угрозой передачи ослушавшихся в суд. Но сам никогда не говорил о мучивших его угрызениях совести. Все происходило так, будто между Богом и ним существовало особое соглашение, которое давало ему право на все, что происходило на земле, и налагало на него полную ответственность перед Небесами. Все, что он делал, оправдывалось его положением царя. Его не могли застать врасплох слова о том, что он не является верующим христианином. Он заявлял: «Я хотел бы, чтобы народ занимался не только соблюдением постов, битьем поклонов, свечами и

ладаном, но чтобы, веря в Бога, он понимал, что такое вера, надежда и любовь».[79] Однако любовь была именно тем понятием, которого ему не хватало. Он любил свою страну, но не любил своего ближнего.

По отношению к другим религиям Петр демонстрировал большую лояльность. Он с интересом окружал себя кальвинистами и лютеранами, затевал с ними догматические споры, где его православие сильно хромало, и благоговейно выслушивал заведомо еретические проповеди. Он охотно заходил в протестантские храмы. Отдельным указом в 1702 году он гарантировал иноземцам свободу осуществлять отправления их культов. Но опасался католиков, которые были под большим влиянием папы. Приняв иезуитов и попрощавшись с ними, он скажет, что осведомлен об их учености и знает, что они используют свои знания только в пользу папы, чтобы получить некоторую власть над государями. Иезуитов в России заменили капуцины. Затем и капуцины показались царю подозрительными, и он доверил управление католическими церквями монахам ордена Святого Франциска. Еще больше он остерегался евреев и ни под каким видом не желал дозволить им пребывание в своем государстве. «Еще не время открывать империю для этих людей!» – говорил он. Но его вице-канцлер Шафиров был крещеным евреем. Среди приближенных царя были евреи Мейер и Лупе, оба имеющие иудейские корни. Они служили посредниками при различных финансовых операциях царя. Прежде всего Петр был человеком практичным. Главным для него было не происхождение человека, но его способности к службе. Вообще он опасался правил. Так, например, много раз встречая Лейбница во время своих путешествий, он наградил его титулом «интимного советника», но не дал реализовать его огромные прожекты. Этот философ, казалось, парил в облаках, в то время как ему надо было чувствовать землю под ногами. «У нас общее происхождение, Ваше Величество, – говорил царю Лейбниц. – Мы оба славяне, мы оба принадлежим к той расе, судьбы которой никто еще не может предугадать, и оба мы инициаторы поколений будущего века». Такое самодовольство раздражало Петра. Он почти всегда оставался равнодушным к сиянию этого обширного ума и, по-видимому, никак не мог найти с ним точку соприкосновения. А он считал, что умеет судить людей. Часто, чтобы обнаружить замыслы одного из своих приближенных, он хватал того за волосы, запрокидывал ему голову и смотрел в глаза инквизиторским взглядом.

Такой же грубостью манер были отмечены и его отношения с женщинами. Они интересовали его лишь в той степени, в которой

могли исполнить его сиюминутные желания. Его любовь к Екатерине не мешала ему иметь многочисленных любовниц. В 1717 году он находился в Магдебурге, принимая посланников короля Пруссии, среди которых был барон Пёльниц. Последний описывает эту аудиенцию в следующих выражениях: «Король приказал нам оказать царю самые высокие почести. Брат великого канцлера пришел поприветствовать царя и нашел его поддерживаемым двумя русскими дамами, а руки государя лежали у них на груди, и он продолжал сжимать их грудь во время приветственных речей». Тот же Пёльниц так рассказывает о встрече Петра со своей племянницей, герцогиней Мекленбургской: «Царь побежал навстречу герцогине, нежно обнял ее и увлек в комнату, где растянулся на канапе, не закрыв двери и не обращая внимания на тех, кто был в комнате напротив, ни даже на герцога Меклембургского, действовал в присущей ему манере». Он охотно проводил время со служанками и придворными дамами, меняя их. Одной из таких дам была княжна Голицына, которая была для царя, как писал Пёльниц, «дурой или сумасшедшей». «Она часто ела за столом вместе с царем, – писал он, – и Петр бросал ей на голову остатки из своей тарелки».

Среди связей царя фигурирует некая Евдокия, жена капитана Чернышева. Петр называл ее «бой-бабой». Она родила семерых детей, среди которых невозможно было определить, какие были от мужа, а какие от любовника. От нее Петр заразился венерическим заболеванием, которое передалось Екатерине. Чтобы наказать неверную за то, что она заразила его, Петр заставил ее мужа отхлестать женщину кнутом. На эту историю очень похоже приключение с Марией Матвеевой. Петр выдал девушку замуж за капитана Румянцева, который принял активное участие в преследовании и поимке царевича Алексея. Это было одновременной компенсацией за верную службу и предложение закрыть глаза на продолжение. Став фрейлиной царицы, Мария принадлежала больше царю, нежели собственному мужу. Она родила сына, которому дала имя Петр.[80] Впрочем, двор Екатерины был устроен для удовольствий государя. Там под рукой всегда были разные красавицы. Екатерина снисходительно на это смотрела. А мужья были счастливы, когда их жены удостаивались внимания монарха. Незаконное потомство Петра сравнимо по количеству с потомством Людовика XIV. Одним из его «завоеваний» была еще одна придворная девица, Мария Гамильтон, представительница известного шведского рода, в течение долгого времени жившего в России. Красивая и немного нелюдимая, она также подвергалась повторяющимся «штурмам»

царя. Но она внушила Петру только кратковременную страсть. Брошенная царем, она нашла утешение в царском денщике, родила на свет несколько детей, которые один за другим исчезли. Для того чтобы удержать около себя одного из своих часто сменяющихся любовников, молодого графа Орлова, который часто обманывал и вымогал у нее деньги, она украла для него деньги и бриллианты у царицы. Тотчас же подозрение пало на нее. На допросе у царя она призналась в своей связи, краже и детоубийствах. Несчастную Марию обвинили еще и в том, что она дурно отзывалась о царице, высмеивая ее слишком цветущий вид. Это большое преступление! Но как бы то ни было, Екатерина на этот раз великодушно ходатайствовала о помиловании виновной и вовлекла в хлопоты о ней царицу Прасковью, вдову Ивана V, известную своей строгостью. Но напрасно, царь был неумолим. Эта женщина его обманула, она убила детей, один из которых мог быть его. Она заслуживает смерти. 14 марта 1719 года Мария Гамильтон взошла на эшафот в белом шелковом платье с черными лентами. Петр, большой любитель театральных эффектов, не мог не оценить этого последнего проблеска предсмертного кокетства. У подножия эшафота он подарил приговоренной последний поцелуй, уговаривал ее покаяться, поддерживал в своих объятиях, когда она изнемогала, потом отошел – и это послужило сигналом. Когда она подняла голову, перед ней уже был не царь, а палач. Топор тяжело обрушился на ее голову. Петр хладнокровно поднял за волосы окровавленную голову, которая скатилась в грязь, и спокойно начал читать лекцию по анатомии, указывая присутствующим на значение и функции органов, которых коснулось железо, уделяя внимание разрезу позвоночного столба, нервам, мускулам и артериям. Окончив лекцию, он прикоснулся губами к мертвым устам, принимавшим от него когда-то иные поцелуи, потом уронил голову и, перекрестившись, ушел.

Нет незаменимых женщин, думал он, за исключением, быть может, Екатерины. С годами она стала еще дородней. Она использовала много косметики и поливала духами свои расшитые золотом одежды. И, несмотря ни на что, оставалась такой же веселой, свободной и преданной царю. И за столом никого не опасалась. Зрелище ведра водки ее не пугало. Она не фыркала перед «кубком Большого Орла», который Петр заставлял выпить своих приближенных. Екатерина обладала такой силой, что могла поднять на вытянутой руке царский скипетр. Никто из молодых офицеров Его Величества не был способен на такое. Или, быть может, они, льстя царице, притворялись, что слабее ее?

Во время фейерверка имена Петра и Екатерины появлялись в

форме переплетенных сердец. Этот фейерверк устраивал сам царь. Поднявшись на самый верх, бывшая ливонская служанка неожиданно напомнила Петру о своих скромных корнях. По дороге из Санкт-Петербурга в Ригу форейтор, которому досадил один из путешественников, возмутился, ссылаясь на свое близкое родство с Его Величеством. Наглеца задержали, им оказался Федор Скавронский. Царь приказал расследовать это дело, и выяснилось, что это действительно старший брат Екатерины. Другой брат царицы был крестьянином. Одна из ее сестер была служанкой, другая женой сапожника, а третья стала гулящей дамой в Ревале. Проявив великодушие, Петр назначил небольшое содержание этой далеко не блестящей родне и отправил их всех подальше от двора.

Казалось, ничто не может поколебать доверия, с которым царь относился к своей законной супруге. После мучительной смерти царевича Алексея она оставалась матерью наследника престола, маленького Петра Петровича. Царь обожал этого красивого и крепкого четырехлетнего малыша, в котором он уже видел солдата, моряка, продолжателя начатого им дела обновления империи и новых завоеваний. Однако 16 апреля 1719 года маленький Петр, его дорогой Петрушка, внезапно умирает от болезни. Горе царя было огромно. Он плакал от боли. Быть может, думал он, эта утрата и есть наказание за страдания, которые он причинил другому своему сыну, Алексею, меньше десяти месяцев назад? Так все сыновья, которых родила ему Екатерина, ушли из жизни один за другим. Из шести его дочерей в живых осталось только трое: Анна, Елизавета и Наталья. Нет ли проклятия на его втором браке?[81] Не должен ли он возложить российскую корону на голову другого Петра, сына царевича Алексея, которым он осмелился пренебречь, внука этой жалобщицы Евдокии, отправленной им в монастырь?

После некоторой растерянности он вновь взял себя в руки. Бог, который всегда был на его стороне, не может оставить его в последнюю минуту. В своем возрасте он еще может произвести на свет потомство. Ему нужен еще один сын. Кто сможет ему родить? Екатерина? Нет. С некоторых пор у него появилась новая любовница, красивая и молодая Мария Кантемир. Она была дочерью князя Дмитрия Кантемира, союзника Петра по турецкой кампании, который по Прутскому договору лишился своих владений в Молдавии и томился в Санкт-Петербурге с семьей. Если она родит мальчика, будущее династии будет обеспечено. В случае необходимости Петр разведется с Екатериной, чтобы жениться на Марии, которую он все больше и больше любил за ее молодость. Для Петра наступил период, когда любовь и политика

сплелись в тугой узел. Он не мог больше думать о себе, пренебрегая интересами государства, и получать удовольствие в постели, не думая о проблеме преемственности власти.

Россия вновь была на пороге войны. На этот раз не со стороны Швеции, а с восточных границ. Волынский, будучи с дипломатической миссией в Испахане, докладывал государю, что персы, взбунтовавшись, близки к анархии и что было бы легко их победить. «Если Россия не поспешит, – писал он, – русских обгонит Турция, которая готова установить на территории соседей свой порядок». С легкостью убежденный Петр назначил Волынского губернатором Астрахани в 1720 году и поручил ему готовить военный поход на следующий год. На следующий год туземные афганские племена нарушили планы русских и напали на Персию, дойдя до Испахана. Царю было достаточно этого предлога, он покинул Санкт-Петербург, чтобы присоединиться к войскам. Конечно же, Екатерина сопровождала его. Но в путешествие также отправилась и Мария Кантемир. Каждая из женщин ехала в своей карете. На привале обе соперницы предстали перед царем. Однако вечером в своей палатке он ждал Екатерину.

В Астрахани Мария Кантемир вынуждена была остаться, так как была беременна и царь опасался, что она устанет от долгого путешествия. Пусть она ждет его здесь и по возвращении подарит ему ребенка мужского пола. Екатерина сделала вид, что желает того же, хотя прекрасно знала, что будет означать рождение мальчика для нее. Она мужественно решила следовать за царем, который отплывал 18 июля 1722 года из Астрахани вместе с 23-тысячной армией пехотинцев в Дербент, на Каспийском море. Более ста тысяч человек, казаки, калмыки, татары должны были присоединиться к царю сухопутными путями. 23 августа, после нескольких незначительных стычек, царь с триумфом вошел в Дербент, где сенаторы встретили его с поздравлениями, побуждая его двигаться вперед по следам Александра. Однако очень скоро этот новый Александр понял, что пришел в регион без должной подготовки. Как и в Молдавии, одиннадцатью годами ранее, его солдаты страдали от жары, жажды и нехватки продовольствия. Корабли, которые везли запасы, потонули в Каспийском море, тысячи лошадей околели из-за нехватки фуража. Солнце так нещадно палило, что Екатерина вынуждена была отрезать свои волосы и надеть на голову гренадерскую фуражку. Она обходила войска, улыбалась людям, шутила с офицерами. Смотря на нее, Петр не мог не восхищаться ее выносливости и хорошему настроению.

В начале кампании царь надеялся дойти до Баку, где, как

говорили, должен быть хан, который разрабатывал там нефть, имеющую горючие свойства. Но Баку находился от них на расстоянии тридцати дней пути по пыли и зною без питьевой воды. Русская армия была слишком изнурена, чтобы ввязаться в такую авантюру. Петр отступил в Астрахань, оставив в Дербенте генерала Матюшкина с достаточным количеством солдат, чтобы возобновить поход, если наступит подходящий момент.

В Астрахани его ждало новое разочарование. В его отсутствие у Марии Кантемир случился выкидыш. Он подозревал служанок, нанятых Екатериной, в том, что они напоили Марию какими-то лекарствами, спровоцировавшими его. Но не нашлось никаких доказательств этому. Доктора обвиняли только природу. Екатерина торжествовала с сочувственным видом. Мария Кантемир, не оправдавшая ожиданий государя, была удалена.

Петр был в ярости, что не может заглянуть внутрь женской утробы. Утешение на этот раз пришло из армии. Генерал Матюшкин захватил Баку, стратегические позиции первого порядка. Эта новость пришла в Санкт-Петербург 3 сентября 1723 года, когда Петр участвовал в костюмированном празднике во дворце Меншикова, нарядившись католическим кардиналом. Удалившись, чтобы прочесть документ, который ему привез посыльный прямо из Персии, он сорвал с себя красный кардинальский наряд, переоделся в свою темно-зеленую с красным военную форму Преображенского полка и появился с гордо поднятой головой, святящийся гордостью и силой, чтобы услышать, как Меншиков скажет перед всеми гостями о победе русских. Екатерина, в костюме венецианской дамы, ему вручила полный кубок победителя. Он осушил его. Вокруг царя все пили во славу русской армии. К десяти часам вечера, по свидетельству очевидцев, осталась тысяча пустых бутылок. Даже часовые были пьяны. Наконец, по просьбе царицы, царь ударил в барабан и возвестил окончание веселья. Но вместо того чтобы ехать домой, он вышел в сады Меншикова, и праздник продолжился, опять потекла рекой водка, начались танцы.

Через девять дней, 12 сентября 1723 года, было подписано мирное соглашение в Санкт-Петербурге между шахом Персии и царем. По заключенному мирному соглашению Персия уступала России в вечное владение Баку, Дербент, провинцию Гилянь, Мазандеран и Астрабат. Но Турция выразила протест, она также хотела получить кусок персидского пирога. Что это? Начало новой войны? Посол Франции в Константинополе маркиз де Боннак стал активным посредником между двумя странами. После продолжительных переговоров был подписан трактат между Турцией и Россией 12 июня 1724 года, в котором были

определены границы между Россией, Турцией и Персией. Вскоре Петр захотел извлечь пользу из своих новых приобретений. Он приказал построить дороги, укрепления, прислать на места поселенцев-христиан, вытеснив как можно большее количество мусульман, и присылать в Санкт-Петербург местные продукты: сахар, сушеные фрукты, лимоны и особенно эту пресловутую нефть. «Нефть принесет большую пользу, – говорил он, – по крайней мере нашим потомкам».

Отправившись в Константинополь для подписания договора, Румянцев встретился в дороге с делегацией армян, которая направлялась в Санкт-Петербург, чтобы просить царя о помощи против мусульманского гнета. Эти делегаты были встречены Петром с симпатией, потому что он понимал, что защита христианских народов, армян и грузин, может служить ему предлогом для новых территориальных завоеваний за счет Турции и Персии. Лишь бы его наследники не потеряли интерес к тому, что он так долго готовил, и терпеливо продолжили бы его наступление на Восток, в Индию!

Тем временем Петр принял решение, которое имело тяжелые последствия. Так как он не надеялся больше на то, что у него родится сын, он захотел дать своей старой подруге, которая его всегда поддерживала в любви, политике и войнах, высшее признание, короновав ее в Москве. 5 февраля 1722 года он опубликовал манифест, по которому он присвоил себе право распоряжаться троном по своему усмотрению, завещать трон «кому захочет», соблюдая пользу отечества и благо народное, «чтобы не вести себя так, как наш сын, пример которого все еще у нас перед глазами».

15 ноября 1723 года был написан манифест, в котором после некоторых замечаний о войнах сказано между прочим: «В которых вышеписанных наших трудах наша любезнейшая супруга, государыня императрица Екатерина, великою помощницею была, и не точию в сем, но и во многих воинских действиях, отложа немочь женскую, волею с нами присутствовала и елико возможно вспомогала, а наипаче в Прутской кампании с Турки, почитай отчаянном времени как мужески, а не женски поступала, о том ведомо всей нашей армии и от них, несомненно, всему государству…»

Окружение императора было удивлено: за всю историю России только одна женщина была коронована. Ею была Мария Мнишек, коронованная в «смутное время», в 1606 году. Но ее муж, лже-Дмитрий, был убит спустя восемь дней, и она бежала. Неудачное сравнение. Однако воля Петра не могла не быть исполнена. Это был, пожалуй, единственный раз, когда он,

предвидя расходы, не стал скряжничать. Костюмы и экипажи были заказаны в Париже. Корона, изготовленная русским ювелиром в Санкт-Петербурге, превосходила по богатству все, которые существовали ранее. Украшенную бриллиантами и жемчугом, ее венчал огромный рубин, а стоило это творение полтора миллиона рублей. Когда Екатерина выставила напоказ перед Петром пышные торжественные одежды, в которые он должен был облачиться для церемонии, он чуть не застыдился этого великолепия. Она своими руками делала вышивку. Одежда была лазоревого цвета, вышитая серебром, с серебряным поясом, серебряные стрелки украшали темно-красные чулки. Пока император примерял это необычное одеяние, серебряные блестки отлетели от ткани и упали на пол. «Смотри, Катенька, – сказал он, вздохнув. – Надо поднять их, это почти что жалованье одного из моих гренадеров».

В конце марта весь двор приехал из Санкт-Петербурга в Москву. 7 мая 1724 года Екатерина направилась к Архангельскому собору, в центре Кремля, в позолоченной карете, украшенной императорской короной. Император лично командовал ротой охраны, которая была специально набрана, чтобы возглавлять кортеж. Над городом звонили колокола, артиллерийские залпы приветствовали проходящую процессию; удары литавр и звуки труб подхватывали приветственные возгласы толпы. Двенадцать пажей в парчовых рубашках, зеленых бархатных курточках, белых париках и головных уборах с белым плюмажем сопровождали государыню. Когда она поставила ногу на землю, четыре высоких сановника поддерживали ее мантию с бриллиантовыми застежками. Она была одета в расшитое золотом пурпурное платье со шлейфом, в испанском стиле. Представители всех областей страны заполнили храм, внутри которого возвышались два трона под балдахином из темно-красного бархата. Архиепископ Новгородский совершал богослужение. Петр поднял тяжелую корону и возложил ее на голову своей царственной супруги, встав перед ней на колени. Она заплакала и хотела обнять колени мужа. Он поднял ее и протянул ей державу, символ государственной власти, а себе оставил скипетр.

Глава XIII
Последние реформы

Несмотря на годы, Петр не стал более степенным человеком. Оглядываясь на прожитую жизнь, он вынужден был признать, что половину всего времени провел в маневрах, войнах и путешествиях… Эта неупорядоченная жизнь не помешала ему продолжить через все перипетии реформаторские дела. Но его решения, призванные изменить Россию, не имели четкого последовательного плана и зависели от различных обстоятельств: военной ситуации, экономического кризиса, сложных отношений с Церковью, народных волнений, враждебно настроенных высших слоев… С каждым разом он все выше поднимал планку. Особенно после Ништадтского мира, когда перед лицом всего мира заявил о своем гении административной реорганизации. Избавившись от тяжкого груза проблем, которые принес ему конфликт с Швецией, он смог сосредоточить свои усилия на внутренних задачах. Он заявил своим приближенным: «Реформы будут осуществляться в три этапа, каждый из которых длится семь лет: 1700–1707, накопление сил; 1707–1714, расширение славы России; 1714–1721, установление хорошего порядка».

Под «хорошим порядком» Петр понимал неограниченную власть. «Император, – говорил он, – это абсолютный монарх. Бог приказывает подчиняться ему, потому что он перед Богом отвечает за народ, который ему доверен. Рядом с ним могут быть только советники и исполнители его государевой воли». В первое время царствования Петра во главе управления государством стояло учреждение со старым названием – Боярская дума. Постепенно Дума из прежней соучастницы верховной власти, из учреждения, составлявшего неразрывную часть единого целого с государем, превратилась в подчиненное и только исполнительное учреждение. На смену Думе пришел созданный Петром Сенат, располагающий законодательной, юридической и исполнительной властью. Девять коллегий, или министерств, которые заменили старые приказы: 1) чужестранных дел, 2) камер, или казенных сборов, 3) юстиции, 4) ревизий: счет всех государственных приходов и расходов, 5) воинский (коллегиум), 6) адмиралтейский, 7) коммерц, 8) штатс-контор: казенный дом, ведение всех государственных расходов, 9) берг и мануфактур… Число этих коллегий вскоре увеличилось до двенадцати, каждую из них возглавлял совет из одиннадцати членов. За основу их организации была взята шведская система. Основной идеей

учреждения коллегий было усиление и взаимодействие труда административных органов.

Именно Сенат облекал в надлежащую форму лаконичные предложения царя, удостоверял указы и назначал обер-фискала, нового высшего сановника, пост которого был учрежден указом от 5 мая 1711 года. Под его началом находилось около пятисот шпионов, фискалов, которые должны были «тайно проведывать, доносить и обличать» все злоупотребления как высших, так и низших чиновников, а также и о других преступлениях противогосударственного и антиобщественного характера. Фискалы также должны были надзирать за исполнением законов. Они принимали доносы от частных лиц, имели право являться во все присутственные места и требовать на просмотр дела и документы. Обо всем, что они разузнавали, фискалы доносили в Сенат. В случае подтверждения истины в доносе половина штрафа шла в пользу фискала, а половина в казну, в случае же ложного обвинения указ предписывал «в вину ему того не ставить». Учреждение фискальства создавало широкое поле для злоупотреблений, превращая фискалов в своего рода инквизиторов, вымогающих деньги у безвинных людей, дрожащих от страха перед доносами. Обер-фискал Нестеров, которому удалось отправить на виселицу князя Гагарина, губернатора Сибири, сам был уличен в растрате государственных средств. Этот старик с белыми волосами, наводивший ужас на многие русские дома, был колесован, а затем палач отрубил ему голову. Некоторых из фискалов постигла такая же участь. После чего Петр создал еще одну должность – генерал-прокурора, который подчинялся только государю, – для надзора за самим Сенатом, фискалами и за всем управлением и судом.

Впрочем, и Сенат был в полном подчинении у царя. Так как сенаторы проводили самое продуктивное дневное время в болтовне и спорах, Петр установил в 1720 году регламент, который лимитировал время дискуссий до получаса в случае обсуждения текущих дел. Если за установленное время не принималось решения, то приносили бумагу и чернила и каждый сенатор письменно высказывал свое мнение. К членам могущественной ассамблеи всегда могли применить наказание палками или оштрафовать. Однако и этого было недостаточно, чтобы ускорить работу Сената. Дела скапливались в секретариате, и в 1722 году их скопилось уже шестнадцать тысяч. Князь Меншиков, который тоже заседал в Сенате, бесстыдно обирал тех, кто искал его покровительства. Петр знал об этом и время от времени сердился и одаривал своего фаворита дубинкой. Буря утихла, старые привычки должностных провинностей одерживали

верх.

Сенату подчинялись главы восьми губерний, созданных царем: Архангельской, Ингрии (Санкт-Петербург), Москвы, Смоленска, Киева, Азова, Казани и Сибири. Эти обширные территории, в свою очередь, делились на уезды. Губернаторы следили за дорогами, полицией, контролировали исполнение приговоров, но их главной функцией был сбор налогов. Они были своего рода денежными накопителями, обладающими всей широтой власти, чтобы задействовать необходимые ресурсы и вернуть государству те большие деньги, которые от них требовали в связи с ведением войн. Попутно эти властелины присваивали себе значительные суммы. Их примеру следовали и их подчиненные разного уровня. Несмотря на все попытки Петра усилить контроль за поступлением денег, зачастую губернаторами становились люди некомпетентные, и из-за сложности с расчетами возникал хаос.

Стараясь упорядочить такое разное население своей империи, Петр распределил всех городских жителей на три гильдии. К первой гильдии относились банкиры, зажиточные торговцы, доктора, хозяева ремесленных мастерских, ко второй относились ремесленники и мелкие торговцы, а наемные рабочие и разнорабочие составляли третью гильдию. Они избирали на один год бургомистров. Люди, составлявшие первую гильдию, и бургомистры назначали магистраты, которые управляли городом. В компетенцию этих магистратов входили, в первую очередь, полицейские функции. Полиция была постоянно занята борьбой с разбоями, которые процветали в стране. По дорогам было опасно передвигаться, шайки разбойников бесчинствовали вплоть до окрестностей больших городов. Схваченных разбойников жестоко наказывали. Самых опасных сразу же вешали, некоторых наказывали кнутом, а потом отрезали носы. Однако эти жестокие меры не останавливали преступников. С каждым годом число их росло.

Но Петра занимала не внутренняя безопасность страны. Свое внимание он переключил на армию. За войны он дорого заплатил людскими ресурсами. Необходимо было найти новые резервы. После некоторых попыток он учреждает обязательную службу для различных классов общества. Все дворяне зачислялись на службу по достижении пятнадцатилетнего возраста солдатами в полк. Дети из богатых и известных семей обычно зачислялись в гвардейские полки, сыновья из более скромных домов – в регулярные полки. Нередко в Санкт-Петербурге можно было увидеть молодого князя, который стоял часовым на посту у входа в казарму. Его размещали, кормили и выдавали жалованье как

простому солдату, он должен был испытать все тяготы службы, пройдя путь от простого солдата до следующих ступеней военной службы. Таким образом, служба становилась своего рода школой, которая воспитывала военную и гражданскую элиту страны. Петр и сам прошел эту суровую школу, начав от барабанщика, затем постепенно с годами поднимаясь до бомбардира, сержанта, знаменосца, капитана, полковника и генерал-лейтенанта. Он регулярно получал жалованье и записывал полученные суммы в своем дневнике: «В 1707 году жалованье полковника, полученное в Гродно: сто пятьдесят рублей». Он считал себя первым слугой государства и ждал, что все подданные по его примеру принесут свою частную жизнь в жертву общему делу. Для дворян срок службы был практически не лимитирован. Они могли уйти в отставку, только получив ранение, по инвалидности или по старости или ввиду тяжелой болезни. Но даже вышедших в отставку использовали до полной отдачи в зависимости от физических или интеллектуальных способностей: их отправляли в гарнизонные городки или брали на гражданскую службу. Дворяне были нужны везде и востребованы в любом возрасте. Чтобы пресечь хитрость и увертки непокорных, царь приказал конфисковывать их имущество и половину его отдавать лицам, заявившим о правонарушителе. Кроме того, виновных должна была ожидать и «политическая смерть». Став вне закона, они не имели больше никакой защиты и могли быть безнаказанно ограблены или убиты.

Та же забота о повышении «человеческой производительности» побудила Петра пополнить ряды дворянства людьми из среднего сословия.

Согласно указу от 16 января 1724 года, солдат самого скромного происхождения мог стать офицером, как и потомственные дворяне.

Если офицер не был по происхождению дворянином, то произведенный в офицерский чин получал дворянский титул за свою службу. Заслуги ценились не меньше происхождения. Кадры старой аристократии трещали под напором молодой крови. В список великих имен России добавилось множество новых.

Но недостаточно было иметь только способных предводителей, необходимы были люди. После битвы под Нарвой потери были такими большими, что Петр вербовал в солдаты практически всех, кто попадал под руку из низших слоев населения России. Чтобы укомплектовать полки, он даже посягнул на крепостное право, разрешив крепостным уходить в солдаты без согласия их хозяев. В 1705 году первая всеобщая мобилизация, собиравшая по одному солдату на двадцать

облагаемых податями крестьянских дворов, обеспечила тридцать тысяч новобранцев в год. Эта мобилизация затронула всех городских и деревенских жителей, включая слуг, мастеровых, сыновей церковнослужителей и даже детей сановников. Она была организована по новым принципам: все классы общества были равны перед исполнением военной повинности. Чтобы пресечь дезертирство, устав военной коллегии ввел в 1712 году обычай клеймить рекрутов наподобие каторжников: делать на левой руке татуировку порохом в виде креста. Рисунок накалывался на кожу, натирался порохом и поджигался. Таким образом, так же как и каторжник, солдат получал клеймо на всю жизнь.

26 ноября 1718 года выходит новый указ Петра, по которому царь хотел выяснить действительное число жителей мужеского полу в каждой деревне, объявив, что те, кто уклонится от переписи, будут лишены всего своего имущества и оно будет передано в пользу того, кто об этом сообщит; установить количество душ, на которых будет возложено содержание одного солдата, и установить для них среднюю пошлину. Эти не до конца ясные распоряжения царя были предприняты в попытке распределить армию по всей территории в казармах, а население каждой области должно будет взять на себя содержание размещенных на их территории войск. Чтобы добиться действительного распределения необходимых расходов на содержание армии, было решено провести учет крепостных и вольных крестьян, занятых обработкой земли. И, конечно, к ним были причислены слуги. Эта перепись получила официальное название «ревизии», подвергшиеся переписи крестьяне – «ревизские души». Все ревизские души были обложены налогом, а на землевладельцев возложена ответственность по уплате сумм, назначенных властями. Таким образом они становились своего рода фискальными агентами, сборщиками налогов для людей, проживающих на их землях. Власть помещиков над ними усиливалась. Разница между холопами и крепостными крестьянами вследствие этого практически ликвидировалась. Заменив подворное обложение подушной податью, Петр подменил прежнее закрепление крестьянина за землей закреплением за землевладельцем. Последний, опасаясь, что его обложат налогом в зависимости от количества крепостных, договаривался зачастую, чтобы не указывать всех душ, которыми он владеет. В начале 1721 года, несмотря на угрозы, было обнаружено, что два миллиона душ пропали. Губернаторы устроили проверку на местах, чтобы проверить правильность деклараций. Наконец, после арестов, конфискаций и пыток, первые оценки принесли властям цифру в пять с половиной

миллионов душ мужеского полу. Учитывая военные расходы за год, сумма налога в 1724 году была зафиксирована и составила 74 копейки с души. Кроме того, землевладельцы были обязаны обеспечить постой войскам. Большая часть отказалась строить дома для войск, довольствуясь предоставлением командованию деревенских домов. Крестьяне должны были срочно разместить прибывающих солдат без какого-либо вознаграждения. Вынужденные оставить работу в поле, чтобы приготовить жилища для солдат, и выведенные из себя новыми налогами, которые были для них очень высоки, многие из крестьян подались в бегство. Другие под принуждением стали еще больше гнуть спины. Отныне они и их дети по праву наследования пожизненно становились крепостными. Крепостными становились по мужской линии. Дети крепостного могли быть только крепостными. Подушный налог, установленный одинаково для всех, трудящихся на земле, и распространившийся на слуг, объединил все ревизские души в один класс. Они стали достоянием своих хозяев и свидетельством их богатства. Чтобы оценить состояние барина, говорили: «Он владеет пятьюстами душами или двумя тысячами душ…» Однако Петр сожалел о том, что крепостных продают и покупают, как вещи и скот. В одном из указов 1721 года царь, сомневаясь в возможности прекратить продажу людей, предписывает «оную продажу людям пресечь», оговариваясь, что «ежели невозможно того вовсе пресечь, то хотя бы, по нужде, продавали целыми фамилиями, или семьями, а не врознь, чего во всем свете не делается». Но это решение осталось лишь в пожеланиях Петра, и, сформулировав его, он к нему так больше и не вернулся. Его больше интересовал не человеческий и не юридический аспект крепостничества, а фискальный. Он отдавал себе отчет, что, перекладывая налоговое бремя на голову крепостных и окончательно их подчиняя землевладельцу, он обеспечивает казну регулярными и контролируемыми поступлениями. Усиление крепостничества могло вызывать протест у некоторых чувствительных людей, но нельзя было сбросить со счетов те блага, которые приносила эта мера для увеличения сбора налогов и мобилизации рекрутов.

К последним годам своего правления Петр обладал кроме двух гвардейских полков пятьюдесятью полками пехоты, тридцатью драгунскими полками, несколькими подразделениями гусар, шестьюдесятью гарнизонными полками и шестью полками ополченцев. Численность регулярных войск доходила до двухсот тысяч человек, и к этому можно было прибавить еще сто тысяч солдат нерегулярных войск и казаков. Боевая ценность русских войск была подтверждена в военных походах. Плейер писал в

1710 году: «Можно только удивляться, с каким усердием, благодаря неустанным усилиям царя, солдаты достигают совершенства в своих учениях, как дисциплинированно они исполняют приказы своих командиров, с какой храбростью ведут себя в бою». Манштейн утверждал, что «нигде в Европе нет артиллерии, которая сравнилась бы с русскими». Речь шла о тринадцати тысячах артиллерийских орудий. А литейные заводы продолжали выпускать все новые и новые. Материал для изготовления одежды ткался на русских заводах, мягкий металл для оружейных стволов поступал из Сибири, металл для пушечных ядер и гранат поставлялся в Олонец и Тулу, сера и селитра разрабатывались на Украине. Не было в России уголка, который так или иначе не вносил свою лепту в военное развитие. Военный устав 1716 года уточнял права и обязанности солдат. Петр сам разработал его основные положения. Царь подчеркивал, что он хочет выигрывать сражения ценой меньших усилий и без больших кровопролитий и что каждый обязан помогать товарищу перед врагом и защищать до последней возможности свое знамя, которое должно быть так же ценно, как сама жизнь и честь. Специально оговаривалось, что войскам под страхом жестоких мер запрещалось притеснять «матерей, беременных женщин, стариков, священников, и причт, и детей…».

В штабе было много офицеров-иностранцев. Из тридцати одного генерала их было четырнадцать в 1721 году. Но верховными командующими были русские: Шереметев, Меншиков, Голицын, Репнин… Впрочем, независимо от того, русскими они были или нет, эти офицеры получали одинаковое жалованье, которое выплачивалось нерегулярно, и подвергались одинаковым наказаниям в случае совершения ошибки. Некоторые из иностранных офицеров жаловались на судьбу, хотели вернуться домой, возмущались потому, что царь не давал им этого сделать, но все терпели в его присутствии, будто загипнотизированные им, поддаваясь восхищению и страху перед царем. И если Петр полностью реорганизовал сухопутную армию, то еще больше он сделал для флота, которого до него практически не было. До его прихода к власти у России был единственный военный корабль, и никто не интересовался навигацией, за исключением нескольких рыбаков в районе Архангельска. В 1725 году русская флотилия насчитывала уже сорок восемь линейных кораблей и семьсот восемьдесят семь галер. Матросы, которых было двадцать восемь тысяч, почти все были родом с северных морских земель или из деревень, расположенных по большим рекам. Для командования ими Петр обратился к иностранным капитанам. Но в то же время он послал

молодых россиян обучаться морскому делу за границу. И вскоре создал корпус опытных офицеров, который увеличивался с каждым годом благодаря выпускникам Военно-морской академии.

Специалисты, занятые на строительстве кораблей, также сначала были приглашены из Голландии, Франции и Англии. «Царь им потакал и обхаживал их, – писал дипломат Джеффери, – им всегда вовремя выплачивали жалованье; они часто обедали вместе с государем, во время больших собраний их всегда сажали за один стол с царем». Эти высокие гости обучали русских, которые постепенно заменяли их. Охваченный мечтой о морском господстве, Петр тратил огромные суммы на строительство портов и морских верфей. Его усилия в этой области часто оканчивались неудачами. Так, после переноса стройки из Олонца в Санкт-Петербург, знал ли он, что вода в этих местах недостаточно глубока, чтобы спускать здесь большие корабли. А когда он наконец нашел на его взгляд идеальное место в Рогервике,[82] рядом с Ревелем, буря уничтожила стройку. В Воронеже использовали дерево такого плохого качества, что через год после эксплуатации корабли выходили из строя. На этих стройках, требующих титанических усилий, гибли тысячи рабочих, которых плохо кормили и которым приходилось жить в нечеловеческих условиях. Все, что предпринимал Петр, стоило ему огромных человеческих жертв. Но благодаря этому молодому флоту, который так дорого стоил нации, русские смогли в конце концов победить шведов.

Чтобы всегда держать армию наготове и наращивать флот, чтобы строить города и порты, чтобы утверждать дипломатические представительства России в Европе, царю необходимы были все новые и новые ресурсы. Доходы государства, которые в 1680 году составляли один миллион пятьсот тысяч рублей, в 1725 году превысили девять миллионов. К утвержденным ранее монополиям на смолу, поташ, ревень, клей добавились монополии на соль, табак, мел, деготь, рыбий жир… Налогами были обложены налогоплательщики всех классов и разных сословий. Специальному налогу были подвергнуты староверцы, введены налоги на камины, постоялые дворы, мельницы, культивируемые земли, игры в шахматы и карты, хомуты для лошадей, прически и сапоги, публичные транспортные средства (десятая часть цены за прокат), овечьи шкуры, бани, зеркала, погреба, водопои, дрова, арбузы, огурцы, орехи, бороды, пчелы, гробы. Подушный налог, который взимался с каждой ревизской души мужского пола, приносил около двух миллионов рублей. С каждым годом в народе усиливался страх

перед сборщиками налогов и в то же время росло число налоговых мошенничеств. Землевладельцы и крестьяне зачастую рисковали своими жизнями, чтобы избежать разорения от сборщиков налогов. Финансовым девизом Петра было: «Просить невозможного, чтобы получить как можно больше». Петр хотел проконсультироваться с известным банкиром Лау, с которым он встретился в Париже и адрес которого сохранил, чтобы тот помог Петру преодолеть сложности с денежными средствами. Но его приглашение осталось без ответа: Лау сбежал из Франции после банкротства, которое потрясло всю страну.

Преследуемый стремлением во что бы то ни стало найти деньги, Петр старался совместить нужды военной экономики с необходимостью процветания нации. Он хотел одновременно создать новые источники налогов и новые производства, экспортировать все, что возможно, сокращая импорт за счет развития национальной промышленности, обложить народ налогами и одновременно возбуждать в нем дух инициативы. Каким-то чудом ему это удалось. Он заключил соглашение о торговле с Персией, поощрял торговлю с Центральной Азией и Китаем, облегчил товарообмен с Западом, обязал крупных торговцев и консулов убеждать иностранцев покупать русские товары: коноплю, лен, снасти, воск… Вскоре русские торговые представительства открылись в Париже, Тулоне, Бордо, Анвере, Льеже, Вене, Кадисе и Китае. Внутри страны царь уделял большое внимание защите лесов, которые были необходимы для строительства его кораблей, развитию скотоводства, вводя новые породы рогатого скота, поставлял тонкорунных овец в Харьков, Полтаву и Екатеринославль, открытию первых конных заводов, развитию первых виноградников на Дону и приказал высадить виноградники из венгерских и персидских виноградных лоз в окрестностях Дербента, учил крестьян срезать пшеницу косой, занимался отбором семян для посева и унавоживанием полей. Благодаря Петру начала развиваться с головокружительной быстротой российская промышленность. «Наше русское государство, – писал Петр, – перед иными землями преизобилует и потребными металлами и минералами преблагословенно есть, которые до настоящего времени без всякого прилежания исканы». И с самого начала своего царствования он решает делать все, чтобы это «Божье благословение втуне под землей не оставалось». Он отправляет экспедиции во все концы страны, чтобы произвести разведку земель своей огромной империи и организовать систематическую эксплуатацию шахт и рудников по добыче железа, меди, серебра, каменного угля. Владельцы содержащих руду земель имели приоритетные права на их

содержимое. Если они не спешили сообщить о полезных ископаемых, они теряли свои права на них. А если скрывали месторождения, то могли быть подвергнуты смертной казни. Многочисленные металлургические заводы появились в Туле, Олонце, Санкт-Петербурге. Виниус, генерал Хеннингс и оружейный мастер Демидов сотрудничали в освоении горного региона Урала, продукция которого в 1720 году превысила шесть миллионов пудов.[83] В результате такого развития появилось индустриальное поселение, которое превратилось в город с именем Петрозаводск, названный в честь государя.

В 1725 году в России насчитывалось восемьдесят шесть металлургических заводов и арсеналов, пятнадцать мануфактур, четырнадцать кожевенных фабрик, пятнадцать шерстяных мануфактур, девять шелкопрядильных фабрик, шесть хлопчатобумажных; лесопильные и пороховые заводы, писчебумажные фабрики, стекольные производства… Петр создал даже ателье, в котором ткали ковры высшего качества с участием французских рабочих, мастеров гобелена. Но Запад в первую очередь интересовался русским сырьем и игнорировал фабричную продукцию. И даже в России большим успехом пользовались иностранные торговцы, чья продукция была дешевле, а качество выше, чем у российских товаров. Чтобы поддержать молодую развивающуюся национальную промышленность, царь ввел высокие таможенные пошлины. Желающих стимулировать интерес частных лиц к коммерции и промышленности (литейные заводы Демидова на Урале и мануфактуры Апраксина) он освободил от государственной службы и от налогов. Основателей фабрик и их родственников он освободил также от уплаты пошлин за покупку сырья и продажу произведенной продукции; он им выдал беспроцентные ссуды и разрешил им с 1721 года покупать крепостных, чтобы использовать их в качестве работников на своих предприятиях. Небольшую часть рабочей силы составляли свободные люди. На фабрики посылали бродяг, беглых крепостных, каторжников, проституток. Все, кто работали там, делали это не по своей воле, но по принуждению. А хозяева этого сброда составили новую аристократию, которая вступила в права не по рождению, но благодаря инвестированному капиталу и инициативному духу.

Между тем подъем торговли и индустрии подчинялся каналам связи. Дороги в России были ужасными и едва проезжими из-за снега зимой и грязи весной и осенью. Напрасно Петр пытался связать Москву и Петербург проезжими дорогами. Это мероприятие стоило очень дорого, и не было времени на его осуществление, хорошая дорога заканчивалась через сотню верст.

Иностранные дипломаты, ехавшие из старой столицы в новую, все с ужасом говорили об этом пути длиной в пять недель через леса и болота, по размытым дорогам, разбитым мостам, которые того и гляди обрушатся под тяжестью экипажей. Чтобы путешественники не заблудились, царь велел поставить столбы, указывающие на расстояние, и построить несколько «станционных домов». Он не пренебрегал торговыми путями, столь дорогими его предкам. К тому же он скупил на корню в Венгрии урожай токайского, который он привез в Москву на сотне повозок. Большие надежды он возлагал на речные пути для перевозки товаров. Он соединил Волгу с Невой, приказав прорыть небольшой канал в районе Вышнего Волочка. Затем, обнаружив, что возникают проблемы с навигацией на неспокойном Ладожском озере, он планирует стоверстовой канал, чтобы его обогнуть. Вместе с несколькими инженерами он сам лично исследует болотистую почву. Это гигантское мероприятие под управлением Меншикова началось плохо, медленно продвигалось, вскоре шлюзы занесло песком, рабочие умирали сотнями, как во время строительства Санкт-Петербурга. В 1723 году Кампредон писал: «Тридцать тысяч человек уже погибли на строительстве Ладожского канала». Эта массовая гибель не отвратила Петра от его замысла.

Однако случалось и ему быть беспристрастным и даже великодушным в деле правосудия. Он приказал разместить во всех трибуналах, от самых скромных до самых высоких, на столах, за которыми сидели судьи, необычную трехгранную пирамидку из позолоченного дерева, увенчанную двуглавым орлом. На каждой из трех сторон было начертано высказывание, принадлежащее перу царя. Первое рекомендовало должностным лицам точное знание текстов, которые они должны были применять; второе определяло их обязанности во время заседания; третье – запрещало им нарушать законодательные меры. Как и всегда, эти предписания сопровождались угрозами – штрафами, конфискацией имущества или смертью – для тех, кто ослушается. Процедура подвергнуться пытке также хороша, чтобы добиться признаний и чтобы наказать виновных. Самые страшные преступления те, которые наносят ущерб интересам государства. В этих случаях даже беременная женщина может быть подвергнута пытке.

Жены, убившие своих мужей, закапывались живьем в землю. В горло фальшивомонетчикам лили расплавленный металл. Никаких присяжных, чтобы оценить беспристрастно ответственность обвиняемого, ни адвоката, чтобы его защитить. Судья поступал, следуя своей доброй воле. И он полностью

подчинялся исполнительной власти. Воевода председательствовал в провинциальном суде, губернатор – в центральном. Что касается ландрихтеров, своего рода мировых судей, на шведский манер, они являлись помощниками губернаторов по судебной части и занимались больше вымогательством денег от тяжущихся, нежели разрешением споров.

Чтобы улучшить деятельность судов, Петр решает заменить старое Уложение 1649 года царя Алексея Михайловича новым шведским кодексом, из которого исключены были неприменимые к России положения. Комиссия из экспертов, в которую вошли также и иностранные юристы, заседала неоднократно и в течение долгого времени и в конце концов в 1722 году вынесла решение о невозможности приспособить иностранный закон российским требованиям. Впрочем, Петр усложнял задачу, издавая множество противоречащих друг другу указов. То, что разрешалось вчера, завтра уже становилось запрещенным. Правосудие менялось как настроение царя. Когда он устанавливал законы, то принимал во внимание не справедливость, но эффективность. Так, преступник, осужденный за убийство, мог, если он был искусным ремесленником, оказаться на свободе и возглавить группу рабочих, которым передал бы свое умение. В этом амплуа он был гораздо полезнее своей стране, чем став каторжником. Мысль Петра имела две тенденции: деспотизм и прагматизм.

Обе тенденции проявились в его отношениях с Церковью. После смерти патриарха Адриана в 1700 году он не дал ему преемника и назвал митрополита Рязанского Стефана Яворского «Екзархом святейшего Патриаршего Престола, блюстителем и администратором». Однако новый экзарх занимался исключительно текущими делами; основополагающие решения по духовным делам принимал боярин Мусин-Пушкин, глава Монастырского приказа. Но это был только первый этап. В течение нескольких лет Феофан Прокопович, профессор философии и ректор Киевской Духовной академии, работал над «Духовным регламентом», состоящим из трехсот статей, вдохновленный на этот труд царем и под его присмотром. В 1721 году Петр официально упразднил патриархат и провозгласил новый статус Церкви. По этому указу патриархат заменяла вновь образованная Духовная коллегия и Святейший Синод, состоящий из нескольких архиепископов, назначаемых государем, которые должны будут заниматься всеми делами Церкви. Обер-прокурор, также назначаемый государем, присутствует на прениях этой ассамблеи и обладает правом вето. Обер-прокурор, впрочем, не мог быть духовным лицом. Заботясь об устройстве надзора за

деятельностью Синода, Петр хотел «в Синод выбрать из офицеров доброго человека, кто бы имел смелость и мог управление синодского дела знать». Первым обер-прокурором Синода был назначен драгунский полковник Иван Васильевич Болтин. Смысл церковной реформы и причины, заставившие Петра предпочесть коллегиальное и синодальное управление церковью единоличному патриаршему, объяснялись в преамбуле к Регламенту: «Простой народ не ведает, как разнствует власть духовная от самодержавной, но, удивляемый великою честью и славою высочайшего пастыря, помышляет, что таковой правитель есть второй государь, самодержцу равносильный или больший, и что духовный чин есть другое и лучшее государство. И если народ уже сам собою привык так думать, то что же будет, когда разговоры властолюбивых духовных подложат как бы хвороста в огонь?.. Когда же народ увидит, что соборное правление установлено монаршим указом и сенатским приговором, то пребудет в кротости и потеряет надежду на помощь духовного чина в бунтах». Урок был ясен: призвание Церкви исключительно духовное; ее вмешательство в политику недопустимо; на Руси один хозяин – царь, и даже духовенство должно его слушать.

Если он и не посягает на власть Церкви в том, что касается догм, то этим Регламентом лишает ее независимости. Члены Святейшего синода, избранные им во главе со светским обер-прокурором, который следит за ними и доносит об их речах монарху, по сути такие же *функционеры*, как и другие. Они создали учреждение, подобное Сенату, и должны, по примеру сенаторов, принести клятву Его Величеству в верности служения своему делу и царствующему государю и его преемникам до «пожертвования своею собственною жизнью». Это подчинение церковной иерархии интересам государства зашло так далеко, что Петр *освободил* духовенство от соблюдения тайны исповеди, в случае если становилось известно о политическом преступлении или о заговоре против него. Тот священник, который скроет от властей такого рода признание, услышанное на исповеди, будет считаться соучастником преступника. В Регламенте запрещалось также светским людям устраивать у себя в домах часовни и приглашать в них служить духовенство. Все должны были посещать приходские храмы. Право произносить проповеди имели лишь те священники, которые закончили Духовную академию, а темы пасторских наставлений могли черпаться только в Писании. Сокращение побочных доходов, вместо которых теперь оставались только добровольные жертвы на храм, и «упразднение» святых мест, не признаваемых отныне таковыми Священным Синодом. Запрет для мужчин уходить в монастырь до

исполнения им тридцати лет. С другой стороны, запрет монахиням давать окончательный обет до вступления ими в возраст пятидесяти лет. Запрещение монахам составлять или переписывать книги, «понеже ничто так монашеского безмолвия не разоряет, как суетныя их и тщетныя письма»…

Враг праздности и торжественности, Петр не пощадил высоких церковнослужителей, живущих в богатстве. Он приказал им ежегодно совершать объезд своих епархий. Монастыри, населенные «религиозными бездельниками», были его навязчивой идеей. Он закрыл большое число монастырей, а остальным запретил покупать новые земли и секуляризировал их доходы. Петр считал, что необходимо избежать судьбы Византии, где было около трех сотен монастырей, но только шесть тысяч защитников, противостоящих туркам. 31 января 1724 года он издал указ, предписывающий монахам и монахиням воспитывать сирот, ухаживать за ранеными и за больными. Его мечтой было превратить все монастыри в школы и больницы.

Петр остановил преследования раскольников и удовлетворился тем, что заставил их носить пришитый на одежду красный квадрат с желтой обшивкой. Но старообрядцы не были признательны ему за его снисходительность. Они продолжали видеть в нем Антихриста, который разъезжает по заграницам, заставил сбрить бороды и занимается разными безбожными науками. С другой стороны, официальная Церковь, подчинившись воле монарха, была не менее враждебно настроена к реформам, которые он пытался провести. И слева, и справа набожные души ненавидели его, одни (староверцы) из любви к традициям предков, другие (монахи и священники) из-за привязанности к устоям церковной жизни. Друг протестантов, зачастую он чувствовал себя одиноким, затерявшимся в толпе православных. И все же ни на минуту он не отрекся от веры своих предков. Просто он хотел сделать ее менее мистической, по его мнению, и более практической, направить ее не на совершение таинств, а использовать как инструмент к сегодняшним бедам. Он считал, что религия, как и другие национальные институты, должна служить благосостоянию и возвеличиванию России.

Для отменного функционирования государства необходимо, чтобы каждый предмет был на своем месте и без надобности оттуда не доставался. Как бильярдные шары в лузе. И профессиональный игрок склонился над ними. Именно с этой точки зрения Петр ввел 24 января 1722 года знаменитую «Табель о рангах». Эта табель вместо генеалогического регистра вводила иерархию в зависимости от заслуг на государственной службе. Вся государственная служба разделялась на статскую, воинскую и

придворную, и в каждом таком разряде устанавливалась лестница из 14 ступеней. На самой низшей, четырнадцатой ступени в статской службе был коллежский регистратор, в военной службе – прапорщики и мичманы, самый высокий чин в армии был генерал-фельдмаршал и генерал-адмирал, в статской службе – канцлер, в придворной – обер-камергер. И между этими полюсами располагались в иерархической последовательности остальные чины, каждый со своим наименованием и номером. Отныне в соответствии с этой табелью каждый получал чин, который определял место человека в обществе, в жизни статской, военной или придворной.

Таким образом, молодой простолюдин мог после нескольких лет усидчивой службы в правлении стать равным по чину капитану, не служив никогда в армии. Счастье стало открыто для многих: храброму солдату из низших слоев общества, находчивому писарю, ловкому иностранцу, удачливому авантюристу. Табель передавала «лучшей и старейшей знати» гражданским и военным функционерам, русским или иностранцам восемь первых рангов (до чинов майора и коллежского асессора), даже если они родились в самых скромных слоях общества. Раньше существовало местничество, когда право старшинства устанавливало запрет человеку служить под началом того, кто раньше был в подчинении у кого-нибудь из его предков. Свергая эту традицию, Петр приглашает «случайных людей» присоединиться к новой касте людей, управляющих страной. Молодые люди, вышедшие из народа, имели перед глазами пример Меншикова, когда бывший разносчик пирогов стал одним из самых влиятельных людей империи, Шафирова, бывшего торговца тканями, который стал вице-канцлером, Ягужинского, сына органиста одной из лютеранских церквей Москвы, получившего повышение по службе и занявшего должность генерального прокурора в Сенате, Девье, португальского еврея, который служил юнгой на торговом корабле, пока его не разбомбили, а теперь он префект полиции Санкт-Петербурга. Введение новой элиты, согласно чинам, сопровождалось сокращением привилегий для дворянства. Самые высокие сановники могли подвергаться таким же телесным наказаниям, как и простолюдины. Кнутом мог быть наказан и князь, и мужик, и никакой титул не мог защитить виновную голову. Так, князь Алексей Барятинский был наказан кнутом в публичном месте за то, что скрыл нескольких рекрутов от инспекции. В подражание Европе Петр начинает раздавать своему окружению десятками новые титулы графов и князей вместо прежнего названия бояр. Вместо прежних двух тысяч дворянских

семей в его окружении вскоре их становится уже девять тысяч.

Другая реформа существенно изменила статус аристократических семей. 23 марта 1714 года Петр издал указ о единонаследии. Содержание этого указа заключалось в том, что собственник мог завещать все свое имущество только одному из сыновей, если не было сыновей, то одной из дочерей, но непременно только одному из детей. Если землевладелец умирал без завещания, то его старший сын или старшая дочь наследовали все его земли и крепостных, которые находились на этой земле. Другим детям могло достаться лишь имущество. Это учреждение единственного преемника на землю, постройки и крепостных было перенесением самодержавных принципов в частную жизнь. Оно позволяло избежать дробления земель, но также способствовало тому, что сыновья, оставшиеся без наследства, должны были предпринимать усилия, чтобы добывать себе хлеб, устраиваясь на службу, получая образование и занимаясь промыслами или торговлей.

Кроме землевладельцев, в сельском населении России при правлении Петра было еще две группы мужиков: свободные крестьяне и крепостные. Первые обрабатывали государственные или монастырские земли, вторые принадлежали землевладельцам. Учреждая подушный налог, царь приравнял к крепостным все категории крестьян. С введением этого указа на всей территории России крепостничество стало нормой жизни крестьян. Зависимые от всемогущественных хозяев, которые имели право наказывать их кнутом, но только не до смерти, продавать их, но только вместе с семьями, крепостные также страдали от государственных поборов. Они должны были кормить своими запасами расквартированные войска, которые к тому же использовали и их запасы дров, вторгались в избы и грубо обращались с их обитателями. Правительство заставляло их также участвовать в тяжелых работах (перевозка продовольствия, фортификационные работы, строительство дорог, рытье каналов), уклониться от которых и речи быть не могло и которые существенно затрудняли сельскохозяйственную эксплуатацию. Их преследовали сборщики налогов, подстерегала угроза военной службы, они не могли свободно перемещаться, не получив «отпускную челобитную» от своих хозяев, и жили в двойном страхе перед своим господином и перед функционерами. Сын простого ремесленника и первый экономист своей эпохи Иван Посошков утверждал, что в деревнях никто не умел читать и достаточно было офицеру показать так называемый императорский декрет, чтобы мужики отдали ему все, что им принадлежало. Они были не только невежественны, но и ленивы.

Они рубили молодые деревья и уничтожали рыбу в реках, не думая о последствиях своих действий. Их избы походили на темные берлоги без окон, где в тесноте и зловонии жила вся семья. Мужчины, женщины и дети спали вповалку на печи и на полатях. «Мне говорили, что им так хорошо в этих теплых местах и им не нужны кровати, – писал Вебер в 1716 году. – Они не пользуются свечами, но держат в руках или в уголке рта длинные лучины, которые используют для освещения… Также, когда они получают монеты, они прячут их в рот, под язык». Превращаясь во вьючных животных, они становятся товаром для землевладельцев. Некоторые мелкие помещики специализировались на торговле девочками, которых они недорого покупали совсем маленькими, растили их, развратничали с ними, а потом дорого перепродавали любителям разврата. Этим девушкам зачастую была предначертана судьба проституток. В Санкт-Петербурге существовал рынок крепостных, где продавались целые семьи, с ценой, написанной на этикетке, приклеенной на лоб. За хорошего крепостного могли заплатить до шестисот рублей. Но хорошая лошадь стоила дороже. Большую часть прислуги в больших домах также составляли крепостные. Они выполняли всякие работы: были слугами, кухарками, кучерами, прачками, вышивальщицами, шутами, музыкантами, кормилицами. Основной обязанностью некоторых слуг было сидение в кресле, чтобы согреть место для хозяйки, когда она захочет сесть. Детей крепостных часто использовали как форейторов и ямщиков, и они мерзли зимой, привязанные ремнями к спинам лошадей. Кучеры также мерзли на своих местах. Случалось, что деревенские дома, закрытые зимой, подвергались нашествию клопов. И с наступлением теплой погоды туда посылали слуг, чтобы они извели этих неприятных насекомых. Затем, в уже очищенный дом, приезжал господин со своей семьей. Если же в городе начиналась эпидемия, господа эмигрировали со всей своей челядью. Когда же опасность казалась позади, они отправляли нескольких крепостных на разведку в зараженную зону. Если никто из них не умирал, все обитатели возвращались в свое жилище. Слуги спали на полатях, в шкафах, в коридорах и переодевались только один раз в неделю, когда ходили в баню. Их били за малейший проступок. На Руси существовала даже поговорка: «Душа принадлежит Богу, голова – царю, а спина – барину».

Если крепостным не посчастливилось и они были проданы вместе с землей, чтобы стать рабочими завода, их судьба была еще тяжелей. Когда им платили за их работу, что случалось крайне редко, он получали одну медную копейку за день работы. Шотландскому инженеру Пэрри, который пытался добиться

заработной платы для рабочих, занятых на стройке в Воронеже, Апраксин отвечал, что не было еще примера, чтобы царскую казну тратили на то, чтобы людям платить за работу, и хватит пока на Руси палок для тех, кто откажется это делать. Продолжительность рабочего дня длилась от тринадцати до пятнадцати часов в день, в зависимости от времени года. Ленивых мастера наказывали кнутами. Одетые в лохмотья, плохо кормленные, живущие десятками в бараках, зараженных паразитами, эти несчастные были настоящими каторжниками, единственным преступлением которых было несчастье родиться крепостными.

Среди этой огромной массы аморфных, лишенных наследства, безграмотных людей и маленькой группой старого и нового дворянства почти совсем не оставалось места для нарождающейся городской буржуазии. Для этого класса создание гильдий, способных руководить, было необходимо. Несменяемые магистраты, избранные гильдиями, должны были вершить городское управление. Так восходящее движение, к которому так стремился Петр, должно было чувствоваться во всех уголках империи.

Другим занятием царя стало обучение его подданных. Он хотел обязательного обучения, но не для всех. По его мнению, только дети дворян, служивых и священников должны были обязательно обучаться. Их надо было учить «цифрам», то есть арифметике, и немного геометрии. Но где? Срочно надо было открывать русские школы. В 1705 году Петр пригласил в Москву англичанина Фергарсона, который создал первую Школу математических наук и навигации. Перенесенная в 1715 году в Санкт-Петербург, она стала Морской академией. Как можно было преподавать морскую науку ученикам, у которых отсутствовали элементарные знания? Необходимо было начинать с обучения чтению и счету. Для этого Петр обратился к старому пастеру Глюку из Мариенбурга, к тому самому, у которого служанкой была девушка, ставшая затем Екатериной, императрицей России. «Гимназия» Глюка призвана была в соответствии с планами своего основателя обучать «географии, стратегии, политике, латинской риторике, картезианской философии, французскому, немецкому, латинскому, греческому, еврейскому, сирийскому языкам, искусству танца, правилам французского и немецкого политеса и верховой езде». Эта амбициозная программа вначале привлекла только сорок учеников. Специальный указ приглашал должностных лиц отдавать своих детей в гимназию «безо всякого принуждения». Ничего не помогало. Тогда Петр решил ускорить создание профессиональных школ. Не занимаясь организацией начального и среднего образования, он сразу перешел к развитию

высшего образования: инженерное дело, кораблестроение, высшая математика. Рядом с Военно-морской академией появились артиллерийские, инженерные, медицинские школы. Преподавателями были приглашены немецкие и английские профессора. Но аудитории были практически пустыми. Невежественные и не желающие учиться, большинство учеников мечтали только о том, как бы сбежать со скучных занятий. В Морской академии старые отставные солдаты стояли с хлыстами в руках у дверей каждой аудитории, чтобы пресечь все попытки учеников сбежать с занятий. Закончившие это заведение, успешно сдавшие экзамены, отправлялись в провинцию, чтобы проводить обучение там на местах. Эта была первая серьезная попытка создания в России средних школ. В 1716 году их было уже двенадцать. Вскоре к ним прибавилось еще тридцать. Однако в 1723 году из сорока семи преподавателей, отправленных в различные губернии, восемнадцать вернулось обратно, не найдя там себе места. Многие из учеников сбегали из школ. Часто, как это было в Рязани в 1725 году, половина класса вырвалась на свободу среди всеобщего равнодушия. В 1721 году был издан Духовный регламент, призывающий архиереев открыть при своих домах школы «для детей священнических или прочих, в надежду священства определенных». В первые пять лет по издании духовного регламента открыто было около пятидесяти таких школ. Но успех их был не больше, чем у светских, цифирных школ. В 1713 году, констатировав, что в инженерной школе обучается всего двадцать три ученика, Петр приказал зачислить в нее семьдесят семь молодых людей из числа сыновей придворных. И ученые преподаватели начали их обучение с алфавита.

Будучи нетерпеливым по природе, Петр пренебрегал базовыми знаниями, чтобы подняться на вершину. Чуть позже ему пришла в голову идея создать Академию наук. Эта мысль посетила его еще во время визита в Париж. 28 января 1724 года Петр подписал указ о создании Российской академии наук. Чтобы заседать в Российской академии, было выписано пятнадцать ученых из Германии. При Академии учреждалась гимназия и университет. Приступив к своим обязанностям, знаменитые академики увидели, что студентов, которых они должны обучать, просто нет. Тогда и слушателей выписали из-за границы, но их было очень мало, и профессора ходили на лекции друг к другу.

В этой беспорядочной борьбе против невежества своего народа Петр понимал, что тех средств, которыми он располагает, недостаточно, невозможно за несколько лет создать систему образования с нуля. Одновременно с распространением школ в

России он продолжал отправлять молодых людей на обучение за границу. Они отправлялись группами по сто пятьдесят человек каждый год, как только наступали первые теплые дни. Одни приезжали на стройки и в мастерские Голландии и Англии, другие отправлялись в Берлин изучать немецкий язык, третьих посылали в Азию и Африку, чтобы освоить арабский язык. Италия и Франция принимали будущих моряков и архитекторов. Князь Львов занимался присмотром за учениками в Нидерландах. Всюду отмечалось безобразное поведение его подопечных. Им не хватало денег, они боялись голода и ссорились по любому поводу. В 1717 году князь Репнин просил государя разрешить вернуться его двум сыновьям, которые, находясь в Германии, ничему не научились, а только влезли в долги. В Лондоне ученики убили нескольких горожан. В Венеции они спровоцировали драки в нескольких игорных домах. В Тулоне молодые русские, принятые на службу в морскую гвардию, подняли мятеж против маршала д'Эстрэ. По словам местных властей, они дрались между собой и грубо бранились, как последние из последних. У нас такого никогда не бывало: тоже дерутся, но честно, на дуэли, лицо к лицу.

Тем не менее эти «последние из последних» возвращались в свою страну с интеллектуальным багажом, достаточным, чтобы воплотить замыслы царя. Благодаря им он пополнял свои военные, научные и промысловые кадры. Еще зависящий от иностранцев, он был уверен, что в скором будущем Россия будет блистать в глазах всего мира, благодаря собственным ученым сынам.

В 1721 году тридцать картографов работали над составлением карт различных регионов России. Специальные исследователи были посланы в район Каспийского моря, в Сибирь и в Персию. Собрав воедино поступившие от них данные, статс-секретарь Сената Иван Кириллов стал готовить всемирный атлас.

12 декабря 1723 года царь снарядил два фрегата под командованием адмирала Вильстера с приказом присоединить остров Мадагаскар и объяснить предполагаемому королю острова, что в его же интересах будет принять протекторат России. Заняв всю территорию своими войсками, Вильстер должен был продолжить свой путь на восток, до страны, которой правил Великий Могол. Но оба фрегата почти сразу после отплытия были повреждены шквальным ветром и остановились в Ревеле. Эти корабли оказались слишком слабой конструкции для столь дальних путешествий. Петр решил покрыть ту часть их корпуса, которая скрывается под водой, войлочным кожухом. Затем он отказался от своей идеи, увидев, сколько сложностей

возникает на этом пути. И тотчас же он перекинулся на другой проект. Он отправил датского капитана Витуса Беринга с изыскательской миссией в моря Камчатки.[84]

Чтобы ускорить распространение идей, Петр приказывает перевести тысячу научных, технических и исторических трудов на русский язык. Об этом он написал Ивану Зотову, переводившему книгу «О фортификации манеры Блонделевой»: «Не надлежит речь от речи хранить в переводе, но точию, сене выразумев, на своем языке так писать, как внятнее может быть»… Он устроил в Москве первый военный госпиталь, в котором вскоре разместил хирургическую школу, анатомический кабинет и ботанический сад. Он открыл аптеки во всех крупных городах, начиная с Санкт-Петербурга. Он доставил в Россию телескоп. Петр приказал собрать все исторические архивы, рассредоточенные в то время по различным монастырям. При его царствовании была организована первая русская газета и открыт первый русский театр. Профессиональные актеры играли на сцене бок о бок с молодыми людьми из общества, которые играли комедию, чтобы развлечься. Бергхольц писал 15 ноября 1722 года, что один из этих профессиональных актеров, исполнявших роль царя, получил накануне двести ударов розгами за дерзость. После чего с еще болевшей спиной комедиант предстал в свете рампы с короной на голове, с супругой, согласно пьесе, настоящей княжной. Во время представления мемуарист так веселился над пикантностью ситуации, что не заметил, как у него украли табакерку. В действительности и литература, и театральное искусство только начинали зарождаться. Расину, Мольеру, Корнелю, Паскалю, Ла Бриеру, Лафонтену, Ларошфуко, Сен-Симону и многим другим, которые блистали во Франции, Петр мог только противопоставить историка и географа Татищева, экономиста Посошкова, поэта Антиоха Кантемира, сына Господаря Молдавии. Впрочем, государь, обладая умом, склонным к наукам, не уважал напрасные упражнения пера. И его подданные подражали ему. В России пришло время цифр, а не мечтаний. Хотя Петр и купил несколько библиотек, картины и статуи, но делал это скорее из старания подражать европейским монархам. Рассматривая недавно приобретенное произведение искусства, он думал о собственном величии.

Желание изменить русские нравы побудило его после того, как были острижены бороды, а мужчины и женщины переодеты в западные платья, организовать ассамблеи. В 1718 году появился указ об ассамблеях, в котором русские люди прочли, что «ассамблея – слово французское, которое на русский язык одним словом выразить невозможно; обстоятельно сказать – вольное в

котором доме собрание или съезд; делается и не только для забавы, но и для дела, ибо тут можно друг друга видеть и о всякой нужде переговорить, также слышать, что где делается, притом же и забава». Ассамблейные правила очень жестко обусловливали, что ассамблеи могут устраиваться только в больших частных домах, три раза в неделю, между четырьмя часами пополудни и десятью часами вечера. Вывеска на дверях дома служит сигналом для сбора. Туда приезжают и отъезжают, кто когда волен, но не ранее и не позже означенного времени. В документе также определялись чины, которым эти ассамблеи надо было посещать: с высших чинов до обер-офицеров и дворян, знатным купцам, кораблестроителям, знатным приказным и начальным мастеровым людям с их женами и дочерьми. Хозяин не должен был ни встречать, ни провожать гостей, ему предписывалось очистить несколько покоев, столы, свечи и питье поставить для тех, кто попросит, на столах приготовить игры. Каждый волен был делать то, что ему хотелось. В документе указывалось, что необходимо было подготовить бальный зал, зал для игр, зал для курения и бесед, зал для дам, которые играли в жмурки и другие невинные светские игры. Если помещение было очень тесным, все скапливались в одном зале и дым от курительных трубок заставлял дам кашлять. Кожаные мешочки с табаком и лучины для зажигания стояли на каждом столе. Болтовня и смех гостей не давали сосредоточиться любителям игры в шахматы. Их уже стало довольно много в России, и Петр был одним из самых страстных шахматистов. Но первым номером программы этих вечеров были, конечно же, танцы. Так как фигуры европейских танцев были пока мало распространены в стране, царь и в этой области выступил инициатором. Он исполнял па во главе кавалеров, и все подражали ему, с почтением повторяя его пируэты и прыжки, правилами были оговорены даже жесты. Вначале русские женщины, только что освобожденные из своих темниц, которыми были для них терема, сопротивлялись тому, что должны были появляться с мужчинами на этих шумных собраниях. На ассамблее, которая была созвана специальным указом в честь празднования Ништадтского мира, обязаны были появиться «все дамы, достигшие возраста десяти лет, под страхом страшного наказания». И удалось собрать только семьдесят дам. Они страдали от того, что приходилось затягивать талию в крепкие корсеты с огромными фижмами. Некоторые из них продолжали приветствовать собеседников низкими поклонами, тревожились и краснели, отказывались притронуться к западным блюдам и оживали немножко, только оказавшись в кругу своих русских подруг. Когда они не танцевали, то сидели

вдоль стен, молча, с отсутствующим видом, с сожалением, быть может, вспоминая о своем недавнем заточении. Целый ряд кукол, плохо одетых, слишком сильно накрашенных, копирующих не по своей воле изящество Парижа или Вены. Во всяком случае, их выбирали в партнерши по танцам только русские, что огорчало простодушного Бергхольца, камергера герцога Голштинского.

Но с каждым месяцем атмосфера становилась все непринужденнее. Женщины привыкли к своим нарядам, им стали нравиться эти свободные встречи. Дочь князя Черкасского показалась вскоре тому же Бергхольцу «такой милой и приятной для своего возраста, что можно было подумать, что она получила лучшее воспитание во Франции». У одной из дочерей царя, Елизаветы, была гувернанткой мадам Де ла Тур де Лоной, которая ее учила французскому и хорошим манерам.[85] Петр велел перевести с немецкого руководство к приличному поведению – «Юности честное зерцало», в котором советовалось не плевать в центр зала, но отойти в сторону, не ковырять пальцем в носу, не использовать вместо зубочистки нож. Однако сам царь не всегда следовал наставлениям этого руководства. Если некоторые русские дамы и достигли утонченных манер, большинство лишь поверхностно перенимали немецкую и французскую моду. Постепенно танцы на ассамблеях становились все более живыми, хотя им и не хватало элегантности. Участниками ассамблеи придумывались новые фигуры и выходки. Например, на одной из ассамблей Лопухина, потанцевав в кругу, обратилась к Ягужинскому, поцеловала его и затем стащила ему на нос парик, что должны были за ней повторить все дамы и кавалеры. Любой предлог был хорош, чтобы заставить гостя выпить штрафную рюмку. Впрочем, зачастую проштрафившийся и сам был рад выпить полный стакан. Пьянство не мешало продолжению танцев. После англеза с глубокими реверансами следовал менуэт, затем пары танцевали полонез и заканчивали безудержной фарандолой. Петр с удовлетворением обозревал это всеобщее оживление, во время которого происходило смешение различных классов общества. Подхваченные общим круговоротом, вчерашняя и сегодняшняя знать, купцы, офицеры, княжны и супруги иностранных послов знакомились, смотрели друг на друга, дышали одним воздухом.

Однако настоящие страсти кипели не во время ассамблей. Богатые пиры, устраиваемые царем во дворце Меншикова, были поводом для более ярких сцен. 24 ноября 1724 года, во время обеда в Сенате Его Величества вместе с многочисленной компанией, один из сенаторов, выпив, взобрался на стол и пошел по нему, наступая в блюда с едой. Каждый спуск на воду судна

был поводом для безудержного пьянства. Узнав об этом событии, население города устремлялось к берегам Невы, к зданию Адмиралтейства. Царь лично следил за подготовительными работами и делал первый удар топором по канатам, которые держали корабль. Сотня других ударов топорами, сделанных плотниками, освобождала корабль. Огромный корпус судна медленно скользил по штапелям, смазанным жиром, и опускался на воду. Из крепости раздавались пушечные залпы, и под звуки труб толпа кричала от радости. Пир объединял двор и дипломатический корпус на борту нового корабля российского флота. Мужчин собирали в одной просторной каюте, женщин – в другой. Как обычно, часовые, поставленные на дверях, запрещали хождение взад и вперед. Под залпы артиллерийского салюта произносили единственный тост «за семью Ивана Михайловича» – иными словами, за славу русского флота, первым адмиралом которого был Иван Головин. Стаканы опустошались один за другим, лица гостей были разгорячены пьяными выкриками и грязными шутками… «Пили удивительно, – писал Кампредон в 1721 году, – комната была полна табачного дыма и неясных голосов, нечем было дышать и невозможно слышать друг друга. Папа (князь-папа) и кардиналы пели, и, так как часовые никого не выпускали, я никогда еще в своей жизни не подвергался столь тяжелому испытанию». Четыре месяца спустя – спуск на воду нового корабля. На этот раз Бергхольц, присутствовавший на пиру, удивлялся безумству опьяневших соотечественников. Старый адмирал Апраксин плакал; Меншиков скатился под стол, другие достойные люди то обнимались, то оскорбляли друг друга, немецкий генерал фон Стенпфлихт дал пощечину своему соотечественнику фон Геклау и сорвал с него парик.

Во время теплой погоды приемы и пиры происходили в Летнем дворце, в садах, на берегу Невы. На первый взгляд это сборище придворных, одетых на европейский манер и перемещающихся среди деревьев, античные статуи, цветущие лужайки заставляли иностранного наблюдателя подумать, что он попал в другой Версаль. Парики и беседы, улыбки и игры веером были похожи на западные. Только непривычно было видеть полный стол бородатых священников с высокими черными головными уборами перед несметным количеством блюд и бутылками с ликером. Но вот показались шесть гренадеров, несущих носилки с бадьей водки. Веселый царь требовал, чтобы каждый выпил столько же, сколько он. Сквозь шутовские песни князя-папы и его кардиналов слышался звонкий смех женщин, которых заставляли выпить, а они, смеясь, отказывались. Увы, это был не Версаль. За французской утонченностью прорывался

наружу резкий и примитивный дух, который отличал старую Русь.

В летних дворцах Санкт-Петербурга и Москвы государь и его окружение были еще менее выдержаны, чем в столице. Приглашенный вместе со всем дипломатическим корпусом на прием в Петергоф ганноверский резидент Вебер писал в своих *«Новых темуарах»*: «Нас заставили выпить столько токайского вина за ужином, что, когда пришло время нам расходиться, мы едва могли держаться на ногах. Это, однако, не помешало царице поднести каждому из нас по стакану водки, который мы обязаны были выпить, после чего, окончательно потеряв рассудок, мы отключились и заснули, одни в саду, другие на лавках, а третьи прямо на земле. Нас пошли будить в четыре часа пополудни и отправили в замок, где царь дал нам каждому по топору и приказал следовать за ним. Он привел нас в лес и показал аллею в сотне шагов от моря, на которой надо было вырубить деревья. Он первым начал работу, и, так как мы были плохо приспособлены к этой тяжелой работе, мы так далеко и не продвинулись за три часа, что были вместе с Его Величеством. Винные пары за это время выветрились, к счастью, несчастных случаев у нас не было, если не считать одного министра, очень рьяно усердствовавшего и обрадованного тем, что ему удалось повалить дерево, которое, падая, его немного задело. Царь поблагодарил нас за труды, и нас угостили вечером, как обычно, подав нам такую дозу ликера, после которой нас, бесчувственных, отправили спать. Мы проспали всего полтора часа, когда около полуночи нас разбудил один из фаворитов царя и повел к князю Черкесии, который спал вместе со своей супругой. Мы должны были оставаться до четырех часов утра рядом с их ложем, пить вино и водку, и мы не знали, что сделать, чтобы добраться наконец до своего дома. К восьми часам нас пригласили на завтрак в замок, но вместо чая или кофе, которого мы ждали, нам опять поднесли по полному стакану водки, после чего нас отправили на свежий воздух на высокий холм, у подножия которого мы увидели крестьянина с восемью клячами без седел и стремян, которые не стоили все вместе и четырех экю. Каждому подвели кобылу, и таким комичным поездом мы должны были пройти перед окнами, в которые нас разглядывали Их царские Величества».

На самом деле, следуя своей природе, Петр лишь накладывал одни испорченные нравы на другие. То, что он предлагал своему народу, было всего лишь пародией на цивилизацию. Новое петербургское варварство пришло на смену старому московскому.

Несмотря на жесткость и неудобство жизни в России,

иностранцы продолжали стекаться сюда. Их принимали с широко распростертыми объятиями во всех дворянских домах. И пример подавал императорский дворец. Уже в 1710 году брак великой княгини Анны, племянницы Петра, с герцогом Курляндским обозначил интерес царя к германским принцам. Через несколько дней после свадьбы молодой супруг умер по дороге в Санкт-Петербург, как полагали, вследствие злоупотребления спиртными напитками. Вернувшись в столицу, его молодую вдову окружили курляндские придворные дворяне, среди которых был и ее будущий фаворит Бирон. Некоторое время спустя сестра Анны, дородная и легкомысленная Екатерина, вышла замуж за другого немецкого принца, герцога Мекленбургского. И в 1721 году в Санкт-Петербург приехал герцог Гольштинский, Карл-Фридрих, который имел виды на шведскую корону и на руку одной из дочерей царя, Анны или Елизаветы. Как возможные женихи рассматривались и молодые герцоги Гессе-Гамбургские. Вокруг этих богатых людей собирались скупые интриганы-соотечественники. При дворе герцога Гольштейна было много шведских офицеров, бывших пленных, женившихся на русских женщинах, которых царь запретил им забирать к себе на родину. Они должны были или уехать одни, или остаться в России со своими семьями и продолжать приносить пользу стране, которая их победила и приютила.

Колония высокопоставленных иностранцев в Санкт-Петербурге включала в себя еще и дипломатический корпус. Та роль, которую Россия начинала играть на международной арене, побудила все европейские правительства иметь в этой стране своих постоянных представителей. От француза Кампредона до австрийца Кински, от прусского дипломата Мардефельда до английского Витворта, все послы жаловались на дороговизну жизни в столице, на придирки русских чиновников и чрезмерные угощения, навязываемые этикетом, невозможность добиться регулярных аудиенций Его Величества. Чтобы поговорить с царем о политических делах, иностранные министры должны были следовать за ним в бурю на его корабль или ловить его внимание во время очередного пира, когда одним из развлечений царя было напоить гостей допьяна. Датчанин Жуэль, который боялся водки как серной кислоты, чтобы избежать необходимости принять свою дозу, спрятался за вантами корабля. Царь догнал его со стаканом в руке и заставил выпить.

Вокруг этих высокопоставленных лиц собирались более скромные иностранцы, английские и голландские кораблестроители, архитекторы, инженеры, торговцы. Несколько немецких ученых было среди окружения Его Величества, в том

числе и его личный врач Блюментрост, который стал первым президентом Академии наук, Шумахер, директор императорской библиотеки, Мессершмитт, которым первый начал проводить научные исследования в Сибири. Французская колония была менее выдающейся. Здесь был господин Виллебуа, адъютант царя, господин де Сен-Гилер, директор морской академии, архитектор Ле Блонд, художник Каравак, скульптор Никола Пино. Но большинство французов, живущих в России, были скоромными субподрядчиками или авантюристами незнатного происхождения. Среди них свирепствовал отец Кайо, монах, распутник, спорщик и интриган. «Среди этих французов, – писал Кампредон в своем рапорте от 10 марта 1721 года, – были рабочие и несколько торговцев. Я никогда не видел столь ужасающего беспорядка и такого разделения, как у них. И меня особенно огорчает тот скандал, который учинил монах, которого они привели с собой и который быстро настроил одних против других и сам участвовал в драке, происходящей в часовне… У него не было собственного жилья, он ходил из дома в дом, насмехаясь над московскими священниками, впрочем такими же испорченными». Вышеупомянутый Кайо был в конце концов отправлен во Францию, чтобы «сохранить честь религии». Другой француз, консульский чиновник де Ла Ви, заслужил упреки Кампредона за свое аморальное поведение. «Осмелюсь сказать, – писал посол, – что лучше бы король сюда вообще никого не присылал, чем иметь здесь господина де Ла Ви в том состоянии печали, в котором он пребывает». Действительно, жизнь де Ла Ви принимала плохой оборот, он продавал секретную информацию иностранцам и превратил свой дом, который находился напротив дворца царицы, «в публичное место», как писал в том же рапорте Кампредон.

Над этим космополитическим миром Петр наслаждался полученным удовлетворением – на всю его империю распространился дух Немецкой слободы, столь дорогой его юности. Но это ощущение Европы не мешало ему оставаться до корней волос русским. Напрасно он старался соперничать с голландцами, англичанами, французами, немцами и даже со шведами, его безумные развлечения, его нетерпение, выносливость, упрямство, живость, пренебрежение комфортом, смелость, перепады настроения, энтузиазм и упадок сил, ярость и радость были типичными чертами славянского характера, во всем доходящего до крайностей. Будучи правителем страны с суровым климатом, Петр и сам был чрезмерно суровым. Впрочем, хотя он и был сторонником иностранных обычаев, но четко соблюдал традиции национальных праздников.

Каждую зиму на праздник Крещения царь присутствовал на

чине освящения воды. Во льду Невы прорубали квадратное отверстие, иордань. Духовенство собиралось вокруг проруби с иконами и хоругвями. Все священники были с непокрытыми головами. Хор пел церковные песнопения. Архиепископ трижды опускал в воду серебряный крест.

Затем он окроплял святой водой знамена различных полков. По приказу царя артиллерийские залпы разрывали воздух, в котором кружились снежные хлопья. После ухода священников несколько детей голышом бросались в прорубь, их кожа покрывалась мурашками, а они смеялись и стучали зубами.

После торжественных богослужений на Пасху также все высокопоставленные чиновники приходили поздравить царя. На длинном столе стояли куличи и пасха, украшенная засахаренными фруктами. Каждый гость подходил к трону, обменивался с царем крашеными яйцами и пасхальным приветствием: «Христос воскресе!» – «Воистину воскресе!» После этого царь трижды лобызался с гостем. В этот день никто не имел права отказаться от христианских объятий и поцелуев. Даже простой солдат мог подойти и поцеловаться с Его Величеством. Под конец церемонии от несметного количества объятий, когда Петр вынужден был наклоняться к своим подданным, у него уже болела спина.

В летнее время он любил устраивать на Неве «водные ассамблеи». Сигналом к сбору служил пушечный выстрел. В различных кварталах Санкт-Петербурга поднимали знамена. Все владельцы кораблей должны были участвовать в прогулке, иначе их ждал штраф. Во главе флотилии шел корабль адмирала Апраксина, обгонять который было запрещено. Он командовал движением флотилии. Даже царь, идя на своем галиоте, слушался приказов адмирала. Богато украшенные судна подчинялись гребцам в белых рубашках. Многие владельцы размещали на борту своих кораблей оркестры. Звуки труб и гобоев смешивались с плеском воды под веслами. Длинная змейка воды от лодок постепенно достигала низких берегов. Спустившись к устью реки, флотилия входила в маленький канал и останавливалась в Петергофе, перед загородным царским дворцом. Столы, поставленные в саду перед домом, предлагали проголодавшимся большой выбор холодных закусок. Ели стоя, под звуки легкой музыки. Прирученные лоси без боязни подходили к этому блистательному собранию и начинали ласкаться. Как всегда, было много выпивки. Основными напитками были водка и венгерское вино. В сумерках пьяная компания возвращалась в Санкт-Петербург. Гребцы были такими уставшими, что едва могли говорить, отмечал Бергхольц. Случалось, что небо

заволакивали тучи и на речную процессию обрушивались сверху потоки воды. Дамы в открытых суднах, промокнув насквозь, пытались спасти свои платья, намокшие парики свешивались распрямленными прядями. Музыканты старались уберечь от дождя свои инструменты. Как только корабли достигали пристани, гости пускались наутек.

Здесь же, на Неве, в 1724 году торжественно встречали мощи святого благоверного князя Александра Невского, привезенные из Владимира на Клязьме, чтобы передать их в Александро-Невскую лавру. Множество лодок скопилось на реке перед Лаврой, когда адмиральский корабль, везущий под балдахином серебряную раку с мощами, причалил к пристани. Священники в парадных облачениях внесли мощи святого в храм. Император с императрицей, обе княжны, самые знатные придворные шествовали в кортеже, почтительно склонив головы. Когда рака заняла свое место у алтаря, раздались артиллерийские залпы, зазвонили колокола, и Петр поднял голову. Принимая мощи того, кто на этом самом месте в 1240 году победил шведов, он, новый победитель, продолжал традиции русского народа. Он был не только реформатором, но и продолжателем традиций. На следующий день, поднявшись на борт «предка русского флота», своего ботика, на котором он когда-то плавал по Москве-реке, получая свой первый опыт навигации, царь отправился в Петропавловскую крепость. Около сотни кораблей, украшенных флагами, последовали за ним. Военные корабли, стоя на якорях, приветствовали их пушечными залпами. Он с гордостью проследовал на этой ореховой скорлупе перед новейшими современными образцами своей флотилии. Какую дорогу прошел он с тех пор, как во времена регентства своей сестры, царевны Софьи, предпринимал маневры под парусом на Плещеевом озере! Ступив на землю, он принял из рук Екатерины стакан, полный водки. В саду у дворца Меншикова были накрыты столы. До часу ночи Петр и его гости пили за процветание России. Когда стало прохладно, как писал Бергхольц, царь схватил у кого-то парик и надел на себя, несмотря на то что парик был белым. Все смеялись и аплодировали ему. Для Его Величества гордыня и буффонада были двумя сторонами одного ощущения могущества.

Глава XIV
Гигант почил

На триумфальной арке, воздвигнутой в Москве в честь заключения мира со шведами, Петр приказал изобразить себя рядом с Иваном Грозным. Он хотел, чтобы у потомков были исторические ассоциации между их двумя царствованиями. Дни его деспотичного царствования были отмечены таким же большим количеством праздников, как и казней. Установленная им система фискальства породила ежедневные доносы. Обреченный во время пытки называл случайные имена нескольких сообщников, но, так как его откровений оказывалось недостаточно, его выводили на улицу, приказывая ему указать других виновных среди прохожих. При виде его в народе раздавался крик: «Язык! Язык!» И все старались удрать от того, кто, спасая свою шкуру, мог обвинить невинного человека. Чтобы ободрить доносчиков, Петр выдавал премии, сумма которых обычно составляла десять рублей. Но в особых случаях она могла быть и больше. Так, в 1722 году в Москве царь приказал повесить на мачте десять мешков, в каждом из которых было по сто рублей. В соответствии с объявленным на месте сообщением эта значительная сумма достанется тому, кто укажет автора памфлета против Его Величества, копия которого была найдена в одной из церквей Кремля. К этому вознаграждению лицу, заявившему о преступнике, будут добавлены пожалованные земельные угодья и должность. Достаточно было первому встречному представиться полиции и сказать священный пароль: «Слово и дело», чтобы его выслушали с большим интересом. Простого подозрения было достаточно, чтобы возбудить уголовное преследование. Крестьянина подвергли пыткам за то, что он не знал, что теперь царь носит титул императора; священника, осмелившегося сказать о мнимой болезни императора, сослали в Сибирь; студента, выпившего вина и осмелившегося неприлично выражаться, наказали тридцатью ударами кнута, вырвали ноздри и приговорили к пожизненным принудительным работам… «Санкт-Петербург, – писал Ла Ви, – стал публичной заразой. В нем каждый мог стать обвинителем или обвиняемым». Привыкший жить в страхе, русский народ в конце концов стал считать потрясение от несправедливости феноменом, сравнимым с природными катаклизмами, против которых бессмысленно выступать и возмущаться, покорившись судьбе и жалея пострадавших товарищей, надеялись уберечься от

следующей бури. Этот фатализм принял такие масштабы, что не возникало никакого осуждения поведению доносчиков. Как можно было упрекать своего соседа в доносительстве, если сам царь приказал ему так делать? Доноситель был так же уважаем, как и жертва, насколько эти жертвы принадлежали зачастую к ближайшему окружению царя. Даже ближайший друг и соратник государя Меншиков не избежал подозрения. Начав с ничего, он стал за несколько лет другом и фаворитом, тенью царя. Титулы дождем сыпались на его голову: князь Ижорский, граф Дубровны, Горок и Почепа, наследный государь Ораниенбаума и Батурина, генерал, адмирал, генерал-губернатор Санкт-Петербурга, подполковник трех гвардейских полков, сенатор, кавалер всех главных орденов империи… Резкий, алчный, развратный, упрямый, едва умеющий читать и писать, он интересовался только богатством. В его дворце, самом красивом в Санкт-Петербурге, содержался настоящий двор, с камергерами, придворными и пажами. Его торжественные ужины, приготовленные французскими поварами, подавались на позолоченной посуде. Когда он отправлялся к царю, то ехал в карете, сконструированной в форме веера, с гербом на занавесках и золотой короной на крыше. В упряжь запрягались шестеро лошадей в пурпурных попонах, украшенных золотом. Лакеи в ливреях и музыканты шли во главе процессии. Эта пышность стоила дорого. Состояние Меншикова было огромным – говорили о нескольких десятках миллионов рублей, но ему этого было недостаточно. Он искал любой возможности пополнить свой карман. Его рекомендации никогда не были бесплатными. Всюду, где ступала его нога, он грабил, спекулировал, обманывал. На Украине он присвоил пятнадцать тысяч душ в бывших владениях Мазепы. Он заставил поляков уступить ему за небольшую сумму огромные угодья. Он расхитил деньги, предназначавшиеся для снабжения своих войск, продавал свое влияние тем, кто назначал высокую цену, реквизировал в свою пользу урожаи зерновых. Ходили слухи, что он может отправиться из Риги, до границ с Персией, в Дербент, засыпая каждый раз на одной из своих земель. Столб с его гербами в деревне был равносилен титулу владельца. И чтобы остановить всякое недовольство существующим порядком, он приказал рядом со столбом воздвигнуть виселицу. О его жестокости ходили легенды. Когда на него напали при переправе через одну деревушку, он возвратился со своими солдатами и приказал повесить всех ее жителей: мужчин, женщин, детей, включая попа… Петр был раздражен и развеселен этой карикатурой на себя самого. А так как доносов на его фаворита становилось все больше, он решил

свирепствовать, учинять расследования, наказать виновного своей дубиной и в конце концов помиловать его. Вскоре вымогательство и расхищение земель возобновилось. Во время одного из бурных объяснений с царем Меншиков воскликнул: «Да, хорошо, я украл! И даже сам не могу сказать, сколько… Но вспомните, что вам ответил Ягужинский, когда вы велели ему перевешать всех чиновников, виновных в хищениях: вы что, государь, хотите остаться один, без подданных?» В другой раз Петр в порыве гнева пригрозил этому плуту, что отправит его туда, откуда он вышел. Вечером царь увидел его в наряде пирожника с корзиной на голове, выкрикивающего: «Пироги печеные! Покупайте пироги печеные!» Обезоруженный, царь залился хохотом. И на этот раз ему удалось повернуть ситуацию в свою пользу. В его бурных отношениях с государем он всегда мог рассчитывать на поддержку Екатерины. Когда-то она была его любовницей и не без трепетного смущения вспоминала об этом. Впрочем, Петр сам, критикуя невиданную жадность своего старого друга, признавал, что в ответственные моменты этот человек мог быть энергичным, изобретательным и храбрым. Нужный негодяй! Однако в конце концов царь устал наказывать и штрафовать этого человека, купающегося в золоте и усыпанного драгоценностями, который каждый раз, когда его валили на землю, поднимался как ванька-встанька. В 1723 году, когда Екатерина стала защищать своего протеже перед Петром, царь воскликнул: «Меншиков на свет явился таким же, каким живет век свой: в беззаконии зачат, в грехе родила мать его и в плутовстве скончает живот свой, и если не исправится, то быть ему без головы!» Очарование было разрушено. По приказу Его Величества Меншиков был лишен председательства в военной школе, у него отобрали пятнадцать тысяч украденных из бывших владений Мазепы, у него отняли большую часть его владений. Но он остался при дворце, ожидая времени, когда к нему вернется царская милость.

В том же 1723 году случилось еще одно громкое разоблачение. В течение всего времени правления Петра также обогащался и самоутверждался «маленький еврей» Шафиров. Вице-канцлер Империи, недавно получивший титул барона, кавалер ордена Святого Андрея, могущественный, завистливый, трусливый, он жил в своем дворце на широкую ногу, выдал замуж своих пять дочерей за первых людей империи: князей Долгорукого, Головина, Гагарина, Хованского, Салтыкова – и так же, как и его соперник Меншиков, зачастую использовал государственную казну в своих целях. Казалось, он неуязвим, но однажды царский гнев обрушился на него как гром среди ясного неба. Дело рассматривалось верховным трибуналом, в Москве, и

на процессе собрался весь двор. Признанный виновным в растратах, Шафиров был приговорен к смертной казни 12 февраля 1723 года. Через три дня этого человека вели на эшафот в присутствии высших должностных лиц, дипломатического корпуса и простого люда. После оглашения приговора помощники палача вывели его в центр эшафота и стащили с него парик и шубу. Он перекрестился, стал на колени и склонил голову на плаху в такой неудобной позе, что помощники палача потянули его за ноги так, что его живот стал касаться пола. Палач поднял свой топор и воткнул его рядом с головой осужденного. Пока Шафиров в страхе ожидал следующего удара, который придется по его шее, секретарь царя Макаров вышел и зачитал указ об императорском помиловании и замене казни пожизненной ссылкой. Имущество приговоренного было конфисковано. Дрожащего от страха и с застывшим ужасом в глазах Шафирова, как писал один из очевидцев, повезли в Сенат. Там те же сенаторы, которые единогласно вынесли ему приговор, устремились к нему и стали его обнимать и поздравлять. Этот спектакль так его потряс, что хирургу Кови пришлось сделать ему кровопускание. В конце концов он избежал даже ссылки в Сибирь, его отправили в Новгород, где он был взят под стражу. Его супруга умоляла царя не заключать его в тюрьму, а разрешить поселиться у одного из зятьев. Воспользовавшись добрым расположением духа Его Величества, вдова Абрама Лопухина умоляла царя, в свою очередь, разрешить снять с кола голову ее покойного мужа. Шесть лет назад насаженная на кол, высохшая голова Лопухина наводила ужас на прохожих пустыми глазницами и выступающими челюстями. Она была призвана напоминать о преступлениях, совершенных одним из сторонников Алексея. Но, быть может, москвичи уже свыклись с этим зрелищем и оно их больше не пугает? Великодушный Петр внял этой просьбе.

Через день после несостоявшейся казни Шафирова весь двор участвовал в маскараде. Сани, в которых сидели наряженные в костюмы придворные, длинной процессией скользили по снегу. Семьи приветствовали друг друга. Женщины, одетые в наряды пастушек, баядерок и коломбин, дрожали от холода. Петр велел преобразить свои сани в корабль с мачтами, парусами и экипажем моряков. Так, даже скользя по снегу, было ощущение, что это плывет корабль. Иногда его самого удивляло, что он находится в мире со всеми. Самой главной его заботой сейчас стало устройство судьбы своих дочерей. Они были грациозны и умны. Мардельфельд писал в 1724 году по поводу старшей дочери Петра, Анны, которой в ту пору было пятнадцать лет, что вряд ли

сыщется в Европе принцесса, которая разделила бы с ней пальму первенства величественной красоты. Анна была выше всех придворных дам, но обладала необыкновенно тонкой изящной талией, черты ее лица были настолько совершенны, что античные скульпторы могли бы только мечтать о такой натурщице. Она естественно и спокойно держалась со всеми и предпочитала всем прочим развлечениям чтение исторических и моралистических произведений. Что касается Елизаветы, второй дочери Петра, которой было четырнадцать лет, Кампредон так писал о ней: «В цесаревне все радует глаз. Цвет лица, глаза и руки. Если и есть какие-то недостатки, то лишь по части воспитания и манер». Герцог де Лириа дополняет этот портрет: «Такой красоты я еще никогда не видел: удивительный цвет лица, горящие глаза, аккуратный рот, редкостной белизны бюст. Это высокая девушка с необыкновенно живым характером. В ней чувствуется незаурядный ум, она приветлива, но также и честолюбива». Младшая, Наталья, которой было всего одиннадцать лет, еще не интересовала дипломатов. Кампредон настойчиво предлагал выдать замуж цесаревну Елизавету за герцога Шартрского, сына регента Франции, которому прочили польский трон. Петра же увлекала мечта об альянсе с Европой. Кардинал Дюбуа, премьер-министр, прикидывался глухим. Прежде чем дать свое согласие, он хотел дождаться смерти Фридриха-Августа II и назначения преемника польского трона. Однако он сам умер быстрее. Регент унаследовал пост премьер-министра и оставил свои надежды по отношению к России. Ему казалось по меньшей мере рискованным подталкивать сына, герцога Шартрского, к супружеской авантюре с этой девушкой с Севера, православного вероисповедания, мать которой была когда-то ливонской служанкой. Царь не получил официального ответа на свои первые шаги и узнал спустя несколько месяцев, что герцог Шартрский женился на немецкой принцессе. Кампредон был очень расстроен. «Это не понравится русским», – писал он. Впрочем, Петр был не сильно расстроен. Его дочери юны, красивы, и у них хорошее приданое. Претенденты найдутся. В числе самых смелых был молодой герцог Голштинский. Тем не менее, увидев манеж этого амбициозного, легкомысленного и педантичного человека, Петр не смог представить его своим зятем, который был бы ему по сердцу. Даже после церемонии присвоения Екатерине императорского титула в Архангельском соборе Московского кремля царь не считал, что проблема преемственности трона будет решена. Это коронование было данью уважения жене царя, и не более. Оно абсолютно не означало, что в случае освобождения трона престол достанется императрице. Петр

собирался назначить своего преемника в завещании. Впрочем, обязательно ли его выбор бы пал на супругу? Его дочери, Анна и Елизавета, еще слишком неопытны, чтобы им можно было доверить вершить судьбу такой огромной империи. А их будущие мужья будут ли в состоянии управлять державой? Насчет Екатерины Петр был спокоен. Она здорова, у нее хорошая голова, и она привычна к дворцовым интригам. Она доподлинно знает, к чему устремлены его политические мысли. И к тому же она не один раз на деле доказала свою преданность. Именно о ней, а не о дочерях он думал, размышляя о своем преемнике. На всех пирах он не упускал возможности продемонстрировать ей свое уважение значимыми тостами. На праздничных фейерверках высвечивалось ее имя: «Да здравствует Екатерина!» Она попросила Петра привезти из-за границы кружева, «в которых твое и мое имя будут переплетены».[86] Приехав в Санкт-Петеребург, в то время как она находилась в Петергофе, Петр писал Екатерине тотчас же по возвращении: «Только в палаты войдешь, так бежать хочется – все пусто без тебя».[87]

Между тем он узнал, что его жена, которая в недавнем прошлом была такой бескорыстной и прямолинейной, постепенно стала использовать тот коррупционный дух, который царил в их окружении. Например, с Меншикова и Шафирова она брала комиссионные за свое влияние и посредничество в Сенате, которые потом переводила за границу. Мог ли царь от нее терпеть то, за что он наказывал своих приближенных? Но как можно наказать ее, не унизив себя, ведь она пользуется таким уважением народа?

Он пребывал в ярости и не решался ничего предпринять, пока не получил анонимное сообщение, что его жена изменяет ему с его камергером, Вильямом Монсом. Весь двор, оказывается, об этом давно уже знает. Дипломаты пишут об этом в своих депешах. И только царь, ослепленный доверием, которое он оказывал своей супруге, не обращал внимания на все интриги, которые плелись вокруг нее. Вильям Монс оказался братом очаровательной Анны Монс, которую Петр страстно любил в молодости. Вильям Монс был малообразован, но умен, ловок, весел и сочинял стихи. Будучи очень суеверным, он носил на пальцах четыре кольца: золотое, свинцовое, железное и медное, которые служили ему талисманами. Золотое кольцо означало любовь. Довольно скоро был найден автор доноса, один из подчиненных Монса. Его пытали в карцере Петропавловской крепости в присутствии царя, и он рассказал все, что знал об этом деле. Одна из сестер Монса, Матрена, вышедшая замуж за генерала Балка, пользовалась расположением Екатерины и со временем стала ее наперсницей.

Она и устраивала свидания Екатерины и Монса. Впрочем, все придворные дамы Екатерины оказались вовлечены в этот заговор. Любовные письма, которые Монс писал Екатерине, он подписывал женским именем, и адресованы они были некоей даме по фамилии Салтыкова. Узнавая все новые подробности, Петра охватывала ярость. Однако он не показывал своего состояния. Вернувшись во дворец, он, как обычно, отужинал вместе с императрицей и несколькими друзьями, мило беседуя с Монсом. Затем, неожиданно сказавшись усталым, попросил сказать, сколько времени. Екатерина, посмотрев на свои карманные часы, ответила: «Девять часов». Тогда взгляд Петра потух, он схватил часы, открыл крышку, повернул три раза часовую стрелку и сказал своим прежним тоном, не терпящим возражений: «Ошибаетесь, 12 часов, и всем пора идти спать!» Все разошлись, а через несколько минут Монс был арестован в своей комнате. Его отвезли в Зимний дворец, а сам Петр выступил в роли тюремщика и судебного следователя. Но обвиняемому не надо было задавать вопросы. Он признался во всех злоупотреблениях своим влиянием и в растратах, в которых его обвиняли. Но по молчаливому соглашению нигде, даже в трибунале, не было намека на любовные отношения обвиняемого с Екатериной. Репутация императрицы была священна, Монс был осужден за растрату государственной казны, а не за то, что соблазнил супругу государя. Матрена Бланк также была замешана в этом деле. Она вначале не признавалась, но после первых же ударов кнута призналась во всем.

Два следующих дня, 13 и 14 ноября 1724 года, глашатаи под звуки барабана разносили весть по улицам Санкт-Петербурга, что камергер царя Монс, его сестра, генеральша Балк, и еще несколько третьестепенных лиц были признаны виновными в серьезных преступлениях и что все те, кто давал им взятки, должны заявить об этом, в противном случае их ждет суровое наказание. 15 ноября те же глашатаи созывали народ явиться на следующий день к зданию Сената на казнь Монса и наказание других виновных. Весь двор был в смятении. Все знали настоящие мотивы императорского приговора и делали вид, что царь действительно наказывает не любовника своей жены, а растратчика казны. Разоблаченная и униженная Екатерина пыталась оставаться спокойной. В залах Зимнего дворца царили подозрительность и страх. Придворные ходили с тоскливыми лицами.

16 ноября красавчик Вильям Монс твердым шагом взошел на ступени эшафота. Его сопровождал лютеранский пастор Нациус, который говорил ему что-то на ухо. Собравшаяся толпа была еще

больше, чем при казни обер-фискала Нестерова. Судебный секретарь зачитал приговор. Его охрипший голос гулко звучал в холодном воздухе. Монс поблагодарил его, с достоинством поприветствовал присутствующих, снял шубу и верхнюю одежду, положил голову на плаху и попросил палача сделать все быстро. Топор опустился, но в этот раз он вонзился не в дерево, как во время казни Шафирова, а прямо в шею Монса. Хлынула кровь. Справедливость восторжествовала. У царя больше не было соперника. Палач подхватил отрубленную голову и надел ее на кол, а обезглавленное тело бросил на колесо. Следующей была генеральша Балк, которая получила одиннадцать ударов кнутом по голой спине. К ее воплям добавились крики ее сообщниц, которых также наказывали кнутом или розгами. В дополнение к публичному наказанию она была сослана в Сибирь. Ее оба сына, один камергер, а второй – паж, были забриты в солдаты. На позорной табличке, укрепленной у эшафота, были перечислены фамилии всех тех, кто давал взятки казненному и его сестре. Там можно было встретить имена достойных людей, начиная с канцлера Головкина. Имена царицы Прасковьи Федоровны, князя Меншикова, герцога Голштинского фигурировали в этом списке.

Однако при этом испытании Екатерина проявила стоическое спокойствие. В день казни она позвала к себе княжон с их учителем танцев и весело разучивала с ними па менуэта. Кампредон писал в своей депеше: «Хотя государыня и скрывает по мере возможности свое горе, но оно написано у нее на лице… так что все следят за ней, ожидая, что с ней будет».

На следующий день она узнала, что царь издал указ, обращенный ко всем коллегиям, по которому предписывалось больше никаких приказаний и просьб государыни не принимать. Кроме того, были опечатаны все конторы, заведовавшие личными средствами императрицы. И неожиданно Екатерина оказалась настолько стесненной в средствах, что ей приходилось одалживать деньги у своих придворных дам. Как долго будет продолжаться месть Петра и как далеко она зайдет? Неужели ее ожидает комната пыток, как сына Петра, Алексея? Или, может быть, он отправит ее в монастырь, как свою первую жену Евдокию? Он то успокаивался, то впадал в ярость. Схватив венецианское зеркало, он разбил его в присутствии Екатерины с возгласом: «Так будет и с тобой, и с твоими близкими!» Она невозмутимо ответила: «Вы уничтожили одно из лучших украшений вашего жилища; разве оно стало от этого лучше?» Он провез ее в санях мимо места казни Монса, где еще было выставлено его тело и голова. Во время движения платье императрицы коснулось свешивавшейся с колеса ноги мертвеца.

Она не отвернулась и не вздрогнула, некоторые очевидцы утверждают, что она еще и улыбалась при этом. Такое хладнокровие вывело царя из себя, и он приказал кучеру продолжить путь. Вечером, вернувшись к себе в спальню, Екатерина обнаружила на столе в сосуде заспиртованную голову своего любовника с вытаращенными глазами и скривившимся ртом. Она сохраняла спокойствие, примирившись и с этим ужасным соседством. Оставив ее на несколько дней и ночей наедине с этим сосудом, Петр признал, что ничто не может поколебать стальные нервы его супруги, и поднял голову. Но он ее все еще не простил. Лефорт писал в своей депеше: «Они почти не говорят больше друг с другом, не обедают и не спят больше вместе».[88]

Все считали Екатерину погибшей. По мнению Виллебуа, Петр собирался поступить со своей женой так же, как король Англии Генрих VIII с Анной Болейн. Его останавливало только желание устроить вначале судьбу своих дочерей. Старшая, Анна, должна была вскоре выйти замуж за герцога Голштинского, а Елизавету Петр все еще мечтал выдать замуж за французского принца или за самого короля Франции. Регент, который был враждебно настроен к этому союзу, скончался 3 декабря 1723 года. Однако Толстой и Остерманн, которые вели переговоры с Кампредоном, уверили государя, что позорного приговора матери великих княжон будет достаточно, чтобы разрушить такой амбициозный план женитьбы. Петр прислушался к их мнению. 23 ноября 1724 года герцог Голштинский исполнил серенаду со своим оркестром для будущей тещи под окнами Зимнего дворца. Было очень холодно. Слуги держали факелы, освещающие музыкантов, которые замерзали на месте и с трудом дули в свои инструменты. На следующий день отпраздновали официальную помолвку молодого герцога и старшей дочери царя. Императорская чета воссоединилась ради этого события, пересекла Неву по льду и отправилась на молебен в Троицкую церковь. В четыре часа пополудни в присутствии всего двора и дипломатического корпуса царь надел обрученным кольца, благословленные архиепископом. Церемонию продолжил ужин, бал и фейерверк. При свете свечей превосходно одетая Екатерина сохраняла спокойное достоинство супруги и выглядела счастливой матерью. Но это блаженство было лишь видимостью.

По прошествии времени непримиримость Петра уступила место усталости. Жан Лефорт писал, что «царица долго стояла на коленях перед царем, испрашивая прощения всех своих проступков, разговор длился более трех часов, после чего они поужинали вместе и разошлись». Это было не простым

примирением, но горьким осознанием истинного положения дел. Замкнувшись в себе, Петр чувствовал себя более одиноко, чем когда-либо. Он смотрел вокруг, но не находил никого, кому он бы мог довериться. Его друзья, самые близкие сподвижники, первые люди империи, высокопоставленные чиновники, все предавали его за деньги. Женщины, которых он выбирал, в конце концов оказывались ему неверны. Одураченный когда-то Анной Монс, осмеянный Евдокией, которая осмелилась его обмануть, даже будучи запертой в монастыре, он должен был признать, что его Катеринушка, его «маленькая сердечная подруга», как он ее еще вчера называл, оказалась не лучше остальных. Однако Петр считал, что она его любила искренне и на всю жизнь. Даже когда он оставлял ее ради встреч со своими любовницами, он хранил уважение к ней. Сейчас же он опасался ее как чужую. Его моральные и физические силы были истощены. Его вымотала эта супружеская драма. К тому же обострилась его каменная болезнь. У него болели почки; на бедрах появились гнойники. Тем не менее он не стал меньше пить и работать. Во время прогулки, услышав шум из дома немецкого булочника, который находился поблизости от Зимнего дворца, он зашел к торговцу и попал на свадьбу. Царь сел за стол и выпил изрядное количество на глазах у ошеломленных гостей.

Не в состоянии усидеть на месте, он отправился среди зимы посмотреть, как ведутся работы на Ладожском канале; затем поехал на заводы в Старую Руссу и к олонецким кузнецам. Там он расположился перед наковальней, выковал восемнадцать пудов железа и потребовал от хозяина кузнечного цеха заплатить ему за работу как простому рабочему, получил деньги и заявил, что на эту сумму он сможет купить себе пару сапог. Несмотря на плохую погоду, он уехал из Олонца верхом на лошади. В Лахте, маленькой деревушке недалеко от Санкт-Петербурга, он увидел, что плывший из Кронштадта бот с солдатами сел на мель недалеко от берега. Не раздумывая, царь бросился в ледяную воду спасать людей. Он метался взад-вперед, выкрикивая приказы. Стоя по грудь в воде, он гордился тем, что еще способен на сверхчеловеческие усилия. Он, который столько раз жертвовал тысячами жизней во имя государства, легко рисковал собственной жизнью, чтобы спасти нескольких несчастных, потерпевших бедствие. Всех удалось вытащить на берег целыми и невредимыми. Царь был безумно рад. В пятьдесят два года он вел себя так же, как в двадцать. Но это приключение окончательно расшатало его здоровье. Он вернулся в Санкт-Петербург в сильнейшей лихорадке. По своей старой привычке он пренебрег болезнью. Он, как писал Кампредон, каждый день ходил по домам

своих придворных со свитой в двести человек и музыкантами, которые пели, развлекались, пили и ели за счет хозяев.

Рождественский ужин стал для царя поводом для новых кутежей. Будучи больным, он пил и ел без меры, несмотря на предостережения докторов. Через некоторое время он слег. Но, даже лежа в постели, работал. Вспомнив о научной экспедиции, в которую он отправил датчанина Витуса Беринга, царь писал ему, что его плохое самочувствие не позволяет ему выходить из комнаты, что у него теперь есть время подумать о тех проектах, которые так и остались нереализованными. И так как теперь у страны не осталось больше внешних врагов, которых стоило бы опасаться, настало время прославить Россию искусствами и наукой. Состояние здоровья царя резко ухудшалось. Доктора Паулсон и Блюментрост диагностировали камни в почках, обостренные рецидивом старого венерического заболевания. В ночь с 20-го на 21 января 1721 года Петр жаловался на резкое задержание мочи. По совету итальянского доктора Лазаротти 23 января 1725 года английский хирург Хорн сделал царю пункцию. «Из него вышло около четырех фунтов мочи, – писал Кампредон. – В ней был гной и частицы плоти». Царь, которому сразу же стало легче, съел несколько ложек овсянки. Он исповедовался и причащался. Три дня подряд. «Я верю, я надеюсь», – шептал он. Он хотел окончить свои дни как благочестивый сын Церкви, быть может из-за того, что хотел забыть прежние оскорбления, нанесенные им духовенству. Вскоре боли возобновились. У врачей не было сомнения – начиналась гангрена шейки мочевого пузыря. Не в силах выносить страдания, Петр тихо стонал. Екатерина не покидала его изголовья ни днем, ни ночью. Она рыдала и несколько раз падала в обморок, хотя, со всей очевидностью, агония царя была для нее счастливым избавлением. В залах Зимнего дворца члены Сената и Святейшего синода, придворные, офицеры гвардейского полка и моряки ловили в тишине малейшие звуки из комнаты больного. В церквях молился народ. Но на что он надеялся в действительности? На выздоровление или смерть?

Несомненно, Петр достойно служил своему народу, отодвинув границы империи и преумножив ее богатства. Однако скромные граждане не так остро ощущали эту славу, а почувствовали на себе ту цену, которая за это была заплачена. Они охотно бы вернули Ливонию и Швецию в обмен на уменьшение налогов. Еще свежа была память о тех тысячах людей, которые погибли на строительстве Ладожского канала. Фасады дворцов, появившихся на берегу Невы, радовали их глаз, но не насыщали желудок. Для них Петр Великий ассоциировался

с дорогим хлебом, доносами, пытками, притеснениями священников, закреплением крепостничества. Если Бог позвал его к себе, может, теперь Россия вздохнет с облегчением?

Совсем по-другому вопрос стоял для высокопоставленных чиновников, которые в передней просчитывали последствия кончины царя. В своем указе от 5 февраля 1722 года Петр установил право назначения преемника престола. Но он еще пока не объявил о своем выборе. Если он и дальше будет молчать, то трон достанется маленькому Петру, сыну «мученика» Алексея, который, как единственный законный наследник, взойдет на трон. Об этом ли думал царь? Больше всех волновалась Екатерина. Будучи еще в опале, она опасалась раздражения умирающего по поводу этой деликатной темы. Она решилась лишь на рыдания, чтобы доказать ему, как он ей дорог и как он был прав, провозгласив ее императрицей. Затем, когда он задремал, она поспешила в соседнюю комнату, чтобы переговорить с Меншиковым, Бутурлиным и Толстым.

26 января царь, собрав последние усилия, продиктовал несколько распоряжений. Но они не касались передачи короны. Царь подписал манифест, освобождающий всех сосланных на каторжные работы, объявил многим осужденным прощение, за исключением тех, кто был виновен в убийствах, амнистировал заключенных, осужденных за нарушение воинского устава. На следующий день в два часа пополудни он вышел из оцепенения, попросил свой письменный прибор и с трудом нацарапал несколько слов на бумаге. Встревоженная Екатерина прочла: «Отдайте все…» Перо выскользнуло из рук царя и упало на пол. Голова его откинулась на подушку. Он был не в силах закончить фразу. О ком думал он, начиная свое послание: о маленьком Петре или о Екатерине? В момент прояснения сознания он велел позвать свою дочь Анну. Она прибежала. Жестами он дал ей понять, что хочет, чтобы она писала под его диктовку. Анна склонилась над кроватью. Рядом с ней Екатерина, затаив дыхание, ожидала вердикт. Невнятное бормотание вышло из уст Петра. Невозможно было понять, что он говорит. У него начались конвульсии. Царь прерывисто дышал, корчился, изо рта у него пошла пена. Он хотел доказать свое всемогущество, назвав того или ту, кто будет править Россией после него, но не имел сил или желания это сделать. Он пропустил подходящий момент, и эта проблема так и осталась нерешенной. Теперь земные проблемы его больше не интересовали. Пока царь доживал свои последние часы, Екатерина, Меншиков, Толстой и Бутурлин снова собрались, чтобы выработать план поведения. Двор разделился на два лагеря. Одни хотели видеть наследником престола Великого

князя Петра, внука императора. Их было мало, и влияние их было не сильно. Это были представители старой русской аристократии, которых умирающий царь хотел отстранить от власти и передать бразды правления новому направлению. С другой стороны, вокруг Екатерины собрались активные сподвижники Петра, люди энергичные, опытные и полезные: Меншиков, Толстой, Апраксин, Бутурлин. Они знали, что, если трон достанется Екатерине, их будущее будет обеспечено. Их поддерживал Святейший синод. И что было еще важнее – гвардия. Да и как могло быть иначе, если Меншиков и Бутурлин были полковниками Преображенского и Семеновского полков? В ночь с 27-го на 28 января сторонники Екатерины отправились по казармам, подготавливать армию к восшествию женщины на российский престол. Во дворце никто не спал. Петр дышал все тяжелее. Под белым ночным колпаком с зелеными лентами его лицо корчилось в жалких гримасах. Он уже с трудом узнавал близких. И уже невозможно было смотреть, как этот пятидесятитрехлетний человек борется за последние мгновения жизни. Наконец, 28 января 1725 года, в шесть часов утра он сделал последний вздох. Екатерина упала на колени и воскликнула: «Откройтесь, врата рая, чтобы впустить эту душу ангела!» Но в глубине души она благодарила Бога за то, что Он так своевременно освободил ее от подозрительного и мстительного мужа. С восковым лицом и ниточкой рта под топорщившимися усами, закрыв глаза, исполин почил под балдахином в своей постели. Ему скрестили на груди большие натруженные руки. Огромные свечи горели вокруг его ложа. Здесь уже были священники с огромными кадилами, которые источали сладковатый запах ладана. Сто один пушечный залп был сделан с крепости. Траурно звонили колокола всех церквей. Снег крупными хлопьями валил над просыпающимся городом.

Не теряя времени, Екатерина отправилась в зал заседаний, «вытирая текущие рекой слезы», и спросила сенаторов о том, как они хотят распорядиться судьбой страны. Она знала заранее, что большинство среди них поддержит ее. Это было отчасти формальной затеей. Приглашенный на это совещание личный секретарь Петра Макаров подтвердил на Библии, что покойный не оставил никакого завещания. Меншиков объяснил, что, решив короновать свою супругу в прошлом году, покойный император хотел подчеркнуть этим, что видел в ней наследницу своего престола. Это было, конечно же, неправдой, потому что нигде в мире коронование супруги государя не означало, что она становилась преемницей короны. Но многие сенаторы сделали вид, что поверили этой трактовке воли императора, тут же Апраксин зачитал манифест, провозглашающий Екатерину I

законной императрицей всея Руси. Некоторые представители аристократии, среди которых были Репнин, Голицын, Долгорукий, попытались протестовать. Спор был бесцеремонно прерван гвардейскими офицерами, горячими сторонниками Екатерины, которые заполнили залу Зимнего дворца, где проходило собрание, и радостно приветствовали новую государыню и клялись отдать за нее жизнь. Перед дворцом уже были слышны звуки барабанов подошедших преданных войск. Им вовремя вынесли водки. Оппозиция склонила голову. Екатерина почивала на лаврах.

Набальзамированное тело царя было перенесено в большую залу дворца и положено в гробу на торжественно убранный помост. Перед катафалком в молчании проходили люди. Каждый хотел видеть неподвижного, успокоившегося, заснувшего вечным сном человека, который столько бегал, бил, кричал, чтобы вывести Россию из ее векового оцепенения. А теперь он лежит здесь, вытянувшись во всю длину, в ярко-красных одеждах, с голубой лентой поперек груди, на которой приколот орден Андрея Первозванного, в парике и сапогах. В почетном карауле застыли офицеры гвардейского полка. Екатерина долго не разрешала закрыть гроб. Утром и вечером она проводила по полчаса рядом с мужем. Она говорила с ним, гладила его руки и рыдала. Окружающие были удивлены ее способности проливать слезы. «Невозможно было представить, – писал Виллебуа, – что в голове одной женщины может быть такой запас воды… Множество людей спешило во дворец только для того, чтобы увидеть ее рыдающей и вздыхающей. Я знал, среди прочих, двоих англичан, которые не могли пропустить ни дня из своего сорокадневного пребывания, чтобы не сходить туда; и должен признать, что даже я, хотя и знал хорошо, что не стоило рассчитывать на искренность этих слез, я был тронут так, будто присутствовал на представлении Андромахи».

Несмотря на все принятые предосторожности, тело начало чернеть и деформироваться. 4 марта, спустя пять недель после кончины царя, который все еще не был погребен, от кори умирает младшая дочь Петра, Наталья. Глубоко опечаленная еще одной кончиной, императрица решила похоронить в один день отца и дочь. Глашатаи объявили по городу, что двойные похороны состоятся 10 марта в Петропавловском соборе. Был издан указ всем знатным горожанам и иностранным министрам задрапировать черной материей окна своих домов. Тут же на рынке подскочили цены на черный материал. Дипломаты жаловались, что им приходится нести незапланированные расходы. Началась охота за малейшими клочками черной

материи у лавочников.

В назначенный день траурный кортеж двинулся в путь под шквалом града и снега. Двенадцать полковников несли гроб с телом императора. Восемь генерал-майоров держали золотые кисти покрова, сделанного из парчи и зеленого бархата. Маленький гробик Натальи был украшен покровом из расшитой золотом ткани с белыми и красными кисточками. Многочисленная толпа духовенства с хоругвями шествовала рядом. Императрицу в глубоком трауре поддерживали Меншиков и Апраксин. Ее дочери, Анна и Елизавета, шли рядом. Высокопоставленные сановники, генералы, адмиралы, придворные и дипломаты шли с непокрытой головой под сильной метелью. Сухопутные и морские полки мрачно шествовали под звуки труб и барабанов среди леса знамен. Сто сорок четыре артиллерийских залпа время от времени заглушали звуки музыки. Чтобы попасть в крепость, надо было перейти реку по льду. Расстояние примерно соответствовало половине французского лье,[89] утверждал Кампредон. Когда процессия подошла ко льду Невы, буря усилилась. Ветер трепал парики и черные плащи. Отпевание длилось два часа. Все желающие не смогли поместиться в соборе, несмотря на его огромные размеры. Во время богослужения женщины рыдали. После службы Феофан Прокопович, Псковский архиепископ, произнес надгробное слово: «Что с нами случилось, о люди Руси? Что мы видим? Что мы делаем? Мы хороним Петра Великого…» Скорбные возгласы прервали его. Он был так взволнован, что сам разрыдался. Затем, взяв себя в руки, он продолжил: «Он ушел, но не оставил нас в бедности и нищете… Огромное богатство силы и славы, ставшее результатом его трудов, останется с нами… Россия будет жить так, как он это себе представлял. Он заставил врагов бояться ее, он завоевал ей вечную славу перед лицом всего мира…»

В последний раз снегопад взорвали пушечные залпы. Гроб закрыли, покрыли его красным императорским покровом, и наступило новое царствование.

За границей известие о смерти Петра Великого восприняли с облегчением. Посол в Вене граф Рабутин сказал даже, что там было всеобщее ликование. В России по поводу этой утраты радовались не только староверцы и дворяне. И простые люди, натерпевшиеся за время правления Петра, вздохнули с облегчением. Появилась даже сатирическая гравюра в то время с названием «Погребение кота мышами». На ней были изображены крохотные мыши, провожающие в последний путь огромного кота, который терроризировал их при жизни. Народ наивно полагал, что его судьба переменится с пришествием к власти

Екатерины I, которую считали более великодушной.

Но с первых дней правления она объявила, что намерена довести до конца с Божьей помощью все начинания Петра. Но это были лишь слова, которые она вынуждена была произнести. На самом деле ее мало заботила судьба России. Она прожила более двадцати лет в тени деспота, теперь ее инстинкты пробудились, появилась жажда свободы, развлечений и распутства. Эта сорокатрехлетняя располневшая женщина с большой грудью и двойным подбородком устраивала шикарные обеды для офицеров гвардии, пила как гренадер, была обжорлива, как дракон, и приводила к себе на ночь то Ловенвальда, то Девье, то графа Жана Сапьеха… На рассвете 1 апреля 1725 года, едва прошли три недели после похорон Петра, набат разбудил жителей Санкт-Петербурга, которые высыпали на улицы, решившие, что начался пожар или наводнение. Караульные прояснили ситуацию: императрица решила сыграть с ними первоапрельскую шутку. Люди, с неприятием встречающие эти западные обычаи, не поняли шутку императрицы. Может, ей не хватало тех шуток и потех, которые устраивал когда-то Петр? Или это посмертные почести шутливому духу ее супруга?

21 мая состоялось венчание Великой княгини Анны и герцога Шарля-Фредерика Голштинского. Богослужение вел архиепископ Псковский, Феофан Прокопович на церковно-славянском языке, а переводчик переводил на латынь, чтобы жених их понял. Во время свадебного пира оркестр играл веселую музыку, звучали пушечные залпы. За столами, где сидели женщины, пили так же много, как и там, где обосновались мужчины.

Новая императрица не забыла о своей родной семье. Она пригласила из провинции своих братьев и сестер, которым Петр выплачивал деньги, но держал их на расстоянии. Эти ливонские крестьяне появились в Санкт-Петербурге превосходно одетые, под благородными именами и с графскими титулами: граф Симон Хендриков, граф Михаил Ефимовский и прочие…

Было вызволено из ссылки около двухсот разжалованных при предыдущем правлении придворных. Будто из пепла, возродился Шафиров, толстый и веселый, готовый к новым махинациям. Праздники случались все чаще, с фейерверками, салютами и запуском различных петард. Бергхольцу, которого удивляло это опасное расточительство, приближенные императрицы объясняли, что изготовление пороха в России стоит гораздо дешевле, чем в других странах.

Большое разочарование постигло Екатерину I в августе 1725 года, спустя шесть с половиной месяцев после смерти Петра. Ее дочь Елизавета, которую прочили в невесты Людовику XV,

осталась ни с чем, а ее несостоявшийся жених, бог знает почему, выбрал в жены скромную дочь польского короля, свергнутого с престола, Марию Лещинскую. Версаль продолжал упорно игнорировать могущество России. Оскорбленная мать поклялась отомстить. И, организовав лагерь противников Франции, она подписала 6 августа 1726 года договор об оборонительном и наступательном союзе с Австрией.

Для управления страной Екатерина, которая сомневалась в своей политической компетенции, обратилась к своему бывшему любовнику Меншикову. Попав в опалу при покойном царе, судьба внезапно улыбнулась фавориту, и его влияние стало расти. Рядом с женщиной, время которой шло к закату и единственными интересами которой было получать удовольствие, он становился полновластным хозяином Руси. С его подачи императрица учредила Верховный тайный совет. Членами его были тайные действительные советники: Меншиков, Апраксин, Головкин, Толстой, Голицын и Остерман. Сенат и Синод потеряли значение верховных правительствующих мест, теперь государственные дела вершил новый орган. Было издано несколько новых законов, смягчена участь староверцев и создана Академия наук, о которой мечтал Петр.

Эта вялая и бессистемная жизнь, которая проистекала под управлением Меншикова, заставила некоторых вспоминать с ностальгией о временах предыдущего государя. Со временем раны, нанесенные Петром своему народу, постепенно забылись и навечно запомнились его основные свершения. Забылись преступления, зато остались в памяти его победы. Кампредон утверждал, что о Петре так же сожалели после его смерти, как боялись при жизни. Этот великий государь сделал чудо, произошедшие метаморфозы были такими большими, что те, кто видел Россию тридцать лет назад и увидел сейчас, отмечали, что такие революционные изменения по силам были только очень мужественному, просвещенному и неутомимому правителю. И на самом деле, Петр с постоянным упорством жертвовал счастьем русских во имя России. Проводя реформы в своей стране, он хотел, чтобы Россия догнала и обогнала Европу на пути прогресса. Моделью он выбрал не рафинированную католическую Францию, а германские страны, протестантские, активные, суровые и аскетичные. Это увлечение, однако, не помешало остаться ему до глубины души русским. Он знал, что после его смерти современники будут ему благодарны. Они чувствовали, что больше тридцати лет жили под властью незаурядного человека, наделенного сверхчеловеческими способностями и умом, благодаря которым он совершал великие деяния и делал

также огромные ошибки. Варвар, жаждущий культуры, веселый товарищ, способный впасть в жестокую ярость, распутник, влюбленный в работу, военачальник, интересующийся устройством гражданской жизни, палач, манипулирующий то дубиной, то пером, государь, приказывающий строить триумфальные арки, прославляя себя, и одновременно высмеивающий себя по этому поводу, искренне верующий и устраивающий богохульные церемонии с одинаковой беззаботностью. Но можно ли было судить этого неординарного человека по моральным законам того времени? После его кончины просвещенные умы опасались, что страну захлестнет анархия. До настоящего времени дела империи зависели от прихотей великих и их охраны. Дворец был своего рода кораблем, терпящим бедствие, на котором все командовали, кроме капитана. Главной заботой Верховного тайного совета стали поиски преемника Екатерины. Действительно, после нескольких месяцев беспорядочной жизни императрица страдала от таких частых сердечных болей, что даже сама предвидела фатальный исход. Она хотела завещать трон своей дочери, Елизавете. Между тем общественность желала видеть на троне внука покойного императора, царевича Петра. Расчетливый Остерманн предложил примирить обе стороны, женив двенадцатилетнего мальчика на его тетке, Елизавете, которой шел семнадцатый год. Это решение не встретило одобрения Елизаветы, но окончательно было отклонено Меншиковым, который считал Петра единственным наследником. Он намеревался женить мальчика на собственной дочери, Марии, и стать таким образом, в качестве тестя царя, еще более могущественным, чем когда-либо. Он ввел в заблуждение Екатерину и заставил ее уступить, в то время как она была не совсем в здравом уме. Поразвлекавшись два года в роли государыни, она скончалась 6 мая 1727 года от приступа лихорадки.

За время своего царствования она приказала перевезти первую жену Петра Великого, Евдокию, из монастыря в Шлиссельбургскую крепость, в карцер, кишащий крысами. Ухаживать за больной пленницей и стирать ей белье могла лишь старая карлица. В этой клоаке она ждала смерти, когда однажды заскрежетали засовы, дверь открылась и шикарно одетые люди, появившиеся перед ней, пригласили ее следовать за ними. Изумленная Евдокия узнала, что императрица Екатерина I скончалась, а новый император, который носит имя Петра II, не кто иной, как ее собственный внук. Без промедления она поменяла тусклую тюремную камеру на пышный дворец. Окруженная необыкновенным вниманием, обгоняя других

царевен, она отправилась в Москву, чтобы присутствовать на короновании молодого государя, сына мученика Алексея. Но этот подарок, преподнесенный ей судьбой, оказался слишком поздним. Блеск и пышность двора ее утомляли. Она вернулась в монастырь, чтобы прожить свои последние дни в тишине, молитвах и воспоминаниях. Там она скончалась в 1731 году.

Тем временем, после восшествия на престол Петра II, Меншиков стал еще более надменным. Он возглавлял Верховный тайный совет, выносил по своей воле строгие приговоры или похвалы, официально заявил о помолвке своей дочери с государем и присвоил себе самому звание генералиссимуса. Его необузданная гордыня постепенно лишила его лучших сторонников. Даже в самом Верховном тайном совете Алексей Долгорукий готовил крах честолюбивого Меншикова. Завоевав расположение молодого царя Алексея II, он открыл глаза молодому государю на этого человека, осмелившегося претендовать на управление страной вместо него. Вскоре Меншиков был арестован, его судили, лишили всех титулов, всех его несметных богатств и выслали в Сибирь вместе с его женой, сыном и двумя дочерьми, одна из которых и была Мария, невеста государя. Спустя два года он умер, забытый всеми, погрязнув в нищете и пьянстве.

Став, в свою очередь, доверенным лицом Петра II, Долгорукий, по примеру своего предшественника, предложил ему в невесты свою дочь, Екатерину, тринадцати лет от роду. Лагерь сторонников традиций торжествовал. Приободренный старыми аристократами, молодой царь мечтал примирить оба лагеря: тех, кто стоял за реформы, и тех, кто отстаивал старые традиции. Москва могла бы стать снова столицей империи, а Санкт-Петербург превратиться в торговый порт. Сознательно ли Петр II хотел действовать в противоположном направлении от заданного ему его дедом? Было ли его восхищение Петром Великим более сильным, чем ненависть, которую он испытывал за то, что его отца замучили пытками, а мать заточили в монастырь? Был ли он, как Алексей, надеждой старой Руси? Некоторые в это верили. Но он еще так молод! Под влиянием Долгорукого его быстро перестало интересовать управление государством, ему хотелось лишь развлечений, охоты и пиров. 15 мая 1728 года он потерял свою тетку, Анну, старшую дочь Петра Великого, которая недавно вышла замуж за герцога Карла Фридриха Голштинского. Между тем двор переезжал в Москву. Екатерина Долгорукая наконец была объявлена невестой государя. Но увы! Чуть позже Петр II заразился оспой. Он умер в возрасте четырнадцати лет, 19 января 1730 года, в тот самый день, на который была назначена его

свадьба.

Кому теперь достанется корона? Снова Верховный тайный совет взбудоражен. Наследников великого реформатора по мужской линии больше не осталось. Надо было ждать еще тридцать два года, после царствования Анны Иоанновны, маленького Ивана VI с его матерью-регентшей, Анной Леопольдовной, Елизаветы Петровны и жалкого Петра III, чтобы на Руси появилась под именем Екатерины II никому не известная немецкая принцесса, которая бы стала превосходным продолжателем дела, начатого Петром Великим.

notes

Примечания

1

Дочери Алексея Михайловича – Евдокия, Анна, Екатерина, Марта, Мария и Софья. Последняя родилась в 1657 году. Федор родился в 1661-м, Иван – в 1666-м.

2

Приказ– в Древней Руси министерский департамент. Существовали также военный, финансовый, юридический и др. приказы.

3

До 1918 года в России было принято вести летоисчисление по юлианскому календарю.

4

Иван Мусин-Пушкин был внебрачным сыном царя Алексея Михайловича.

5

Воспоминания князя Петра Долгорукого (Женева, 1867).

Федора (1673–1678) и Наталья (1674–1716).

Он женился в 1680 году на Агате Грушевской, которая умерла в 1681-м, и во второй раз женился на Марте Апраксиной.

8

Из рапорта Розенбуха, датского посла в Москве.

Ключевский В. Петр Великий и его творение.

10

Грюнвальд К. де. Россия и Петр Великий.

Устрялов Н. История царствования Петра Великого.

12

Жители Москвы называли «немцами» первых выходцев из Германии и также всех тех, кто, по их мнению, был «немым», т. е. говорил не на русском языке, а на иностранном.

13

Письмо от 12 июля 1688 года.

Соборное действо – коронация.

Одна из этих девушек, Анна, станет царицей в 1730 году.

Второй сын, Александр, родился в 1691 году и прожил всего полгода, а третий сын родился и умер в 1693 году.

17

Валлотон А. Петр Великий.

18

Валлотон А. Петр Великий. Из письма капитана Сенебье, Москва, 22 сентября 1693 года.

19

Валишевский К. Петр Великий.

20

Сажень – мера длины, равная 2,134 мера. Следовательно, крест был более 3 метров высотой.

21

Виллебуа. Секретные мемуары об истории Русского Двора.

Грюнвальд К. де. Россия времен Петра Великого.

23

Петр Толстой – предок писателя Льва Толстого.

Виллебуа. Секретные мемуары об истории Русского Двора.

25

Танаис – древнегреческое название реки Дон, так же назывался город в его устье.

26

Здесь обращение по-немецки, имеется в виду «Мой господин король» – «Mein Herr Konig».

27

Яков Янсен, урожденный католик, был обращен в протестантизм, затем принял православие и перешел в мусульманство.

Валлотон А. Петр Великий.

29

Фридрих-Август Саксонский был сыном Яна Собески.

Коппенбрюгг – ныне Ганновер.

31

Валишевский К. Подробности свидания позаимствованы из переписки двух принцесс с Фуксом «Correspondance des deux princesses avec Fuchs».

Этот домик сохранился до сих пор. Обложенный снаружи кирпичом, он стал музеем и открыт для публичных посещений. Среди самых известных посетителей здесь бывали Великий князь Павел, Густав Третий, Жозеф Второй, Александр Первый, Наполеон и Мария-Луиза, Александр Второй, поэт Жуковский…

Валишевский К. Петр Великий.

34

Валлотон А. Петр Великий. Письмо Жака Лефорта.

35

Аршин – 0,711 метра. Значит, рост женщины 2,84 м.

Нартов. Выражение, употребленное там еще резче.

37

Этот портрет сейчас находится в Кенсингтонском Дворце.

38

Из письма Петра Лефорта, приведенного в книге Анри Валлотона «Петр Великий».

39

Она умерла через пять лет, 14 июля 1704 года, в возрасте сорока семи лет.

Устрялов Н. Царствование Петра Великого.

Это отставание равнялось 12 дням в XIX веке и 13 дням в XX. Разница между старым и новым стилем была ликвидирована 1 февраля 1918 года правительством СССР.

Валлотон А. Петр Великий.

43

Кукуем называли в Москве Немецкую слободу.

Валишевский К. Петр Великий.

45

Овдовев в 1711 году, Анна соблазнила шведского офицера по имени Миллер и несколькими годами позже умерла. *Валишевский К.* Петр Великий.

Милюков, Сейнобо и *Эйзенманн*. История России.

47

Валлотон А. Петр Великий.

48

Сто двадцать восемь тонн.

Устрялов Н. История царствования Петра Великого.

Грюнвальд К. де. Петр Великий.

51

Валлотон А. Петр Великий.

52

Так называли в Швеции солдат Карла XII.

Всего у нее родилось двенадцать детей от Петра, из которых остались в живых двое: Анна, будущая герцогиня Гольштейн-Готторп, и Елизавета, будущая императрица России.

Валлотон А. Петр Великий.

Елизавета, ее дочь, родилась 29 декабря 1709 года.

56

Это выражение было заимствовано Пушкиным в письмах к графу Франческо Алгаротти о России (1796). Анри Валлотон.

57

Домик царя, откуда он руководил строительством Санкт-Петербурга, был облицован камнем по приказу Екатерины Второй, чтобы он лучше сохранился. Он уцелел и до наших дней.

58

В 1600 году Борис Годунов уже запрещал использование камня, за исключением строительства крепостной стены в Смоленске.

Этот приказ был отменен только в 1776 году.

Грюнвальд К. де. Россия времен Петра Великого.

61

В 1721 году царь начал строительство дворца, получившего название Царскосельский.

62

Только в 1722 году в Санкт-Петербурге была команда пожарников, оснащенная четырьмя голландскими насосами.

63

Письма от 14 и 19 сентября 1711 года.

Екатерина – старшая дочь вдовы Ивана.

Валлотон А. Петр Великий.

Валишевский К. Петр Великий.

Валлотон А. Петр Великий.

Валлотон А. Петр Великий.

69

Письмо от 14 октября 1711 года.

Наталья умрет в 1728 году.

71

Ходили слухи, что Шарлотта не умерла в Санкт-Петербурге, что она бежала в Луизиану, где вышла замуж за французского офицера и в конце концов умерла в Брюсселе в преклонном возрасте, прожив долгую и счастливую супружескую жизнь. Но, к сожалению, это всего лишь легенды, опровергаемые всеми документами.

Валлотон А. Петр Великий.

73

Ничего не известно о ребенке Евфросиньи. Скорее всего сразу же после рождения он был умерщвлен. – *Прим. автора*.

Валлотон А. Петр Великий.

Князь Голицын. Воспоминания.

Валлотон А. Петр Великий.

После смерти из его тела сделали чучело и поместили в Кунсткамеру Петра. Там было еще около 1800 экспонатов. Его сердце, желудок и печень заспиртовали.

Валишевский К. Петр Великий.

Валлотон А. Петр Великий.

Он станет одним из маршалов Екатерины II, и современники будут поражены его сходством с умершим императором.

81

У Петра и Екатерины было двенадцать детей: Павел (1704–1707), Петр (1705–1707), Екатерина (1707–1708), Анна (1708–1728), которая в 1725 году вышла замуж за Шарля-Фридриха Гольштейн-Готторпа и родила сына, будущего Петра III; Елизавета (1709–1761), которая станет императрицей России с 1741 года до смерти; Наталья (1713–1715); Маргарита (1714–1715); Петр (1715–1719); Павел (1717 – умер на следующий день после рождения); Наталья (1718–1725); Петр (1723); Павел (родился около 1725 года).

Рогервик – ныне город Палдиски.

83

1 пуд = 16,38 кг.

После смерти Петра он откроет пролив, который разделяет два континента, и этот пролив получит имя Беринга.

Впоследствии, став императрицей, Елизавета заставила уехать свою бывшую гувернантку из России по обвинению в распутном поведении.

86

Письмо Екатерины от 19 апреля 1717 года.

87

Письмо Петра от 26 июня 1724 года.

Лефорт Жан, племянник ближайшего сподвижника Петра Первого, Франца Лефорта. Жан Лефорт был представителем курфюрста Саксонского в России.

89

Один лье во Франции равен расстоянию около 4 км.